

ЭПОХА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Проблемы истории и историографии

Санкт-Петербург
2019

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования*

«Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)»

**ЭПОХА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В РОССИИ**

Проблемы истории и историографии

Санкт-Петербург
2019

УДК 94(47) «19» (082)
ББК Т 3(2)712я54
Г75

Г75 Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 432 с.

ISBN 978-5-7629-2545-7

Рецензент: зав. отделом истории революций и общественного движения России Санкт-Петербургского института истории РАН, д-р ист. наук, проф. Н.Н. Смирнов

УДК 94(47) «19» (082)
ББК Т 3(2)712я54

Иллюстрация на 1-й странице обложки: Сергей Конёнков. Мемориальная барельефная доска. 1918. Тонированный цемент. 510 x 340 см. Русский музей, Санкт-Петербург.

ISBN 978-5-7629-2545-7

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
--------------------------	---

I. Общие проблемы

<i>Голдин В. И.</i> Эпоха революционных потрясений и Гражданской войны в России: размышления спустя столетие	8
<i>Иоффе Г. З.</i> Думая о русских революциях	26
<i>Шелохаев В. В.</i> Размышления о революционном процессе в России начала XX века	37
<i>Стейнберг М. Д.</i> Революция, которую мы потеряли: 1917 год как возможность для будущего	46
<i>Колоницкий Б. И.</i> Политическая культура России и гражданская война	61
<i>Розенберг У. Г.</i> Революция и контрреволюция: синдром насилия в Гражданской войне в России, 1918–1920.	73
<i>Чураков Д. О.</i> Локальные войны как звенья большой гражданской войны	94

<i>Калашников В. В.</i> О старом, но актуальном споре: «пессимисты» и «оптимисты» в американской историографии 1960-х годов	103
<i>Соловьев К. А.</i> Дорога к Февралю: политические риски в условиях большой войны	122
<i>Николаев А. Б.</i> К вопросу о роли Государственной Думы в Февральской революции 1917 года	138
<i>Узлова И. В.</i> О роли Государственной Думы в истории Февральской революции: историографические заметки	143
<i>Рабинович А. Е.</i> Октябрьская революция 1917 года	157
<i>Стогов Д. И.</i> Правые в период с марта 1917 г. до окончания Гражданской войны (историографический очерк)	165
<i>Назаренко К. Б.</i> Балтийский флот в революциях 1917 г. и Гражданской войне	175
<i>Давыдов А. Ю.</i> Нелегальный рынок и коммунистическая доктрина в Советской России: точки соприкосновения	183

II. Региональный контекст

<i>Гагкуев Р. Г.</i> Особенности Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1917–1920 гг.	196
<i>Галлямова Л. И.</i> Российский Дальний Восток в преддверии Гражданской войны и иностранной военной интервенции (конец 1917 – сентябрь 1918 г.)	211
<i>Голдин В. И.</i> Европейский Север России в Революции и Гражданской войне.....	230
<i>Поршнева О. С., Фельдман М. А.</i> Особенности Русской революции и гражданской войны на Урале: социально-политический аспект	238
<i>Посадский А. В.</i> Особенности Русской революции и гражданской войны в Поволжье: несколько тезисов	249
<i>Пученков А. С.</i> Об особенностях Гражданской войны в Крыму (1917–1920 гг.)	258
<i>Смолин А. В.</i> Белое движение на Северо-Западе России. Геополитический аспект.....	281
<i>Солдатенко В. Ф.</i> Роль революций 1917–1920 гг. в судьбе народа Украины: к осмыслению исторического опыта и оценке современных историографических тенденций	285
<i>Цветков В. Ж.</i> Белый Юг России (особенности военно-политических программ)	303
<i>Шишкин В. И.</i> Революция и Гражданская война в Сибири: общее и особенное	321

III. Miscellanea

<i>Икеда Ё.</i> Воспоминания Н. И. Астрова о смерти братьев в Гражданской войне	354
<i>Иоффе Г. З.</i> Кто посмеет пережитое отместить... ..	371
<i>Арканников Б. А.</i> В штабе Кронштадтской крепости в дни восстания (Вступительная статья, публикация, примечания А. В. Ганина)	386
<i>Николаев А. Б.</i> Решающие дни Февральской революции 1917 года на страницах научно-популярных журналов в юбилейный год.....	399
<i>Ганин А. В.</i> Новые документы о подпольной работе в Красной армии генерала А.Л. Носовича.....	415
<i>Сведения об авторах</i>	431

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник содержит материалы и доклады, представленные участниками международной конференции «Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии». Конференция стала продолжением ежегодных научных форумов, которые с 2012 года проводятся в Санкт-Петербурге под общим названием «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии». Материалы всех конференций были изданы в печатном виде. Их электронные версии размещены на сайте Научной электронной библиотеки в номерах ежегодного журнала под аналогичным общим названием: «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии».¹

В 2017 и 2018 годах в рамках конференций, посвященных столетним годовщинам Русской революции и начала Гражданской войны в России, был реализован специальный проект. Организаторы предложили ряду отечественных и зарубежных специалистов ответить на ключевые вопросы по предыстории и истории революции² и гражданской войны.³ Вопросы были подготовлены усилиями известного американского историка профессора Алекса Рабиновича, куратора международной части проекта, и профессора Владимира Калашникова, куратора его российской части. В проекте приняли участие известные ученые из России, США, Великобритании и Японии. Реализация проекта позволила выявить доминирующие историографические тренды и точки расхождения при трактовке ключевых проблем истории Русской революции и гражданской войны в России.

Предлагая более общую и широкую тему для конференции 2019 года, организаторы стремились дать возможность участникам представить свой взгляд на эпоху революции и гражданской войны в целом, а также на ключевые проблемы этой эпохи. Особое внимание было уделено процессам, про-

¹ Электронный адрес основной страницы: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=63427

² См.: Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб., 2017. 380 с.

³ Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии». СПб., 2018. 407 с.

ходившим в крупных регионах бывшей Российской империи. Эти задачи обусловили и структуру сборника.

Статьи, посвященные общим проблемам истории революции и гражданской войны в России, составили первый раздел сборника. Свои размышления о революционном процессе в России начала XX века представили В. И. Голдин, Г. З. Иоффе и В. В. Шелохаев. В. И. Голдин показал глубокие исторические корни революционных событий, а также нарастающий кризис Российского государства в условиях осложняющейся международной обстановки. В. В. Шелохаев представил свои соображения по поводу предлагаемых в современной историографии дат начала и конца Российской революции (1902 и 1922), а также свое понимание проблемы единства революционного процесса в 1917 году. Г. З. Иоффе сформулировал тезис о том, что революционное движение, начавшееся в России в начале XX в., прошло по кругу и к концу века вернулось примерно в исходную точку.

Особый взгляд на Русскую революцию как попытку «прыжка в неизвестное царство возможностей» представил М. Стейнберг. Б. И. Колоницкий уделил внимание вопросу о влиянии политической культуры дореволюционной России на конфликты эпохи революции и гражданской войны. Проблему насилия в эту эпоху рассмотрел У. Розенберг. Трактовку истории гражданской войны как серии локальных войн предложил Д. О. Чураков.

Статьи второй части первого раздела посвящены ряду крупных проблем истории революции и/или гражданской войны. В. В. Калашников обратился к проблеме предпосылок и причин Русской революции и показал актуальность той дискуссии, которая вспыхнула в американской историографии в середине 1960-х гг. в связи с оценкой направленности социально-политического развития предвоенной России. К. А. Соловьев проанализировал нарастание конфликта власти и общества в условиях войны, открывшей дорогу к Февралю. Статьи А. Б. Николаева и И. В. Узловой посвящены ключевым проблемам историографии Февральской революции: анализу новаций, внесенных работами А. Б. Николаева. А. Рабинович уделил внимание событиям самого революционного 1917 года, стратегии и тактике борьбы большевиков за власть. Судьбу российских правых в годы революции и гражданской войны и ее отражение в историографии проанализировал Д. И. Стогов. К. Б. Назаренко показал роль матросов Балтфлота в революционную эпоху, а А. Ю. Давыдов рас-

смотрел вопрос о влиянии коммунистической доктрины на организацию снабжения населения продовольствием в годы гражданской войны.

Второй раздел сборника посвящен региональной тематике. Ведущие специалисты рассмотрели основные особенности процессов, проходивших на Украине (В. Ф. Солдатенко), Северном Кавказе (Р. Г. Гагкуев), в Крыму (А. С. Пученков), на Юге России в целом (В. Ж. Цветков), на Севере (В. И. Голдин) и Северо-Западе России (А. В. Смолин), в Поволжье (А. В. Посадский), на Урале (О. С. Поршнева и М. А. Фельдман), в Сибири (В. И. Шишкин) и на Дальнем Востоке (Л. И. Галлямова).

В третьем разделе собраны статьи и материалы разного плана. Г. З. Иоффе поделился уникальными воспоминаниями о своих коллегам – московских исследователях революции и гражданской войны в России. Японский историк Ё. Икеда, опираясь на редкие архивные материалы, проанализировал воспоминания видного кадета Н. И. Астрова. Интересную документальную публикацию (воспоминания одного из руководителей Кронштадтского восстания подполковника Б. А. Арканникова) предложил и прокомментировал А. В. Ганин. Он же представил новые документы о подпольной работе в Красной армии генерала А. Л. Носовича. А. Б. Николаев поделился своими впечатлениями о том, как решающие дни Февральской революции были показаны в юбилейном году на страницах научно-популярных журналов.

На наш взгляд, каждый из материалов, помещенных в сборнике, заслуживает внимания и вносит вклад в изучение истории революции и гражданской войны в России.

Все материалы опубликованы в авторской редакции.

Оргкомитет конференции выражает глубокую благодарность ректорату и службам Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» за поддержку, которая позволила издать этот сборник.

Доктор ист. наук, проф. В. В. Калашников

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

В. И. Голдин

Эпоха революционных потрясений и Гражданской войны в России: размышления спустя столетие

Столетие бурных событий российской истории начала XX века стимулировало историков нашей страны и мира к раздумьям и дискуссиям, которые уже отзвучали или будут продолжаться в ближайшие годы. Предложение поразмышлять над революционной эпохой через столетие и в большом историческом времени – 1902–1922 гг. – представляется интересным и плодотворным, хотя ряд историков предлагал раздвинуть эти рамки, начиная осмысление с конца XIX в.¹ и завершая концом 20-х – началом 30-х гг., или даже взглянуть на нее в пространстве столетней революции.²

В любом случае, размышляя об истоках Российской революции или революций, несомненно, полезно углубиться на годы, десятилетия или даже века отечественной истории, размышляя об ее логике развития и генотипе, что имеет традиции в исторической литературе и общественном сознании. Это касается, например, темы «раскола», характерного для российского общества на протяжении веков (политического, социального, социокультурного), или суждений о России как «расколотовой цивилизации».³

В любом случае несомненно, что та непримиримость, которая выплеснулась в России в начале XX века, копилась веками, воплощаясь в многочисленные внутренние коллизии – смуты, крестьянские и другие войны, восстания, национально-освободительные движения и др.

Отсутствие навыков политического диалога и достижения консенсуса во взаимоотношениях государства, общества и личности (в начале XX в. в России только складывались элементы гражданского общества, правового государства и начинался процесс превращения человека в гражданина), авторитарные традиции российской государственности, широко использовавшей

¹ Pipes R. The Russian Revolution, 1899–1919. New York, 1990; Figs O. Revolutionary Russia, 1891–1991. London, 2014.

² Алексеев В. В. Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С. 35–48.

³ Россия – расколотовая цивилизация? // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 3–25.

насилие во взаимоотношениях с обществом, а, с другой стороны, сложившиеся привычки россиян, «терпя до не могу», отвечать в итоге социальными взрывами, разрешать назревшие острые проблемы во взаимоотношениях с властью силовым путем, многовековая ненависть «низов» к «верхам» и обостренное чувство социальной справедливости – все это означало существование долговременных исторических предпосылок для революционного процесса и Гражданской войны в России в начале XX века. Традиции освободительного и революционного движения, сложившиеся в России, существенно отличались от других стран.

Начало XX в. характеризовалось нарастающим кризисом российского имперства в условиях осложняющейся международной обстановки и вызовов со стороны набиравшего силу национально-освободительного движения, представлявшего и воплощавшего в себе широкий спектр растущих и нереализуемых ожиданий и все более радикальных настроений и требований.

Важным направлением познания исторических корней и истоков революционной эпохи в России является анализ процессов модернизации в стране в конце XIX – начале XX вв. Страна переживала сложный и болезненный процесс перехода к индустриальному обществу, размывания устоев традиционного сельского уклада, урбанизации, попыток демократизации политической жизни, формирования новой культуры. Модернизация сопровождалась не только успехами, но и трудностями, обостряла внутренние конфликты, вела к социальной и культурной фрагментации общества. Это вынуждены были признавать даже апологеты якобы успешной модернизации России в начале XX в., о чем приходилось писать автору, анализируя дискуссии «оптимистов» и «пессимистов» последних лет.⁴ Экономический рост в России чередовался с кризисами и стагнацией, сопровождался политической нестабильностью, а к старым и неразрешенным противоречиям добавлялись новые.

Российское государство оказалось не готово отвечать на вызовы времени. Имперская власть и система управления были малоэффективны и раздирались противоречиями. Попытки модернизации России блокировались и «справа», и «слева». Неиспользованные возможности преобразования страны посредством реформ усиливали предпосылки для решения назревших задач революционным путем. Можно согласиться с академиком В. В. Алексеевым,

⁴ Голдин В.И. 1917 год в России, размышления в канун столетия // 1917 год в судьбах регионов, страны и мира. Архангельск, 2017. С.22–29.

разработчиком концепции столетней революции в России, что взаимодействие между модернизацией и революцией является ключевым вопросом при осмыслении судьбы России в XX в.⁵

Истоки и начало Российской революции следует искать в событиях «великой крестьянской революции», начавшейся с серии крестьянских восстаний, прокатившихся в 1902 г. от Поволжья до Харьковской и Полтавской губерний. Это свидетельствовало о начале борьбы крестьян, которая с подъемами и спадами будет продолжаться по начало 20-х гг. Иницируя в начале 90-х гг. XX в. международный научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922», его руководители В. П. Данилов и Т. Шанин справедливо указывали, что «глубинной основой социальных, политических и экономических потрясений в России была именно «крестьянская революция». «Все другие политические и социальные революции совершались на фоне крестьянской революции»,⁶ – утверждали они.

Первая российская революция 1905–1907 гг. указала проблемы, требовавшие решения, выявила цели и интересы широких социальных сил (рабочих, крестьян, солдат, матросов, национальностей), поднявшихся против власти, продемонстрировала разнообразие форм и методов борьбы. Эта революция, несколько лет потрясавшая страну, оставила неизгладимый след в общественном сознании. Она была, по сути, предупреждением властям страны о том, что их может ждать в случае, если комплекс назревших проблем не будет решен. Так и произошло спустя десять лет.

Истоки и происхождение Российской революции и Гражданской войны в России были во многом связаны с Первой мировой войной и обусловлены ею. Ее столетие, происходившие в связи с этим дискуссии и обширная новейшая литература, которые анализировал автор,⁷ позволяют глубже понять их взаимосвязь. Новый тип войны и ее тотальный характер обусловили потребность мобилизации всех экономических, социальных, духовных сил

⁵ Алексеев В. В. XX век: вызовы времени и ответы России // Судьба России: вектор перемен. Екатеринбург; М., 2007. С. 35.

⁶ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»). Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 6.

⁷ Голдин В. И. По ступеням столетия: история и политика // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2016. №1. С.23–31; Он же. От Первой мировой к Гражданской войне в России: уроки истории и современность // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. 2014. Вып. 1. С. 48–57 и др.

нации ради достижения победы, привели к колоссальному перенапряжению, потребовали тесной взаимосвязи усилий и взаимопонимания государства и общества. В этих условиях особое значение приобретали диалог власти и населения страны, способность убедить его в необходимости этой войны. Но попытки обосновать ее якобы справедливый и освободительный характер, сформировать патриотические настроения на фронте и в тылу, трактовать ее как вторую Отечественную войну провалились.

Россия и ее население в полной мере ощутили на себе потрясения мировой войны, глобального кризиса человеческой и капиталистической цивилизации. В этой войне формировались предпосылки не только для революции, но и гражданской войны, причем, не только российской. Британские историки Э. Бриггс и П. Клэвин вынесли в название главы своей книги термин «Европейская гражданская война», учитывая тяжелейшие социальные и политические коллизии и потрясения, которые сопровождали мировую войну в ее эпицентре – на европейском континенте.⁸

Именно мировая война во многом сформировала атмосферу и психологию российского общества, поведение его широких слоев, их убеждение в том, что назревшие проблемы можно и нужно решать только, или главным образом, посредством насилия. Благодаря этой войне миллионы людей получили в руки оружие, а «человек с ружьем» стал одной из главных действующих фигур на российской социальной и политической авансцене. Неудачи в войне обнажили слабость имперской власти и привели к ее десакрализации, что, в свою очередь, стало одним из важных факторов грядущей революции. Продолжавшееся и в дальнейшем падение авторитета власти и распад государственности, нарастание хаоса стали важной предпосылкой Гражданской войны.

Первая мировая война обнажила кризис Российской империи как многонационального государства. С этой точки зрения ряд современных западных историков предлагает считать началом Гражданской войны в России восстание 1916 г. в Туркестане, подавленное царизмом с жестокостью и большими жертвами,⁹ что, по мнению автора, все-таки неправомерно.

⁸ Бриггс Э., Клэвин П. Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. М., 2006. С. 222.

⁹ Smele J. The “Russian” Civil Wars. 1916–1926. Ten Years That Shook the World. London, 2015; Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С.106.

Вошедшее в научный оборот сегодня понятие «Великая российская революция» объединяет воедино Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну в стране, подчеркивая их тесную и неразрывную связь. И действительно, ход революционных событий 1917-го, кипение страстей, обострявшаяся борьба, нараставшее насилие, разнообразие конфликтов, динамика и последствия происходивших перемен, во многом формировали и предпосылки для Гражданской войны.

Столетие Российской революции (или революций) 1917 г. вызвало всплеск острой полемики и полярность суждений по таким вопросам как: была ли революция благом или злом, триумфом или трагедией, спасла Россию от катастрофы, открыв для нее и мира новые перспективы развития, или, напротив, погубила ее. В публицистике и в научной литературе в связи с происходившими дискуссиями и их остротой использовались термины «война» или «войны»: «война интерпретаций», «интеллектуальные войны». Заметим, что при обсуждении революционной темы шла речь не только о прошлом, но и настоящем и будущем России, да и не только нашей страны. Дискуссии были связаны с выяснением роли революций в прошлом и настоящем как способа трансформаций и обновления мира, с оценкой значения социалистической идеи в российской и мировой истории, сегодня и в перспективе.

Новый раунд дискуссий о Февральской революции характеризовался ярко выраженной тенденцией к конспирологии, стремлению видеть в ней прежде всего действия заговорщиков, различных оппозиционных групп, преследовавших свои интересы. Но возникает вопрос, могло ли произойти падение самодержавия, если бы не решительные революционные действия рабочих и солдат Петрограда, которые сокрушили основы старой власти, вызвали волну ее отрицания на фронте и в тылу, в российских и национальных регионах.

После Февральской революции и падения монархии Россия стала самой демократической страной в мире. А вот способность распорядиться завоеванной свободой, развитие событий в стране от Февраля к Октябрю, переход от одного революционного проекта к другому, разнообразие существовавших развилок и альтернатив вызвали, с одной стороны, особый интерес, а с другой, — полярные суждения и интерпретации в литературе юбилейного года и в дальнейшем. Отметим усилившийся негатив в отношении не только действий большевиков, но и Временного правительства, немало сделавшего для разрушения старой государственности, но не преуспевшего в конструирова-

нии основ новой власти, допустившего много ошибок, которые привели к утрате им популярности и к изоляции.

Но важно и анализировать действия широких слоев населения, вышедших на арену социальной и политической жизни и действовавших через создаваемые ими Советы и другие органы массового представительства и чем далее, тем менее полагавшихся на политиков, оказавшихся у власти весной 1917 г. Стремительно радикализируясь, эти втягиваемые в политику люди, уже не удовлетворялись реформистскими обещаниями Временного правительства в условиях углублявшегося кризиса, а связывали свои надежды с социалистической альтернативой. Следовавшие один за другим кризисы власти усугубляли и без того сложное положение Временного правительства.

В таких условиях широкие массы населения брали инициативу решения назревших вопросов в свои руки, что вызывает разные интерпретации в современной литературе. Одни авторы видят в этом смуту, анархию, хаос и охлократию, а другие – рост революционного творчества и инициативы масс, почувствовавших свои силы и возможности и стремившихся действовать самостоятельно или в союзе с теми политическими партиями, которые не скомпрометировали себя пребыванием во власти. Такими партиями были большевики и левые эсеры. И в них широкие массы населения видели союзников, поддерживавших их лозунги и требования. Во второй половине 1917 г. дело шло к развязке. Провал в августе попытки консервативных сил, пытавшихся подавить революционное движение (выступление под руководством генерала Л. Г. Корнилова), обернулся тем, что политический маятник резко качнулся влево.

Октябрьский рубеж российской истории и причины прихода большевиков к власти вновь оказались в центре дискуссий в канун векового юбилея. Следует признать, что многие современные авторы, в том числе профессиональные историки, критически или негативно относятся к этой вехе истории, хотя интерпретации происходившего сто с лишним лет назад и различаются.

Автор разделяет мнение тех исследователей, которые полагают, что большевики пришли к власти в условиях глубокого кризиса государственности и общества, экономики и социальных отношений, на волне массового народного протеста, когда сомкнулись воедино волны разных революций – пролетарской, крестьянской, солдатской, гендерной, национальных, региональных, локальных, с их хорошо известными лозунгами и требованиями:

землю – крестьянам; фабрики – рабочим, немедленный мир без аннексий и контрибуций; право наций на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельных государств; равноправие полов; перераспределение власти из центра в регионы и на места и др. Налицо было стремление людей самостоятельно, напрямую – через свои органы массового представительства и прямой демократии – решать назревшие и наболевшие вопросы.

Большевики пришли к власти в Петрограде в октябре 1917 г., подхватив лозунги масс и поставив их во главу своей программы. Социалистические, общедемократические и антивоенные требования переплетались воедино. В этом потоке революций преобладало во многом разрушительное, радикальное начало – антибуржуазная (ориентированная в перспективе на социализм), антивоенная, антифеодальная, антипомещичья, антиимперская, антицентралистическая, антибюрократическая. Соединение и сплетение воедино разных революционных потоков и интересов не только усиливало мощь происходивших потрясений и масштабность революционных процессов, но было и источником противоречий, и известной слабости движения, предопределяя будущие проблемы, с которыми столкнутся большевики, взяв власть.

Людей двигали к новому рубежу революции стремление к социальной справедливости, надежда на создание общества, где восторжествуют идеалы свободы, равенства и братства. Сегодня это часто отрицается критиками Октябрьской революции, стремящимися доказать, что это было не более чем громкими словами и лозунгами, а реальность была совершенно иной и в ней доминировали анархия, стихия, бедствия, страдания и террор. Да, все это было в том сложном времени, но сводить только к этому вряд ли правомерно.

По давней антикоммунистической традиции октябрьскому рубежу отечественной истории часто отказывают в праве называться революцией и именуют его переворотом, подчеркивая тем самым его верхушечность, недемократичность и неправомерность. Но если события в Петрограде и свержение Временного правительства большевики и сами в ту пору нередко называли переворотом, то его последующим этапом стала политическая и социальная революция, охватившая всю страну и распространившая свое влияние далеко за ее пределы. Октябрьская революция олицетворяла собой переход от одной общественно-политической формации к другой.

Английский историк С. Смит в книге, опубликованной в 2017 г., которую трудно назвать апологией Российской революции, заметил в заключении:

«Мы не поймем 1917 год, если не приложим усилия для понимания надежды, идеализма, героизма, злости, страха, отчаяния, которые его мотивировали: страстное желание мира, глубокое неприятие социально порядка в отношениях между имущими и неимущими, гнев на несправедливость, пронизывавшую российское общество».¹⁰

Оценивая Российскую революцию 1917 г., следует признать, что революции, как правило, не дают немедленных положительных результатов. Напротив, значительная часть времени (особенно в масштабных и великих революциях) уходит на разрушение старых основ власти, отношений собственности, норм и традиций жизни, что часто сопровождается глубокими коллизиями, насилием и террором. И лишь потом на расчищенном фундаменте начинается строительство нового общества. Это в полной мере относится и к Российской революции, тем более что она происходила в условиях мировой войны, а попытки выйти из нее обернулись сначала интервенцией Четверного союза, после провала переговоров о мире, а затем и интервенцией Антанты.

Следует иметь в виду и другое. Большевики рассматривали Октябрьскую революцию как начало мировой революции, надеясь на скорую поддержку пролетариата передовых стран Запада, от которых зависела ее судьба и спасение. Напомним признания В. И. Ленина в июле 1921 г.: «Когда мы начинали мировую революцию, мы делали это не из убеждения, что можем предвзреть ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что, в случае поражения, мы все же послужим делу революции, и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям».¹¹ Но надежды на мировую революцию не оправдались, и большевикам пришлось осуществлять задуманное, а затем и защищать свою революцию, в одиночку.

Размышления о Российской революции, ее значении и исторических уроках в связи со столетним юбилеем воплотились автором этих строк в серию статей, где он не только давал оценку этих событий и процессов, но и анали-

¹⁰ Smith S.A. *Russia in Revolution. An Empire in Crisis, 1890 to 1928*. Oxford, 2017. P.393.

¹¹ Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т.44. М., 1969. С. 36.

зировав новейшую отечественную и зарубежную литературу.¹² Здесь же хотелось бы подчеркнуть лишь еще один важный тезис. Революции – это чрезвычайный способ разрешения назревших противоречий. Но если власть поддерживающие игнорируют или неспособны решать проблемы общества, то именно революция дает шанс на новую жизнь, как это было в 1917 г. в России, а до и после этого – во многих других государствах мира.

Российская революция органично переплеталась в своем развитии и перерастала в Гражданскую войну. К этой тематике неоднократно обращался и автор в своих последних работах.¹³ Начало Гражданской войны в России является предметом продолжающихся дискуссий.¹⁴ Много зависит от того, что авторы понимают под понятием «гражданская война», и в какой мере отличают ее от других форм борьбы – «революция», «вооруженный конфликт», «восстание» и др.

Ряд исследователей связывает начало Гражданской войны с Февральской революцией, и прежде всего с ее событиями в Петрограде, указывая, что речь идет о ней в широком смысле слова, когда вооруженная борьба была средством борьбы за власть, и, связывая это со всплеском насилия, значительным числом жертв как со стороны участников революции, так и их противников.¹⁵

Но в действительности, обозначив собой историческую взаимосвязь революционного процесса и гражданской войны, Февральская революция стала лишь актом или эпизодом краткосрочной и ограниченной гражданской войны, хотя и имела далеко идущие последствия. По мнению некоторых авторов, с февраля 1917 года начался так называемый «инкубационный» период вызревания этой войны, когда она проявлялась на протяжении нескольких

¹² Голдин В. И. 1917 год в России: размышления в канун столетия // 1917 год в судьбах регионов, страны и мира. Архангельск, 2017. С.10–48; Он же. Российские революции 1917 года: драма познания // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т.22. С.10–18; Он же. Российская революция на весах истории: размышления после юбилея // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2018. №3. С.15–25.

¹³ Голдин В. И. Революция и Гражданская война в России: звенья одной цепи? // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. 2017. Вып.3. С.9–15; Он же. 1917 год и гражданская война в России: осмысление спустя столетие // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск, 2018. С.241–259.

¹⁴ См.: например: Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. С.193–197.

¹⁵ Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. С. 61, 194; Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. №6. С. 33–34.

последующих месяцев в латентной, скрытой форме, в виде отдельных эпизодов, столкновений с использованием оружия.¹⁶ К их числу относят прежде всего события апреля и особенно июля 1917 г. в Петрограде.

Летом 1917 г. в периодической печати и на митингах активно зазвучала тема раскола общества и опасности гражданской войны. При этом политические противники обвиняли в «контрреволюции» и разжигании гражданской войны своих оппонентов, а термин «контрреволюция» трактовался как наличие угрозы революции и «справа», со стороны монархистов и военщины, и «слева», со стороны большевиков, анархистов и др.

Ряд исследователей считает началом Гражданской войны августовское выступление генерала Корнилова, поход его войск на Петроград.

Октябрь 1917 г. часто именуется как его сторонниками, так и противниками, началом Гражданской войны в стране, хотя трактуется по-разному. Если первые связывают это с новой эпохой революционной истории, потребностью решения назревших проблем на путях социализма и готовностью защитить рождающееся социалистическое Отечество от контрреволюционных поползновений, то вторые объясняют ее незаконностью октябрьского переворота, углублением хаоса и анархии в стране, что требовало решительного противодействия большевикам.

Конец 1917 г. характеризовался различными событиями и фактами вооруженного противодействия установлению власти Советов в стране. Но все они были лишь эпизодами гражданской войны и ее локальными очагами. У сил, пытавшихся оказать вооруженное сопротивление большевикам, не было четкой программы действий, центров сопротивления, ярких лидеров, значительных вооруженных сил и серьезной социальной поддержки.

Для большевиков первостепенной задачей была реализация своих обещаний, осуществление декретов, принятых II съездом Советов по ключевым проблемам современности (земля, выход России из войны, рабочий контроль над производством и др.). Главной угрозой их власти в первые недели было даже не столько сопротивление их противников, в ряде случаев вооруженное, сколько набравшие силу в условиях распада и краха старой государственности (и отсутствия эффективно функционирующей новой) хаос и анархия, воплощавшиеся в различные формы деморализации общества: винные погро-

¹⁶ Кара-Мурза С. Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века. М., 2003. С. 28; Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 15.

мы, пьяные бунты, агрессию, погромное движение, вакханалию самоуправления и самосудов и др. Ситуация в стране усугублялась ростом сепаратистских тенденций, распадом сложившихся экономических связей.

Необходимо было в короткие сроки создать новую государственность, сформировать власть в центре и на местах, решить сложнейший комплекс проблем управления. Следовало не только установить власть Советов в регионах и на местах, обеспечив победу большевиков и левых эсеров в них, но и добиться признания и авторитета новой власти в обществе.

Популярность социалистических идей в России, что продемонстрировали и выборы в Учредительное собрание, вновь поставила на повестку дня вопрос о взаимоотношениях и сотрудничестве социалистов разных направлений, что могло стать механизмом, препятствующим возможности начала Гражданской войны в стране. Популярной после свержения Временного правительства была идея создания однородного социалистического правительства, которая подкреплялась ультиматумом Всероссийского исполкома железнодорожного профсоюза и находила поддержку ряда видных большевиков, но не была реализована. Другой компромиссной идеей могло стать существование советской власти и Учредительного собрания, которая тоже не была осуществлена.

Так или иначе, сложные и противоречивые процессы становления советской власти, сопротивление ее противников и борьба с ним, кардинальные сдвиги в общественном сознании и психологии, формирование «образа врага», мешающего движению вперед и тормозящего революционный процесс, и призывы решительно бороться с ним, в том числе прибегая к насилию, углубление общего кризиса в стране, распад ее пространства – все эти составляющие и компоненты были вехами на пути к Гражданской войне в стране.

Вместе с тем, в 1917 г. и в первые месяцы 1918 г. речь шла о так называемой «малой» Гражданской войне, которая имела очаговые проявления и не приобрела пока широких масштабов и общероссийского характера.

Основные слои населения были втянуты в решение актуальных для них задач, используя возможности, созданные революцией. Крестьянство занималось переделом земли, опираясь на Декрет о земле, а затем и на Закон о социализации земли. Солдаты после Декрета о мире, заключения перемирия и объявленной демобилизации старой армии возвращались домой (прежде

всего в деревню), спеша к развернувшемуся земельному переделу. Рабочие использовали возможности Декрета о контроле над производством для того, чтобы, опираясь на фабзавкомы, активизировать свое участие в делах предприятий или даже перейти к управлению ими.

Принятая в начале ноября 1917 г. Советом народных комиссаров «Декларация прав народов России» отменяла национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения, обещала народам страны право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, а национальным меньшинствам и этнографическим группам – свободное развитие, что открывало, казалось бы, широкие возможности для их творчества и развития.

Но анализ реалий демонстрировал нарастание глубоких внутренних противоречий в процессах революционного обновления, усиление социального эгоизма, рассогласование и столкновения революционных потоков. В результате на возникавших своего рода «тектонических разломах» Российской революции вызревали семена гражданской войны, набирали силу хаос, анархия, «феномен толпы» и т.п. Явления распада и дезорганизации власти и производства, нараставшие в 1917 г., привели на следующий год российское общество к тотальному кризису и перерастанию так называемой «малой» в широкомасштабную гражданскую войну.

Кратко характеризуя процессы движения к гражданской войне, следует прежде всего обратиться к ситуации в деревне, где проживало более 80% населения. Крестьянская революция с ее общинной доминантой и императивом «черного передела», стремлением ввести в его орбиту все земли, в чьей бы собственности и пользовании они не находились, выливалась во внутрикрестьянскую борьбу, вела к падению товарного производства и нарастающему конфликту с городом и государством. Крестьян интересовали три главные проблемы: земля и свобода торговли, возможность продавать свою продукцию по максимально высоким ценам и независимость от кого бы то ни было, но не ситуация в стране в целом и ее продовольственное снабжение.

Попытки советской власти в мае-июне 1918 г. ввести продовольственную диктатуру для спасения городов от голода и принудительно изъять в сельской местности продовольствие, направляя туда продотряды, а также расколоть деревню, создавая комитеты бедноты, привели к вооруженной конфронтации с крестьянством и резкому обострению Гражданской войны в стране.

В ходе реализации требований рабочей революции с ее нарастающим радикализмом, что воплотилось в так называемую «красногвардейскую атаку на капитал» усиливались противоречия между трудом и капиталом, с одной стороны, и между рабочими коллективами, часто пытавшимися через свои организации (прежде всего фабзавкомы) перейти к рабочему управлению производством, и советским государством в лице его формирующихся хозяйственных институтов. В результате (и особенно учитывая отсутствие у новых структур умений и навыков управления) усиливалась дезорганизация на производстве, углублялся кризис в промышленности и в экономике в целом.

Попытки советской власти перестроить весной 1918 г. формы и методы своей хозяйственной деятельности, отказавшись от форсированных и штурмовых методов строительства новой экономики, вводя элементы плановости, государственного регулирования и централизации, дисциплины, рационализации, повышая роль специалистов на предприятиях, наталкивались на оппозицию, обвинения в стремлении вновь «закрепостить рабочих». Это сказалось и на росте популярности меньшевиков в рабочей среде, и на обострении межпартийной борьбы на выборах в Советы. В Петрограде была предпринята попытка создать Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда с целью представления и защиты рабочих интересов во взаимоотношениях с советской властью. Усилия по созданию подобных собраний уполномоченных были предприняты и в целом ряде других городов и регионов России.¹⁷

Все это осложняло положение большевиков и ослабляло социальную опору советской власти.

В конце 1917 – начале 1918 гг. в стране набирали силу сепаратистские тенденции, «парад суверенитетов». Власть Советов трудно складывалась в советскую власть. Налицо было многообразие противоречий между городскими и сельскими Советами, между центральными органами государства, региональными и местными Советами. Сами они являлись ареной острой политической и межпартийной борьбы. Будучи важным инструментом прямой демократии, самовыражения и представительства масс, Советы не смогли стать эффективной основой новой государственности, способной обуздать

¹⁷ Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 г. Документы и материалы. СПб., 2006; Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М., 2006.

стихию, поднять страну из хаоса, тем более, что в это время происходило разрушение не только старых органов власти и правовых институтов, но и дореволюционной системы гражданских связей.

Десакрализация власти, в данном случае уже советской, которая не смогла стать эффективной и авторитетной в обществе, являлась духовной предпосылкой к Гражданской войне. И в дальнейшем уже партия большевиков, трансформируясь сама и отказываясь от теоретических постулатов «государства-коммуны», «полугосударства», станет политическим и организационным ядром, консолидирующим советскую государственность.

Весной 1918 г. Советская Россия превратилась в пространство с разорванными социальными и экономическими связями, территориями, стремившимися к обособлению и самостоятельному выживанию. Действия центральной советской власти и большевиков по собиранию и укреплению новой государственности наталкивались на сопротивление различных сил, и эта борьба вылилась в многообразные проявления набирающей силу гражданской войны. Раскол в обществе углублялся. Кажущаяся слабость советской власти подталкивала ее противников к решительным действиям. Недовольные властью большевиков политические партии и организации («Союз возрождения России», «Национальный центр» и др.) пытались консолидировать своих сторонников, призывая их не только к политической, но и к вооруженной борьбе для свержения советской власти.

Все более сложный и противоречивый характер приобретали в 1918 г. национальные и межнациональные отношения, обострялась борьба центробежных и центростремительных сил. Набирали силу национальный радикализм, стремление к обособлению, отгораживанию и созданию независимых государств в национальных районах. Эта борьба, муки рождения и становления суверенных государств сопровождалась многочисленными проявлениями национальных, межнациональных, социальных и политических конфликтов. Гражданские войны развернулись в конце 1917 г. на Украине, а в конце января 1918 г. – в Финляндии, получившей в декабре независимость из рук советской власти.

Социально-классовые и национальные, межнациональные расколы на национальных окраинах, борьба с внешними захватчиками становились составной частью Гражданской войны, разгоравшейся на распадавшемся пространстве бывшей Российской империи.

Солдатская, антивоенная революция привела к выходу России из войны и роспуску старой армии. Но выход из войны не завершился реализацией провозглашенных ранее идей демократического мира, мира без аннексий и контрибуций, а после трудных переговоров со странами Четверного союза привел к возобновлению боевых действий, продемонстрировавших неспособность Советской России к ведению войны. Все это завершилось унижительным Брестским миром и глубоким кризисом в стране. Обвинение большевиков в германофильстве и попытки расширения антибольшевистского движения на патриотической основе стали важной частью его формирующейся идеологической программы в Гражданской войне.

Продолжавшаяся Первая мировая война во многом предопределяла неизбежность иностранного вооруженного вмешательства в дела распадающейся страны, что осуществлялось как противоборствующими во мировой войне коалициями – Антантой и Четверным союзом, так и отдельными странами – Румыния, Финляндия.

В конце весны – начале лета 1918 г. Гражданская война переросла в широкомасштабную и «фронтовую» войну, что было обусловлено целым рядом событий, процессов, причин и факторов. Следует особо отметить вооруженное выступление Чехословацкого корпуса, ставшее катализатором Гражданской войны в России, объединяющей силой антисоветской борьбы на обширном пространстве от Волги до Дальнего Востока, что привело к формированию ряда антибольшевистских правительств и армий и созданию первого советского фронта (Чехословацкого, а затем Восточного) для борьбы с ними.

Расширение военной интервенции Антанты в России, наряду с аннексионистскими действиями Четверного союза, стало одним из важных факторов и составляющих Гражданской войны в стране. Активизация иностранной военной интервенции стимулировала и подъем антибольшевистского движения в стране, лидеры которого рассчитывали в своей борьбе на всемерную иностранную помощь. Иностранцы же предполагали использовать это движение для реализации своих целей России (военно-стратегических, политических, геополитических, экономических и др.), и это станет в дальнейшем причиной нарастающих противоречий между этими силами в борьбе с советской властью.

Введение продовольственной диктатуры для борьбы с голодом, направление в деревню продовольственных отрядов и создание там комитетов бедноты привело к столкновениям с крестьянством и к его массовому сопротив-

лению, что стало одним из определяющих факторов перехода к широкомасштабной Гражданской войне в стране.

Крупные вооруженные антисоветские выступления произошли весной – в начале лета в казачьих районах страны, и в первую очередь на Дону под руководством генерала П. Н. Краснова, получившие в отличие от конца 1917 – начала 1918 года достаточно массовую поддержку казаков. Это было обусловлено чрезвычайной политикой советской власти по изъятию продовольствия и действиями продотрядов, наступлением на казачьи обычаи и самоорганизацию. Имевшие хорошую военную подготовку и опыт казаки составили мобильный и боеспособный костяк белых армий.

Крайнюю остроту приобрела партийно-политическая борьба, когда противники прибегали к широкому использованию силовых и репрессивно-террористических методов. Конфронтация на левом (социалистическом) фланге российского политического спектра в условиях вывода так называемых «умеренных» социалистов из Советов (постановление ВЦИК от 14 июня 1918 г.), закрытия их печатных органов и лишения иных средств легальной оппозиционной борьбы привела к тому, что они стали использовать силовые методы, создавать вооруженные формирования, антибольшевистские правительства и часто доминировали в последних. Шанс на создание правительственной коалиции представителей социалистических партий как возможной альтернативы Гражданской войне в стране был окончательно упущен.

Вся эта совокупность факторов, событий и процессов знаменовала собой переход к новому качеству Гражданской войны в России, когда ей была подчинена вся жизнь страны и общества. Вызревание ее предпосылок и причин было довольно длительным процессом. Можно говорить о растянувшемся на длительный период времени процессе «вхождения» или «вползания» России в Гражданскую войну, и этот процесс имел свои особенности в различных регионах страны. Различия в толковании самого понятия «гражданская война» и рассмотрение ее в России как серии или комплекса войн дали основание к постановке вопроса не только о «начале Гражданской войны», но о «начале гражданских войн».¹⁸

Разразившаяся в России в конце весны – начале лета широкомасштабная и «фронтная» Гражданская война вобрала в себя различные виды расколов,

¹⁸ Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 21.

как титульной (русской), так и целого ряда других наций, и была обусловлена широким комплексом внутренних и внешних причин. В этой войне воплотились различные виды внутренних противоборств и борьба с интервентами. Все это предопределяло ее длительность и крайнюю ожесточенность.

Гражданской войне в России посвящена обширная отечественная и зарубежная литература, насчитывающая, по оценке автора, более 30 тыс. изданий только книжного формата, и в своих монографиях и статьях он подробно рассматривал ее историографию конца XX и начала XXI вв., ее основные проблемы и тенденции.¹⁹

Гражданскую войну в России правомерно характеризовать как сложный и уникальный исторический феномен в многообразии военных, политических, экономических, социально-классовых, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных и межнациональных процессов, конфликтов и расколов, разнообразных внутренних и международных столкновений и противоборств, обстоятельный анализ которых и позволяет понять исход борьбы на линиях и за линиями фронтов, и итоги войны.

Важной характеристикой Гражданской войны в России является ее глобальный и тотальный характер. Она охватила все пространство страны, включая самые удаленные ее уголки, разделила классы, слои, группы населения (линия раскола происходила как между ними, так и внутри них), развела, образно говоря, по разные стороны баррикад друзей, соседей, членов семей. Это и составляло в совокупности общую, крайне противоречивую и драматическую картину Гражданской войны в России. Противоборство в ней велось на военном, политическом, дипломатическом, социальном и культурном фронтах, но главным из них была все-таки вооруженная борьба, ибо от ее исхода в решающей степени зависел исход Гражданской войны.

Автор в своих работах неоднократно обращался к концептуализации и раскрытию феномена Гражданской войны в России,²⁰ считая, в частности,

¹⁹ Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000; Он же. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012; Он же. Современная историография Гражданской войны в России // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта. М., 2018. С. 11–18.

²⁰ Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Гл. 3; Он же. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Гл. 3.

продуктивным рассмотрение ее как серии или комплекса войн (гражданских войн), разнообразии видов вооруженных и иных противоборств.

Правомерно выделять и исследовать в российской Гражданской войне такие виды противоборств, как война советского и антибольшевистского лагерей, фронтовое противостояние Красной и белых армий и их борьбу с противниками на внутренних фронтах; борьба общества и государства в различных проявлениях; столкновения центробежных и центростремительных сил, национальные, межнациональные и региональные войны и вооруженные конфликты; военные интервенции стран Антанты, Четверного союза и отдельных государств; советские попытки «экспорта революции» в страны Европы и Азии, военные и политические действия за пределами страны; восстания, заговоры, деятельность антиправительственных группировок в тылу противника, подпольная, партизанская и террористическая деятельность и др.²¹

Компаративный подход и сравнение Гражданской войны в России с подобными войнами, и прежде всего в XX в. (в Китае, Корее, Испании, Финляндии и др.), а также и более раннего времени, представляется плодотворным и позволяющим глубже понять ее генезис, логику развития, исторические уроки и последствия, а также найти пути и способы примирения общества.

Накопленный исследовательский опыт и сложившаяся обширная отечественная и иностранная литература по истории Гражданской войны в России, существующие теоретико-методологические и концептуальные наработки, обширный круг разнообразных источников являются фундаментом при подготовке XII тома (в двух книгах) 20-томной академической «Истории России», работа над которым идет сегодня.

²¹ Подробнее см.: Голдин В. И. Истоки и феномен Гражданской войны в России: взгляд через столетие // Былые годы. 2015. Т.36. №2. С. 382–387.

Г. З. Иоффе

Думая о русских революциях

Памяти Р. П.

Заниматься историей наших революций мне выпало с начала 1960-х гг. Тогда я работал в издательстве «Наука», и мне было поручено редактировать трехтомник академика И. Минца. Это я придумал для книги название — «История Великого Октября», которое академику понравилось.

С той поры прошло много времени и много событий, так или иначе повлиявших на восприятие революций. Особо глубокий след прочертила горбачевская «перестройка» и то, что за ней последовало. Тогда мне стало ясно, что если прошлое помогает понять настоящее, то и настоящее бросает новый свет на прошлое. И возникал вопрос: а правильно ли более полувека назад назвали мы тот минцевский трехтомник? Может быть, настоящий сборник даст ответ?

XX век в истории России можно назвать веком революций и глубоких государственно-политических преобразований. Традиционно считалось (и считается), что революций было три: две буржуазно-демократические — 1905–1907 гг. и Февральская в 1917 г. и Октябрьская социалистическая того же года. Но ныне некоторые историки склонны объединять Февральскую и Октябрьскую революции в одну — Русскую революцию (разделяя, правда, их на два периода). А углубленное изучение событий ныне позволяет разглядеть и в самой Октябрьской революции два различных периода, если не две революции. Их, вероятно, можно обозначить именами лидеров. Первый период — ленинский, в основе своей разрушительный, беспощадно ломавший буржуазно-феодальный строй и переросший в гражданскую войну. Он длился примерно до середины 20-х годов. Затем И. Сталин и его окружение, репрессировав ленинский круг революционеров, перевели события во второй период — сталинский, государственно-авторитарный и установили длительную диктатуру, после которой началось перерождение большевизма. К 90-м гг. оно завершилось так называемой «перестройкой».

Полагают, что реформы – это побочные продукты революции. Но в России часто случалось как раз наоборот: начиналось с реформ, которые переходили в революции. Дело в том, что осуществлять реформу сложно: это требует глубокого понимания обстановки, учета традиций, постепенности осторожности и т. д. Без учета этих факторов реформа может «сорваться» в революцию. Отмена крепостного права была проведена далеко не лучшим образом для крестьян (выкупные платежи, временнообязанные и др.). И корни революции 1905–1907 гг., несмотря на их отдаленность, обнаруживаются в реформе 1861 г.

Отмена крепостничества расширила и ускорила приток крестьян в города, где они в большинстве своем формировали пролетариат. Но часть крупно богатела и пополняла либеральную буржуазию. В целом же этот процесс вел к росту политизации общества, что проявлялось в создании революционных и либеральных партий и групп. Наиболее распространенным лозунгом становился политический лозунг «Долой самодержавие!». Лозунг этот сопрягался с массовыми демонстрациями, восстаниями и террором.

Так реформа, ликвидировавшая экономическую основу царизма, подвела страну к революции, которая могла ликвидировать и его государственную основу – самодержавие.

Распространено мнение, что первая русская революция потерпела поражение. Представляется, однако, что здесь не исключена корректировка. Ведь именно под давлением революционного и либерального движений был обнародован Высочайший манифест 17 октября 1905 г., который провозглашал создание в России законодательной (пусть еще не в полном объеме) Государственной Думы и ряд гражданских свобод. Невозможно недооценивать историческое значение этого Манифеста. После многовекового царизма благодаря Манифесту самодержавная Россия вступала на новый для нее путь развития – путь конституционной монархии. То, что некоторые либеральные и революционные элементы не были удовлетворены Манифестом – можно, конечно, понять, но это вряд ли умаляет его значение.

Столыпинскую аграрную реформу начала XX в. в период перестройки многие рассматривали как продолжение и доведение до конца реформы отмены крепостничества и как надежный барьер главным образом возможной революции. Однако на практике она скорее добавляла горячего в революционный потенциал, поскольку ставя своей задачей ликвидацию крестьянской

общины, обрекала часть крестьян на нищету и за их счет пополняла городской пролетариат.

3 июня 1907 г. правительство, нарушив права Думы, изменило избирательный закон, обеспечив преимущество в новой, 3-ей Думе проправительственным партиям. Этот акт вошел в историю как «третьеиюньский переворот», хотя вряд ли такое определение можно считать удачным. Исполнительная власть самовольно внесла «поправку» в законодательство, но система власти сохранялась.

Десятилетие «думской монархии» характерно спадом революционного движения: одни революционные лидеры и активисты были арестованы и сосланы, другие эмигрировали. Вера в возможность более или менее близкой революции терялась даже у Ленина.

Но либеральная оппозиция, пользуясь правами, данные Манифестом 17 октября, постепенно усиливала оппозиционность. Ее борьба с властью переносилась в Думу, особенно с вступлением России в мировую войну. Несколько либеральных фракций создали в Думе так называемый «Прогрессивный блок», главным лозунгом которого стало требование «правительства доверия». В соответствии с ним, в случае выражения Думой недоверия правительству, оно обязано было уйти в отставку. Таким образом, царь должен был терять ту власть, которую сохранял ему Манифест 17 октября, а Россия становилась парламентарной монархией, поскольку «правительство доверия» практически должно было превратиться в правительство ответственное уже не перед царем, а перед Государственной Думой

Так как верховная власть упорно не шла и не могла пойти на это, либеральные оппозиционеры (А. Гучков и др.) запустили в политическую и массово-бытовую атмосферу «черный пиар», целью которого была политическая, а главным образом моральная компрометация Романовых.

В центре этого «пиара» варьировалась версия о якобы всесильном влиянии сибирского мужика Г. Распутина на императрицу («немку-шпионку»), а через нее и на безвольного, глуповатого императора. Утверждалось также, что группировавшиеся вокруг них некие «темные силы» тайно готовят сепаратный мир с Германией. Все было вымыслом. Императрица не была шпионкой, Николай II по натуре своей мог стать неплохим конституционным монархом, да и никаких переговоров о сепаратном мире не велось. Чрезвычай-

ная следственная комиссия Временного правительства, созданная после падения монархии для «проверки» деятельности царских министров и других высокопоставленных лиц, не нашла в «верхах» никакого криминала. Но моральная компрометация власти нередко оказывается сильнейшим оружием против нее. И на сей раз «распутинщина» достигла цели. Может быть, отсюда берет путь семьи Романовых к дому Ипатьева в Екатеринбурге.

Когда в 20-х числах февраля 1917 г. в Петрограде начались забастовки, митинги и демонстрации, а затем и бунт солдат запасных батальонов гвардейских полков, царская власть оказалась изолированной. Роковую роль сыграло, может быть, и отсутствие Николая II в Петрограде. Сыграла свою роль и бюрократическая бестолочь в чрезвычайных обстоятельствах. Когда же через три дня информация о происходящем в столице дошла до Ставки, где находился царь, было уже поздно.

Положение в столице довольно прочно контролировали думские либералы, убеждавшие царя (через высших генералов) в возможности мирного решения происходившего в случае его отречения. И он отрекся, передав престол брату — великому князю Михаилу. Но и на него было оказано мощное давление, вынудившее его отказаться от принятия престола. Таким образом, точка в истории царствования Романовых была поставлена не столько отречением Николая II, сколько отказом Михаила принять престол. Керенский позднее говорил, что неизвестно, что было бы с Михаилом и вообще в стране, если бы великий князь принял престол. На это писатель М. Алданов ответил: конечно, это совершенно неизвестно. Но зато точно известно, что было после того, как он отказался от престола: Брестский мир, роспуск Учредительного собрания, гражданская война и убийство великого князя Михаила Александровича.

Пять дней конца февраля и два первых дня марта 1917 г. были началом Февральской революции. Власть оказалась в руках Временного правительства, состоявшего поначалу из членов буржуазных партий (исключением был номинальный эсер А. Керенский). Считают, что власть с Временным правительством во многом делил меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, и в виду этого в стране установилось двоевластие. Но если принять во внимание тот факт, что в главных вопросах внутренней и внешней политики ВЦИК вел политику соглашения с правительством, то это мнение вряд ли можно считать приемлемым.

Так или иначе в течение 8 месяцев правления Временное правительство меняющихся партийных составов проводило курс на всестороннюю демократизацию страны по западноевропейскому типу. Россию мечтали превратить в Англию или Францию. Это было так же фантастично, как и построение социализма в одной России. Правда, Ленин и другие большевики мыслили такое строительство с поддержкой социалистических революций в Европе.

Позднее, уже в эмиграции, Керенский признал иллюзорность преклонения русской либеральной интеллигенции перед Западом. В статье «Союзники и Временное правительство» он писал: «Той Европы, которую носила в своем сознании русская интеллигенция, вообще в природе не существовало. Мы думали, что там, за дикими, бескрайними русскими просторами, вдали от жестокой царской реакции, есть блаженные страны всякого демократического и гуманистического совершенства. Увы, этой, я бы сказал «русской Европы», созданной по образцу и подобию наших собственных политических идеалов, мы, оказавшись в эмиграции, нигде не нашли.»²²

Свой курс демократизации России на европейский лад Керенский и его правительство вели, маневрируя и лавируя между левыми (большевики и близкие им) и правыми (генералитет, офицерство, крайне правые партии и др.). Кажется странным то, что в этом маневрировании главного удара Временное правительство ожидало не со стороны большевиков, а со стороны правых, видимо, опасаясь возможной реставрации или установления военной диктатуры. И когда Керенский в конце августа заподозрил верховного главнокомандующего генерала Л. Корнилова в диктаторских намерениях, он немедленно объявил его изменником. В результате Временное правительство практически осталось почти беззащитным: корниловские генералы были арестованы, а в офицерской среде Керенского презирали.

Провал «корниловщины» открывал дорогу большевикам. Вот почему Ленин стал настаивать на вооруженном восстании вскоре после ее провала. Но это давалось ему нелегко. В ЦК большевиков было немало правых или «умеренных», отвергавших вооруженный захват власти. Предстояли II Съезд Советов и Учредительное собрание, на которых, как считали «умеренные», большевики могут взять власть демократическим путем. Однако Ленин «пробил» свою точку зрения. Эта его уникальная способность определить

²² Керенский А. Ф. За наш обман мы отомщены // Современные записки. Париж, 1934 г. С. 279.

время выступления, умение проникнуть в суть событий, убедить в своей правоте и организовать были, может быть, одной из главных составляющих сил партии большевиков, дававшая ей превосходство над другими партиями. Можно сказать, что без Ленина восстания могло и не быть. Когда Ленин с нелегальной квартиры пришел в Смольный, и его увидел там меньшевик Дан, он сразу сказал: ну, теперь большевистское выступление неминуемо.

«Вторым номером партии» был Л. Троцкий, выдающийся массовый оратор и организатор. Собственно восстание «технически» развивалось так, как его в основе разработал Троцкий, бывший в дни Октября председателем ВРК Петроградского Совета. Восставшие не сосредотачивались в одном месте для атаки какого-то объекта. Их заранее подготовленные силы (матросы Балтфлота, отряды Красной гвардии, солдаты некоторых полков Петроградского гарнизона и др.) были распределены по районам, и они постепенно захватывали в этих районах центральные участки, здания. Также, без какой-либо массовой атаки, тем более без штурма восставшие в ночь 26 октября овладели Зимним дворцом и арестовали Временное правительство. Арестованных отправили в Петропавловскую крепость, но скоро они были освобождены. Одни из них эмигрировали, другим была предоставлена работа в различных советских учреждениях, где они трудились вплоть до сталинских репрессий. Примечательно свидетельство начальника охранного отделения Петрограда, генерала К. Глобачева. Он писал, что Октябрьский переворот произошел легче Февральского... «Должен сказать, что на первых порах новый режим принес обывателю значительное облегчение... Возникла некоторая вера в то, что новая власть своими решительными действиями поставит в более сносные условия жизнь и имущество обывателей. Но это на первых порах, пока не разгорелась сильная борьба нового правительства с саботажем буржуазии, вызванная партиями эсеров и кадетов»...

Среди арестованных не было главы правительства — Керенского: накануне он срочно выехал в Псков, в штаб Северного фронта, чтобы ускорить оттуда прибытие в Петроград войск для подавления восстания. Но командующий фронтом генерал В. Черемисов смотрел на происходившее в столице как на какую-то, по его определению, «передрягу», которая долго не продлится, и всячески тормозил отправку войск. Керенскому и генералу П. И. Краснову удалось двинуть на Петроград всего лишь несколько казачьих эскадронов, но они не смогли продвинуться дальше Царского Села. Так что

можно считать: если поражение генерала Корнилова расчищало большевикам путь к власти, то «нейтралитет» генерала Черемисова дал им возможность закрепиться у власти в их первые дни. А на проходившем днями раньше Втором съезде Советов эсеры, меньшевики и др. не нашли ничего лучшего, как в знак протеста против вооруженного восстания покинуть съезд. Как писал Н. Суханов: этим они только «развязали большевикам руки».

Итак, как уже говорилось, сам Ленин с удовольствием считал несколько дней большевики, придя власти, пережили Парижскую Коммуну. Пережили надолго. Как это ни парадоксально, им помогла начавшаяся гражданская война.

Один из лидеров меньшевизма Ю. Мартов писал, что большевизм есть «истинно воюющая партия». Борьба, преодоление – их стихия. В аскезе борьбы они «расцветают», тут сфера проявления их воли и энергии. Ленин и его сподвижники не боялись гражданской войны. Она давала возможность осуществить социальный переворот «на полную глубину». Централизация власти была доведена до максимума. Была создана система «военного коммунизма». Председатель Реввоенсовета Л. Троцкий отдавал под расстрельный трибунал в первую очередь комиссаров и командиров, чьи части по тем или иным причинам не выполняли свой долг.

Красная Армия, – говорил он, – создавалась «приложением к ранам каленного железа». Раз уж зашла речь о Троцком, нельзя, пожалуй, не коснуться вопроса, который в последнее время вновь то и дело поднимает историческая публицистика. Речь идет о многочисленном участии в революции еврейского населения России. Тем самым, по крайней мере, ставится под сомнение «русскость» революции. Этот «заманчивый» для евреефобии тезис заимствован у белогвардейской пропаганды (в советский период он был табуирован) и появился вновь в горбачевско-ельцинское время. Между тем, он несет в себе факторы, которые его же и опровергают. Евреи были такими же подданными Российской империи, как и русские и, как и русские, не лишены стремления к сопротивлению властям. Не меньше, а может быть и больше. Более чем за 200 лет совместной жизни они накопили за своей «чертой оседлости» столько чувства протеста, что было бы удивительно, если бы они остались в стороне от революций. При этом надо иметь в виду, что они присоединялись к революции отнюдь не как евреи, боровшиеся за иудаизм, еврейскую культуру, а как борцы за свободу России, в которой они займут равное с другими

народами место во всех областях. В революциях они полностью ассимилировались. Те же, кто ревностно хранил свою иудейскую веру, оказывались жертвами как белых, так нередко и красных.

Октябрьский переворот в Петрограде положил начало гражданской войне. Но она не сразу стала полномасштабной. В такую она превратилась весной 1918 г. после роспуска большевиками Учредительного собрания, подписания ими сепаратного Брестского мира и попытки подавления Чехословацкого мятежа.

На первом этапе войны во главе воевавших сторон стояли социалисты: с одной стороны – большевики (Москва), с другой – социалисты-революционеры (Самара, затем Омск). Но этот «расклад» продолжался до осени 1918 г. В ноябре обосновавшаяся в Омске проэсеровская Директория была свергнута монархическим офицерством и во главе антибольшевистских сил был поставлен диктатор – Верховный правитель России А. Колчак.

Гражданская война вошла в свой второй этап – ожесточенную борьбу двух диктатур: большевистской и белогвардейской (белого движения). Шла борьба на истребление. Середины не было. Правда, Колчак заявил, что в случае разгрома большевиков он созвет Национальное собрание, но по Ленину оно могло стать только собранием медведей, которых белые генералы будут водить за кольца, продетые в нос. Скорее всего, Ленин был прав, так бы оно и произошло в результате победы белых. А на другой стороне, в советском парламенте – ВЦИКе, «водимых за кольца медведей», конечно, не было, но уже летом 1918 г. он практически стал однопартийно-большевистским.

Война шла с переменным успехом. По крайней мере трижды красные оказывались на краю катастрофы. Так было после падения Казани в августе 1918 г., когда, как писал Троцкий, «судьба революции трепыхалась под Свияжском». Так было весной 1919 г., когда войска Колчака вышли к Волге («полет к Волге») и могли соединиться с Добровольческой армией. В Омске и столицах союзников Колчака готовились праздновать победу. Так было летом того же года, когда добровольцы генерала Деникина оказались на дальних подступах к Москве и там уже заготавливали документы для перехода на нелегальное положение. Но красные устояли и победили. Они создали режим «военного коммунизма», при котором все силы и все возможности концентрировались для военной цели. Даже то, что предназначено было служить

белым – иностранная интервенция – парадоксальным образом оборачивалось в пользу красных. Она позволила им представить свою борьбу патриотической силой защиты отечества от вторжения в Россию мирового империализма. В 1920 г. русский посол в США Б. Бахметьев писал В. Маклакову, что «иностранное вмешательство было и есть основное зло русской жизни и более всего способствовало укреплению власти большевиков». Национальный лозунг белых перешел в стан красных интернационалистов. Получалось, что гражданская война и иностранная интервенция превратили большевиков в выразителей не только классовых, но и государственных интересов. Первыми этот поворот заметили сменовеховцы (Н. Устрялов и др.). «Национальная сила, – писал Устрялов, – оказалась сосредоточенной во враждебном (т. е. красном. – Г. И.) стане».

Итак, красные выиграли гражданскую войну. Но выиграли с тяжелейшими потерями. Ленин говорил, что Россия похожа на страшно избитого человека, едва стоявшего на ногах. Можно сказать: еще одна такая победа и от России мало чего бы осталось. Надо было восстанавливать страну, возводить здание социализма. Но на основе «военного коммунизма» сделать это было невозможно. Да, он привел большевиков к победе в гражданской войне. Но для мирного строительства и нормальной, мирной жизни требовались совсем иные пути. Восстание кронштадтских матросов – «красы и гордости большевистской революции – свидетельствовало об этом со всей очевидностью. Они выдвинули невероятный для большевиков лозунг: «За Советы, но без коммунистов!».

Еще Мирабо говорил, что разница между теоретиками и практиками состоит в том, что первые передвигаются по географической карте, а вторые путешествуют по земле. Ленин был и теоретик и практик. Вот тогда он произнес фразу, наверное, ошеломившую многих: «Нам нужно пересмотреть весь наш взгляд на социализм». Суть этого пересмотра состояла в отказе от «военного коммунизма», в отступлении и в переходе к новой экономической политике (НЭПу), которая предусматривала привлечение частного предпринимательства, частного капитала (в том числе и зарубежного). Этот капитал, конкурируя с государственным, должен был содействовать восстановлению опустошенной войной страны и вывести ее на социалистический путь развития. НЭПом Ленин перекладывал государственный руль вправо. Он вправе

был опасаться, что те, кто прошел через страшную ломку гражданской войны не потерпят послевоенной разрухи и выступят против большевистской власти. Кронштадт был тому доказательством. «Был ли для Ленина НЭП определенным выбором? Судя по его последним статьям, вряд ли. Болезнь и смерть не дали ему возможности определить курс к социализму.

Без преувеличения можно сказать, что этот поворот потряс партию. Во время гражданской войны и сразу после нее многие большевики «ленинской гвардии», как их звали «помазанные», погибли, другие вынуждены были покинуть опустошенные города и двинуться в села и деревни, где с продовольствием было легче. Но за это же время в партию влилось множество людей не только по идейным соображениям, а и по карьерным расчетам: ведь большевики стали партией власти. Это были уже не «помазанные», а многие просто «примазавшиеся». За большинством их не было долгого революционного пути. Они не принимали НЭП, видя в нем лишь капитуляцию перед капитализмом. Поэтому на партсобраниях они кричали: «За что боролись?!» и били себя кулаками в грудь. Но за этими демагогическими выкриками, как правило, стоял вполне ощутимый интерес и расчет. Они считали себя победителями и готовились разместиться на разных властных уровнях. Скоро эти люди нашли себе и лидера – И. Сталина. Говоря словами Мирабо, он был сугубый практик, шагающий по земле. После смерти Ленина, сохранив ленинизм как декорум, как знамя, он отверг ленинский план построения социализма на основе новой экономической политики под государственным контролем. Он вполне мог опасаться, что нэпманы, накопив большие капиталы, оттеснят или совсем сбросят власть. Разгоралась ненависть по отношению к «новым буржуям» – нэпманам. И по существу Сталин вновь повернул страну к чему-то подобному «военному коммунизму» (тоталитаризму). Повернул без колебаний. Главной частью этого была ликвидация кулачества как класса и коллективизация крестьянства. Ленинские кадры вначале были отстранены, а позднее репрессированы и в большинстве расстреляны. Н. Крупская говорила, что и сам Ленин, скорее всего, сидел бы в тюрьме. Командные посты оказались в руках «людей Сталина». В результате этой «сталинской революции» образовался новый правящий слой – «номенклатура».

Представители этого слоя все дальше и дальше отходили от революционных традиций и все более становились приверженцами жизненных благ, удобств, привилегий. Шел процесс обмещивания и на его основе перерождение большевиков.

Недавно изданная книга Юрия Слезкина «Дом правительства. Сага о революции» документально рассказывает о многих жильцах этого привилегированного дома, построенного в Москве на Болотной площади (в просторечии – «на «болоте»). Эти жильцы – принадлежали к людям, которые «на болоте» революцию начинали, но в комфортабельных квартирах правительственного дома ее заканчивали.

Сменовеховец Н. Устрялов еще до полного окончания гражданской войны пришел к выводу, что силовым путем большевиков уже не свергнуть. Но с ними произойдет то, что с якобинцами. Они не пали, они переродились. Тот же процесс перерождения все активнее стал втягивать номенклатуру. Пиком этого перерождения стала «перестройка» М. С. Горбачева. Он выдавал ее за реформу в рамках социализма, но, ни он, ни «архитектор перестройки» А. Яковлев, никто из «прорабов перестройки» ни единым словом не обмолвились о своих действительных намерениях, о том, что они направляют страну в капитализм. И только когда это свершилось, они открыли свой истинный замысел.

Революционное движение, начавшееся в России в начале XX в. прошло по кругу и к концу века вернулось примерно в исходную точку – состояние, напоминающее период первоначального накопления капитала и сказочно обогатившее многих потомков революционеров-большевиков.

В. В. Шелохаев

Размышления о революционном процессе в России начала XX века

Черeda 100-лeтий Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г., Гражданской войны 1918–1920 гг. вызвала очередной всплеск дискуссий, связанных как с самой периодизацией революционного процесса, типологией российских революций, так и причин братоубийственной войны в России. В принципе, соглашаясь с посылкой о взаимосвязанности и взаимообусловленности этих проблем, оказавших судьбоносное влияние на выбор дальнейшей судьбы России, тем не менее, считаю необходимым высказать ряд соображений, которые, надеюсь, будут способствовать дальнейшему их осмыслению и в ряде моментов корректировке.

В отечественной историографии последних десятилетий с необычайной легкостью утвердилась новая периодизация революционного процесса в России начала XX века. Начальной точкой названы крестьянские выступления 1902 г., а конечным пунктом завершения – 1922 год. Такую периодизацию предложили историки-аграрники, обосновывая ее постановкой и решением аграрно-крестьянского вопроса в России. Понять стремления историков-аграрников к «расширению» хронологических рамок аграрной революции в целом можно. Их послышки опираются на следующие исходные положения. Во-первых, в расчет принимается удельный вес аграрного сектора в структуре экономики как целого. Во-вторых, удельный вес крестьянства в общей массе населения. В-третьих, на особенности крестьянского миропонимания, мировоззрения и мироощущения. Убедительность вышеназванных посылок представляется бесспорной.

Однако смысл и содержание российских революций не сводилось исключительно к аграрно-крестьянскому вопросу, который при всей своей значимости все же был составной частью революционного процесса как целого. В связи с этим возникает вопрос: можно ли оперируя только аграрно-крестьянской проблемой, распространять предложенную историками аграрниками периодизацию революционного процесса в России начала XX века?

В дореволюционной, а затем эмигрантской либеральной историографии предлагалось начинать периодизацию Первой российской революции с ноября

1904 г., т. е. с момента, когда земский съезд принял конституционные требования, подхваченные в ходе банкетной кампании широкими демократическими слоями интеллигенции. Эта идея была воспринята некоторыми западноевропейскими исследователями. В постсоветский период в отечественной историографии начала разрабатываться идея о том, что именно локальные крестьянские выступления 1902 г. послужили началом революции в России. По сути же, ни та, ни другая идеи о начале российской революции все же в полной мере адекватно не отражали реальной сути исторических событий в широком смысле слова, ни их составной части – собственно революционного процесса.

Суть проблемы, на мой взгляд, надо искать в ответе на вопрос: являлись события 1902 и 1904 гг. качественно переломными и с логической неотвратимостью ведущими непосредственно к революции 1905-1907 годов? Как известно, в это время в распоряжении самодержавной власти было достаточно средств и методов, чтобы избежать революционного варианта развития событий. Так, для подавления локальных крестьянских выступлений 1902 г. власть оперативно и эффективно использовала традиционные методы насильственной расправы с «бунтовщиками». Одновременно, власть, осознавая остроту аграрно-крестьянского вопроса, инициировала созыв специального Сопещения для рассмотрения целого комплекса вопросов, связанных с проблемами сельского хозяйства. Что касается либеральных «конституционных требований», то и в данном случае власть также оперативно на них среагировала указом 12 декабря 1904 г. Иными словами самодержавие выражало готовность обсуждать с обществом объективно назревшие проблемы, и намеривалось при помощи, хотя паллиативных мер, их мирно «расшить» и продолжать удерживать развитие страны в эволюционном русле. Поэтому события 1902 и 1904 гг. следует рассматривать лишь в качестве возможных предпосылок Первой российской революции 1905–1907 гг., но не оценивать их в качестве уже свершившего факта начала российской революции.

Революцию 1905–1907 гг. обусловил весьма широкий комплекс проблем (экономических, социальных, политических, правовых, национальных, профессиональных), уходящих своими корнями в пореформенный период. Критическая масса этих противоречий «сдетонировала» лишь 9 января 1905 года. Поэтому январские кровавые события 1905 г. в Петербурге и стали реальной, а не гипотетически возможной, точкой отсчета революционного процесса в России в начале XX века.

Что касается даты завершения революции в России – 1922 г., то она также представляется весьма проблематичной. По сути, исследователи, придерживаясь такой периодизации, объединили в единый революционный процесс Первую российскую революцию 1905–1907 г., Февральскую революцию 1917 г., Октябрьский переворот и Гражданскую войну. Для советской историографии такие попытки «выправить» исторический процесс, представить его с логической неизбежностью ведущим к Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний в период Гражданской войны с идеологической точки зрения были очевидны и бесспорны. Такой подход подкреплялся марксистско-ленинскими теоретическими и методологическими постулатами. В них входили: особенности социально-экономического и политического развития России («слабое звено» в мировой капиталистической системе); особый тип российской буржуазно-демократической революции; особая роль общественно-политических лагерей и их расстановка («гегемония пролетариата» «союз рабочего класса с крестьянством», «революционно-демократическое правительство»); новый тип марксистской партии; особая миссия российского пролетариата; интернациональные задачи коммунистической партии. Вместе с тем, если, образно говоря, попытаться с теоретических «высот» «опуститься на грешную землю», то картина революционного процесса в России выглядела не столь однозначно и однолинейно.

Представляется бесспорной оценка Первой российской революции 1905–1907 гг. и Февральской революции 1917 г. как именно буржуазно-демократических революций, объективно обусловленных логикой пореформенного развития России. Их буржуазное содержание и демократический характер у большинства отечественных и зарубежных исследователей не вызывает сомнений. Разночтения о типе российской революции (1789 г. или 1848 г.), бывшие предметами жарких споров среди интеллектуалов различных идейно-политических направлений представляются не столь существенными. Бесспорно и то, что западноевропейские революции, были близки по своему смысловому содержанию, хотя по формам и методам отличались друг от друга. Не была в этом смысле исключением и российская революция, которая несла в себе «родимые пятна» особенностей исторического развития собственной страны, особенностей формирования ее общественно-политических сил, традиционных форм и методов разрешения кризисных ситуаций. В этой логике революции 1905–1907 гг. и Февральская революция 1917 г. представ-

ляли собой органическое единство, отражали сущность и логику революционного процесса в его целом.

Что же касается Октябрьской революции 1917 г., то она положила начало качественно новому этапу исторического развития России. Эта революция уже не вписывалась в общеевропейский тренд, наоборот, ставила перед собой задачу «слома» всей системы мирового капитализма. Иными словами, Октябрьская революция выбивалась из колеи западноевропейской цивилизации, положила начало невиданному ранее историческому эксперименту. Октябрьская революция стала, прежде всего, результатом волевого начала представителей радикального крыла социалистических партий. Начиная прорыв в наиболее слабом звене империализма – в России левые радикалы социалистического толка рассчитывали на мировую революцию и поддержку международного пролетариата. Безусловно, это был весьма смелый социальный эксперимент, который, с одной стороны, делал ставку на мировую революцию, а, с другой, – таил в себе многие непредвиденные опасности и риски для собственной страны.

Как видим, Октябрь осуществил «перерыв постепенности» исторического процесса как целого, так и в частности, предыдущего революционного процесса, характерного для двух предыдущих российских революций. Отсюда и возникает вопрос: имело ли единство революционного процесса в России, или же следует говорить о двух качественно разнородных революционных процессах? На мой взгляд, это были качественно разные процессы, имевшие разные целевые установки и последствия.

Думаю, что при всех коллизиях, имевших место после победы Февральской революции, вероятность возникновения Гражданской войны была бы не столь очевидна, чем это стало после октябрьского переворота. Опыт единения революционно-демократических и социалистических сил для подавления корниловского мятежа, убеждает в том, что при всех своих идейно-политических разногласиях у них сохранялось осознание опасности контрреволюционного разворота страны, который не устраивал ни различные направления среди социалистов, ни среди социал-демократов.

Поэтому Гражданская война все же стала логическим результатом октябрьского переворота, спровоцированного большевиками и их леворадикальными союзниками. Конфликт в демократической и социалистической среде, логически проистекающий из разных представлений о путях развития

России, сыграл определенную роль в развязывании Гражданской войны. Решающие сражения этого противостояния и противоборства, на мой взгляд, завершились не в 1922 г., а 1920 г. Напомним, что последующее подавление тлеющих очагов сопротивления, продолжавшееся в разных регионах и после 1922 г., особой сути не имеет, ибо коренной вопрос был решен в 1920 году.

Как следует из вышеизложенного, важно различать понятия «исторический процесс» от понятия «революционный процесс». В первом случае мы имеем дело с целым, а во втором – с его составной частью. И эта вторая часть требует собственной периодизации, а, следовательно, и выработки иных критериев. В этой логике Первая российская революция 1905–1907 гг. и Февральская революция 1917 г. по всем своим параметрам вполне соответствуют единству исторического процесса, обусловленному всей совокупностью пореформенного развития страны. Октябрьская революция и Гражданская война «взламывают» это единство, представляют собой иной этап тип революционного процесса. Если в первом случае Россия всей логикой пореформенного развития должна была оставаться в мировой капиталистической системе, стать составной частью мирового сообщества, то во втором случае Россия вырывалась за пределы буржуазного западноевропейского сообщества, торя дорогу в неизвестное будущее. Сделанный большевистской Россией выбор не был принят западной буржуазной цивилизацией. Новой России пришлось самостоятельно прокладывать неизведанные исторические пути.

Несмотря на очевидные особенности российской истории (как, впрочем, и истории других стран), которые в той или иной мере принимались во внимание общественно-политическими силами, действующими на исторической арене в начале XX в., следует, на мой взгляд, обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, стало очевидно, что время «крестьянских жакерий» уже давно миновало и крестьянское движение при всей его значимости не могло стать авангардом революционного движения начала XX века. Локальный характер крестьянских выступлений, как это, например, имело место не только в 1902 г., но и последующие периоды, включая и Гражданскую войну, не могло стать тем единственным «детонатором», открывшим собой двадцатилетний революционный процесс в России. Как и в других европейских странах, в России эпицентром массовых возбуждений и движений в XIX – начале XX в. становятся столичные центры, а также крупные и средние города, которые продуцировали начало и дальнейшую динамику революционного

процесса в стране, а не российская деревня, разумеется, с учетом всей значимости крестьянского движения. Поэтому не крестьянские локальные выступления 1902 г., жестоко подавленные властями, а именно январские выступления столичного пролетариата 1905 г. знаменовали собой начало Первой российской революции. Аналогичная картина имела место в Феврале и Октябре 1917 года. Социальная структура городского населения, контрастная городская культура накладывали свой отпечаток на характер и динамику революционного процесса.

Приоритетный характер форм и методов массового движения, имевший место в городах, оказывал самое непосредственное влияние и на массовое движение в сельской местности. Разумеется, из этой посылки не вытекает утверждение о механическом восприятии деревенской средой городских форм и методов революционной борьбы. Речь идет о совпадении этих форм и методов борьбы, что, в свою очередь, было обусловлено спецификой трансформации сословного общества в современное гражданское. По сути, речь идет о многообразии и переплетении разных форм и методов революционной борьбы, которая как или иначе обуславливалась различной ментальностью городского и сельского населения России тех лет.

Сложность разрешения копившихся веками разнородных и разнонаправленных проблем, лежащих тяжелым грузом на плечах поколений начала XX в., обусловила не поэтапный характер, а одновременность их выдвижения. Сосредоточив внимание на разрешении текущих проблем, самодержавная власть на всем протяжении пореформенного периода все больше и больше увязала в «текучке повседневности», утрачивая стратегическое видение развития страны. Чем больше и глубже шло «увязание в повседневность», тем сильнее и активнее заявляло о себе общество, прежде всего, в лице своих разновекторных идейно-политических инициативных меньшинств, предлагавших собственные модели преобразования России. Рост дисбаланса между властью и обществом объективно вел к расширению пропасти между ними, а, следовательно, к невозможности выработки и определенной консолидирующей российское общество общенациональной программы. Все более и более углубляющееся противостояние между властью и обществом с логической неизбежностью привело к революционным событиям 1905–1907 гг., а через 12 лет к Февральской революции и большевистскому перевороту, а затем кровопролитной Гражданской войне.

На разных этапах развития мировой историографии степень вины разных сторон – власти и общества – освещались в зависимости от идеологических пристрастий и морально-этических представлений исследователей. В современной отечественной историографии наметилась устойчивая обвинительная тенденция в отношении революции, которая безоговорочно оценивается как «абсолютное зло», а сам «моральный облик» носителей революционных идей, подвергается критике. В российской ментальности это дело не новое, но едва ли продуктивное. Важно понять суть действий власти и общества, объяснить глубинные причины непонимания ими друг друга.

Обращение к пореформенному опыту российской истории убедительно показывает, что власть объективно располагала возможностями мирным путем разрешить разноуровневые конфликты с обществом. Проблема состояла в степени осознания содержательной сущности конфликтов и в субъективном желании их разрешения. В зарубежной и отечественной историографии этим двум вопросам традиционно уделено много внимания. В ряде случаев «доля вины» в одинаковых пропорциях распределяется между властью и обществом. Однако в подавляющем большинстве случаев «виновной» признается одна из сторон, что скорее проистекает от субъективного взгляда исследователя. Тем не менее, при всех оговорках и разночтениях (по крайней мере, в западной историографии) виноватым признавался авторитарный режим, оказавшейся неспособным адекватно ответить на вызовы времени. В советской историографии это обвинение самодержавного режима стало аксиомой. Если в западной историографии шли и продолжают идти споры о времени утраты модернизированным после 1905–1906 гг. режимом реформаторских потенций, которые могли миновать «революционный взрыв», то в современной отечественной историографии наметилась тенденция к объяснению его крушения исключительно условиями Первой мировой войны, которая нередко стала рассматриваться в качестве главного фактора революций 1917 года. Бесспорно, Первая мировая война предельно обнажила кричащие противоречия во всех сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения страны, которые, однако, возникли не в 1914–1917 гг., а уходят своим корнями в пореформенный период. Поэтому Первая мировая война стала действительно мощным фактором революции, но не ее первопричиной.

В судьбоносный период своей истории – период Первой мировой войны – модернизированный в 1905–1906 гг. политический режим проявил очевид-

ную неспособность вывести страну из системного кризиса, а верховная власть, признав этот факт, добровольно отреклась от трона. Такой поступок исторической власти, если даже признать, что он был совершен, во имя сохранения единства России и ее блага, на первых порах вызвал шок в умеренных и либеральных общественных кругах, которые в ускоренном темпе стали «примерять» на себя разные формы государственного устройства. Вместе с тем демократические и социалистические общественно-политические круги, учитывая опыт Первой российской революции, приступили к реализации собственных проектов переустройства России. Как и в 1905–1907 гг., повторилась также коллизия, выразившаяся в разнонаправленном понимании национальных интересов и дальнейших перспектив развития страны. Если учесть, что каждая из составляющих общественных и политических сил эти интересы мыслила различно, то понятны причины нарастающего противостояния между ними. Своего пика это противостояние достигло в 1917 г. и проявилось в противоборстве, как общественных сил, так и политических партий, стремящихся перехватить лидерство в политическом процессе.

И еще следует обратить внимание на одну особенность, стимулирующую революционный процесс в России – роль инициативного меньшинства в лице различных групп интеллигенции. Общеизвестно, что российская интеллектуальная элита уже давно, начиная с середины XVIII в., являлась «направленной» по своей природе. Разделяя различные мировоззренческие системы представлений о ролевых смыслах Личности, Государства, Народа, Власти, Общества в историческом процессе, проповедуя различные, нередко диаметрально противоположные методы вывода страны из системных кризисов, эти группы интеллигенции постоянно вели друг с другом непримиримую борьбу. Об этом, в частности, свидетельствовала, используемая ими лексика «враги слева», «враги справа», «друго-враги» и проч. При чем термины стали широко использоваться уже в период Первой российской революции 1905–1907 гг., а в 1917 г. уже приняли бытовой характер. Так, сразу после победы Февральской революции 1917 г. демократы и социалисты объявили врагами народа лидеров монархических партий, а некоторые из них были подвергнуты тюремному заключению. После июльских выступлений 1917 г. врагами народа были объявлены большевики и некоторые из них были арестованы. После же захвата власти большевиками врагами народа были объявлены кадеты, а не-

которые их лидеры также арестованы. В период Гражданской войны маховик репрессий против инакомыслящих приобрел массовый характер.

Мировоззренческая непримиримость разных групп интеллигентского инициативного меньшинства сыграла провокационную роль в разжигании разноуровневых конфликтов, которые являлись дополнительным возбуждающим и провоцирующим фактором нарастания конфликтности среди представителей разнородных социальных сил, отстаивавших разные интересы и, следовательно, вступающие в конфликты друг с другом. Наложение друг на друга идейно-политических и социально-экономических противоречий, дополняемых национальными и конфессиональными противоречиями, породили ту «гремучую смесь», которая в любой момент могла привести к стихийному массовому взрыву. Подобного рода ситуации не раз возникали на всем протяжении начала XX века, периодически выливаясь в революционные взрывы в 1905–1907 гг. и в 1917 г., которые до основания потрясли страну. Гражданская война 1918–1920 гг. явилась кульминационной точкой подобного рода противостояния в российском обществе.

Как видим, 100-летние юбилеи Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны не только способствовали подведению историографических итогов за столетний период, но заставили исследователей задуматься над многими дискуссионными проблемами, которые нуждаются в дополнительной основательной проработке.

М. Д. Стейнберг

**Революция, которую мы потеряли:
1917 год как возможность для будущего¹**

Годовщины исторических событий всегда вызывают настороженность у историков, считающих, что прошлое имело свою собственную целостность и правду. Личная память, попытки связать прошлое с настоящим, текущая политическая обстановка часто ведут к искажению уроков и смысла прошлого. Конечно, мы знаем, что объективную историческую правду, «то, что произошло на самом деле», как говорил Леопольд Ранке, невозможно восстановить: истина скрыта где-то в тени ограниченного набора доступных нам сведений о прошлом и неизбежными личными предпочтениями, которые мы вносим в нашу интерпретацию событий, даже выступая как исследователи. И всё же, зная все это, историки стремятся проникнуть в реальную сущность прошлого. Препятствия для правильного толкования истории не ограничиваются вышеупомянутыми. Не меньшую проблему составляет популярная ныне историографическая тенденция, состоятельность которой редко подвергается сомнению, подходить к истории как к рассказу о прошлом, в котором конечные результаты объясняют ход событий. Даже когда мы не отмечаем годовщину исторических событий и не размышляем об их влиянии на настоящее, мы склонны читать историю «задом наперёд» через призму результатов и последствий, вместо того чтобы рассматривать прошлое само по себе во всем его сложном, порой хаотическом богатстве возможностей.

Мы много теряем и в отношении исторического прошлого, и в отношении настоящего, когда концентрируемся только на контексте, причинах и следствиях. И много больше понимания (и я бы осмелился сказать «свободы») мы приобретаем, когда думаем о прошлом как о прожитом опыте во всем его жизненности, хаосе, противоречивости и непредсказуемости. Такой подход имеет и политическую остроту. Нет сомнений в том, что история полна неудач, жестокости и разочарований, как это было и в истории русской революции. Но это не было неизбежностью. Непредсказуемость истории и даже

¹ Несколько иная версия этой статьи будет опубликована на английском языке в издании «Русская революция 1917 г.: память и наследие», под ред. Кэрола С. Леонарда, Даниэля Орловского, Юрия Петрова (Routledge, готовится к печати). Эта версия в русском переводе публикуется с разрешения редакции.

некоторая её хаотичность оставляют открытыми разные возможности, а значит, дают надежду. Идея о том, что история, которая есть по сути «время», остается открытым процессом, очень привлекательна.

Прежде чем применить эти методологические подходы к истории 1917 года, я хотел бы еще немного остановиться на теории. В частности, несколько слов хочу сказать о теоретиках, которые пытались, вслед за потрясениями и катастрофами XX в., понять, какое значение имела и к чему привела русская революция, более того – понять, в чем состоит смысл новейшей истории, и что она произвела. Я имею в виду разочарованных критических сторонников западного марксизма, которые рассматривали историю как поле возможностей (даже свободы), содержащее множество альтернативных вариантов будущего. Первым среди них является Эрнст Блох с его книгой «Дух утопии», вышедшей в 1918 г., и эпической трёхтомной историей «Принцип надежды», написанной уже после Второй мировой войны. Другие, хорошо знавшие друг друга, это Вальтер Беньямин (особенно значимыми являются его мысли о значении истории и революции, озвученные им в «тёмные» 1930-е гг.), Теодор Адорно и, в некоторой степени, Ханна Арендт. Я акцентирую внимание на их усилиях по реставрации и восстановлению идеи «утопии» для катастрофически постутопического мира.

В соответствии с их философскими воззрениями утопию следует понимать не как нереалистичную фантазию о совершенном обществе, а (здесь я процитирую Адорно) как «решительное отрицание того, что просто есть» ради «того, что должно быть». По словам Эрнста Блоха, этот «утопический импульс», обнаруженный в культурах всех времён и народов, побуждает «выйти за пределы» границ и недостатков мира, за пределы «тьмы живого момента», для того чтобы увидеть и распознать проглядывающееся, но не менее реальное «ещё не» (нем. *Noch-Nicht*).²

Это не только аргумент в пользу существования поля исторических возможностей в прошлом, но также касается и нашего собственного вероятного

² “Something’s Missing: A Discussion between Ernst Bloch and Theodor W. Adorno on the Contradictions of Utopian Longing,” in Ernst Bloch, *The Utopian Function of Art and Literature: Selected Essays*, trans. Jack Zipes and Frank Mecklenburg (Cambridge, Mass., 1988), 12; Ernst Bloch, *Geist der Utopie* (Munich and Leipzig, 1918), 9; idem., *The Spirit of Utopia*, trans. Anthony Nassar (Stanford, 2000 [from the revised 1923 German edition]), 3; idem., *The Principle of Hope*, 3 vols. (Cambridge, Mass., 1995), especially 1: 3–18 (Introduction) and 287–316 (“Summary/Anticipatory Composition”).

будущего. Я думаю, вовсе не случайно, что после краха советского коммунизма (медленный упадок которого, как мы считаем, начался задолго до 1989 или 1991 г.) и в условиях недавнего глобального возврата авторитарного популизма, не говоря уже об углубляющихся потоках постоянного неравенства, разрушенной природной среде и обесцененных идеалах, значительное число авторов по всему миру обращаются к Блоху, Беньямину и Адорно, чтобы обосновать «утопию» как метод познания прошлого и настоящего: другими словами, как метод понимания самой реальности («то, что просто есть»), которую мы стремимся преобразовать (особенно во имя того, «что должно быть»). Мы живём в ограниченном мире настоящего – мире ожиданий, сформированных скорее тем, что есть на самом деле, чем тем, что может быть, и поэтому мы легко принимаем «ещё не» за априори «невозможное». Х. Арндт, отошедшая от марксизма, выразила эту идею лучше всего, когда написала в своём эссе «Что такое Свобода» (1961): «бесконечно невероятное ... составляет саму текстуру всего, что мы называем реальным».³ Это действительно так, ибо человеческое существование само по себе бесконечно невероятно, и мы должны «искать непредвиденное и непредсказуемое, чтобы быть готовыми и ожидать «чудес» даже в тех случаях, когда «весы перевешивают в сторону катастрофы».⁴

Возможно, наиболее интересная версия подобного взгляда на историю и наиболее применимая в размышлениях о русской революции была изложена Вальтером Беньямином в его эссе 1940 г. о концепции истории. Взяв за основу старую марксистскую метафору XIX в. о революции как о «скачке из царства необходимости в царство свободы» (нем. *der Sprung der Menschheit aus dem Reich der Notwendigkeit in das Reich der Freiheit*)⁵, Беньямин истолковал революцию как «прыжок человечества в открытое пространство истории» (нем. *Sprung unter dem freien Himmel der Geschichte*): прыжок, который «взрывает непрерывный ход истории» (где перемены основаны только на

³ “Something’s Missing,” 6; Fredric Jameson, “The Politics of Utopia,” *New Left Review* 25 (January–February 2004), 46.

⁴ Arendt, “What is Freedom,” *Between Past and Future* (New York, 1977), 165–169.

⁵ Friedrich Engels, *Herrn Eugen Dühring’s Umwälzung der Wissenschaft* [Herr Eugen Dühring’s *Revolution in Science, or Anti-Dühring*, 1878], section 3 (Socialism), chapter 2 (Theoretical), in *Karl Marx and Friedrich Engels, Werke*. Herausgegeben vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED, vol. 20 (Berlin, 1962), 264. Похожий аргумент можно найти у Карла Маркса: *Capital: A Critique of Political Economy*, vol. 3 (Chicago, 1909), chap. 48 (952–55). См.: Andrzej Walicki, *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom: The Rise and Fall of the Communist Utopia* (Stanford, 1995).

том, что уже есть и на том, чего мы ждем), преодолевает историю, рассматриваемую главным образом в качестве «катастрофы», и позволяет человечеству постичь «осколки» и «вспышки» «искупительного» «мессианского времени», открытого будущему⁶. Обратите внимание на разницу. Маркс и Энгельс особо подчеркнули именно конечную цель (aus / in): утопическое «царство свободы» (вера в которое, как многие утверждали, а советский пример показал, может быть опасной, особенно тогда, когда руководящая группа убеждена, что цель оправдывает любое средство ее достижения). Беньямин, напротив, подчеркнул сам прыжок, который происходит в свободном и открытом пространстве истории. Немецкая фраза «unter dem freien Himmel» («под свободным небом») – особенно многозначна (допускает вариативное толкование), но явно не сфокусирована на утопической конечной цели. Блох назвал это естественным человеческим «импульсом» к «ещё не». Арендт назвала это «чудом», которое мы должны ожидать. И все трое отлично понимали, что именно потому, что катастроф в истории ожидают больше всего, мы должны прыгнуть из темноты к свободе. Для Беньямина, коллеги и друга Арендт, писавшего в 1940 г., в то время, когда стрелки «весов» истории «склонялись к катастрофе», было важно признать, именно в этом трагическом настоящем, что история оставалась открытой для возможностей, даже для таких, о которых ещё и не мыслят.

Всё это очень важно для понимания русской революции. Так как в этой революции, включившей в себя намного больше, чем события 1917 г., мы видим скрытый смысл, говорящий о том, что «непрерывный ход истории» был «взорван». Причём метафору необходимо понимать буквально, чтобы случайно не проигнорировать насилие, которым сопровождалось это событие, и предвкушение чего-то чудесного и непредсказуемого, так называемого «ещё не» несмотря на то, что стрелки весов истории в очередной раз склонялись к вероятности (но не неизбежности!) катастрофы. Мы видим это как в каждодневных событиях, происходивших в 1917 г., так и в письменных трудах тех, кто пытался осознать значение этих беспрецедентных событий.

Красноречивая фраза Блоха «тьма прожитого момента» отнюдь не была философской абстракцией в 1917 г. В предреволюционное десятилетие, даже

⁶ Walter Benjamin, “On the Concept of History,” Selected Writings, 4 vols. (Cambridge, Mass., 2003), 4: 389–411. See also Michael Löwy, Fire Alarm: Reading Walter Benjamin’s ‘On the Concept of History’ (London, 2005).

до катастрофы Первой мировой войны, очень много русских, судя по газетным сообщениям, описывавшим «общественное настроение», чувствовало, что «катастрофа» (слово, которое тогда часто использовалось) уже медленно входила в их жизнь. Прочитируем голоса тех времён (когда само историческое время было поставлено перед проблемой): «время расшатывает основы и под самыми надёжными»; «сколько раз ни обманул бы [нас] призрак счастья»; «нет выхода» из «уродливо сложившихся условий современной жизни». ⁷ Или, по словам одного журналиста, который ёмко суммировал общественные настроения и своё собственное: «Перед нами простирается длинный, чёрный, вонючий коридор, конец которому не виден». ⁸ Это были не просто чувства отдельных экзальтированных интеллектуалов или художников эпохи серебряного века, но повсеместно встречающиеся общественные эмоции. Они нашли отражение в «эпидемиях» (термин, который часто использовали современники) самоубийств (особенно среди молодёжи) и в повседневном насилии в общественных местах — двух проявлений того, что может быть названо глубокой социальной «болезнью». По словам журналистов и писателей того времени, российская общественность находилась в настроении, отмеченном углублением и распространением «пессимизма», ⁹ «уныния», ¹⁰ «отчаяния» ¹¹ и чувства «безнадёжной пустоты». ¹² Одним словом, интеллектуальная и духовная атмосфера общественной жизни в довоенной России (особенно в городской её части) определялась как «тоска» и «разочарование». В этом контексте самоубийство рассматривалось не только как знак отчаяния, но и как скрытый протест: как выразился один из медиков, само-

⁷ Широкий В. Черты современной русской жизни // Новый журнал для всех. 1914, №1 (январь). С. 45.

⁸ Энгельгард М. А. Без выхода // Свободный мысли. 1908, №35 (январь).

⁹ Например, Галич Л. Мысли: научный оптимизм и мешане // Речь. 11 июля 1907 г.; Андреев Л. Люди теневой стороны // Свободные мысли. № 41, 18 февраля 1908 г. Более того, издания «Эпоха настроений», «Весна» № 6 от 10 февраля 1908 г.; Логвинович Л. Смех и печаль // Жизнь для всех. № 1, январь 1912 г. С. 111.

¹⁰ Базилевич Б. Мнимые страхи // Свободные мысли. №13, от 13 августа 1907 г.; Брусиловский И. «Смысл» жизни // Современное слово. № 1, от 13 марта 1910 г.

¹¹ К самоубийствам молодёжи // Церковный вестник. № 12, от 25 марта 1910 г. С. 362. Зорин (Гастев) А. Рабочий мир: вера, отчаяние, опыт // Новый журнал для всех. № 8, август 1911 г. С. 1075.; Немирович-Данченко. Жить дёшево! (Очерки эпидемии отчаяния) // Запросы жизни. № 10, от 7 марта 1910 г. С. 588

¹² Жбанков Д. Современные самоубийства // Современный мир. № 3, март 1910 г., С. 2, 48, 53. Он же: Половая преступность // Современный мир. № 7, июль 1909 г. С. 64.; Теософическое обозрение. №3, декабрь 1907 г. С. 113–114.

убийство – это «кровавый упрёк, брошенный остающимся живым».¹³ И, возможно, этим же можно объяснить и повседневное уличное насилие, особенно бесчисленные случаи «хулиганских» убийств незнакомцев без какой-либо причины, но которые можно рассматривать как свидетельство отчаянного бес- сильного гнева и, следовательно, кровавого упрёка, направленного против тех, чья жизнь более комфортна и тех, кто обладает большей властью.

А затем произошёл резкий скачок 1917-го года. Наиболее чётко мы видим веру в возможность радикальных перемен в «дни свободы» сразу после свержения царя, когда люди вышли на улицы, обнимая и целуя незнакомцев. Легко снисходительно говорить о восторженной надежде на действительно новый и свободный мир, которую многие люди чувствовали в тот момент. Но люди действительно действовали (потому, что так чувствовали) исходя из того, что они живут в эпоху современных чудес. Виктор Шкловский, например, писал так: «Это была Пасха и весёлый масленичный наивный безалаберный рай».¹⁴ В письмах и петициях властям разворачивающаяся революция неоднократно описывалась как «священное» время «воскресения» и «спасения», как чудесная «весна свободы».

Один журналист, писавший для популярной московской газеты «Ежедневная газета-копейка» в эти первые дни революции, описал атмосферу так, как видели и чувствовали многие: «И не перспективы, как писали ещё «вчера», открываются перед новой Россией, а реальные возможности, широкие горизонты. ... Великая русская революция, такая быстрая, такая необычайная, как кислород умирающему человеку, пришла для спасения русского народа тогда, когда «верхи» ее не ждали. Все революции приходят неожиданно [Арендт сказала бы, что они «врываются в мир как «безграничная невозможность». Маркс и Бенджамин назвали бы их историческими скачками]. И тем грандиознее их приход. Они рождаются стихийно, налетают, как ураган, и вырывают свободу для истомлённого народа... Так было, так будет».¹⁵

Необходимо отметить, и многие авторы об этом говорили, что таковым был дух только Февральской революции, когда «свобода» была лозунгом, и

¹³ Там же. С. 2, 27. Zhbankov, “Sovremennye samoubiistva,” pt. 2, 27. Более подробное обсуждение «социального настроения» в годы, предшествовавшие 1917 г, см. В моей работе «Petersburg Fin de Siecle» (Нью-Хейвен, 2011).

¹⁴ Victor Shklovsky, *A Sentimental Journey: Memoirs, 1917-1922*, trans. Richard Sheldon (Ithaca, 1970 – originally published in Moscow in 1922), 11, 13, 16.

¹⁵ Б. Весна России // Ежедневная газета - копейка. от 11 марта 1917 г. С. 1.

все казалось возможным, но не Октября. В Октябре «тьма живого момента» стала ещё сильнее, стрелки «весов катастрофы» ещё больше сместились к предельным показателям: разваливающаяся экономика, бесконечная война, неэффективное государство. Все говорили уже не о надежде на будущее, а о надвигающемся крахе и хаосе, а также о своём собственном бессилии.

И поэтому, даже искреннее чем в феврале, многие люди приняли, казалось бы, невозможное: идею о том, чтобы отдать всю власть обычным людям. В их представлениях реализация большевистского лозунга «Вся власть Советам», независимо от того, какой смысл в него вкладывала партийная элита, могла спасти Россию а, возможно, и мир. Шансы на успех были огромны. Но толпы продолжали раскачивать ситуацию, веря в «бесконечно невероятное». Мы могли видеть это на улицах, особенно, когда дело касалось выдвижения требований того, что принято называть «властью народа»: правительство, состоящее только из простых людей; фабрики, управляемые рабочими; земля, находящаяся в распоряжении тех, кто её обрабатывает; свободные и объединённые с другими свободными народами падшей империи национальные меньшинства; женщины, равные с мужчинами в достоинстве и правах. Рассуждения народных масс были простыми и непреклонными: это то, каким *должен* быть мир, и потому он *может быть* таким.

Хотя большевистская власть и была средством, а не целью – никто не требовал «Всей власти большевикам» (а некоторые большевики, как мы знаем, выступали против однопартийной диктатуры) – среди большевистских лидеров у власти, вера в «свободное небо» исторических возможностей была удивительно сильна. Сам Ленин любил говорить о «чудесах». Например, весной 1917 г. он утверждал, что «чудеса пролетарского, народного героизма», совершившего февральскую революцию, должны быть превращены в «чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции».¹⁶

После своего возвращения в Россию, он продолжал утверждать, что единственный способ спасти Россию «от краха и разорения» состоит в том, чтобы «внушить угнетённым и трудящимся доверие в свои силы», «высвободить энергию, инициативу и решительность народа, который в этом мобилизован-

¹⁶ Ленин В. И. Письма издаека (7–25 марта 1917); Апрельские тезисы // Правда, от 7 апреля 1917; Ленин. В. И. Избранные произведения. Том 2. М. 1988. С. 116–131.

ном состоянии способен творить «чудеса».¹⁷ Он продолжал делать подобные заявления о чудесах энтузиазма и после Октября. Многие большевики оперировали похожими понятиями, хотя часто критиковали растущий авторитаризм, как это делала, например, Рабочая оппозиция 1921 г.

В своей основной брошюре, составленной Александрой Коллонтай, члены группы критиковали «бюрократизм» (и особенно экономические планы Льва Троцкого) как ограничение на каждом шагу «живой инициативы» рабочих, которые могут трансформировать экономику только одним своим «чудом энтузиазма». Чем раньше руководство партии поймёт эти истины, заявляли они, «тем скорее мы переступим заповедный рубеж, где человечество, освобождённое от экономических, вне его лежащих законов, начнёт по воле богатого научными ценностями коллектива сознательно творить историю человечества эпохи коммунизма» — тем скорее, могли бы они добавить, человечество сможет «сделать прыжок из царства необходимости в царство свободы».¹⁸

Даже для Троцкого были характерны подобные настроения. Особенно это было заметно в годы его молодости. Например, в 1901 г., в возрасте 21 года, Троцкий, находясь в изгнании в Сибири и работая деревенским корреспондентом и литературным критиком в сибирской газете под псевдонимом Антид Ото (от итал. слова *antidoto*, «противоядие»), отверг то, что назвал филистимским пессимизмом настоящего (который не видит ничего нового в мире, кроме «вечного повторение пройденного»), а также более модный декадентский пессимизм, который смотрит на настоящее как на «иль пусто, иль темно», а на будущее — как нечто неопределённое. Троцкий предложил альтернативу: быть «пессимистом настоящего» (признавая, что настоящий момент мрачен и катастрофичен) и «оптимистом будущего», «страстным, верующим и борющимся», готовым «уверенной рукою» стучаться «во врата истории».¹⁹ Несколько лет спустя, в 1904 г., Троцкий утверждал, что во времена рево-

¹⁷ Ленин. Запугивание народа буржуазными страхами // Правда. 4.05.1917. С. 1; Неминуемая катастрофа и безмерные обещания // Правда. 17.05.1917. С. 1; Удержат ли большевики государственную власть? // Просвещение. 14.10.1917 (эта работа была написана в конце сентября 1917 г.).

¹⁸ Рабочая оппозиция. М., 1921. С. 22, 32, 35, 38–40.

¹⁹ Троцкий Л. О пессимизме, оптимизме, XX столетии и многом другом // Восточное обозрение. от 17 февраля 1901 г. <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl457.htm>. См. также: Deutscher, Prophet Armed, 53–54.

люции, когда массы пробуждаются, «невероятное становится действительным, невозможное – вероятным».²⁰

Двадцать лет спустя, после многих лет борьбы, которые преподали ему тяжёлые уроки об исторических реалиях, о нужде и о живых людях, Троцкий особенно заинтересовался возможностью радикальных изменений в «физической и духовной природе человека», которую он описывал как «музыку будущего».²¹ Троцкий признал, что в принципе невозможно представить то, что ещё не произошло, поскольку способность человека видеть наперёд ограничена его собственными представлениями о мире. Зато он был готов рассуждать о новом человеке будущего: «Человек поставит себе целью овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину сознательности, сделать их прозрачными, протянуть провода в подспудное и подпольное и тем самым поднять себя на новую ступень» – создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно – сверхчеловека... Человек станет несравненно сильнее, умнее, тоньше. Его тело – гармоничнее, движение ритмичнее, голос музыкальнее... Средний человеческий тип поднимается до уровня Аристотеля, Гете, Маркса. Над этим кряжем будут подниматься новые вершины».²²

Александра Коллонтай размышляла приблизительно так же. Во время революции 1905 г. она утверждала, что, хотя мир будущего ещё даже нельзя представить, в обновлённой «социальной атмосфере» грядущих времён произойдёт «осуществление высшего и недоступного нам типа морального человека». Когда общество вырастет за пределы конкурирующих индивидов и антагонистических классов, появится этот «новый человек», которого она характеризовала как «гармоничный, цельный, сильный и красивый образ истинного сверхчеловека».²³ Безусловно, по её словам, «бледные проблески»²⁴ будущего пока только намечались. Но эти проблески (то, что Бенджамин назвал вспышками и осколками мессианского времени) были главной силой,

²⁰ Троцкий Л. Война и либеральная оппозиция. Сочинения. Т. 2. М., 1925. С. 3–53. См. также: Deutscher, *The Prophet Armed*, 108–112.

²¹ Троцкий Л. Несколько слов о воспитании человека // Вопросы быта <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl933.htm>.

²² Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С. 196–197.

²³ Коллонтай А. Проблемы нравственности с позитивной точки зрения // Образование. №9, 1905. С. 77–95, №10. С. 92–107; Она же. Этика и социал-демократия // Образование. №2, 1906. С. 28–32.

²⁴ Коллонтай А. Женщина-работница в современном обществе // Труды Всероссийского женского съезда. СПб, 1908.

вселяющей надежду и заставляющей человека осмелиться прыгнуть по направлению к «ещё сейчас неосуществимому будущему»²⁵ и осознать, что невероятное не означает невозможное. Коллонтай продолжала продвигать идеи нового человека, особенно новой женщины, и в 1917 г., и после.

Такая иллюзорная вера не казалась странной или неуместной ни в 1917 г., ни даже в более прагматичные годы новой экономической политики. Чтобы подчеркнуть эту повседневную нормальность радикальных представлений о том, как прыгнуть в свободное небо исторических возможностей, я хотел бы уделить некоторое внимание празднованию первой годовщины Октябрьской революции. Это событие было направлено в том числе и на то, чтобы впервые определить революции место в истории.

Готовясь к этому дню, Совет народных комиссаров поручил Народному комиссариату просвещения объявить конкурс на изготовление мемориальной барельефной доски, что хорошо вписывалось в рамки ленинского проекта «монументальной пропаганды». В августе 1918 г. шесть скульпторов были приглашены в Моссовет для представления своих идей. Победителем был объявлен Сергей Конёнков, известный художник-революционер и председатель Союза скульпторов Москвы. В течение недель, предшествовавших празднованию годовщины Октября, он завершил проектирование (внеся ряд изменений в своё первоначальное предложение), изготовил тонированные бетонные панели и установил свою работу на Сенатскую башню Кремля. В день годовщины революции барельеф «Павшим за мир и братство народов» был представлен публике, состоящей из делегатов от фабрик, армии и местных советов, в присутствии советских и большевистских вождей, включая лидера партии Ленина, который выступил с приветственной речью, и Якова Свердлова, главы государства. Учитывая время и место его установки, а также процедуру отбора, мы можем рассматривать мемориал Конёнкова как нечто большее, нежели просто произведение искусства или выполнение ленинского заказа на «монументальную пропаганду». Время и место придавали ему значение исторического и ритуального объекта, осязаемой памяти революции, визуальной интерпретации событий 1917 г.

²⁵ Коллонтай А. На странную тему // Новая жизнь. 1911.; Она же. Половая мораль. // Новая жизнь. 1911; Она же. Отношения между полами и классовая борьба // Новая мораль и рабочий класс. М., 1918. С. 40–41; Она же. Любовь и новая мораль // Новая мораль и рабочий класс. М., 1918. С. 51.

Когда покрывающий занавес был спущен, то, что увидела собравшаяся публика, представляло собой большой и ярко окрашенный барельеф, в центре которого доминировала фигура с золотистой кожей и голой грудью (неопределённого пола, изображённая в традиции ангелов и древних богов, хотя по расположению пальмовой ветви можно было предположить, что изображена всё-таки женщина), с огромными белыми крыльями, одетая в классическую юбку, с короной из орлиных перьев. Работа богата, даже переполнена, символическими элементами, священными и мифическими подсмыслами. Помимо символизма самой крылатой фигуры, символом здесь является и пальмовая ветвь, которую она держит в одной руке (известный символ мученичества, победы и небес), и длинное красное знамя, зажатое в другой (символ революции и социализма, но также и крови падших – действительно, его полотнище напоминает кровь); и восходящее солнце, чьи лучи «произносят» слова «Октябрьская революция 1917 года»; и сломанные мечи и ружья, завернутые в траурные ленты и вонзившиеся в землю; и два упавших красных флага, один увенчанный серпом и молотом, а другой – сложенными руками. На одном из баннеров золотым цветом были написаны слова «Павшим в борьбе за мир и братство народов». Барельефная доска была застеклена так, чтобы соответствовать цветам куполов близлежащего собора Василия Блаженного – как будто для того, чтобы органично вплести в общий ансамбль Красной площади новое сакральное пространство. По словам Конёнкова, оно отображало «новые краски жизни, пробуждающие в нас революционное чувство».²⁶

[Смотри иллюстрацию на обложке: Сергей Конёнков. Мемориальная барельефная доска, 1918. Русский музей, Санкт-Петербург].²⁷

На церемонии открытия барельефа хор Пролеткульта исполнил «Кантату», специально написанную тремя рабочими поэтами.²⁸ Перед «Ангелом революции» Конёнкова (моё название барельефа, не его), революционерами, лидерами партии и государства хор пел:

«Сойди с креста, народ распятый, преобразись ...

Реви, земля, последний бурей!

Снимай на бой, скликай на пир,

²⁶ Конёнков С. Мой век. М., 1971. С. 222-223. Первоначальный проект в статье М. Мемориальная доска на Красной площади // Творчество. №7, от 7 ноября 1918. С. 26.

²⁷ Источник иллюстрации: Mikhail Guerman, Art of the October Revolution. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1979). P. 282.

²⁸ Герасимов М., Есенин С., Клычков С. Кантата // Зарево заводов. №1, январь 1919. С. 24–25.

*Пусть светит новый день в лазури
Преображая старый мир»²⁹.*

Для нас может быть удивительным то, что именно этот барельеф стал одним официальных революционных символов Москвы, ставшей новой столицей. Причём этот канонический статус не был эфемерным: крылатая фигура Конёнкова на Красной площади оставалась частью революционного некрополя, который созерцали миллионы людей, вплоть до 1940-х гг., когда он был снят для проведения реставрационных работ. Однако в то время подобным образом революции никого нельзя было удивить. Иконография революции – мир веры и смысла – была полна крылатых и летающих фигур (в том числе воскрешённых). По крайней мере, ещё один проект для этого мемориала, предложенный Акопом Гюрджяном, и особо отмеченный в официальном обзоре, изображал женщину с обнажённой грудью, крылатого «Гения свободы» парящего в воздухе чуть выше и двух полуобнажённых рабочих, ведущих массы в «последний решительный бой» на заднем плане.³⁰ Другие произведения искусства, создание которых было приурочено к первой годовщине Октября, также изображали крылатые фигуры, часто дующие в трубы: по-видимому, провозглашающие победу, но также и подобно архангелам Михаилу и Гавриилу, объявляющие Страшный суд, окончательное поражение зла и, конечно же, воскресение.³¹

Подобные изображения можно интерпретировать по-разному. Возможно, для кого-то они стали символами обновлённой религиозной веры. Но, в основном, они выражали мысли и чувства по поводу революции, широко распространённые в то время: перед лицом продолжающегося бедствия глубоко человеческое стремление верить в то, что тяжёлая поступь истории может быть разорвана и человечество сможет совершить прыжок (и даже полет) в открытое пространство возможностей. Такой взгляд имел свою историю, в особенности в устоявшейся русской революционной художественной традиции, наиболее сильной среди поэтов и писателей - самоучек, выходцев из рабочей среды. В этой традиции революционные изменения, бесконечность мира и всеобщее освобождение связывались с образами полёта и крыльев.

²⁹ Там же.

³⁰ Мемориальная доска на Красной площади // Творчество. №7, 7 ноября 1918. С. 26–27.

³¹ Mikhail Guerman, *Art of the October Revolution*. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1979.

Один из многих примеров тому из предвоенной эпохи: в январе 1914 г. газета Петербургского союза металлистов опубликовала стихотворение главы профсоюза Алексея Гастева, которое включало следующие строки:

*«Но выше ещё, ещё выше!
В победном угаре мы с самых высоких утёсов,
Мы с самых предательских скал
Ринемся в самые дальние выси!
Крыльев нет? Они будут!
Родятся... во взрыве горячих желаний»³².*

В 1917 г. такие образы стали ещё более распространёнными. Например, в майском номере газеты партии социалистов-революционеров «Дело народа» была опубликована поэма рабочего поэта Петра Орешина об опыте крестьянской революции:

*«Лечу я по полю
На крыльях огненных времен...
Нависли огненные полосы...
Не Жар-ли птица Русь просторную
Крылом кровавым обняла?»³³*

В первые годы после Октября образы крыльев и полёта стали ещё более распространёнными. Приведу только один пример. В 1919 г. рабочий и большевистский поэт Василий Александровский читал на собраниях стихотворение под названием «Крылья», в котором кровопролитие войны и революции преодолеваются, когда струящаяся кровь превращается в мощный поток лавы и у всех появляются крылья:

*Только сила в груди все росла и росла
И не кровь закипала, а лава
Он все также силён, он все также крылат
И спокоен в теченьи кровавом³⁴*

Очень часто крылья были огненными: слово «огнекрылый» стало одним из любимых эпитетов, когда речь заходила о первых революционных годах: были «огнекрылые» люди, заводы, мысли и, конечно, «крылья огненных вре-

³² Дозоров (Гастев) И. Мы идём! // Металлист. № 1/38 от 13 января 1914. С. 3–4.

³³ Дело народа. № 60 от 28 мая 1917 г. С. 3–4.

³⁴ Александровский В. Крылья // Горн, №5. 1920. С. 7–9. (прочитано в 1919 г. на субботней встрече Пролеткульта в Москве по сведениям из Гудки. № 5, май 1919 г. С. 28.)

мён».³⁵ Символы революционных крыльев и полёта часто были связаны с воскресением. Приведём один из множества примеров, где это бы звучало особенно явно. Так, Михаил Герасимов, один из наиболее известных рабочих поэтов, бывший железнодорожник, лидер Пролеткульта и один из авторов «Кантаты», исполненной на Красной площади при открытии «Ангела революции» Конёнкова, опубликовал стихотворение под названием «Летим» в сборнике Пролеткульта за 1918 г., озаглавленном (конечно!) «Завод огнекрылый». Стихотворение начинается с разрыва рабочего с опостылевшей фабричной жизнью, который интерпретируется как бегство к солнцу и воскресение.

*Согбенный каждый был, кургузый,
В заводском склепе погребён,
Сорвал вдруг саван синей блузы,
Воскрес и к солнцу устремлён*³⁶

Мы можем найти различные первоисточники подобных образов, и не последнюю роль в их числе будет играть христианская иконография ангелов, особенно архангелов, и всё то, что они символизировали, включая присутствие святого духа, обещание спасения и замену обычного светского времени (человеческой истории) новым мессианским временем. Большое влияние на эту традицию, вероятно, оказал и известный сверхчеловек Фридриха Ницше (нем. *Übermensch*) – идея очень популярная в России как накануне, так и после 1917 г., подтверждением чему являются приведённые выше рассуждения Александры Коллонтай и Льва Троцкого о человеке нового типа, которого он называл «врагом духа гравитации» и который «однажды научит людей летать».³⁷ Но самое важное, какими бы не были источники подобных символов и образов, они весьма крепко связаны с марксизмом, с его центральной идеей о том, что революция является «прыжком человечества из царства необходимости в царство свободы».

Нам известны результаты: не искупление, спасение и свобода – но и не безнадёжная катастрофа. Нам известно, что окно возможностей не осталось открытым. Как сказал Эрнст Блох в 1923 г., перечитывая свою книгу «Дух

³⁵ См., например: Садофьев И. Огненный путь // Мир и человек. № 1, январь 1920 г. С. 4.; Садофьев И. Завод огнекрылый. М., 1918.

³⁶ Герасимов Л. Летим // Завод огнекрылый. М., 1918. С. 17.

³⁷ Friedrich Nietzsche, *Thus Spoke Zarathustra*, trans. Walter Kaufmann (New York, 1966), 192. Сочинение «Так говорил Заратустра» на русском языке впервые было опубликовано в 1898 г.

утопии» 1918 г., «двери открылись; но, конечно же, вскоре они закрылись».³⁸ Крылья были подрезаны, ангелы подавлены, «выход за пределы» дозволенного запрещён. Безраздельно господствовать вновь начала необходимость. Права человека были ограничены во имя экономической модернизации. Жестокость, насилие, страдания и диктатура определили реальность, хотя со временем она и трансформировалась в восстановление и рост экономики, безопасность, культурное развитие и равенство для большинства людей. Но не в «царство свободы».

Однако, возвращаясь к моей исходной мысли, исторические возможности нельзя объяснять результатами тех или иных исторических событий. В открытом потоке времени возможно всё, в том числе и преодоление необходимости и катастроф. Революции разрушают заблуждения о том, что будущее предопределено и зависит исключительно от настоящего, несмотря на повторённое Лениным утверждение Маркса о том, что революции являются локомотивом мировой истории. Скорее, революции – это разрушение настоящего ради возможности. Революции – прыжок, а не приземление. Или, как предположил Бенъямин в приложении к своему эссе о концепции истории: «Маркс говорит, что революции являются локомотивом мировой истории. Но, возможно, это вовсе не так. Возможно, революции – это попытка пассажиров этого поезда, в широком понимании – человечества, активировать аварийный тормоз».³⁹ Или, мы могли бы добавить, – прыжок в неизвестное царство возможностей, невзирая на закрытые и заданные границы истории. Русская революция для миллионов людей была таким прыжком в свободное небо исторических возможностей, утопическим импульсом к тому, чтобы «выйти за пределы» границ и ограничений прошлого мира, за пределы «тьмы» настоящего, в эпоху свободы. Когда мы, сбитые с толку результатами и исходами 1917 г., теряем из виду это понимание, мы теряем ту настоящую революцию, какой она была во всём многообразии её проявлений и возможностей.

³⁸ Bloch, *Spirit of Utopia*, 1.

³⁹ Benjamin, “Paralipomena to ‘On the Concept of History,’” *Selected Writings* 4: 402.

Б. И. Колоницкий

Политическая культура России и гражданская война

Российскую гражданскую войну все чаще рассматривают как комплекс конфликтов разного характера и разного уровня, в том числе и нескольких гражданских войн. Британский исследователь Дж. Смил предлагает говорить о гражданских войнах, происходивших на территории бывшей Российской империи и сопредельных территориях с 1916 по 1926 год.¹ При таком подходе захват власти большевиками в Петрограде и Москве является важным событием, повлиявшим на развитие уже начавшихся конфликтов, имевших свою логику развития. Речь идет вовсе не о том, чтобы снять с большевиков ответственность за скатывание страны к гражданской войне на постимперском пространстве – автор пишет о разнообразных сценариях эскалации множества влияющих друг на друга конфликтов, давших в своей совокупности необычайно сложное явление, которое большинство историков именуется Российской гражданской войной (некоторые авторы и в настоящее время предпочитают говорить не о гражданской войне, а о «смуте», вкладывая, впрочем, разный смысл в это слово.²

Вряд ли можно спорить с тем, что различные «очаги» гражданской войны в разных регионах Российской империи отличались большим своеобразием, что влияло на логику конфликтов, историки сейчас пишут о «калейдоскопе революции»³ но это не было секретом и для современников. Так, например, свидетели гражданской войны в казачьих районах немало писали о сословных, поколенческих, этнических, религиозных конфликтах, некоторые из которых

¹ Smele J. D. The 'Russian' Civil Wars, 1916–1926: Ten years that shook the World. London: New York, 2016. 423 p.

² Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 375 с. (2-е изд., 2010. 965 с.); Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. 430 С.; Красная смута: Сб. исторических литературных произведений / сост. и науч. ред. Р. Г. Гагкуев]. М., 2011. 620 с. Отрицание термина «гражданская война» для описания внутригосударственных конфликтов является и частью истории различных гражданских войн, и историографической тенденцией, и элементом мемориальных проектов – достаточно вспомнить примеры внутренних войн в США, Финляндии и других странах.

³ Retish A. B., Novikova L. G., Badcock S. Introduction: A kaleidoscope of Revolutions // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914 – 22 / Ed. S. Badcock, L. Novikova, A. Retish. Bloomington, 2015. P. 1–15.

приводили к боевым действиям и до октября 1917 года (порой доходило до военных нападений на города и использования артиллерии). Сложно было после свержения монархии избежать новых вооруженных конфликтов на территории Туркестана.⁴ Но обязательно ли наличие сильных, даже расширяющихся «очагов» локальных конфликтов, привело бы к грандиозному «пожару» большой гражданской войны на территории всей бывшей Российской империи?

Историки нередко упрекают друг друга в телеологичном описании прошлого: всегда можно найти важные причины для состоявшихся событий, последние часто ретроспективно представляются неизбежными и безальтернативными. Далеко не всегда относительно списков этих причин будет достигнут консенсус исследователей. Порой плодотворнее говорить не о причинах, относительно которых сложно достичь консенсуса исследователей, а о необходимых условиях. Например, на ход разнообразных конфликтов гражданской войны повлияла подготовка «кадров гражданской войны» – офицеров военного времени и унтер-офицеров эпохи мировой войны, множества военных специалистов волостного и уездного уровня, которые нередко становились и авторитетными местными политиками, – без их руководства сложно представить вооруженную борьбу на местах.

Необходимым условием гражданской войны стала и ее культурная подготовка. Ниже я постараюсь показать, что культуры конфликтов, сложившиеся в дореволюционной и революционной России, создавали определенную рамку, в которой должны были действовать основные участники политического процесса.

Известный французский исследователь Первой мировой войны Ж.-Ж. Беккер задался вопросом: почему, несмотря на сильное внутреннее напряжение, несмотря на мятежи в армии, забастовки и волнения разного рода, Франция смогла – в отличие от России – «продержаться» до конца войны? Почему удалось избежать весьма возможного революционного взрыва?⁵ Разумеется, и в данном случае вопрос о причинах не может удовлетворить всех историков, но предложенное историком описание различных конфликтов показывает, как местные политики и чиновники пытались избежать их эскалации, не

⁴ О гражданской войне в Средней Азии см., например: Буттино М. «Революция наоборот»: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. 447 с. См. также :Buttino M. Central Asia (1916–20) // The Empire and Nationalism at War. / Ed. Eric Lohr, Vera Tolz, Alexander Semyonov, M. von Hagen. Bloomington (Indiana), 2014. P. 109–135.

⁵ Becker J.-J. The Great War and the French People. Providence; Oxford, 1985.

поддавались на вызовы радикалов, стремящихся обострить конфронтацию. В данном случае можно говорить об воздействии определенной культуры конфликта, предполагающей диалог и компромисс. Разумеется, и в довоенной Франции можно было найти случаи силового разрешения конфликтов, однако они не преобладали.

В России же часто политические методы преодоления конфликтов подменялись мерами полицейскими, репрессивными – полиция, жандармерия и Охранное отделение становились важнейшими участниками политического процесса. Между тем сложный процесс превращения полицейского государства в государство правовое затруднялся и... недостаточным количеством полиции. Поэтому для решения полицейских задач часто использовалась армия, ее кавалерийские и пехотные части, военнослужащие должны были противостоять не только «внешнему», но и «внутреннему» врагу. Революция 1905–1907 гг. сопровождалась небольшими гражданскими войнами, в которых порой использовалась и артиллерия, но и в сравнительно мирные времена армия применяла оружие в тех случаях, когда она использовалась во внутренних конфликтах, – достаточно вспомнить и Ленский расстрел, и забастовки лета 1914 г. Использование армии для полицейских задач, соединение полицейских и армейских формирований под одним командованием нередко создает ситуацию почти автоматического обострения ситуации, эскалации, ибо военнослужащие разного уровня действуют так как они подготовлены действовать – уничтожать противника и принуждать его к капитуляции, поэтому участие армии в разных конфликтах превращало их в небольшие гражданские войны, все участники которых приобретали своеобразный политический опыт брутализации конфликтов. Милитаризация политических и социальных конфликтов была той школой, в которой общество (прежде всего молодые мужчины) подготавливалось к гражданской войне, силовое разрешение конфликтов с помощью оружия легитимировалось в глазах всех участников. Такая культура конфликта влияла на ход гражданской войны. Травматический же опыт брутализации участников Первой мировой войны делал силовые сценарии еще более вероятными.⁶ Этому способствовал и поиск могущественного и коварного «внутреннего врага» в пропаганде и политике военного времени.⁷

⁶ Дискуссии о роли брутализации ветеранов Первой мировой войны в эскалации внутренних конфликтов см.: Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / Сб. ст. М., 2014.

⁷ Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. 373 с.

Не всем профессиональным военным нравилось выполнение ими полицейских функций, не все одобряли использование армии во внутренних конфликтах, по крайней мере, во внутренних российских губерниях империи (на ее «окраинах» граница между «врагом внутренним» и «врагом внешним» становилась все менее определенной). Однако разных представителей офицерского корпуса предреволюционной России, объединяла культивируемая в этой среде аполитичность, особенности такого воспитания были ощутимы и среди армейской элиты – генералов и офицеров Генерального штаба. Между тем эта профессиональная группа играла важнейшую роль в ходе гражданской войны, однако политический опыт лидеров Белого дела не соответствовал уровню тех сложных задач государственного строительства, которые они перед собою ставили. Нередко генералы, претендовавшие в годы гражданской войны на роль национальных лидеров, легкомысленно относились к политическим вопросам.⁸ Порой они даже в своих воспоминаниях прямо заявляли о том, что «политика» им «мешала» вести войну, хотя особенности гражданской войны требовала принятия быстрых и согласованных военно-политических решений на разном уровне. Политическая неподготовленность такого рода также нередко приводила к тому, что неизбежное вовлечение армии в разнообразные конфликты эпохи гражданской войны приводила к их эскалации.

На судьбы конфликтов эпохи гражданской войны влияла и политическая культура дореволюционной России. Среди историков ведутся дискуссии относительно степени развития дореволюционного гражданского общества и влияния представительных политических институтов. Невозможно отрицать, что и Государственная дума, и местные органы власти (городское самоуправление и земства), и различные общественные организации сыграли большую роль в Февральской революции, в создании новой власти в центре и на местах. Однако, политическое влияние и многих дореволюционных структур, и, главное, политиков и общественных деятелей, в этих структурах работавших, быстро начало падать, падения влияния Государственной думы, например, нельзя объяснить лишь решением конституционных демократов сосредоточить власть во Временном правительстве, а старые деятели местного самоуправления были потеснены или даже вытеснены из органов власти после введения всеобщего избирательного права. Во многом это было след-

⁸ Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы гражданской войны: Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019. С. 70.

ствием отчуждения большинства населения от этих институтов (лишь меньшая часть горожан, например, участвовала в выборах в городские думы). Отсутствие практического опыта участия в легальной политической жизни до революции не могло не сказаться в 1917 г. Преодоление отчуждения от политики политизирующимися массами в условиях революции повлекло за собою падение влияния старых политических элит.

Если дореволюционные структуры в это время оттеснялись на второй план, то все большее влияние приобретали структуры новые, можно даже говорить о появлении своеобразного гражданского общества эпохи революции, которое порой опиралось на гражданское общество раннего периода, но нередко и отрицало его. Особое значение имели легализация социалистических партий, возрождение профессиональных союзов, создание всевозможных комитетов и советов. Крайне важным было появление комитетов в вооруженных силах, которые избирались военными служащими и претендовали на власть. Современники полагали, что в войсковые комитеты входило около 150 тыс. солдат и унтер-офицеров, «занятых ненужной демагогией»⁹. Цифра эта явно занижена, хотя крайне пристрастная оценка отражала обстановку того времени, когда Корнилов и его окружение начали решительную и безнадежную борьбу с комитетам. В каждом из четырех основных фронтов действующей армии – Северный, Западный, Юго-Западный, Румынский – представители нового «комитетского класса» (термин А. Уайлдмена)¹⁰ составляли несколько десятков тысяч человек. Хорошо информированный офицер вспоминал: «В войсковых комитетах боевых и тыловых частей Западного фронта было занято около полутора тысяч офицеров; около трех тысяч военных чиновников, около пяти тысяч унтер-офицеров, писарей и фельдшеров и около тридцати пяти тысяч солдат, всего около сорока пяти тысяч человек. Этого количества достаточно для формирования целого корпуса с

⁹ Цит. по: Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М., 2015. С. 541.

¹⁰ В свое время А. Уайльдман использовал термин «комитетский класс» для характеристики сообщества членов военных комитетов, прежде всего комитетчиков действующей армии. См.: Wildman, A. K. *The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The Road to Soviet Power and Piece.* Princeton, 1987.

офицерским составом и канцеляриями».¹¹ По другим же данным в комитеты Западного фронта в конце лета входило до 57 тысяч человек.¹²

В армиях более крупного Юго-Западного фронта к лету насчитывалось не менее 63 тысяч членов войсковых комитетов, а к концу августа, несмотря на ту борьбу с комитетами, которую повел генерал Корнилов, их стало уже не менее 76 тысяч.¹³ Можно предположить, что на четырех главнейших фронтах находилось около двух сотен тысяч комитетчиков. К этому следует добавить членов комитетов не столь многочисленного Кавказского фронта, а также членов комитетов военно-морского флота, тыловых гарнизонов. Многие военные входили и во всевозможные Советы, национальные и культурные организации, свои структуры создавали и представители различных родов войск и военных профессий. Если иметь в виду и некоторую ротацию, то, по-видимому, через различные комитеты в 1917 году прошло более миллиона военнослужащих.

Существовало несколько факторов, которые способствовали выдвигению в комитеты авторитетных представителей войсковых частей и соединений — боевые заслуги, образовательный уровень, наконец, опыт политической деятельности до революции и, особенно, во время свержения монархии. Соответственно, в комитетах было немало вольноопределяющихся и унтер-офицеров, а также офицеров военного времени, прежде всего, прапорщиков. Выдвигению же кадровых офицеров в комитеты препятствовали и подозрительность солдат, и упоминавшаяся уже аполитичность офицерского корпуса: командиры нередко здесь уступали своим подчиненным, которые обладали большим политическим опытом.

Создание комитетов было следствием реализации идеи «демократизации» вооруженных сил — «демократизация» в 1917 году казалась универсальным средством решения всех проблем — современники стремились демократизировать школы, театры, церковь, при этом понимание термина «демократия» в

¹¹ Савинков В. В. Записки (1920–1927) // Три брата (То, что было) / Сост., авторы предисловия и комментариев К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М., 2019. С. 496.

¹² Кавтарадзе А. Г. Примечания // Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1, вып. 1... С. 506.

¹³ Френкин М. С. Революционное движение на Румынском фронте. 1917 г. – 1918 г. Солдаты 8-й армии Румынского фронта в борьбе за мир и власть Советов. М., 1965. С. 124; Его же. Русская армия и революция... С. 102–103. Цифра эта явно занижена, хотя крайне пристрастная оценка отражала обстановку того времени, когда Корнилов и его окружение начали решительную борьбу с комитетами.

разных проектах весьма отличалось. Многие из этих проектов были утопичными, так «демократизированная» армия не могла успешно вести современные наступательные операции. Однако в конкретных условиях революции еще более утопичными были попытки ликвидации комитетов, предлагавшиеся генералитетом, прежде всего окружением Л. Г. Корнилова. Любая попытка распустить войсковые комитеты, в которых первоначально преобладали умеренные социалисты, даже ограничить их права, таила в себе серьезный риск гражданской войны: комитетчики разных политических взглядов, обладавшие реальной властью в вооруженных силах, готовы были отстаивать свое существование с оружием в руках, несмотря на имевшиеся между ними разногласия по иным политическим вопросам.

Именно представителям «комитетского класса» довелось сыграть важную роль и в подготовке Июньского наступления, в ликвидации «дела Корнилова», в приходе большевиков к власти, а потом и в Гражданской войне. Члены «комитетского класса» сыграли немалую роль и в отрядах «зеленых» и других формированиях «третьей силы», и в национальных движениях, и даже в Белом движении, некоторые видные представители которого быстро делали политическую карьеру в 1917 году. Выходцы из «комитетского класса» дали немало полевых командиров, т.н. «народных вожаков» Гражданской войны (термин А. В. Посадского),¹⁴ которые нередко переходили из одного лагеря в другой, порой не по одному разу. Но особенно важно было участие «комитетского класса» в строительстве советского аппарата и – прежде всего – в формировании Красной армии, тут их карьерный рост мог быть особенно стремительным. Хотя и белые, и красные командующие обвиняли многих «народных вожаков» в «партизанщине» и «атаманщине», но опыт партизанских (и антипартизанских) действий, опыт военный и, одновременно, политический, которым обладали авторитетные полевые командиры, влиял на исход многих сражений гражданской войны.

¹⁴ От «германской» к Гражданской: Становление корпуса народных вожаков русской смуты: Сб. статей и материалов / Под ред. А. В. Посадского. М., 2014. 624 с. См. также: Крестьянский фронт, 1918–1922 гг.: (Сб. статей и материалов). / Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2013. 740 с.; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: Идеология, военное участие, кадры (Сб. статей и материалов) / Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2015. 856 с. Общие выводы на основе этих публикаций см.: Посадский А. В. Народные элиты Гражданской войны: Источники и пути формирования // Эпоха войн и революций, 1914–1922 (Материалы международного colloquium, 9–11 июня 2016 года). СПб., 2017. С. 175–184.

Пребывание в комитетах 1917 года было необычайно важным для сотен тысяч молодых, честолюбивых мужчин. Они становились представителями власти, они осуществляли власть, одновременно обучаясь политике, политизировались, преодолевая дореволюционное отчуждение от политики. Быстрая политизация такого рода накладывалась на опыт насилия, который многие из них получили во время войны и революции. Если для многих кадровых офицеров, игравших важную роль в Белом движении, политизация была чем-то вынужденным и даже постыдным, то представители «комитетского класса», почувствовавшие вкус власти (и ее ресурсам), проходили процесс политического обучения с интересом, а то и с энтузиазмом. Как же проходило политическое обучение?

После свержения монархии в России существовал довольно широкий, редкий для воюющих стран политический плюрализм – лишь представители правых организаций были ограничены в своей деятельности, другие же партии, в том числе и большевики, легко обходили цензурные запреты, даже если они им и подвергались. Свободная конкуренция пропаганды либералов, консерваторов и социалистов разного толка оказывала влияние на неофитов политической жизни, в том числе на представителей «комитетского класса». Однако, сфера символической политики, сфера необычайно важная для политической социализации, оказалась фактически монополизирована ритуалами и символами революционного социалистического подполья. (Отношение к дореволюционной государственной символике было разным, можно привести когда она использовалась революционерами, даже большевиками, однако часто она отрицалась как «старорежимная» даже людьми умеренных политических взглядов, во всяком случае, ее крайне сложно было использовать для создания гражданского мира).¹⁵ Красный флаг и «Марсельеза» исполняли фактически роль государственных символов новой России, хотя этот статус не был оформлен юридически. Песни революционного подполья распространялись и партийными социалистическими издательствами разного толка (песенники большевиков фактически не отличались от изданий оборонцев), и коммерческими структурами – производителями граммофонных пластинок и публикаторами нот, издателями песенников и постановщиками театральных представлений. Само по себе это свидетельствует о колоссаль-

¹⁵Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры 1917 года. СПб, 2012.

ном спросе на социалистическую символику, рынок способствовал распространению антибуржуазных настроений. Процессы символотворчества весной 1917 года опирались на революционную традицию, предвосхищая аналогичную деятельность большевиков. Так, например, возникновение эмблемы «серп и молот» относится уже к этому времени, при этом разные ее варианты появились независимо друг от друга – что свидетельствует о схожести и распространенности символического сознания участников политического процесса.¹⁶ В целом, можно говорить о культурной гегемонии социалистов в революции, которую многие современники и историки именовали «буржуазно-демократической».¹⁷

Роль же символов в описании окружающего политического мира была необычайно велика для неопитов политической жизни, их нередко можно встретить в «низовых» резолюциях и публикациях той поры. Для революционной же символики было присуще противопоставление настоящего и будущего: если настоящее описывается как «тяжелый сон» и «мрачная тюрьма», то светлое будущее рисуется как солнечное царство пробуждения и даже воскресения. Путь из темного настоящего в яркое будущее лежит через грядущую битву – «последний и решительный бой», в ходе которого будут уничтожены звероподобные враги. Эти образы секуляризованной эсхатологии, присутствующие в распространенных революционных текстах, получили и новое значение в 1917 году. Революция нередко воспринималась как воскрешение России, а Пасха сравнивалась с революцией. «Перенос сакральности», изучавшийся исследователями Французской революции,¹⁸ важен и для понимания революции российской; новая политическая символика страны приобретала характер сакральных знаков.

При этом в текстах революционных песен наблюдается известный темпоральный сдвиг: «темное настоящее» уходит в прошлое, начался «последний бой», приближающий «светлое будущее». Такое видение ситуации предполагало эскалацию борьбы с врагами, мешающими наступлению светлого будущего. Социалистическая символика создавала условия для «углубления революции», чего требовали большевики и их политические союзники. В то же

¹⁶ Корнаков П. К. 1917 год в отражении вексиллологических источников. (По материалам Петрограда и действующей армии): дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 105.

¹⁷ Колоницкий Б. И. Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 года // Неприкосновенный запас. 2017. № 6 (116). С. 72–87.

¹⁸ Озуф М. Революционный праздник, 1789–1799 / пер. с фр. Е. Э. Ляминой. М., 2003. 416 с.

время такая символика затрудняла возможность достижения социальных компромиссов, соглашения т.н. «живых сил страны», коалиции либералов и умеренных социалистов, эсеров и меньшевиков. Для последних такая символическая ситуация представляла значительную проблему: они не могли отказаться от своих давних и важных символов и они не желали уступить этот существенный ресурс революционной традиции своим политическим противникам, большевикам и левым социалистам разного толка. Противоречие между радикализирующей символикой и умеренной политической тактикой меньшевики и эсеры пытались преодолеть с помощью изменения отношения к революционным символам: они призывали воспринимать их лишь как часть уважаемой революционной традиции прошлого, а не как буквальный призыв к непосредственным силовым политическим действием. Однако, быстрое перекодирование политической символики, изменение укорененной революционной традиции – представляет собой сложную задачу. Распространенная и легитимная революционная символика способствовала скорее эскалации всевозможных конфликтов, чем достижению классового мира. Социальные, этнические, межобщинные конфликты во время революции часто протекали без непосредственного руководства политических партий. Однако их участники не действовали в политическом и культурном вакууме. Они использовали авторитетную и распространенную революционную риторику и символику для самоорганизации и легитимации насилия.¹⁹

Для Ленина и его соратников революционная символика была важнейшим инструментом политической легитимации, они старались представить себя истинными наследниками революционной традиции. Правда, большевики не могли монополизировать революционную политическую символику: и демонстранты, защищавшие Учредительное собрание, и всевозможные представители «третьей силы», и участники крестьянских и красноармейских антикоммунистических восстаний, и полевые командиры разного толка, использовали ее в целях политической мобилизации.

Нельзя утверждать, что после свержения монархии Россия была «запрограммирована» на гражданскую войну. Однако история показывает, что гражданские войны разного масштаба являются следствием революций (и, добавим, редкая революция обходится без интервенции, хотя интервенция не

¹⁹Engelstein L. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. Oxford, 2018. P. 217, 513.

всегда носит характер вооруженного вмешательства). Например, следствием Ноябрьской революции 1918 года в Германии были локальные гражданские войны в разных частях страны, происходившие в 1919–1923 гг. Хотя они порой носили ожесточенный характер (использовались артиллерия, бронетехника и авиация), но эти конфликты не переросли в общенациональную гражданскую войну. Все же можно утверждать, что любая революция имеет тенденцию саморазвития, сопровождается риском сползания в гражданскую войну. Опасность гражданской войны ощущалась в 1917 г. многими, открыто говорилось об этом, по крайней мере, уже со времени Апрельского кризиса. Некоторые современники и летом 1917 г. описывали ситуацию как гражданскую войну. Так, главная газета партии социалистов-революционеров описывала выступление генерала Корнилова как «гражданскую войну»: «... вспыхнувшая гражданская война имеет не только внутреннее, но и громадное международное значение...».²⁰ Не следует считать любое свидетельство современника точным анализом политического положения, хотя учащающиеся упоминания о «гражданской войне» могли стать фактором, ее приближающим. Во всяком случае, желание какой-то партии «начать гражданскую войну» (или «начать революцию») далеко не всегда является достаточным условием для ее возникновения, даже если при этом используются значительные ресурсы – об этом свидетельствуют разнообразные неудачные попытки экспорта революции, опыт Коминтерна и Советского Союза это подтверждает.

Можно представить себе разные сценарии возможного предотвращения большой гражданской войны в России, однако, после «дела Корнилова» это была необычайно сложная задача для слаженной команды весьма квалифицированных политиков, и, скорее всего, эта задача была невыполнимой. Реальный коридор возможностей, в котором действовали основные участники политического процесса, все более сужался. Британский исследователь С. Смит даже отмечает, что Временное правительство потеряло свою власть еще до того момента, как оно было свергнуто. Он полагает, что гражданская война неизбежно нарастала со времени «Мятежа Корнилова», и эти процессы значительно усилились после того, что многие авторы именуют «незаконным захватом власти большевиками».²¹

²⁰ Дело народа. Пг., 1917. 30 августа.

²¹ Smith, Steve S. *Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928*. Oxford, 2017. P. 151, 154.

Наряду с прочими факторами возникновению гражданской войны способствовали и факторы культурные, создававшие рамку для действий политиков, оформляя разнообразные социальные, экономические, политические и этнические конфликты. И дореволюционная культура конфликта, носителями которой были политические противники, и брутализация эпохи Первой мировой войны, и взрывная политизация 1917 года, и опыт вхождения во власть «комитетского класса», и многообразные вооруженные конфликты, создававшие локальные «очаги» гражданской войны, и революционная политическая культура подполья, монополизировавшая сферу символической политики во время революции, – все это не способствовало достижению гражданского мира, предотвращению гражданской войны.

У. Г. Розенберг

Революция и контрреволюция: синдром насилия в Гражданской войне в России, 1918–1920¹

I

Несмотря на обилие литературы по истории революционной России, вопрос о феномене (синдроме) насилия в ходе этого длительного и драматического периода все еще заслуживает изучения.² По своей природе и формам насилие одинаково проявляло себя на территориях, которые контролировали и Красные, и Белые, и Зеленые, и Черные и различные промежуточные силы, стоявшие между ними. Везде оно было невообразимо жестоким, безжалостным и свободным от общепринятых моральных норм.

В этом смысле можно сказать, что синдром насилия является общей и своеобразной характеристикой гражданской войны бывшей в Российской империи. Ни в одной другой части послевоенной Европы не были так жестоко нарушены правила общественной и политической жизни.

Это не значит, что масштабы и природа насилия в России в ходе гражданской войны не имели резонанса в других странах Европы. Как хорошо показал Роберт Герварт, российские ужасы были с очевидностью использованы в Европе для разных целей. Прежде всего, для того, чтобы соответствующим образом показать, что приготовил большевизм в «примитивной» России для «цивилизованной» Европы, и тем оправдать жестокость, с которой правые полувоенные формирования обрушились в некоторых других странах на действительных и вымышленных «большевистских» врагов.³

Отчасти причиной стало то, что гражданская война в России сама перешла национальные границы. Борьба между (а порой и среди) большевиками

¹ Несколько иная версия статьи на эту тему была опубликована автором на английском языке в сборнике: R. Gerwarth and J. Horne, *War in Peace: Paramilitary Violence after the Great War* (Oxford, Oxford Univ. Press, 2012).

² См. работы: Peter Holquist, “Reflections on the Russian Civil War,” and Peter Gatrell, “The Russian Revolution and Europe: 1917–1923,” papers presented to the conference on Paramilitary Violence after the Great War, 1918–1923: Towards a Global Perspective, Clinton Institute, University College Dublin, 5–6 December 2008. См. также: Peter Holquist. *Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905–21* // *Kritika*. 2003, № 4(3). P. 627–652.

³ См.: Gerwarth R. *The Central European Counter-Revolution: Paramilitary Violence in Germany, Austria and Hungary after the Great War* // *Past and Present* 200 (2008): 175–209.

и их сторонниками, противниками большевиков, местными националистами, анархическими крестьянами и другими группами, и в некоторых местах между разными религиозными и этническими группами, имела место в странах Балтии, Финляндии, Польше, Украине, Грузии, Армении, Азербайджане, в этнополитических регионах Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. Отчасти, конечно, это было вызвано падением царского режима, которое привело к полной независимости Польши и Финляндии или породило требование независимости со стороны Украины, народов Кавказа, а также на всей остальной территории бывшей царской империи. Это имело место даже в самой России, где в этнических «островках», таких как Татарстан, местные лидеры боролись за региональную автономию или по-другому освобождали себя от подчинения Москве.

Транснациональное качество российского гражданского конфликта в значительной мере угрожало самой концепции национальных границ и всему тому, что они подразумевали. На фоне мировой войны – самой ужасной войны в истории человечества, чьи корни, обоснование и цели были связаны с идеей защиты «национальных государств» и их империй, призыв большевиков к интернационализму имел куда больший резонанс по всей Европе, чем об этом писали европейские историки в книгах по истории своих стран. Таким образом, большевики не были в традиционном смысле «русскими». Разнообразные языки, этносы, территории были полностью подчинены идеологии интернационализма «межнационального» Советского государства, в котором должны были быть устранены различия, доминировавшие в европейской политике и культуре более столетия.

Хотя движение Бела Куна в Венгрии, вероятно, было самым драматическим подтверждением транснациональной угрозы, которую Гражданская война в России бросила европейской государственной системе, такая угроза с очевидностью исходила и от коммунистических движений в Финляндии, Польше, странах Балтии, на Кавказе и Украине, не говоря о Германии, Франции, Италии и Испании. Даже через почти столетие, и особенно в том ложном свете, который бросил на этот предмет распад СССР, тяжелые последствия революции в России все еще широко используются в литературе как свидетельство разрушительности утопического интернационализма, равно как и особой жажды власти у российских большевиков. Как мы знаем, неко-

торые авторы даже рассматривают эту идеологию как корневую причину, породившую геноцид евреев (Холокост).⁴

Проблема с таким использованием российского опыта состоит не столько в том, что события искажаются для оправдания совершенно иных политических движений и позиций, сколько в том, как это влияет на понимание ситуации в самой России того времени. То, что споры об уроках исторического опыта революции и гражданской войны в России лежат в основе наиболее мощных и искажающих историю идеологий и мифологий, рожденных самым жестоким веком, только свидетельствует об исторической важности революции, какой бы смысл ей не приписывали. И не удивительно, что главными вопросами в той практике использования являются вопросы власти, политической воли, террора и идеологии, так как они определяют виды интерпретаций и понимания. Понятно, что вопросы власти, политической воли, террора и идеологии всегда являются важными для раскрытия событий. Однако трудность состоит в способах использования этих категорий, в том, какое обратное влияние эти способы оказывают на понимание ситуации в самой России, насколько они затрудняют полное осмысление других важных факторов, которые могли бы даже лучше объяснить, что и почему случилось в эти годы, включая и природу насилия.⁵

В кратких заметках о чрезвычайно сложном комплексе проблем, предлагаем рассмотреть три таких фактора, каждый из которых достаточно известен, но их взаимодействие с вопросами власти, политической воли, террора и идеологии может помочь объяснить формы и масштабы насилия в ходе гражданской войны в России. Первый связан с мучительной нехваткой (дефицитом) всех видов ресурсов и порожденными этим материальными лишениями, которые испытывало практически все население Российской империи с конца 1915 г. почти до середины 1920-х гг., и которые стали особенно суровыми в ходе и сразу после Гражданской войны.

⁴ Об этом говорил Ричард Пайпс на Конференции, посвященной 60-летию Русской революции в Иерусалиме в октябре 1987 г. См. также: Furet F. and Nolte E. *Fascism and Communism*. Lincoln, University of Nebraska Press. 2001.

⁵ Например, недавнее наиболее полное исследование Белого движения лишь едва затрагивает вопросы, связанные с природой и формами насилия, которые белые применяли против реальных и воображаемых врагов. См.: Katzer Nikolaus. *Die Weisse Bewegung in Russland: Herrschaftsbildung, Praktische Politik und Politische Programmatik im Bürgerkrieg*. Cologne, 1999.

Второй фактор, тесно связанный с первым, представляет собой чувство глубокого унижения, которое появилось как результат многих потерь, в том числе потери уверенности в себе, своего социального и политического статуса, в переходе к борьбе за коллективное и индивидуальное выживание.

Из этих двух факторов вытекает третий, который я бы назвал «функциональностью», – фактическая невозможность в этот период заставить что-либо работать, тем более работать хорошо.

Хотя различные идеологии и формы политической воли с очевидностью лежат в основе появления Красного и Белого террора и помогают объяснить его жестокость, и хотя очевидно, что после прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. они использовали особо жесткие методы политической борьбы, более масштабный феномен насилия в гражданской войне в России может быть понят лучше при учете того, как упомянутые факторы соотносятся друг с другом, а не просто через обычные категории политической борьбы.

Трактовка вопроса таким способом с очевидностью снижает роль Февраля и Октября 1917 года как поворотных пунктов в более широкой истории этого периода. Каждый последующий режим оказывался перед лицом одного и того же ряда фундаментальных проблем, независимо от того имел ли он полномасштабный мандат власти или ограниченные амбиции по контролю над определенной территорией. Проблемы власти и контроля в этом смысле были подчинены тем задачам, которые порождали нехватка ресурсов и материальные лишения, и которые с необходимостью ставили вопросы о целях и компетенции (способности решить эти задачи). Рассматривая проблему целей, важное значение следует отвести тем растущим и ужасным потерям, которые вначале принесла первая мировая война, а затем множество гражданских конфликтов, следовавших за ней. Принесенным жертвам должны были быть найдены объяснения. Помимо объяснений, должны были быть найдены реальные способы удовлетворения материальных нужд, которые порождали у населения чувство прямого отчаяния, а также способы преодоления психологической и общественной тревоги, потери чувства безопасности, которые одолевали людей. Нехватка (дефицит) ресурсов и тяжелые утраты превращались для отдельного человека и для общества в целом в буквальном смысле в опасную смесь. Они же порождали определенные нужды и проблемы государственного управления, равно как и более примитивные формы политического контроля.

II

Сам по себе дефицит всех видов ресурсов был следствием проблем в сферах производства и потребления, возникших после 1914 г. и отражавших каждое изменение российской политики и задававших контекст всем возможным вариантам развития событий после падения царского режима. Едва ли стоит доказывать, что хронический недостаток всех видов необходимых товаров распространился в экономике России задолго до февраля 1917 г. и вылился в катастрофу в промежутке между 1918 и 1922 гг., или же, что он произошел вследствие целой совокупности причин. К ним относятся изначальные потребности войны, беспрецедентной по масштабу и охвату, и к которой Россия была особенно плохо готова; истощение запасов, ушедших на удовлетворение военных и гражданских потребностей; перебои в промышленном производстве, вызванные волнами забастовок, массовыми увольнениями, последующим развалом перевозок и недостатком сырья; снижение численности трудоспособных мужчин в деревне, ограничения цен, и набиравшая обороты практика реквизиций зерна и товаров, начатых без соответствующего планирования в 1915 г.; инфляционный рост цен, побуждавший к спекулятивному накоплению товарных запасов; сокращение и, по мере ухудшения политического и экономического климата, окончательное прекращение кредитования и инвестиций; нараставшие трудности с удовлетворением требований роста заработной платы и получения прибыли от производства; наконец, неизбежное распространение черного и серого рынков, которые развивались сами по себе и ускоряли развал везде, где властям не хватало средств контроля над ними.⁶

В период между 1914 и концом 1916 гг. эти проблемы отразились не только на авторитете царской власти, но и на умонастроениях многих солдат, рабочих и их семей. Крестьяне и рабочие, вступив в войну, оказались вынужденными защищать режим, который обрушил свою ярость на рабочие окраины и деревню в 1905 и 1906 гг. Когда в 1915 г. производственные и транспортные проблемы оставили десятки тысяч солдат без надлежащего оружия и боеприпасов, и плохо вооруженные войска бросались в самоубийственные атаки на противника, в армии нарастал гнев, направленный на офицеров-«аристократов», отдававших приказы об этих атаках, и в более широ-

⁶ См. подробное обсуждение проблемы: Gatrell P. *Russia's First World War: A Social and Economic History*. London, 2005.

ком смысле – на режим, его структуры и ценности. К августу 1915 г. до 30 % войск на русском фронте были безоружными.⁷ «Мы стоим в тылу, отступление продолжается, а главная причина – недостаток снарядов. Вот за что мы сражались! Мы вынуждены расходовать людей вместо снарядов».⁸ Снарядный голод легко объяснялся коррупцией и спекуляцией, и зачастую это было правдой. Когда в 1915 г. недостаток транспорта привел к тому, что тысячи тяжелораненых людей днями лежали на носилках без пропитания и ухода, гнев, выраженный в переписке их офицеров, только отражал более глубокие чувства солдатской массы.⁹

Можно с легкостью вывести эти взрывоопасные чувства даже из мнимо объективной официальной статистики. Российский опыт военных лет несомненно стал источником почти постоянных унижений для тех, кто был наиболее близок к его ужасам: как для зеленых новобранцев, так и опытных солдат и старших офицеров. Здесь достаточно просто отметить, что уже к концу 1915 г. почти полтора миллиона солдат вернулось с фронта с серьезными ранами и были лишены необходимого ухода, средств к существованию, впрочем, как и конечностей. Около 1,54 миллиона пропало без вести или попало в плен.¹⁰ Более 3 миллионов гражданских стали беженцами – «вся империя в дороге», как выразился Питер Гатрелл в своем превосходном исследовании.¹¹ Эта цифра включает в себя от полумиллиона до миллиона евреев, выселенных из своих домов военными властями, изувеченных физически и психологически произвольными конфискациями имущества и «самовольными» погромами, особенно в период отступления русской армии в апреле – октябре 1915 года. По всем свидетельствам, эти действия были спровоцированы местными крестьянами и другими, чье имущество уже было реквизировано, и которые сами пережили тяжелые утраты.¹² К концу 1917 г., частично в результате катастрофического Июньского наступления Керенского,

⁷ Davidian I. The Russian Soldier's Morale from the Evidence of Tsarist Military Censorship // Facing Armageddon: The First World War Experienced. London, 1996. P. 428–429.

⁸ Ibid. P. 429.

⁹ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 1029, 11. Л. 2.

¹⁰ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М. 1925.

¹¹ Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia During World War I. Bloomington, IN., 1999. P. 3.

¹² См. обсуждение: Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. No. 60. P. 404–06, 414–17; Gatrell P. Russia's First World War... P. 30–31, 178–183.

только военные потери, включая тех, кто уже умер в плену или все еще удерживался немцами, официально составили более 7 миллионов.¹³

Какими бы не были цифры, сам язык «потерь» скрывает жестокий факт: эти потери были результатом насилия, начатого политическим режимом. Это насилие вогнало отдельных людей и семьи в остро ощущаемый страх, физический, психологический и социальный: если перефразировать Гатрелла, вся нация была запугана. Несомненно, Джошуа Санборн прав, утверждая в своем недавнем исследовании, что зверства, совершаемые как в отношении русских солдат, так и с их стороны, во время Первой Мировой войны – это основной фактор, объясняющий многие жестокости, совершенные впоследствии во время Гражданской войны.¹⁴

До октября 1917 г. многим казалось, что «спасение» заключается в ликвидации самых гнетущих проявлений социального и имущественного неравенства, характеризовавших социокультурную систему царизма. Согласно военным цензорам, сильное чувство «предательства» вскипело в солдатской среде уже после катастрофических отступлений 1915 года. Оно распространялось на всех, от ротных поваров, воровавших и продававших продовольствие, до надменных офицеров, которые казались абсолютно не заинтересованными в материальном и духовном благополучии своих подчиненных.¹⁵ Цензоры также предупреждали в своих отчетах, что солдаты крестьянского происхождения верили, что им дадут землю в награду за службу. В январе 1917 г. рабочие делегаты в ЦВПК накануне своего ареста отражали распространенную точку зрения, что смена режима почти сразу же положит конец дефициту, длинным очередям за едой и товарами первой необходимости.

В течение первых нескольких недель после совместного прихода к власти Временного правительства и Петроградского совета эти надежды, казалось, оправдывались. Раздачи дополнительного продовольствия с государственных складов, новые соглашения о зарплате и обещание большего участия рабочих в решении проблем транспорта и производства принесли немедленные улучшения в сфере распределения товаров. Не менее важным было и то, что радикальное расширение гражданских прав и свобод, возвещенное Февраль-

¹³ Россия в мировой войне... С. 31.

¹⁴ Sanborn J. *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb, N. Illinois UP, 2003. Особенно см. гл. 5.

¹⁵ Davidian I. *Russian Soldier's Morale...* P. 429; Злоказов Г. Солдатские письма с фронта в канун Октября // *Свободная мысль*. 1966. № 10. С. 37–47.

ской революцией, позволило как в формальном, так и в неформальном порядке разобраться с вопросами достоинства и социального унижения. Солдатские комитеты изменили форму приветствия офицеров даже в тех подразделениях, где сохранялась дисциплина. От ритуализированного унижения в виде порки отказались. Трамваи были «освобождены» от «буржуазных» ограничений на проезд для представителей низших классов общества. Не подлежащее обсуждению требование вежливого обращения стало второй по распространенности после зарплат целью забастовок в промышленности. В Петрограде работники кафе и ресторанов даже бастовали *в знак протеста* против чаевых, требуя вместо них достойных зарплат. По мере развития событий возмездие за прежние унижения обрушилось на реальных и воображаемых «угнетателей»: офицеров линчевали и калечили; фабричных управляющих вымазывали дегтем и выкатывали с заводов в тележках; помещиков подвергали грубому обращению, когда крестьяне стали захватывать собственность, которая с их точки зрения, «по справедливости» им принадлежала. Ничто из этого, конечно, не облегчало нарастающие системные проблемы в производстве и распределении в сельском хозяйстве и промышленности. Дефицит товаров первой необходимости быстро вернулся.

При исследовании форм и сущности гражданского насилия в России после Октября следует помнить, что в дооктябрьский период решение всех ключевых проблем виделось почти всеми политическими кругами в увеличении уровня вмешательства государства, а также в передаче полномочий от центральной власти к местной, где осведомленные и опытные люди могли решать эти проблемы наилучшим образом. Такая система одновременно включала в себя регулирование из центра и контроль на местах.

С одной стороны, до революции было широко распространено мнение, что самый эффективный способ решения широкого спектра проблем в снабжении и распределении – это активизация ЦВПК, губернских и уездных комитетов Земгора и даже предпринимательских объединений, например, Петроградского и Московского обществ заводчиков и фабрикантов. После революции как Временное правительство, так и Советы осуществляли сходные действия по увеличению полномочий земельных комитетов в деревне, рабочих комитетов на фабриках и в мастерских и особенно в губернских и уездных комитетах железнодорожников – там, где новая власть «демократизирова-

ла» в марте и апреле железнодорожные линии с целью решения критической проблемы транспорта.¹⁶

С другой стороны необходимость большей централизации в области регулирования промышленности была к 1916 году также общепризнанна и затем легла в основу политики, как Временного правительства, так и Советов. Стоит отметить, что автором изданного Временным правительством нового закона о хлебной монополии был известный либерал А. И. Шингарев. Он же разрабатывал законодательство о снабжении крестьян необходимыми товарами по твердым ценам, помогал готовить указы, запрещавшие продажу хлеба всем, кроме как недавно созданным продовольственным комитетам и по твердой цене, а также добивался того, чтобы все излишки сдавались государственным закупщикам, а не продавались на свободном рынке.

Обе эти составляющие разделенной надвое власти взаимодействовали в вопросе установления цен и при составлении списков «товаров первой необходимости», и обе были полны решимости сделать их доступными для населения по наиболее низким ценам.¹⁷ Была введена государственная монополия на топливо, подготовленная еще деятельностью царских «Особых совещаний», в то время как на текстильном и кожевенном рынках соответствующие отраслевые комитеты, по свидетельству либерального участника, «практически ликвидировали все существующие частные коммерческие механизмы».¹⁸

Обеспечение прибылей промышленникам и посредничество при трудовых конфликтах на производстве были одинаково неотложным делом. И члены правительства, и Советы столкнулись с «бурей» новых заявок на поддержку со стороны государства, как это обнаружил Шингарев, сначала в качестве министра земледелия, а потом – министра финансов.¹⁹ Министерство труда, отделенное от министерства торговли и промышленности с тем, чтобы власть могла представлять обе группы общественных интересов, глубоко погрузилось в разрешение конфликтов в организации труда. Военное министерство вместе с министерством торговли и промышленности брали на себя новые

¹⁶ См.: Rosenberg W. G. The Democratization of Russia's Railroads in 1917 // *American Historical Review*. 1981. Vol. 86. No. 5. P. 983–1008.

¹⁷ См. напр.: Вестник Временного правительства, 28 марта, 1917. There is an excellent discussion of the food supply question throughout this period in Lars Lih, *Bread and Authority in Russia 1914–1921* (Berkeley and Los Angeles, 1990).

¹⁸ Zagorsky S. O., *State Control of Industry During the War* (New Haven, 1928), 224.

¹⁹ Шингарев А. И., *Финансовое положение России*. Петроград, 1917. С. 10–11.

нагрузки, с которыми они не могли справиться, будучи основными потребителями промышленной продукции, в то время как обновленный Экономический совет спорил о мерах по усилению регулирования и контроля. В деревне «мешочники» – бутлегеры хлебной торговли, как их назвал Ларс Лих – начали подрывать государственные хлебозаготовки.²⁰

Как социалистические, так и либеральные чиновники к концу 1917 года пришли к выводу, что шансы обеспечить снабжение городов предстоящей зимой невелики, даже если применять насильственные методы. К октябрю, когда экономическая ситуация уже стала непоправимой, более 8000 работников Экспедиции заготовления государственных бумаг ежедневно печатали около 30 миллионов бумажных рублей, которых все равно не хватало для покрытия расходов государства на выплату зарплат и закупки.²¹

Ретроспективно, непреднамеренные последствия такой политики кажутся полностью предсказуемыми, если не столь же неизбежными. Взять на себя ответственность (официально или нет) за разрешение неразрешимых проблем как на местном, так и на общегосударственном уровне, означало превратиться в объект разочарования, гнева или даже еще хуже, когда ситуация станет хуже. Также как и владельцы предприятий и мастера, которых жестоко выкатывали с заводов в тачках, члены уездных продовольственных комитетов стали подвергаться открытым нападениям, а в некоторых случаях их проводили по улицам уездных городов со связанными руками. Демократические порядки сделали фабричные комитеты и местные Советы еще более радикальными. Захваты предприятий как «решение» проблемы сохранения производства и выплаты зарплат стали все более распространены в тех случаях, когда забастовки заканчивались массовыми увольнениями или закрытием предприятия. К лету 1917 г. банды дезертиров, доходившие иногда до 6000 человек, терроризировали деревни на Юго-Западном фронте.²² К осени

²⁰ Lih, Lars T. *Bread and Authority in Russia, 1914–1921*. Berkeley: University of California Press. 1990; Китанина Т. М. *Война, хлеб и революция: продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 г.* Л. 1985.

²¹ Шингарев А. И., *Финансовое положение России...* С. 11.

²² См. Sanborn J. *Drafting the Russian Nation*. P. 173.

«формальные» протесты в рамках плохо работающей демократической системы достигли предела своей эффективности.²³

В ходе этих событий политическая легитимность стала основываться не на идеологии, а на оценке функциональности власти, ее способности решить насущные проблемы. Пока в октябре большевики не приняли ответственность за решение этих проблем, они обещали улучшить положение, не предлагая конкретных методов решения этой задачи. «Хлеб», «земля» и даже «мир» были программными лозунгами, но не системой управления.

Неудивительно, что Октябрьская революция привела не к революционному отказу от таких методов, как конфискация, реквизиция и госрегулирование, а скорее к их радикальному расширению: они стали как официальными, так и неофициальными способами борьбы с политической экономией нужды и дефицита. Как абстрактное экономическое понятие «дефицит» является основой как рыночной, так и организованной систем обмена; он связан как с этическими, так и с практическими проблемами, возникающими в рамках общественного распределения товаров. В реальной жизни нужда в продуктах питания и других базовых товарах порождает тревоги, страхи, опасения, раздражение и в особенности пристрастие к насилию, которые влияют на мотивы и модели поведения сложным и трудно оцениваемым образом. Для Ленина и его сторонников, которые с готовностью сводили все причины лишений и потерь к врагу-капиталисту в максимально широком смысле, дефицит мог только подкреплять спасительную неотложность их самопровозглашенной миссии. Какое-то время он также явно лежал в основе их призывов. Именно в этом заключалась жестокая суть политики большевиков, которую все исторические деятели и в особенности сами большевики понимали как предвестие классовой и гражданской войны.

Однако уже в начале 1918 г., задолго до того, как ЧК и аналогичные организации белых «узаконили» свое отношение к «врагам» во имя политических целей, нехватка ресурсов во всех городских и сельских районах России привела к использованию «неформального» насилия почти сравнимой жестокости, если несравнимого масштаба. Одни из самых чудовищных актов имели место также на Северном Кавказе и в Центральной Азии еще в 1916 г., когда

²³ Koenker D. and Rosenberg Wm. G. The Limits of Formal Protest: Worker Activism and Social Polarization in Petrograd and Moscow, 1917 // *American Historical Review*, 92:2 (April, 1987), pp. 296–326.

киргизы и другие народы восстали против русских в результате попытки их мобилизации царским режимом.²⁴ Несмотря на то, что по документам сложно проследить конфликты даже в самом сердце нового большевистского государства, например, между демобилизованными солдатами, требующими вернуть себе прежнюю работу или свою долю земли, экспроприированную у помещиков и зажиточных крестьян, не следует недооценивать масштаб пожара, который бушевал в деревне зимой 1917–1918 г., или жестокость повседневной заводской жизни. Когда большевики организовали Комитеты бедноты для конфискации необходимого зерна, они встретили сопротивление, уже начавшееся ранее, когда в деревню приходили столь же хорошо вооруженные группы рабочих для обмена или продажи промышленных товаров. Разрушение поместий и возвращение в общинную собственность земельных участков, выделенных в частную собственность столыпинскими реформами, были стихийной примитивной «коллективизацией» небольших размеров, санкционированной помимо большевистского декрета, и повлекшей разрушительные последствия для помещиков.

В этих условиях Ленин и его партия после прихода к власти не могли обеспечить хоть какую-то материальную поддержку или социальную защиту даже своим самым ярким сторонникам, а тем более обеспечить экономическую стабильность во всей будущей социалистической России, осажденной враждебными силами. Брест-Литовский мирный договор смог предоставить большевикам необходимую передышку для консолидации власти на урезанной территории, которая теперь находилась под их контролем. Вместе с тем, он принес жестокие условия изоляции, в которых преодоление материальных потерь и эмоционального опустошения слилось с новым «националистическим интернационализмом». В то время как проблемы индивидуального выживания стали все более острыми, выживание самой большевистской России казалось отчаянно зависимым от международного революционного движения. Едва ли необходимо доказывать, что в такой ситуации Ленин и его сторонники считали, что их основная задача состоит в том, чтобы получить полный (суверенный) контроль в отдельно взятом советском государстве и использовать свою власть не только для того, чтобы просто уничтожить старое, а чтобы установить порядок и взять под контроль экономический хаос. Это предпола-

²⁴ См. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов-на-Дону, 1930.

гало направление силы как внутри контролируемой территории страны, так и против белых движений на периферии, а также оказание идеологической, если не материальной поддержки товарищам в ближнем и дальнем зарубежье.

Однако установление некоторого подобия внутреннего порядка было острой необходимостью и для антибольшевистских сил в районах, которые они контролировали, поскольку продовольствие и другие предметы первой необходимости были лишь в относительном изобилии вдали от большевистской зоны контроля. Здесь также эскалация насилия была вызвана сложнейшей задачей восстановления контроля над производством и распределением так, чтобы обеспечить этим силам политической устойчивость. Как мы знаем, Антанта некоторое время сумела предоставлять необходимые военные товары как южнорусским, так и сибирским движениям. Немецкая оккупация Украины также временно избавила этот регион от эксцессов гражданской войны. К 1919 г. убеждение большевиков в том, что капитализм повсюду является основным источником всех страданий и бед, было уравновешено таким же формальным осуждением всех форм «большевизма» как причины катастрофы даже в тех областях бывшей империи, которые не были русскими, например, в Прибалтике и Закавказье.

Нет необходимости детально описывать последствия для красных и белых массовых стихийных демобилизаций и дезертирства в период с октября 1917 г. по декабрь 1920 г., углубляющейся разрухи транспорта и промышленности, которая нарастала как снежный ком, постоянные захваты запасов, оборудования и предметов снабжения, или непрекращающееся беспокойство о продовольствии, вызванное неоднократными и разрушительными захватами земли. Поскольку деньги утратили свою ценность как заслуживающее доверие средство обмена, и поскольку большевики перешли к элементам натурального обмена, расширяющийся аппарат управления производством и обменом сам стал полем формального и неформального насилия, сопротивления и репрессий.

Для многих простых мужчин и женщин, буквально имевших шрамы Первой мировой войны, эти новые сражения внутри страны означали также и то, что их снова «предали», причем на этот раз *все* формальные политические власти и режимы. Для них это значило, что конец войны принес только новые беды, что большевизированные профсоюзы, фабричные комитеты и особенно Красная гвардия привели рабочих и крестьян к нищете, но и растущее анти-

большевистское движение, ни в 1919 г., ни в 1920 г. не принесло решения всех проблем. В самой красной России яростные стихийные столкновения между большевиками и теми, чьи интересы они якобы отражали, широко распространились уже в период с марта по конец июня 1918 г., задолго до того, как белые армии стали серьезной угрозой: на крупных промышленных предприятиях в Петрограде, Москве, Туле, Костроме, вдоль железных дорог, и в деревне, чьи ресурсы захватывали все мыслимые виды «комитетов бедноты». На июньских митингах, проходивших в связи с выборами в Петроградский Совет, большевистских ораторов не слушали даже в их прежнем оплоте – Выборгском районе. В Белой России занятие «большевистских» деревень и городов приводили к волнам насилия, особенно в отношении «большевистских евреев».

Более того, во всей стране требовалось проводить разного рода «чрезвычайные» меры для того, чтобы контролировать, как и какие товары производить и распределять, и кому разрешить наказывать «дезертиров», которые бросили свои места за станком или в окопе, «спекулянтов», «укрывателей» зерна и других сельских «буржуазных вредителей», а также торговцев с черных и серых рынков, чьи практика выживания противоречила политике искоренения всех «капиталистических» отношений. Хотя «большие» войны между красными, белыми, зелеными и другими силами обильно порождали насилие, его причины коренились в антагонизме и репрессиях, неизбежных при индивидуальной и коллективной борьбе за выживание. Действительно, как мы знаем, последний символический пример ужасов эпохи Гражданской войны произошел в Кронштадте в 1921 г. уже после того, как армии Деникина, Колчака, Врангеля были разбиты. Это событие стало результатом семи лет утрат и лишений и ожидало только *ослабления* контроля над экономикой со стороны большевиков.²⁵ А затем, после того, как большинство видов насилия, санкционированного режимом, временно прекратилось в 1921 г., от голода, болезней и полного отчаяния погибло еще несколько миллионов людей. По самым скромным оценкам, около 16 миллионов смертей были связаны непосредственно с насилием и лишениями периода 1914–1922 гг.²⁶ И хотя

²⁵ См. Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы в 2-х книгах. М., 1999.

²⁶ Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946. P. 29–43; Волков Е. З. Динамика населения СССР за восемнадцать лет. М., 1930. С. 262; Лубны-Грецык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 22; Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 30–42.

нет точных статистических данных о тех, кто принимал непосредственное участие в «военизированном» насилии в эти годы, «жизнь в катастрофе», как она была описана в недавнем прекрасном региональном исследовании, характеризовала опыт практически всей бывшей царской империи.²⁷

Понимание российских событий в этом контексте позволяет нам поднять вопрос о том, какое влияние насилие в различных его формах оказывало на проблемы этнической идентичности и политической легитимности. Нужно признать, что, несмотря на более чем тридцать различных «правительств», претендовавших на право контроля над различными частями бывшей Российской империи в период с 1918 г. по 1921 г., насилие любого рода было связано с некоторой организованной политической структурой и амбициями. Основные претенденты на власть установили то, что теперь является знакомым, но тем не менее, ужасающим – структурно оформленную практику красного и белого террора, в котором рядовые исполнители действовали безнаказанно. Солдаты генерала Деникина в период формирования Вооруженных сил Юга России почти не брали пленных. Распространение его армии и власти на Украине после ухода немцев спровоцировало беспрецедентные массовые убийства евреев с июня по декабрь 1919 г., в ходе которых, по некоторым оценкам, погибло до 100 тыс. человек.²⁸

Как писал ведущий исследователь деникинского движения: «Добровольческая армия преуспела в убийствах стольких евреев, сколько все другие армии, вместе взятые, потому что они были лучше всех организованы, проводились как военные операции и были наиболее мотивированными идеологически».²⁹ В Сибири Верховный правитель адмирал Колчак, чьи подвиги были отмечены в российском блокбастере, классифицировал любое сопротивление как «большевистское», которое ведут «враги народа». Около 2500 человек были казнены в самом Омске, столице Колчака, после того, как новое правительство возникло после переворота, сместившего режим, который был создан группой депутатов Учредительного собрания, последней попытки со-

²⁷ Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

²⁸ См. Kenez P. Pogroms and White Ideology in the Russian Civil War // Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge, 1992. P. 302; Heifetz E. The Slaughter of the Jews in the Ukraine in 1919. New York, 1921. P. 72–73; Гусев-Оренбургский С. И. Багровая книга. Погромы 1919–1920 гг. на Украине. Харбин, 1922. С. 15; Штиф Н. И. Добровольцы и еврейские погромы // Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991.

²⁹ Kenez P. Pogroms and White Ideology in the Russian Civil War. P. 302.

здать демократическое управление в России. «Всероссийский» режим Колчака официально санкционировал казни без суда и следствия. Он конфисковывал собственность, потворствовал массовым телесным наказаниям и совершил другие репрессии во имя подавления большевистской «преступности».³⁰ Правительства в Мурманске и Архангельске были лишь незначительно менее жестокими, по крайней мере, в количественном отношении.

Страшное насилие против евреев говорит о том, что эти условия также создали и обострили этническую напряженность во всем регионе. Хотя большинство военных групп можно назвать частично смешанными в этническом отношении (логичное следствие разнообразия самой рухнувшей империи), конфискации, грабеж и возмездие всегда легче было направить против реальных или воображаемых «других». Вполне возможно, что этнический конфликт в таких местах, как Закавказье, произошел бы с распадом империи даже во времена материального изобилия, как в случае недавних Балканских войн. Но с дефицитом всегда кажется легче справиться, если «других» лишить их имущества и продуктов, особенно если их можно обвинить в лишениях и потерях, как в случае «большевиков-евреев».

Если мы сосредоточимся на насилии, которое *формально* не было связано с этническими отношениями или политическими претензиями, мы можем классифицировать его по объему и характеру с помощью грубой типологии, которая предполагает влияние дефицита, а также личного и коллективного унижения. Неудивительно, что наиболее распространенными были обоюдные локальные акты жестокости, связанные с конфискацией и сопротивлением ей, особенно зимой 1918–1919 гг. и 1919–1920 гг. Можно сказать, что они имели «небольшие масштабы» в смысле количества задействованных людей, но вряд ли это верно с точки зрения того хаоса, который они с собой нанесли. Кроме того, имела место политически и морально неограниченная жестокость, связанная с поведением и сознанием мародерствующих групп, и особенно с тем, как эти группы увеличивали насилие, собираясь в более крупные «зеленые» движения, подобные тем, которые были у Александра Антонова в Тамбовской губернии и Нестора Махно на Украине. Здесь мы можем выделить в отдельную категорию то, что можно назвать «эмуляторным» («сопер-

³⁰ Rosenberg W. G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974 (Глава 13); Цветков В. Ж. Белое дело в России, 1917–1918. М., 2008; Литвин А. Красный и белый террор, 1918–1922. М., 2004.

ничающим») насилием, и определить окончательный пароксизм поведения как «карательный», в котором все ограничения садистских импульсов растворяются в желании «отомстить» тем, кто «виноват».

Насильственные конфискации и реквизиции, не являясь частью официальной политики, стали активно применяться в сельской местности после прихода к власти большевиков в результате, как стихийной демобилизации старой армии, так и давних обид крестьян на своих помещиков. Имущество, оказавшееся ранее в руках крестьян в результате грабежей и захватов, впоследствии стало для них скорее фактором риска. Постольку численность Красной Армии стремительно возрастала в течение зимы 1918–1919 гг. и особенно во время наступления Колчака и Деникина в 1919–1920 гг., поскольку потребность в продовольствии становилась всё более актуальной и насущной проблемой. Вооружённые и голодные рабочие и солдаты забирали всё, что могли из городских магазинов и деревень, несмотря на партийные директивы, запрещающие подобные самовольные действия. «Мы должны протестовать против центральной политики», – телеграфировали из Иваново-Вознесенска в конце 1918 г. рабочие, описывавшие себя в качестве «сознательных» и «терпеливо голодных революционеров», – У нас было всё отнято, но ничего не предоставлено. У нас нет ни фунта резервов. Мы не несём ответственности за то, что произойдёт, если наши потребности не будут удовлетворены»,³¹ – продолжали они.

Во многих местах «реквизиции» превратились в беспорядочные насильственные конфискации.³² 2 апреля 1919 г. Народный Комиссариат государственного контроля организовал специальную комиссию для проведения «лётных ревизий» складов с целью раскрытия краж и других форм должностных преступлений. За первые шесть месяцев было проведено 250 проверок, раскрывших операции на чёрном рынке, махинации в учёте и факты коррупции.³³ В Калужской губернии, например, местные большевики пытались воспрепятствовать работе инспекторов, арестовав одного из них. По результатам проверки выяснилось, что местные власти незаконно конфисковывали имущество, применяли необоснованное насилие против жителей, про-

³¹ Экономическая жизнь. 1918. 16 ноября.

³² См., например: Нарский И. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. С. 233.

³³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2660. Л. 45.; ГАРФ. Ф. 4085, Оп. 22. Д. 269

изводили многочисленные несанкционированные аресты, выдавали государственные средства, удерживали пайки и во всём этом действовали от лица государства.³⁴ Подобные отчёты были получены из десятков других мест.³⁵

Взаимный характер этого вида насилия особенно ярко ощущался вдоль железных дорог. Всем известный опыт чехословацкого корпуса, передвигавшегося по Транссибирской магистрали с целью возвращения на родину. Продвигаясь на восток, чехи жестко захватывали запасы в близлежащих деревнях, а потом сами оказывались под такими же жестокими ответными атаками со стороны тех, кого они грабили.

Ситуация значительно ухудшилась в 1919 году. Как в Советской, так и в Белой России железнодорожники часто были сами себе властью. И железнодорожные рабочие, и администраторы всегда старались скрыть информацию о доступных припасах, спрятать товары и оборудование. Железнодорожники везде чувствовали себя в осаде и с большим сопротивлением отвечали на требования любых претендентов на власть.³⁶ Нападения на железные дороги, а также на деревни со стороны мародёрствующих группировок также стали повседневным явлением. В Сибири и на юге России самозванные «атаманы», такие как Семёнов и Унгерн-Штернберг возглавляли отряды «казаков» самого разного происхождения в их жестоких набегах на склады снабжения. Часто подобные группировки имели очень далекое отношение к официальным белым правительствам Деникина и Колчака. «Белыми» они становились лишь потому, что были яркими противниками «красных», хотя само по себе белое движение охватывало широкий спектр политических сил. В то же самое время крестьяне и рабочие, потерявшие родных и близких, и изгнанные из своих домов и деревень, объединялись в партизанские отряды, сражавшиеся «против всех».³⁷ В городах и сёлах на Урале люди, выходявшие утром в поисках еды, не были уверены, что вернутся.³⁸ В целом регионе, согласно одному источнику, «сельские населённые пункты превратились в море буквально независимых сельских республик [деревень-

³⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Соч. 1. Д. 2660. Л. 51.

³⁵ ГАРФ. Ф. 4085, Оп. 22. Д. 269.

³⁶ См. Обсуждение проблемы: Rosenberg W. The Social Background to Tsektran / Koenker D., Rosenberg W., Suny R. (eds.) Party, State, and Society in the Russian Civil war: Explorations in Social History (Bloomington, Indiana UP., 1989). P. 349–373.

³⁷ Зеленая книга: История крестьянского движения в Черноморской губернии. Прага. 1921.

³⁸ Нарский И. Указ. соч. С. 225.

республик]» со своими собственными призывниками, «карательными отрядами» и кодексами «возмездия» против вероятных «врагов».³⁹

Появление «чёрного» анархистского движения Нестора Махно на Украине и «зелёных» Александра Антонова в Тамбовской губернии в 1919 г. и 1920 г. представляло по своей сути объединение этих разнородных группировок в огромные мародёрствующие армии, не имевших каких-либо реальных и достижимых политических целей. Методы, применённые Тухачевским против Антонова, вероятно, отличались даже большей жестокостью, чем те, которые применялись ранее в отношении белых.⁴⁰ Анархистское движение Махно на Украине, несмотря на незначительные различия (в частности, в отношении к еврейскому населению), по сути, было аналогом «антоновщины».⁴¹

Степень жестокости воюющих сторон с течением времени последовательно возрастала. Банды казаков, номинально подконтрольные Деникину на юге России, учили «обычных» солдат тому, как грабить еврейские поселения, калечить и убивать женщин, детей и мужчин. Записи Деникина и его советников отражают их озабоченность этой проблемой, равно как и неспособность её решить.⁴² Изнасилование стало (как это всегда бывает в подобных обстоятельствах) проявлением «мужественности» и формой групповой «солидарности», хотя по существу являлось актом ужасающей жестокости.

В конце концов, всё это дало мощный ответный импульс в виде стремления к возмездию. Скопившиеся унижения, потери и страдания требовали расплаты, которая была направлена против самых слабых и незащищённых. Все большевики ассоциировались с евреями (или наоборот); все белые – с монархистами. Убийство женщин и детей стало формой мести часто воображаемому врагу. Можно утверждать, что подобные проявления жестокости

³⁹ Нарский И. Указ. соч. С. 264.

⁴⁰ См. довольно романтическую версию событий в книге О. Рэдки «Неизвестная гражданская война в Советской России: исследование Зеленого движения в Тамбовской области 1920–21» (Стэнфорд, 1976). Рэдки практически ничего не говорит о формах и масштабах насилия со стороны «антоновщины». Недавно был опубликован полный сборник документов и мемуаров. См.: Протасов Л. Г., Данилов В. П. Антоновщина: Крестьянское восстание в Тамбовской губ. в 1920–21 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов. 2007. Отметим, что Тухачевский был продуктом имперского Генерального Штаба.

⁴¹ Хорошим исследованием является книга А. Шубина «Анархия – мать порядка: Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало Российской революции» (Москва, 2005). См. также: Верстюк В. Ф. Махновщина: селяньский повстанський рух на Україні 1918–1921. Киев, 1991. См. также: Волин. «Неизвестная революция» (Нью-Йорк, 1974).

⁴² См.: Кенез П. Погромы; Гацингов Е. Записки белого офицера. СПб. 1992.

вскрыли садистские наклонности их участников. Хотя более серьёзный вопрос заключается в том, почему психопатология садизма находила такой широкий отклик во время гражданских войн в России. Наиболее вероятный ответ заключается в том, что за редкими исключениями лица, совершившие злодеяния, сами испытали какой-то глубоко унижительный опыт в эти ужасные годы, когда страдания и потери накладывались на предыдущие мучения.

Унижения редко документируются, но все же имеют исторические свидетельства. Возмездие же почти наверняка компенсировало предшествовавший опыт унижений и потерь. Оно «объясняло», «оправдывало» и рационализировало насилие, сводя то, что для многих было необъяснимым страданием периода смуты, к простым понятиям «империализма», «царизма», «капитализма» или алчности «дворянства», «евреев», «кулаков», «буржуазии» и «иноземцев». Эти понятия взяты в кавычки, чтобы показать, что их воспринимали и трактовали весьма упрощенно, в отрыве от реальных значений.

III

Что все это говорит об отношении между насилием и процессами политической власти и легитимности? Если мы рассматриваем власть просто как силу, то все вооруженные движения и (квази)правительства, находившиеся на разных территориях в ходе гражданской войны, с очевидностью обладали в той или иной мере властью принуждения. Если мы понимаем власть более полно как силу, обладающую определенным авторитетом и политической легитимностью, то встает вопрос о том, что насколько эффективно использование силы принуждения помогало решить тяжелейшие проблемы нехватки ресурсов и нейтрализации потерь. Разрушение самодержавного государства означало уничтожение легитимности его идеологии и институтов. Без старых легитимных институтов, сама концепция легитимности оказывается связанной с теми институтами, которые обеспечивают эффективное функционирование государства и общества. Те вожди, которые стали популярными после падения самодержавия, теряли свой авторитет, как только они показывали свою неспособность справиться с ухудшением ситуации в стране в 1917 г. Их последовательно сменяли все более и более радикальные фигуры с обманчивой надеждой, что они справятся лучше. И мы хорошо понимаем, что когда большевики пришли к власти, основывая свою «легитимность» на радикальной концепции всеобщего и неумолимого хода истории, которая объясняла все проблемы и беды России, *обещание* преодолеть трудности во многом

обеспечивали их режиму первоначальную поддержку со стороны масс. Когда Ленин и его партия еще хуже, чем их предшественники, преуспели в борьбе за преодоление критических проблем распада государства и нехватки ресурсов, акцент на идеологическое обоснование их политики стал еще более резким. Это особенно проявилось после окончания гражданской войны, совпавшей с началом голода 1921–1922 гг.

Та же ситуация повторилась и в борьбе Сталина за власть. Будущий маршал Тухачевский и Красная Армия оказалась бессильной перед голодом начала 1920-х гг., равно как Тухачевский и его соратники оказались бессильными перед сталинистами почти двадцать лет позже. Как минимум можно сказать, что синдром насилия, характерный для гражданской войны в России, стал ключевым аспектом технологии управления обществом, по прежнему живущему с глубокой надеждой и стремлением к безопасности и благосостоянию.

Д. О. Чураков

Локальные войны как звенья большой гражданской войны¹

В последнее время мне пришлось переключиться с эпохи революции и гражданской войны на более недавние события, связанные с противодействием Российской Федерации гибридным угрозам и локальным военно-политическим конфликтам. Но и свою «прежнюю любовь» я не забываю, тем более, что между двумя эпохами, разделёнными более, чем вековым отрезком времени, оказывается много параллелей. Постсоветское пространство, в частности, так же наполнено в наши дни различными острыми противоречиями, которые нередко приводят в отдельных его уголках к рецидивам переворотов, революций и гражданских войн. Изучая современное положение дел в сфере локальных войн на постсоветском пространстве, я сформулировал для себя цепочку вопросов по истории 1914–1922 гг., размышлениями по некоторым из которых считаю важным поделиться.

Первый вопрос связан с характером, типом и масштабами гражданской войны 1918–1920 гг. Известно, что в классической военной науке выделялось только два типа войн: малые и большие (европейские, позже – мировые). В частности, такой подход зафиксирован в трудах Клаузевица.² Тот же подход задержался и в марксистской историографии, в которой малые войны получили определение локальных (в русском переводе прежних лет – локализованные).³ При таком подходе гражданские войны, включая национально-освободительные и революционные, фактически автоматически попадали в разряд локальных. И такая классификация гражданских войн могла бы считаться вполне удовлетворительной, если бы речь шла, например, о гражданских войнах в Англии, США, Корее, Испании и т.д. Но может ли считаться локальной войной гражданская война в России?

Мне представляется, что в рамках классического подхода, когда выделялось только два типа, два, условно говоря, уровня войн, российская граждан-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00621 А: «История участия Российской Федерации в локальных гибридных войнах в 1991–2008 годах: генезис, геостратегия, результаты».

² Локальные войны: История и современность / Под редакцией генерала армии И. Е. Шаврова. М., 1981. С. 34.

³ Маркс К. Маркс – Вильгельму Либкнехту в Лейпциг. 4 февраля 1878 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 248.

ская война принципиально не поддаётся типологизации. Уже в советской историографии был сформулирован новый, усовершенствованный подход, при котором войны делились на локальные, региональные и мировые. Этот подход более адекватен изучаемому материалу, но и в его рамках российская гражданская война стоит особняком. Масштабы ее таковы, охват территории и вовлеченных в нее людских масс таковы, что гражданская война 1918–1920 гг. явно должна занять особую нишу между региональными и мировыми войнами.

И, тем не менее, изучая события, столетний юбилей которых мы отмечаем, без теории малых, локальных войн обойтись невозможно. Возьму на себя смелость утверждать, что большая война в России 1918–1920 гг., вся эпоха «Второй русской» или, как ее еще называют, «красной» смуты 1914–1922 гг., — это череда следовавших друг за другом или накладывавшихся одна на другую локальных войн в разных частях Империи и даже в ее центре. Сочетание и совмещение этих войн привели к обострению и разрастанию всей большой гражданской войны, усилили ее ожесточенность, накал, продолжительность и кровавый характер.

Данный взгляд на большую гражданскую войну в России 1918–1920 гг. как на цепь малых, локальных войн прочно пересекается с теми новыми подходами к революции 1917 года и ее причинам, которые появились в отечественной историографии в последние четверть века. Безусловно, эти подходы дискуссионны, требуют дополнительной проработки и новых доказательств, но в целом представляются заслуживающими внимания и обсуждения. Речь идет о разного рода подходах и концепциях, которые, обобщенно говоря, интерпретируют предпосылки революции как многофакторные, а сами революционные процессы как многоуровневые и многоканальные.

При этом надо отметить, что подходу к предпосылкам революции как многофакторным не противоречит большинство исследований последних лет. Так или иначе, дополняя и уточняя друг друга, беря в качестве отправной точки отдельные этапы или проявления назревавшей Красной смуты, они показывают сложность, нелинейность и многофакторность ее развития. Это ничуть не умаляет значимости и оригинальности получаемых отдельными историками результатов. Напротив, мы наблюдаем картину, когда на разных источниках и разном фактическом материале современные авторы приходят

к взаимодополняющим выводам. Данное обстоятельство красноречиво говорит в пользу перспективности новых подходов.

Предлагаемые историками конкурирующие теории многофакторности революции и ее предпосылок своими корнями глубоко уходят в общее состояние современного российского общества. Приоткрывая перед исследователями новые перспективы, новые теории, вместе с тем, пока не позволили ответить на очень важный вопрос: какой же из факторов являлся в созревании революции если не решающим, то, во всяком случае, ведущим? Этот пробел вполне может быть преодолен в будущем, но даже тогда, когда это произойдет, вывод о множественности ее причин и предпосылок своей значимости и эвристической ценности не потеряет. Вообще созревание причин и предпосылок революции, как мне представляется с учетом достижений современной историографии, следует понимать как несколько совпавших во времени и пространстве объективных процессов, каждый из которых приближал России к тому качественному рывку, который был ею совершен в 1917 году и в последующие годы.

Соответственно, если мы таким образом говорим о причинах и предпосылках революции, то к самой революции нужно подходить по-новому. «Многофакторность» причин и предпосылок революции заставляет нас поставить вопрос так же о плюралистичности природы самой революции. Надо сказать, что и в прошлые годы историки задумывались о том, что события 1917 г. не могут рассматриваться как нечто исключительное однородное. Но в прошлом, как известно, официальная в СССР точка зрения сводилась к тому, что данная неоднородность проявлялась во времени, по мере развития революционных процессов. Это выразилось в советской официальной концепции двух революций в 1917 г., которая постепенно возобладала в советской историографии. Согласно ее основному постулату, первый, февральский, этап революции 1917 г. носил так называемый буржуазно-демократический характер, а второй, октябрьский этап, — уже пролетарский, или, как еще его определяли, социалистический характер. Тем самым, при данном взгляде неоднородность революционных процессов в 1917 г. рассматривалась как более или менее целенаправленное поступательное развитие от низшего к высшему.

Хотя прежний подход, разделявший революцию 1917 года на две революции, разнящиеся своей социальной природой, я бы отбрасывать не стал (как мне представляется, свой познавательный потенциал он далеко не исчерпал),

но следует отметить, что в наши дни картина развития страны воспринимается не столь прямолинейно. Многие постперестроечные историки готовы признать в Красной смуте не одну, а некое органичное сочетание сразу революций. Тем самым, в современной российской историографии многие авторы, развивая, как представляется, историософскую концепцию японского историка Вада Харуки,⁴ пишут о революции 1917 года как о комплексе нескольких революций. Эти революции, историческое время которых соприкоснулось и даже слилось в единой бифуркационной точке 1917 года, можно, например, выделить по социальному принципу. В этом случае мы сможем говорить о крестьянской, женской, солдатской революции, революции интеллигенции, студенчества, средних городских слоев в целом и, конечно, о рабочей (пролетарской) революции – здесь наследие советской историографии вполне может быть полезным для изучения и анализа.

Но социально-классовый – это вовсе не единственный возможный для изучения событий той эпохи критерий. Гораздо чаще, как представляется мне, сегодня можно встретить выделение «отдельных революций» по национально-этническому принципу. При таком подходе разные авторы пишут о, например, польской, мусульманской, армянской, украинской, финской, еврейской, осетинской, татарской, грузинской, башкирской, казахской, и множестве других революциях,⁵ вместе составивших *единую* российскую революцию.⁶ Вряд ли кто-то усомнится, что в Российской революции 1917 г., при

⁴ Харуки В. Россия как проблема всемирной истории. М., 1999.

⁵ В той или иной мере к таким выводам подводят многие материалы. См. Верстюк В. Ф. Февральская революция и украинское национально-освободительное движение // Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Исхаков С. М. Мусульмане России: особенности социального поведения в начале XX в. // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Он же. Февральская революция и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Еврейский вопрос в революции, или о причинах поражения большевиков на Украине в 1919 году // Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. М., 1997. В сущности, аналогичным проблемам посвящена и книга: Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. М., 1997 и др.

⁶ К слову сказать, подобный подход напоминает известную истину, что, подчас, новое – хорошо забытое старое. В частности, о множественности факторов, определяющих национальные революции, и о разных задачах, решаемых разными народами в ходе этих революций, писал еще Троцкий в своем главном труде о русской революции, переизданном как раз в год ее юбилея (См.: Троцкий Л. Д. История Русской революции. В 2 т. Т. 2. Ч. 2. М. 1997. С. 36 и далее).

таком подходе, имела место быть и русская революция. Помимо этого, некоторые историки в наши дни готовы отказаться от изоляционистских схем и посмотреть на отечественную революцию 1917 г. в контексте мирового развития в целом, и при том не только в плане влияния революции на окружающий мир, но и в плане влияния окружающего мира на революцию. С этой точки зрения революция 1917 г. может восприниматься как совпадение во времени внутреннего кризиса империи и глобальных мировых кризисных колебаний. Речь в этом случае идет и о более глобальной включенности России в мировую систему. В этой связи поднимается проблема влияния на российскую революцию Первой мировой войны.⁷

Вот какие тенденции в историографии я считаю важным отметить, когда называю большую гражданскую войну в России цепью малых (локальных войн) в различных ее регионах. Причем для выделения таких локальных войн вполне могут быть уместны оба названных выше критерия, позволяющих выделять различные революционные потоки в едином революционном потоке 1917 года: и социально-классовый, и этнонациональный, и, без сомнения, какие-либо еще. Например, если стоять на позиции, что локальные (малые) войны вспыхивали в период Второй русской смуты на социально-классовой основе, то для изучения могут быть интересны сразу несколько локальных конфликтов и малых войн, например, Ижевское рабочее восстание, красное партизанское движение в Сибири, эпизоды гражданской войны в казачьих областях, Тамбовское крестьянское восстание и т.д.

Часть из этих малых войн и локальных вооруженных конфликтов меньшего накала в прошлом уже становилась предметом моего научного интереса, причем, именно в качестве примера малых войн. Это, в частности, Ижевское восстание, на материалах которого я проверял актуальность теории малых войн М. А. Дробова, предложенной им еще в 1931 г., но позже надолго незаслуженно забытую.⁸ Анализ локального конфликта в Прикамье показал хорошие перспективы изучения общих тенденций и закономерностей граж-

⁷ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 19.

⁸ Дробов М. А. Малая война: Партизанство и Диверсии. М., 1998. Причины, по которым эта книга долгие годы была не известна большинству авторов, довольно тривиальны: монография М. А. Дробова вскоре после выхода была изъята из пользования, поскольку содержащийся в ней анализ диверсионной и партизанской борьбы в 1930-е гг. показался кому-то опасным.

данской войны 1918–1920 гг. в целом. То же могу сказать и по результатам своей работы над Кронштадтским и некоторыми другими рабочими восстаниями тех лет. Хотя я в основном рассматривал антибольшевистские и анти-советские восстания, но похожие результаты дает также изучение локальных выступлений сторонников советской власти и большевистской партии, например, в Киеве и Ростове.

Еще больший простор для исследователей, как мне представляется, открывает обращение к тем локальным конфликтам эпохи революции и гражданской войны, которые возникали на этнонациональной почве. А таких тоже можно вспомнить немало. Фактически каждая из названных выше национальных революций сопровождалась менее или более острыми и продолжительными военными конфликтами в рамках единой гражданской войны в России или даже шире – в рамках периода всей Второй русской смуты. Не случайно к национальной составляющей драмы 1917–1922 гг. в последние годы обратились многие современные авторы, и, что важно, среди них есть и серьезные историки.⁹

Среди таких локальных конфликтов 1918–1920 гг., важной составляющей которых являлись сепаратистские и националистические устремления, встречались и такие, которые вспыхивали в тех регионах, которые и в последующие годы вновь и вновь становились зонами локальных военно-политических конфликтов, причем некоторые из них – уже как межгосударственные. Конфликты на этнонациональной почве легко разжечь, но очень сложно погасить – эту банальную истину игнорировали многие стороны Красной смуты, а некоторые – преднамеренно опирались на нее, раздувая межнациональную вражду до масштабов геноцида. Это, как правило, происходило там, где националистические настроения являлись основой местного сепаратизма.

К такого рода локальным «гражданским войнам» я бы в первую очередь отнес события рубежа 1917–1918 гг. в Финляндии. По не вполне ясным и совершенно ошибочным причинам гражданскую войну в Финляндии выводят за скобки российской гражданской войны. В результате общая картина Второй русской смуты резко, непозволительно искажается. Главные искажения

⁹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; Жуков Ю. Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922. От Российской империи – к СССР. М., 2011.

касаются как раз военной стороны событий, а также вопросов, связанных с такой острой в наши дни проблемой, как государственный революционный террор, родоначальником которого сегодня ошибочно провозглашают большевиков, тогда как пальма первенства здесь принадлежит финнам, точнее, как писали прежде, белофиннам.

Победа финских националистов над коммунистической революцией вылилась в жесточайший белый террор. Можно не сомневаться, что «пример» Финляндии сыграл роковую роль в гражданской войне в остальных частях Империи.¹⁰

Особую роль в обрушившемся на нашу страну бедствии Второй русской смуты, как и в XVII в., вновь сыграли русско-польские отношения. Поляки, так и не смирившиеся с тем, что им не удалось стать центром интеграционных процессов в славянстве, решили возглавить сепаратистские тенденции в нем. Роль геростратов им удалась лучше, чем создателей. В результате их стараний распад единого русского государства начался не в 1917 г., как это обычно считается, а уже, по сути, в 1916 году. И начался он как раз с образования на территориях Российской империи самостоятельного польского государства – предвестника грядущих потрясений.

Ситуация с Польшей и Финляндией свидетельствует в пользу еще одного важного вывода: локальные конфликты на российской периферии – это результат воздействия внешней враждебной среды. Именно внешние силы, конкретно Германия и Австро-Венгрия в 1916 году, сначала сконструировали, а потом тут же признали т.н. Королевство Польское. Точно так же и победа реакции в Финляндии была одержана не финскими, а иностранными штыками. В разгар боевых действий между белыми и красными финнами немцы открыто поддержали своих ставленников. Пospешили воспользоваться раздраем в русском доме и шведы. Они решили аннексировать Аландские острова под предлогом их преимущественно шведского населения. Шведская интервенция началась еще в феврале, а 5 марта на Аландских островах высадились немцы.

Шведы и немцы поделили зоны ответственности и взялись за разоружение русских гарнизонов.¹¹ В дальнейшем отмеченная закономерность подтвердится и в других горячих точках на карте взорванной Империи – везде,

¹⁰ Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 96.

¹¹ Европа и Россия в огне Первой мировой войны. М., 2014. С. 496.

где появлялись интервенты, за их спинами прятались местные сепаратисты, даже если речь шла о сугубо русских областях, как, например, на русском Севере или в Сибири.

Таким образом, изучение большой гражданской войны в России в 1918–1920 гг. как сложной цепи малых локальных войн и конфликтов может позволить уточнить имеющиеся в историографии оценки той эпохи и, вне всяких сомнений, раскроет новые грани пережитой нашей страной драмы. Это что касается научной значимости примененного в данной работе подхода. Но, конечно, он имеет и общественную значимость в связи с тем интересом, который отмечается в российском обществе к проблематике локальных войн в наши дни.

Этот интерес возник не столь давно, но не на пустом месте. Рост интереса к локальным войнам, а также к их влиянию на отечественную историю, резко вырос после грузино-югоосетинского конфликта в 2008 г., а также событий на Украине, в Крыму и Новороссии в 2014–2019 гг. Эти события неожиданно сильно актуализировали необходимость изучения малых войн в истории России – СССР – Российской Федерации.

Собственно говоря, в связи с ростом интереса к локальным войнам повторяется ситуация начала 1990-х годов, когда так же резко, даже пожалуй, еще резче, вырос интерес к проблематике гражданской войны в целом. Тот интерес прочно коренился в переживавшемся в тот момент историческом этапе, – уверен, многие помнят, что разрушение СССР, события 1993 г. и другие моменты обострили у многих чувство опасности. Гражданская война уже не казалась большинству граждан нашей страны чем-то очень далеким, не казалась страницей учебника истории, которую давно перелистнули, и возвращаться к которой нет смысла. Наоборот, смутные ощущения требовали рефлексии на тему событий 1918–1920 г.

Общество, а вместе с ним и ученые, стремились разобраться в механизмах, приведших к братоубийственному противостоянию, с тем, прежде всего, чтобы трагедия не повторилась вновь, чтобы поиски компромисса возобладали над духом конфронтации.

Вот и в наши дни, когда внутри самой Российской Федерации, на постсоветском пространстве, а также в дружественных России странах дальнего зарубежья происходит сразу несколько военно-политических конфликтов, в том числе доходящих до самых настоящих войн, и российское общество в

целом, и цех профессиональных историков конкретно вновь пытаются вглядываться в прошлое, чтобы извлечь уроки и в будущем не допустить развития по худшему сценарию. А худшим сценарием, как и во времена Второй русской смуты, как представляется мне, является не только возникновение все новых и консервация уже имеющихся конфликтов, а их постепенное объединение в огненную цепь. Именно так и произошло в 1914–1918 гг.: отдельные конфликты разной природы накапливались, наслаивались друг на друга, вели к взаимному усилению, а в тот момент, когда отечественная государственность ослабла и уже не могла противостоять кризисным процессам, локальные войны в разных частях романовской Империи слились в единую крупномасштабную гражданскую войну. Ситуацию не спасли даже две революции – в феврале и в октябре 1917 года, – которые не предотвратили, а, скорее, внесли свою лепту в процесс консолидации локальных конфликтов в единую гражданскую войну.

В. В. Калашиников

О старом, но актуальном споре: «пессимисты» и «оптимисты» в американской историографии 1960-х годов

Памяти Л. Хаймсона и Т. фон Лауэ

Весь характер развития историографии Русской революции ведет к пониманию того, что трактовка истории революции во многом зависит от трактовки ее *предпосылок и причин*¹.

Как в зарубежной, так и отечественной историографии, никто из серьезных специалистов никогда не считал Русскую революцию простой случайностью. Доминировала позиция, в рамках которой историки признавали, что в предвоенной России существовали острые социальные и политические противоречия, которые делали революцию возможной, а дополнительные тяготы первой мировой войны сделали ее весьма вероятной и, по мнению немалого числа историков, даже неизбежной.

Однако при этом историки разделились на две группы. В *первую* группу вошли те, кто утверждал, что в предвоенной России шел процесс увеличения социально-политической стабильности общества и возможностей мирного эволюционного развития, и только война прервала этот позитивный тренд и стала причиной революции. Во *вторую* группу вошли те, кто полагал, что, напротив, в стране нарастали предпосылки для революционного взрыва, и война их лишь усилила, придавала особую остроту. Историков первой группы в западной историографии называют «оптимистами», вторых – «пессимистами». В новейшей историографии эти термины стали использоваться и российскими историками революции.

В западной историографии дискуссия по вопросу о направленности процессов развития в предвоенной России вступила в *активную фазу* в 1964 г. Толчком послужила острополемическая статья американского историка Л. Хаймсона. В настоящее время исполнилось 55 лет со времени начала дискуссии, но она не закончена. Вопросы, поднятые в ее ходе, и сегодня являются предметом острой полемики. Компетентный читатель без труда увидит

¹ Все выделения в тексте за исключением особо оговоренных сделаны автором.

сходство в позициях и аргументах, которые звучат сегодня, с теми, что звучали полвека назад.

Леопольд Хаймсон (1927-2010). В начале 1960-х годов Л. Хаймсон был преподавателем Чикагского университета, успешно защитившим диссертацию (PhD) в Гарвардском университете. В 1965 г. он стал профессором истории Колумбийского университета. В декабре 1964 г. и в марте 1965 г. в журнале «Славик Ревью» Л. Хаймсон опубликовал две части своей пространной статьи «Проблема социальной стабильности в городской России, 1905–1917».

Статья начиналась историографической преамбулой, в которой автор изложил свое понимание позиций советских и западных историков по вопросу о предпосылках и причинах Русской революции. Хаймсон писал, что в 1920-е гг. между ними существовала высокая степень согласия по двум основным положениям. Первое положение заключалось в том, что революция 1917 г. «должна рассматриваться не как историческая случайность или продукт ближайших исторических обстоятельств, а как *кульминация длительного исторического процесса*». Второе положение гласило, что, «несмотря на глубокие исторические корни, революционный процесс был существенно ускорен внесением дополнительного напряжения в российскую внутреннюю политику Первой мировой войной»². Однако, по мнению Хаймсона, за годы сталинского режима и «холодной войны» в советской и западной историографии сложились «две практически несовместимых» точки зрения. Советские историки стали делать акцент на новый революционный подъем, который к 1914 г. поставил Россию на порог новой революции. В этом контексте, считал Хаймсон, советские историки уже не рассматривали войну «как фактор, *радикально* способствовавший развязыванию революционного взрыва». Напротив, они утверждали, что война отсрочила революцию. В свою очередь многие западные историки «отчасти в качестве ответной реакции на такой советский стереотип и вызванное им серьезное искажение фактов, стали придерживаться диаметрально противоположной позиции, согласно которой между революцией 1905 г. и началом первой мировой войны все основные сферы российской жизни были охвачены процессами политической и социальной стабилизации. Если бы не война и сопутствующие ей проблемы, эти процессы спасли бы российское государство от революции или, по крайней

² Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905-1917 (Part I) // Slavic Review. Vol. 23, No. 4 (Dec. 1964). P. 619.

мере, от радикального переворота, какой Россия, в конце концов, пережила, когда большевики захватили власть»³.

Отметим определенную условность такого понимания историографических процессов, но согласимся с тем, что и такие трактовки имели место в работах советских и западных историков.

Признавая важность проблемы предпосылок Русской революции, Хаймсон предложил свой путь решения вопроса о том, как шел процесс развития предвоенной России: по пути усиления социальной стабильности общества или обострения классовой борьбы, закрывавшей возможность осуществить мирную модернизацию страны? Автор сосредоточил свое внимание на ситуации в «городской России» и показал, как менялись позиции и революционный потенциал рабочего класса и интеллигенции в предвоенный период. Результаты анализа привели историка к выводу о том, что в предвоенной городской России социально-политические противоречия *обострялись*⁴.

В середине 1950-х Хаймсон занимал иную позицию: «Ленин, – писал он в 1955 г., – бежал против времени: реализация его планов полностью зависела от того, представится ли случай для развязывания стихийных сил российского общества прежде, чем они *окончательно вступят в стадию зрелости*»⁵. Однако изучение истории меньшевизма, которое в 1960-е гг. стало основным направлением научной работы Хаймсона, заставило его изменить позицию⁶. Информация, которой обменивались между собой лидеры меньшевиков после 1912 г., свидетельствовала о росте влияния большевиков в рабочем движении. Это проявилось и в вытеснении меньшевиков из ряда профсоюзов, и во внушительной победе большевиков на выборах в IV Государственную думу, когда они завоевали все рабочие курии промышленных центров. Свою позицию Хаймсон убедительно подтвердил и ростом числа политических стачек после 1912 г., который историк показал при помощи таблицы, составленной на основе отчетов, представленных фабричной инспекцией Министерства торговли и промышленности.⁷

³ Haimson L. Op. cit. P. 620.

⁴ Ibid. P. 621–629.

⁵ Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge. 1955. P. 218.

⁶ В 1960-1965 гг. Хаймсон руководил «Межуниверситетским проектом по изучению истории меньшевистского движения».

⁷ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. СПб., 1914; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 год. Пг., 1915.

Год	Забастовки	Из них политических	Забастовщики	Из них политических
1905	13995	6024	2.863.173	1.082.576
1906	6114	2950	1.108.406	514.854
1907	3573	2558	740.074	521.573
1908	892	464	176.101	92694
1909	340	50	64.166	8863
1910	222	8	46.623	3777
1911	466	24	105110	8380
1912	2032	1300	725.491	549.812
1913	2404	1034	887.096	502.442
1914	3534	2401	1.337.458	985.655

На фоне такой статистики Хаймсон рассматривал баррикады, появившиеся на улицах Петербурга летом 1914 года (как раз накануне начала мировой войны) как естественный результат радикализации рабочего класса.⁸

Причины роста рабочего протеста автор видел в том, что в ряды рабочего класса в годы промышленного подъема пришло много молодежи из российской деревни: «растущая взрывная волна забастовок соответствовала тому промышленному подъему, благодаря которому численность российской рабочей силы выросла с 1 793 000 в январе 1910 г. до 2 400 000 человек в июле 1914 г., т. е. более чем на 30 %. Очевидно, что такое резкое увеличение рабочей силы на городском рынке труда могло быть достигнуто только в том случае, если к новому поколению наемных городских рабочих присоединились массы безземельных и малоземельных крестьян, освобожденных от своих земельных повинностей столыпинскими законами». Автор подчеркнул, что в Петербург новые рабочие пришли в большом количестве из центральных губерний Европейской России – «тех самых губерний, где распад общинного землепользования, достигнутый чаще всего с помощью невыносимого административного и экономического давления, был особенно тяжелым и болезненным»⁹.

⁸ Haimson L. Op. cit. P. 626–630.

⁹ Ibid. P. 635–636.

Признавая роль большевистской пропаганды и агитации в радикализации рабочего движения, Хаймсон главными причинами считал объективные условия, которые формировали позицию рабочих: «политическая угроза большевизма в 1914 г. коренилась не в прочности его организаций и не в успешности его усилий по идеологической индоктринации рабочих, а в простом желании самих рабочих восстать против существовавшего порядка»¹⁰.

Хаймсон видел в рабочем движении того времени опасность не только для самодержавной власти, но и для российских либералов. В этой связи он выдвинул тезис о «поляризации» (разнонаправленности, конфликтности) рабочего и либерального движений. «К 1914 г., – писал автор, – явственно проступил опасный *процесс поляризации*, имевшей место в главных городских центрах России, *между обществом ... и растущим числом недовольных и оппозиционно настроенных промышленных рабочих*, которые теперь подвергались неограниченному влиянию призывов озлобленного революционно настроенного меньшинства»¹¹. Такое понимание конфликта между рабочими и либеральными слоями российского общества вело к выводу о нарастании предпосылок не только для буржуазной, но и для более радикальной революции, которая являлась конечной целью большевиков.

В марте 1965 г. Хаймсон опубликовал вторую часть своей обширной статьи. В ней он обосновал тезис о том, что «к июлю 1914 г., наряду с поляризацией между рабочими и образованным привилегированным обществом ... практически одновременно в равной мере развивался *второй процесс поляризации* – между *основной массой этого привилегированного общества и царским режимом*»¹². К 1914 г. вторая поляризация достигла такой точки, когда «наиболее умеренные представители либеральной мысли заявляли публично, в Думе и печати, что отношения между государственной властью и общественностью зашли в тупик, который, как утверждали некоторые, мог быть преодолен только революцией слева или справа». Свидетельством второго процесса поляризации Хаймсон считал раскол в кадетской партии. Начиная с осени 1912 г., писал автор, совместные заседания ЦК партии кадетов и депутатов IV Думы проходили «в атмосфере все более ожесточенных столк-

¹⁰ Ibid. P. 639.

¹¹ Ibid.

¹² Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 (Part Two) // Slavic Review. Vol. 24, No. 1 (March 1965). P. 1.

новений между представителями коалиции центра и правого крыла партии, возглавляемой Милюковым, и левых кадетов, обычно руководимых Некрасовым». Суть споров: «должна ли теперь кадетская партия придерживаться “революционного” или “эволюционного” направления, или, на эзоповом языке того времени, должна она направить свою тактику внутри Думы и за ее пределами на “органическое” или “неорганическое” разрешение конфликта между царским режимом и либеральным большинством образованного общества». ¹³ Хаймсон отмечал, что левые кадеты выступали за совместные действия с социалистами и ради этого шли на нарушение партийной дисциплины. Так, в Думе они подписывали парламентские запросы трудовиков и социал-демократов, вызывая множество парламентских скандалов. Постепенно к ним стали присоединяться все больше депутатов от прогрессистской партии, руководство которой состояло из крупных помещиков, бизнесменов и промышленников. Автор показал, что лидеры прогрессистов стремились установить контакты со всеми социалистами, включая большевиков.

Хаймсон признал, что в эти годы было много «признаков экономического и социального прогресса», в том числе и в российской провинции: внедрение новых культур, технологий и организационных форм в сельском хозяйстве, растущая грамотность среди низших слоев, оживление культурной жизни провинциального общества. Однако эти признаки прогресса «не должны рассматриваться как свидетельства достижения или движения к большей политической стабильности», ибо они не препятствовали процессам поляризации. Отмечая конфликтность во взаимоотношениях органов царской администрации и земских учреждений, автор писал о том, что к 1914 г. «официальная» и «неофициальная» Россия превратилась в два мира, совершенно изолированных друг от друга. ¹⁴

Хаймсон полагал, что процессы социальной поляризации несли реальную опасность радикальной революции и без дополнительных тягот, созданных мировой войной, но говорил об этом только как о «гипотетической возможности», которую мог вызвать какой-либо особо острый внутренний кризис. Автор заявил, что предпочитает основывать свою позицию на «более скромной, но более солидной почве»: на тезисе о том, что «*характер*, а не обязательно *тяжесть*, политического и социального кризиса, очевидного в

¹³ Ibid. P. 2–3.

¹⁴ Ibid. P. 9–10.

городской России накануне войны, более напоминает революционные процессы, которые мы увидим в работе во время второй революции в России, чем те, которые развертывались во время первой». Различие в процессах между первой и второй революциями в России автор видел в том, что в 1905 г. либералы и народ единым фронтом давили на самодержавие, а в 1917 г. явно обозначился конфликт между либералами и народом. И проявление этого конфликта он видел уже в предвоенной России. Хаймсон назвал 1914 год станцией на полпути между 1905 и 1917 годами» и подчеркнул, что «годы войны *не породили*, а лишь существенно *ускорили* те два обширных процесса поляризации, которые уже работали в российской национальной жизни в течение довоенного периода».¹⁵

В заключении автор одним предложением объяснил то, что произошло в России в 1917 году: «произошло крушение старого порядка и, одновременно с этим промышленный рабочий класс и ... массы крестьян, под влиянием старых и новых обид, объединились против *мертворожденного буржуазного общества и государства*»¹⁶. Так, одним прилагательным Хаймсон сделал вывод о том, буржуазный строй в России был «мертворожденным». И объяснил этот феномен конфликтным характером процессов поляризации, проходивших в довоенное время.

Именно в связи со статьей Хаймсона, который в пессимистических тонах оценил перспективы мирной модернизации царской России, в западной историографии началась дискуссия, поделившая историков на «оптимистов» и «пессимистов». В своей статье Хаймсон при сравнении ситуации в западной и советской историографии признал «оптимистов» доминирующим течением в западной историографии: «в то время как советская историография разглядела в последних днях работы третьей Думы начало нового, быстро растущего революционного подъема, *большинство западных историков не были готовы признать обоснованность подобной периодизации*»¹⁷.

Теодор Лауэ (1916-2000). Однако в ходе начавшейся дискуссии известный американский историк профессор Калифорнийского университета Т. фон Лауэ в статье «Шансы либерального конституционализма» высказал мнение, что «пессимисты» уже в середине 1960-х гг. были более *многочис-*

¹⁵ Ibid. P. 17.

¹⁶ Ibid. P. 22.

¹⁷ Haimson L. Op. cit. Part I. P. 621.

ленной, хотя и «менее громкогласой» фракцией в западной историографии Русской революции. При этом Лауэ уже самим названием своей статьи привлек внимание к той проблеме, о которой Хаймсон сказал лишь вскользь в конце своей статьи («мертворожденное буржуазное государство»). Таким образом, Лауэ сделал главным не вопрос о возможности избежать революции, а вопрос о возможности остановить ее в буржуазно-либеральной фазе. Он назвал «пессимистами» тех, кто считает, что «либерализм и конституционализм (также как и автократия) *не обладали базой*, достаточно солидной для того, чтобы выдержать добавочные тяготы трех лет мировой войны, и даже, как показывают рассуждения проф. Хаймсона, дополнительные кризисные ситуации мирного времени, которые со временем возникают в любом современном государстве». В свою очередь Лауэ определил «оптимистов» как сторонников точки зрения, согласно которой «если бы не мировая война, конституционная Россия западного типа обязательно родилась бы из неизбежного краха самодержавия»¹⁸.

Отметим, что позиция Лауэ, конечно же, не была чем-то принципиально новым, поскольку, по сути, он повторял мысли об обреченности российских либералов в случае начала революции в условиях войны с Германией, изложенные царю в известном письме сановника П. Н. Дурново в феврале 1914 г. Однако Лауэ был первым из западных историков, который сделал эту проблему предметом открытого спора. Более того, он прямо заявил, что «вопрос о возможностях утверждения либерально-конституционного режима в предреволюционной России разделяет не только советских и западных историков, но и самих западных историков, хотя это и *слабо просматривается в их публикациях*».

Почему же это разделение «слабо просматривается»? На наш взгляд, ответ достаточно очевиден. Позиция неверия в потенциал либерального режима в России подспудно придавала правомерность действиям большевиков, создавших на месте «мертворожденного» либерального строя свою модель общественного развития. Редко, кто из западных историков говорил об этом открыто. Позиция Лауэ выделялась своей открытостью и радикализмом.

Чтобы оценить степень радикализма взглядов Лауэ, укажем еще на одну черту, отличавшую его позицию от позиции Хаймсона. Хаймсон, уделив ос-

¹⁸ Laue T. The Chances for Liberal Constitutionalism // Slavic Review. Vol. 24, No. 1 (March 1965), P. 34-35.

новное внимание процессам поляризации, показал, что они создавали угрозу как царскому, так и либеральному строй. Лауэ, согласившись с Хаймсоном, открыто заявил не только о том, что у либерального режима было *мало шансов утвердиться* в революционной России, но и о том, что этот режим в принципе *не мог решить* национальные задачи, стоявшие перед страной. Именно так Лауэ переформулировал основной вопрос дискуссии: он не в том, «сможет ли появиться и закрепиться конституционный строй в России, а в его способности *сохранить и усилить независимость* и национальные традиции страны в ходе жестокой силовой борьбы, которую мы наблюдаем в XX столетии»¹⁹.

Лауэ признал либеральный строй неспособным решить эти задачи в условиях России начала XX века. Историк аргументировал свою позицию не только и не столько анализом предвоенной ситуации в самой России, сколько анализом международной ситуации в целом, видя в ней ключ к пониманию истории Русской революции. Историк определил обстановку в мире как «силовое соперничество» в рамках европейской системы государств. По мнению Лауэ, Россия была втянута в это соперничество уже потому, что граничила с Германией, сильнейшей континентальной державой, готовой к экспансии в восточном направлении: «Ни Япония, ни Китай, ни одна из современных развивающихся стран никогда не были так жестко открыты для безграничной ярости силовых политик как Россия в первой половине XX века». Мировая война, полагает автор, назревала и не важно, началась бы она в 1914 г. или нет: «мировые войны стояли в повестке той эпохи»²⁰.

Насколько была готова Россия к мировой войне? Отнюдь не отрицая стремительного развития России на рубеже XX столетия, Лауэ полагал, что «несмотря на периоды быстрой индустриализации, России не хватало индустриальной базы, эффективной системы транспорта и снабжения, и ... *жизнеспособной политической организации*, способной мобилизовать ресурсы всей страны для ведения войны»²¹. По мнению Лауэ, в последние десятилетия перед мировой войной Россия постепенно теряла свой суверенитет «в ряде невидимых аспектах». Он подчеркнул, что процесс «вестернизации», который проходил в России, всегда по своей сути ведет к потере суверените-

¹⁹ Ibid. P. 39.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. P. 37–38.

та, ибо означает «принятие чужих стандартов, институтов, ценностей». Оценивая ситуацию для России кануна первой мировой войны, Лауэ считал, что «никогда до и после этого западное проникновение в Россию не было таким глубоким». В этой связи Лауэ сформулировал еще одну проблему: «российские либералы, в отличие от своих революционных коллег, стремясь к европеизации страны, опустили – или, по крайней мере, приспустили – свой флаг в международном соперничестве. И возможно это стало еще одной причиной их слабости»: все видимые и невидимые поражения России перед лицом Европы влияли на настроение и поведение интеллигенции и также были «источниками нестабильности в городской России».

Автор слегка упрекнул Хаймсона за некоторую узость и незавершенность его анализа, в котором не было сказано об отношении различных слоев городской и деревенской России к внешнеполитическим проблемам: насколько они могли понять внешние угрозы для России и сотрудничать с государством в их устранении. Отметив, что серьезных исследований по этому вопросу еще нет, Лауэ, тем не менее, считал возможным утверждать, что крестьянское сословие не обладало «хорошо развитым чувством гражданства в вопросах, касающихся позиции России в мире». Он видел в этом еще одно препятствие для успешного становления конституционного режима в России в сложившейся международной ситуации²². И действительно, в 1917 г., как мы знаем, проблема продолжения войны была одной из главных в конфликте между Временным правительством и большинством народа.

Обратившись к *внутренней* ситуации в России, автор отметил «*политическое пробуждение всего населения*» в предвоенный период и неспособность самодержавного режима «с его презрением к общественному мнению» интегрировать это пробуждение в свои рамки. Однако историк идет дальше и задает вопрос: а как с этим общим политическим пробуждением могли справиться либералы в условиях демократии? Были ли в России ресурсы для общественного согласия? Лауэ смотрит более широко на причины обострения конфликта между рабочими и образованным обществом в предвоенные годы. И поправляет Хаймсона: это не временный феномен, возникший в особый период с 1907 по 1914 гг. (промышленный подъем, пополнение рабочего класса деревенской молодежью и т.п.), а «*неизбежный результат политиче-*

²² Ibid. P. 40.

ского пробуждения крестьян, крестьян-рабочих, нерусских национальностей и других меньшинств».

Национальной проблеме Лауэ также уделил внимание: многоязычная Империя, населенная народами с разным уровнем культуры, держалась волей самодержца и военной силой. Какие были гарантии тому, что после ухода этой силы не наступит анархия? Как либералы могли справиться с этой проблемой на основе своих идеалов?

Анализируя внутреннюю ситуацию, автор показал основную слабость российского общества – в нем не было единства: ни в правящей элите, ни среди либералов, ни среди буржуазии, ни в работе таких институтов как земство и городские думы; крестьянство было неспособно к конструктивным политическим действиям на уровне государства и т.п. В итоге Лауэ делает вывод: «городская Россия, как и вся Россия в целом, испытывали нехватку ресурсов, обеспечивающих слаженность и единство в обществе, необходимых для успеха политической системы, основанной на добровольном и конструктивном сотрудничестве»²³. Иными словами, не было ресурсов для существования либерально-буржуазного строя.

В заключительной части своей статьи Лауэ воспроизводит идеи, ранее обоснованные в его книге «Сергей Витте и индустриализация России»²⁴. Речь идет о том, что именно быстрая индустриализация порождала политические, социальные и психологические проблемы. Однако эта быстрая индустриализация была недостаточной для того, чтобы догнать Германию как потенциального врага на мировой арене. Отсюда возникала проблема: снижение темпов индустриализации могло снизить внутреннее социальное напряжение, но увеличивало внешнюю угрозу; повышение темпов индустриализации снижало внешнюю угрозу, но увеличивало внутреннюю²⁵.

По нашему мнению, Лауэ более глубоко показал причины, которые порождали и усиливали социальную нестабильность российского общества накануне мировой войны, и более определенно поставил и ответил на вопрос о шансах либерального режима решить те общенациональные задачи, которые стояли перед Россией в эпоху империализма. Как известно, один непо-

²³ Ibid. P. 43.

²⁴ Laue T. H. Von. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. New York and London: Columbia University Press, 1963.

²⁵ Laue T. The Chances for Liberal Constitutionalism. P. 45-46.

пулярный сейчас классик теории империализма и практики Русской революции свел все общенациональные задачи в единый императив и сформулировал его в одной фразе: «догнать или погибнуть»²⁶. По сути Лауэ трактовал историю Русской революции под этим углом зрения, признавая, что либеральный режим решить задачу «догнать» не мог. Эта трактовка легла в основу его новой книги «Почему Ленин, почему Сталин. Переоценка Русской революции», опубликованной в 1964 году. В ней Лауэ объяснил, почему именно большевики были способны решить задачу сокращения опасного отставания России от ведущих западных держав²⁷.

Сравнивая позиции Хаймсона и Лауэ, мы можем только догадываться, почему Хаймсон остановился на полпути в своем анализе предвоенной ситуации в России. Если учесть деликатность задачи, которую решал Хаймсон (критикуя советскую историографию, он воспроизвел многие ее положения и аргументы), этот историк, видимо, просто не решился на более радикальные выводы, понимая, что и за сказанное его подвергнут критике. Хаймсон не ошибся. В том же мартовском номере «Славик ревью» за 1965 г., где были напечатаны вторая часть статьи Хаймсона и статья Т. Лауэ, американский историк проф. А. Мендель выступил с критикой позиции Хаймсона.

Артур Мендель. Он сразу отметил, что Хаймсон, хотя и критикует взгляды советских историков, называя их «стереотипами», «грубым отражением» действительности, сам склоняется к ним, отвергая альтернативную «стабилизационную» интерпретацию. Мендель подчеркнул, что «логические выводы, вытекающие из аргументов Хаймсона, идут значительно дальше, чем его осторожные заявления». При этом Мендель правильно сформулировал позицию, вытекающую из рассуждений Хаймсона: «не следует ожидать продвижения на пути к созданию либерального конституционного правительства, и если в России начнется новая революция, она, *вероятно*, быстро приведет к тому, что случилось в октябре 1917 г. и эта политическая перспектива стояла перед Россией даже и без войны, которая лишь ускорила тенденции, сложившиеся перед войной»²⁸.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198.

²⁷ Laue T. Von. Why Lenin? Why Stalin? A reappraisal of the Russian revolution, 1900–1930. Philadelphia: Lippincott, 1964.

²⁸ Mendel A. Peasant and Worker on the eve of the First World War // Slavic Review. Vol. 24, No. 1 (March 1965). P. 23–24.

Мендель назвал аргументы Хаймсона неубедительными, заявив, что «большинство из представленного материала может быть использовано для защиты противоположенного взгляда в такой же и даже большей степени». Он отметил, что большинство западных историков прекрасно понимают всю нестабильность, которая вытекала из «спорадических волн индустриализации», «столыпинской аграрной революции», нового пробуждения либерального и рабочего движения, роста напряженности в отношениях между «обществом» и царским правительством. Однако из этих известных фактов большинство историков делало иные выводы, чем Хаймсон, а именно: «предвоенные годы были началом нового движения к конституционному правлению, дальнейшей стадией в развитии процесса, начавшегося в 1905 году, а не предтечей Октября 1917 года»²⁹.

В этом контексте Мендель не согласился с тем, как Хаймсон сформулировал позицию своих оппонентов из числа «оптимистов». Мендель не согласился и с тем, как это сделал Лауэ, хотя и не упоминал имени этого историка.

Напомним формулу Хаймсона: «оптимисты» – это те, кто усматривал в предвоенной России процесс растущей политической и социальной стабилизации, который, если бы не война, позволял разрешить все проблемы эволюционным путем. Напомним формулу Лауэ: оптимисты – это те, кто полагал, что «конституционная Россия западного типа обязательно родилась бы из неизбежного краха самодержавия, если бы не мировая война».

Мендель представил свою позицию так: «оптимисты» это те, «кто не считал победу большевистского типа *необходимым* исходом продолжавшегося конфликта»³⁰. Иными словами Мендель, не отрицая возможности новой революции в России, отрицал *необходимость* победы большевиков в ходе этой революции и признавал возможность и желательность победы либерального конституционного строя, как в результате мирных реформ сверху, так и в результате революции буржуазно-демократического типа.

Понятно, что эта была более гибкая формула, которая переносила тяжесть спора на поле, обозначенное в концепции Лауэ, и делала главным предметом разногласий проблему *исторической необходимости* Октября для решения ключевых задач, стоявших перед Россией.

²⁹ Ibid. P. 26.

³⁰ Ibid. P. 25.

Однако Мендель, отвечая на статью Хаймсона, главное внимание в своем ответе уделил все же критике тезиса о росте социальной поляризации. Обращаясь к ситуации в рабочем движении, Мендель поставил вопрос, какая из двух тенденций была временной, а какая отражала более фундаментальные процессы: рост влияния большевизма на фоне радикализации рабочего движения, или программа меньшевиков-ликвидаторов, делавших ставку на реформизм в профсоюзном и политическом развитии? Хаймсон выбрал первый ответ, Мендель – второй, указав, что только дополнительные тяготы мировой войны открыли путь большевикам. Основным аргументом Менделя в пользу его точки зрения было указание на то, что в европейских странах рабочее движение, пережив радикальную фазу в острых периодах индустриализации, пошло по пути оппортунизма и реформизма³¹.

Хаймсон не согласился с критикой Менделя, и в своем ответе упрекнул его в фактическом игнорировании конфликта, который развивался в отношениях между рабочими и «обществом» (либеральной интеллигенцией). В этой связи Хаймсон ставит вопрос: имели ли события лета 1914 г. своим источником *общий протест* всех оппозиционных сил против старого строя? Можно ли считать рабочие выступления в предвоенные годы борьбой только против самодержавия? Очевидный отрицательный ответ на этот вопрос не позволял трактовать события 1914 года как простое продолжение совместной борьбы всех оппозиционных сил против самодержавия. Иными словами, считал Хаймсон, летние рабочие стачки 1914 г. были предтечей Октября 1917 г., а не продолжением совместной борьбы рабочих и либералов против самодержавия, характерной для осени 1905 г., как считал Мендель³².

Хаймсон ответил и на упрек Менделя в том, что он не сделал из своих рассуждений явно вытекающих выводов. В частности, вывода о том, что «социальный переворот подобный захвату власти большевиками в октябре 1917 г., был действительно “исторически неизбежным”». Ответ гласил: «я не считаю рассуждения по поводу “исторической неизбежности” особенно плодотворными, ... из этой формулы следует только то, что определенные обстоятельства, которые привели Россию к краху в 1917 году, действительно это сделали»³³.

³¹ Ibid. P. 31–32.

³² Haimson L. Reply \ \ Slavic Review. Vol. 24, No. 1 (March 1965). P. 47–48, 52.

³³ Ibid. P. 55.

Джордж Яни. Значительно более резкой критике концепцию Хаймсона подверг преподаватель Университета Мэриленд Джордж Яни, специалист по аграрной реформе Столыпина³⁴. Он увидел в статье Хаймсона попытку объяснить ситуацию в России на основе того, что о ней писали представители интеллигенции, в частности меньшевики. Они, по мнению критика, были оторваны от действительности и плохо представляли, что реально происходит в стране³⁵. Яни, не отрицая конфликтов в предвоенной России, считал, что в ходе этих конфликтов «формировался гармоничный общественный порядок, правительство и общество становились ближе друг другу, земства и частный капитал сотрудничали с центральной бюрократией все больше и все эффективнее»³⁶. Яни прямо обвинил Хаймсона в том, что тот использует «старые клише о классовой борьбе и классовых интересах», которые с точки зрения критика «не могут больше служить базой для исторической интерпретации процесса перемен»³⁷. Правильным инструментом для анализа ситуации в предвоенной России он считал концепцию «сотрудничества», согласно которой любое общество основано именно на сотрудничестве. Яни предлагал заменить концепцию «социальной поляризации», выдвинутую Хаймсоном, концепцией «растущего сотрудничества».

Яни упрекал Хаймсона в том, что он проигнорировал ситуацию в деревне, сложившуюся в ходе реформ Столыпина. По мнению Яни, эта ситуация опровергала тезис о росте социальной нестабильности в России, поскольку в деревне как раз преобладали процессы «растущего сотрудничества». «После 1906 года, – писал Яни, – крестьяне быстро приспособивались к новой правовой и экономической системе при помощи правительственной аграрной реформы и кооперативного движения»³⁸.

Как сложилось такое видение ситуации в деревне? Ответ на это вопрос дают статьи Яни, опубликованные годом ранее, а позже развернутые в книгу

³⁴ В 1961 г. он защитил диссертацию по теме «Правительство императорской России и аграрная реформа Столыпина. См.: George L. Yaney, "The Imperial Russian Government and the Stolypin Land Reform," unpublished Ph.D. diss. (Princeton, 1961).

³⁵ Yaney G.L. Social Stability Prerevolutionary Russia: A Critical Note // *Slavic Review*, Vol. 24, No. 3. Sep., 1965. P. 521–522.

³⁶ Ibid. P. 523.

³⁷ Ibid. P. 524.

³⁸ Ibid. P. 524–525, 526.

«Побуждение к мобилизации: аграрные реформы в России, 1861–1930»³⁹. При знакомстве со статьей «Концепция столыпинской аграрной реформы» (1964) становится очевидным, что автор сконцентрировался только на отдельных, хотя и важных сторонах реформы, и на этой основе делал далеко идущие общие выводы. Яни сделал акцент не на ограниченное число крестьян, реально вышедших из общины за годы аграрной реформы, а на процесс землеустройства, который начал набирать обороты с 1908 года. Крестьяне проявили большой интерес к землеустройству своих земель: точному разграничению земли со своими соседями (частными владельцами, с другими общинами и внутри свой общины) и закреплению этих границ в документах. До этого, как правило, в деревне точного документального разграничения земли не было. В ходе землеустроительных работ уничтожалась многополосица, чересполосица, а также дальнотемелье. Все эти вопросы общинные старосты и отдельные крестьяне решали с землемерами, земскими начальниками и уездными землеустроительными комиссиями. Это активное и часто конструктивное взаимодействие и привело автора к выводу о том, что в деревне шел процесс «растущего сотрудничества». «Подводя итоги, – заключает свою статью автор, – скажем, что реформа Столыпина выработала взаимодействие между исполнительными органами царского правительства и крестьянством в ходе ее проведения»⁴⁰. Ссылаясь на это сотрудничество, автор делает вывод о несостоятельности тезиса о том, что аграрная реформа навязывалась силой: раз крестьяне сами подавали заявления о землеустройстве, значит, реформа шла добровольно⁴¹.

В чем слабость этого аргумента? Любопытно отметить, что автор сам на нее указал, отметив мимоходом, что большая часть землеустройства улучшала формы землепользования *внутри* общины. Понятно, что крестьяне были рады таким работам. Однако они не вели к разрушению общины, что было главной целью реформы Столыпина. Нельзя забывать и о том, что в других аспектах реформа проходила под явным административным нажимом. Как известно, в большинстве случаев выход из общины проходил без согласия

³⁹ Yaney G.L. The urge to mobilize: Agrarian reform in Russia, 1861–1930. University of Illinois Press. 1982.

⁴⁰ Yaney G. L. The Concept of the Stolypin Land Reform // Slavic Review, Vol. 23, No. 2 (Jun., 1964), P. 287, 292.

⁴¹ Ibid. P. 291.

схода, и трудно не видеть в этом проявление насилия. Яни подобные сюжеты не рассматривал или не учитывал в своих выводах.

В критической реплике на статью Хаймсона, Яни свой вывод о ситуации деревне распространил на страну в целом, аргументируя это просто: если сравнивать социальную, правовую и культурную ситуацию в предвоенной России с тем, что было в XIX веке, то в предвоенной России прогресс во всех сферах очевиден⁴². Ссылаясь на К. Маркса, Яни заключил, что «проблема социальной стабильности в предреволюционной России это больше проблема батальонов, чем проблема толпы и лозунгов. И если кто-то хочет узнать, почему общество разрушилось в 1917 г., он должен, прежде всего, узнать, почему батальоны не стояли на своих местах, как это было всегда»⁴³.

Хаймсон не считал нужным отвечать на такую критику. В основе аргументов Хаймсона лежали не письма меньшевиков, которые отражали их субъективное мнение, а динамика роста политических стачек после Ленского расстрела, сокрушительная победа большевиков на выборах в Думу в 1912 г. по рабочей курии. В письмах меньшевиков Хаймсон стремился найти ответы современников на вопрос о том, почему это происходило, и почему летом 1914 года на улицах столицы появились баррикады. Надо было обладать особым зрением, чтобы в Ленском расстреле, росте политических стачек и баррикадах в столице, видеть проявления «растущего сотрудничества» между государством и всеми слоями общества.

Мы рассмотрели публикации Яни, чтобы показать очень разный уровень восприятия западными историками одного и того же фактического материала, и тем самым показать высокую роль субъективного фактора в трактовке истории революции. Позиция Яни интересна и как свидетельство остроты конфликта между «оптимистами» и «пессимистами». Хотя следует отметить, что он редко выплескивался на страницы научной печати в такой откровенной форме, когда один историк обвинил другого в том, что тот использовал «старые клише» о классовой борьбе с намеком на их марксистское происхождение и на влияние, которое оказала на коллегу советская историография.

Дискуссия продолжалась и в 1970-е и 1980-е годы. Точку зрения «пессимистов» поддержала большая группа исследователей, которых стали называть «ревизионистами» за стремление пересмотреть ряд позиций, сложив-

⁴² Yaney G. L. Social Stability Prerevolutionary Russia: A Critical Note. P. 526.

⁴³ Ibid. P. 527.

шихся в западной историографии в разгар «холодной войны». Эта тенденция вызвала недовольство со стороны консервативной части западных коллег. Американский историк Р. Пайпс в начале 1990-х годов с негодованием писал: «за последние три десятилетия произошла конвергенция подходов со стороны советской и западной историографии применительно к теме революции и первых послереволюционных лет. *Господствующей* в среде западных историков стала точка зрения, согласно которой *падение царизма*, равно как и *торжество большевизма* были *предопределены*»⁴⁴.

Отметим, что Р. Пайпс явно упростил позицию советских историков и их зарубежных коллег из числа «ревизионистов», приписав им примитивный тезис о «предопределенности» падения царизма и «торжества большевизма». Этот тезис не доминировал ни у «ревизионистов», ни в советской историографии. Советские историки говорили о закономерности как Февральской, так и Октябрьской революции. Закономерность и предопределенность – разные понятия. Понятие «закономерности» не исключает возможности альтернатив в историческом развитии и торжества «исторической случайности» на том или ином этапе закономерного исторического процесса. Трактовки советскими историками проблемы альтернатив в революции были рассмотрены автором в специальной статье⁴⁵.

Западные историки-«ревизионисты» не использовали термин «закономерность», находя его слишком жестким и слишком марксистским, но, по сути, говорили о том же, трактуя оба этапа Русской революции как результат глубоких и долговременных конфликтов экономического, социального и политического характера, которые нарастали (или, по крайней мере, не были ослаблены) в предвоенной России.

После распада Советского Союза Р. Пайпс и его консервативные коллеги оказали существенное влияние на позиции российских историков, и точка зрения «оптимистов» завоевала себе сторонников в России. В 1990-е гг. в их числе было мало авторитетных специалистов и много публицистов, писавших в духе нашумевшего фильма С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли». В научной среде спор приобрел серьезный характер после выхода в начале нулевых годов работ петербургского историка Б. Н. Миронова, кото-

⁴⁴ Пайпс Р. Три «почему» русской революции. СПб.: Atheneum, 1996. С.10–11.

⁴⁵ Калашников В.В. Об альтернативах в развитии Русской революции 1917 года / Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб. 2013 С. 59–75.

рый усилил точку зрения «оптимистов» новыми аргументами. Спор принял острые формы, и его активная фаза завершилась книгой Б. Н. Миронова «Страсти по революции». Тем не менее, разногласия остаются, и трактовка причин Русской революции, равно как и потенциала либеральной модели развития в условиях России начала XX века, принадлежат к числу ключевых в историографии.

Обращаясь к этим проблемам, не следует игнорировать позиции и аргументы двух выдающихся западных историков – Леопольда Хаймсона и Теодора фон Лауэ. В период ослабления атмосферы «холодной войны» они решились на прямой отказ от историографических догм, которые навязывались ее апологетами. Конечно, Хаймсон и Лауэ всегда прикрывали свой отказ от этих догм той или иной критикой позиций советских историков. Тональность критики отражала не столько глубину расхождений, сколько ту обстановку идеологического противостояния двух систем, которая влияла и на западных, и на советских историков, побуждая их порой к неоправданно резким взаимным оценкам.

К. А. Соловьев

Дорога к Февралю: политические риски в условиях большой войны

При всем различии подходов в подавляющем большинстве исследований, посвященных русской революции 1917 г., – в центре внимания конфликт власти и общества. Сложно представить себе что-то иное, имея в виду логику политического процесса в России в 1914–1917 гг. Непросто себя поставить на место человека, пока еще не пережившего Февраль 1917 г., который едва ли мог предсказать столь стремительный распад государственных и политических институтов. Скорее он был склонен к инерционным прогнозам на будущее, не предполагавшим столь быструю смену режима.

Тем не менее, и в этом случае ему сложно было отрицать факт наличия политического кризиса. Отчасти он был обусловлен «долгоиграющими» обстоятельствами: недостроенностью политической системы, противоречиями внутри нее, неготовностью законодателей в 1905–1906 гг. быть прямыми и последовательными.¹ Едва ли эти черты конституционного режима имели роковой для страны характер. Такого рода конфликты свойственны любой политической системе. Авторы конституций чаще всего имеют в виду конъюнктурные задачи момента и таким образом фактически консервируют ситуацию кризиса, в условиях которого и писался «основной закон». Последующий политический процесс сглаживает углы, отчасти снимает противоречия, позволяет найти *modus vivendi* (что на определенном этапе имело место и в России), хотя, конечно, отнюдь не гармонизирует отношения между ведущими игроками.

У политического кризиса военных лет есть другие корни, пускай не такие глубокие, но, пожалуй, не менее важные. И так работавшая со скрипом законодательная машина Российской империи в период Первой мировой войны стала испытывать дополнительные трудности. Во многом стихийно стал складываться новый порядок законотворчества. При этом старый никто не отменял. Теперь Государственная дума не могла регулярно собираться. Правительство было вынуждено все чаще прибегать к чрезвычайно-указному

¹См.: Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 40–54.

праву, фактически подменяя собой депутатов. В июле–декабре 1914 г. в рамках этого права было принято 108 постановлений, в 1915 г. – 278, в 1916 г. – 254 и только в январе – феврале 1917 г. – 16. (Для сравнения: за все время существования Третьей Думы было издано только 6 постановлений в соответствии с 87 ст. Основных законов). Эти меры касались самых разных проблем жизни страны (повышения налогов, установления военной цензуры и др.).² Иными словами, сфера компетенции Совета министров как будто бы неуклонно расширялась, однако в условиях военного времени и при наличии весьма влиятельной Ставки – рычагов влияния на положение вещей в стране у правительства становилось все меньше.³

В этом сказывалась сравнительно давняя тенденция, наметившаяся после 1911 г. После гибели П. А. Столыпина центр власти неуклонно смещался в сторону Царского Села. Совет министров играл все более техническую роль, не претендуя на самостоятельность. Показательно, что в августе 1915 г., спустя практически десять лет после образования «объединенного» правительства, А. В. Кривошеин в разговоре с будущим министром внутренних дел А. Д. Протопоповым заметил, что на месте главы «кабинета» он немедленно бы внес в Думу законопроект о «единстве Совета министров».⁴

Правительству по преимуществу оставалась «законодательная вермишель», на которую у депутатов времени не оставалось. Об этой специфике деятельности Совета министров красноречиво свидетельствуют его особые журналы, большая часть которых была посвящена сугубо частным вопросам.⁵ Это явно контрастировало с положением вещей до 1911 г. Так, в 1909 г. подобных журналов было 313⁶, в 1910 г. – 231⁷, а в 1915 г. – 1083,⁸ в 1916 г. –

² Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. М., 2009. С. 685–686.

³ Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 203. См. также: Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 7–37; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 659–662.

⁴ РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 45. Л. 12 об.

⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. М., 2006. С. 658–684; Там же. 1915 год. М., 2008. С. 617–705; Там же. 1916 год. М., 2008. С. 626–748.

⁶ Там же. 1909 год. М., 2000. С. 547–592.

1452.⁹ Как раз для рассмотрения частных проблем в 1909 г. был создан т.н. «Малый совет», состоявший из товарищей руководителей ведомств. Однако в период Первой мировой войны он собирался сравнительно редко. В итоге основное бремя работы ложилось на министров, и высшая правительственная коллегия Российской империи была вынуждена собираться чаще, чем прежде.¹⁰ В 1916 г, т. е. в период премьерства Б. В. Штюрмера, неформальная, в сущности важнейшая, часть заседаний Совета министров практически сошла на нет. Н. Н. Покровский впоследствии говорил, что высшая правительственная коллегия все более напоминала ему прежний Комитет министров, который «пропускал» малозначимые законопроекты, утверждал кредиты, а политические вопросы не обсуждал вовсе.¹¹ Характерно, что и Горемыкин, и Штюрмер были «бесстрастными» председателями, которые вели себя крайне пассивно на заседаниях Совета министров и в ход обсуждения тех или иных (преимущественно технических) вопросов вмешивались редко.¹²

Многие руководители ведомств назначались (или же сохраняли свои должности) без учета мнения премьера, а иногда даже вопреки ему. Горемыкину приходилось «терпеть» Н. А. Маклакова в кресле министра внутренних дел.¹³ А. Н. Хвостов и В. Н. Шаховской стали министрами, несмотря на возражения все того же Горемыкина.¹⁴ Б. В. Штюрмер настаивал на увольнении министра земледелия А. Н. Наумова и министра народного просвещения П. Н. Игнатьева, но император ему в этом отказал со словами: «Прошу в область моих распоряжений не вмешиваться».¹⁵ Новый премьер А. Ф. Трепов безуспешно добивался отставки А. Д. Протопопова и кн. В. Н. Шаховского.¹⁶ Естественно, министры не должны были придерживаться общего политического курса.

⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1910 год. М., 2001. С. 461–486.

⁸ Там же. 1915 год. М., 2008. С. 617 – 705.

⁹ Там же. 1916 год. М., 2008. С. 626–748.

¹⁰ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 4. Л., 1925. С. 11.

¹¹ Там же. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 337–338.

¹² Там же. Т. 6. М.; Л., 1926. С.156.

¹³ Там же. Т. 7. М.; Л., 1927. С.125.

¹⁴ Там же. Т. 3. М.; Л., 1925. С.317 – 318.

¹⁵ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868 – 1917. Кн. 2. N.Y., 1955. С. 430.

¹⁶ Шаховской В. Н. “Sic transit Gloria mundi” (Так проходит слава мирская), 1893–1917. Париж, 1952. С. 192.

Принципы их отбора были весьма своеобразными. По словам П. Л. Барка, «встав на путь персональной политики, государь искал в своих новых сотрудниках простых исполнителей его повелений и к этой роли более всего подходили люди пассивные и не выдающиеся».¹⁷ Таким образом, правительство все более деполитизировалось, решая исключительно технические задачи.

Однако именно министры должны были поддерживать диалог с Думой. С каждым годом это становилось сложнее. К лету 1915 г. в Таврическом дворце произошла всем заметная перегруппировка сил. О формировании Прогрессивного блока хорошо известно, благодаря работам в отечественной и зарубежной историографии.¹⁸ В данном случае стоит подчеркнуть главное: в августе 1915 г. впервые в Думе сформировалось большинство, причем оппозиционное.

Менялся и Государственный совет, который по мысли законодателя 1905–1906 гг. должен был служить залогом стабильности политической системы. Теперь же большинство в Мариинском дворце, на которое всегда мог рассчитывать император, не было столь предсказуемым. Летом 1915 г. шло брожение даже в правой группе Государственного совета. Некоторые (в том числе В. М. Урусов, А. Н. Наумов, С. И. Зубчанинов) подумывали о том, чтобы выйти из ее состава.¹⁹ Многие члены «звездной палаты» присоединились к Прогрессивному блоку. По оценке депутата Думы Н. В. Жилина, 26 членов Государственного совета вошли в блок, 6 – были готовы их поддержать, а 34 – в тайне склонялись к этому решению.²⁰ Осенью 1915 г. состоялись выборы в Государственный совет. Результаты кампании в корне изменили расстановку сил. Если до выборов преимущество было у противников Прогрессивного блока (99 против 89 голосов), то теперь большинство получили как раз его представители (100 против 90). При этом Государственный совет попол-

¹⁷ Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. № 176. С. 93.

¹⁸ Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма. М., 1965. С. 501, 503; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 262–263; Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 252–253; Вишневецки Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994. С. 184–188; Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 615–616; Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 101–154; Он же. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 413–438.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031. Л. 672.

²⁰ Там же. Д. 1037. Л. 1918.

нился такими яркими фигурами как А. И. Гучков, кн. Е. Н. Трубецкой, П. П. Рябушинский.²¹ 26 ноября последовало назначение в Государственный совет пяти новых членов консервативного направления: бывших губернаторов Н. П. Муратова, А. А. Римского-Корсакова, Н. П. Гарина, кн. Н. Д. Голицына и И. С. Крашенинникова. В свою очередь, некоторые назначенные члены, которых вполне обоснованно подозревали в симпатиях к Прогрессивному блоку, всячески отреклись от него. Так, согласно сообщениям «Биржевых ведомостей», кн. А. Д. Оболенский утверждал: «Нам нет надобности выходить из состава Прогрессивного блока, ибо мы в его состав никогда не входили».²² И все же Государственный совет нельзя было считать столь же «благонадежным», как раньше.

Трудно было положиться и на председателя «высокого собрания». У многих Государственный совет ассоциировался с его «спикером» — М. Г. Акимовым, который скончался вскоре после начала войны — 9 августа 1914 г. 15 июля 1915 г. председателем стал А. Н. Куломзин. Военный министр А. А. Поливанов оценивал это назначение как своего рода компромисс. Правительство боялось «раздразнить» правых, выдвинув «конституционалиста» И. Я. Голубева. Куломзин же, умело маневрировавший между противоположными флангами, должен был стать для всех членов высокого собрания более или менее приемлемой кандидатурой.²³ Расчет не вполне оправдался. Правым новый председатель казался чересчур «левым» и настоящим оппозиционером.²⁴

Верховная власть все делала для того, чтобы Государственный совет вернулся к предписанной ему роли охранителя закона и порядка. В начале ноября 1916 г. товарища председателя Государственного совета И. Я. Голубева вызвали в Царское Село, где императрица отчитала его за дерзкие речи в Марининском дворце.²⁵ К декабрю 1916 г. был намечен новый председатель Государственного совета — бывший министр юстиции, человек крайне правых убеждений И. Г. Щегловитов. Как раз тогда в беседе с А. Д. Протопоповым

²¹ Милюков П.Н. Общественное мнение, парламенты и правительства союзников // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 г. Пг., 1915. С. 286.

²² Он же. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 289.

²³ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907 – 1916. М., 1924. С. 168 – 169.

²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1052. Л. 405.

²⁵ Там же. Д. 1059. Л. 954.

он жаловался на «полевение» своих «подопечных». По оценке Щегловитова, чтобы в Государственном совете вновь установилась гегемония правых, необходимо было назначить к присутствию 15 благонадежных лиц.²⁶ В январе 1917 г. император, вняв совету нового председателя, сменил 17 назначенных к присутствию членов Государственного совета, что смутило даже членов правой группы²⁷. В итоге положение вещей в высоком собрании действительно существенно изменилось. По сведениям Ю. А. Иксуля фон Гильдебандта, «в Государственном совете образовалось крепкое “зубровое большинство”, с храброй бестактностью идущее на конфликт с Государственной думой».²⁸

И все равно на Мариинский дворец нельзя было в полной мере надеяться. Протопопов почти ежедневно совещался с Щегловитовым. Однако председатель далеко не всегда мог влиять на позицию Государственного совета. Даже правая группа выходила из повиновения. В январе 1917 г. ее председателем стал А. Ф. Трепов – кандидатура неприемлемая для Царского Села. Щегловитов пытался этому безуспешно помешать.²⁹

Таким образом, в годы Первой мировой войны пришлось переосмысливать представления о высших государственных учреждениях России. Совет министров самостоятельно «законодательствовал», не обладая при этом политической волей и программой действий, в Думе впервые образовалось большинство, Государственный совет стал значительно более оппозиционным. Все чаще «отказывали» прежние алгоритмы принятия решений, которые и прежде работали далеко не всегда. При этом сохранялись и даже обострялись проблемы довоенных лет. Теперь еще в большей степени, чем раньше, сказывалась дисперсность российской «политической элиты». И думские фракции, и группы Государственного совета, и Совет министров не были однородными.

Так, в правительстве видное место занимали сторонники плотного взаимодействия с депутатским корпусом. Они «вели свою игру», неприемлемую для многих коллег. А. В. Кривошеин, С. Д. Сазонов, П. А. Харитонов и др. находились в тесной связи с представителями общественности, поддерживали контакты с оппозицией, иногда согласовывали с ней свои действия. У них по-

²⁶ Падение царского режима... Т. 4. С. 56.

²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 25.

²⁸ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 547.

²⁹ Падение царского режима... Т. 4. С. 460.

степенно складывалось убеждение, что состав кабинета должен соответствовать настроениям, господствовавшим в общественных кругах и в Государственной думе, в частности. Эта точка зрения не находила поддержки у многих министров, в том числе и у И. Л. Горемыкина. Сторонники компромисса с Думой настаивали на удалении своих оппонентов из правительства. В мае 1915 г. А. В. Кривошеин разработал несколько вариантов состава кабинета, который должен был включать и представителей общественности. Согласно одному из этих вариантов, Совет министров должен был возглавить П. А. Харитонов, согласно двум другим – сам А. В. Кривошеин.³⁰

По сведениям П. Н. Милюкова, первоначальная инициатива образовать Прогрессивный блок исходила не от думских, а от чиновничьих кругов (как раз от А. В. Кривошеина, чьим «маклером» в Думе был П. Н. Крупенский). Неслучайно, что фамилия министра земледелия «всплыла» первой, когда депутаты подняли вопрос о составе будущего правительства «общественного доверия».³¹ Об особой роли Кривошеина при формировании Прогрессивного блока писал в своих воспоминаниях и бывший министр торговли и промышленности кн. В. Н. Шаховской.³²

Первые шаги к становлению думского большинства предполагали и преобразование Совета министров. В июне 1915 г. по инициативе С. Д. Сазонова П. Л. Барк, А. В. Кривошеин, С. В. Рухлов, П. А. Харитонов поставили вопрос о немедленном созыве Думы и изменении состава правительства. Они передали свое прошение Горемыкину, который, в свою очередь, должен был предоставить его императору. Причем сам Горемыкин в личном разговоре с царем поддержал инициативу своих коллег. В итоге были уволены военный министр В. А. Сухомлинов, министр юстиции И. Г. Щегловитов, министр внутренних дел Н. А. Маклаков и обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер.³³

На заседании Совета министров в Ставке 13 июня 1915 г. обсуждались кандидатуры будущих руководителей ведомств. В качестве альтернативы И. Г. Щегловитову в должности министра юстиции рассматривались А. А. Хвостов и сенатор П. Н. Милютин. Причем за первого выступал сам

³⁰ Кризис самодержавия в России, 1895 – 1914. Л., 1984. С. 553–554.

³¹ Там же. С. 180.

³² Шаховской В. Н. Указ. соч. С. 113.

³³ По сведениям Г. Шавельского, эти кадровые решения были приняты под давлением вел. кн. Николая Николаевича и кн. В. Н. Орлова (Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 250).

Горемыкин, что существенно повышало его шансы. Замену обер-прокурору Синода Саблеру видели в А. Д. Самарине. Сразу же после этого совещания Горемыкин был принят императором, который одобрил кандидатуры и Самарина, и Хвостова.³⁴ При этом инициаторы этих кадровых перемещений ожидали и скорой отставки самого премьера, полагая, что лучшим кандидатом на этот пост должен был стать Кривошеин. Одновременно многие министры доказывали необходимость компромисса с формировавшимся думским большинством – Прогрессивным блоком. Принципиальным же противником этого оставался как раз Горемыкин.

Спустя некоторое время, уже в августе 1915 г., на квартире государственного контролера П. А. Харитонова уже члены Прогрессивного блока провели частное совещание с некоторыми из министров, которые во многом приняли программу оппозиции, согласившись даже с идеей образования «правительства общественного доверия».³⁵ В итоге по предложению А. В. Кривошеина кабинет принял резолюцию, которая гласила, что «намеченная Прогрессивным блоком программа не встречает серьезных возражений, но Совет министров, не будучи в своем нынешнем составе единодушным, не может брать на себя задачу ее осуществления». Горемыкин, вопреки всем ожиданиям, не стал возражать, но еще более, нежели прежде, настаивал на скорейшем роспуске Думы.³⁶

Дума была распущена, состав правительства сменился, но политически монолитным оно не стало. Впрочем, и новые министры стремились к взаимодействию с депутатским корпусом. Ведь в годы войны деятельность Думы не сводилась к эффектным демонстрациям, разоблачительным выступлениям лидеров оппозиции и попыткам сформировать «правительство общественного доверия». Взаимоотношения депутатов и чиновников чаще всего касались рутинных вопросов законотворчества (даже учитывая то соображение, что полномочия Думы фактически сократились). Как и в довоенное время, министров, прежде всего, волновали бюджетные полномочия народных избранников, позволявшие депутатам в ряде случаев диктовать свою волю высшей бюрократии (конечно, в данном случае речь шла только об «обыкновенном бюджете», так как военные расходы утверждались особым порядком).

³⁴ Поливанов А. А. Указ. соч. С. 134–135.

³⁵ Клячко Л. М. Повести прошлого. Л., 1929. С. 53.

³⁶ Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 129.

Даже в период продолжительного перерыва между сессиями с депутатами приходилось считаться в силу хотя бы бюджетных полномочий Думы. 15 октября 1915 г. октябрист И. И. Дмитриюков писал кн. А. Д. Оболенскому: «Думу созвать не хотят, снисходят только до созыва на 3 дня для приложения штемпеля к бюджету. Но И. Л. [Горемыкин] ошибется, он нас не заставит рассматривать бюджет “без рассмотрения”. А бюджет в этом году заслуживает самого серьезного внимания в доходной его части, ибо иначе нам грозит банкротство».³⁷ Нижняя палата, все более чувствуя собственную силу, не желала в данном случае идти на уступки правительству. 18 октября 1915 г. председатель бюджетной комиссии М. М. Алексеенко полагал, что ускоренное рассмотрение государственной сметы – вопрос скорее политический, который едва ли будет решен фракциями в положительном смысле³⁸. Депутаты постановили рассматривать бюджетные вопросы обычным порядком. Канцелярии Думы было вменено в обязанность составлять большие доклады и ставить их на рассмотрение в комиссии³⁹. Министры, как и прежде, являлись на заседания бюджетной комиссии, которые все же случались нечасто.⁴⁰ С 15 сентября по 30 ноября 1915 г. прошло только четыре ее заседания.⁴¹

Работа бюджетной комиссии активизировалась в декабре. Министры и тогда не забывали посещать ее заседания и давали депутатам пространные объяснения по всем вопросам, интересовавшим народных избранников, и тем самым демонстрировали свою готовность к сотрудничеству. 16 декабря в работе бюджетной комиссии принимал участие министр внутренних дел А. Н. Хвостов, который явился в Таврический дворец вместе со всеми своими товарищами. Показательно, что, подчеркивая свое положение депутата Думы, он вошел не через министерский павильон, подобно прочим министрам, а через главный вход. Сославшись на болезнь, Хвостов предоставил слово своим товарищам, ограничившись лишь отдельными репликами. Это заседание вызвало большой интерес среди депутатов. Громадная «тринадцатая» комната не вместила всех желавших участвовать в обсуждении сметы Министерства внутренних дел. В итоге заседание перенесли в Полуциркульный зал. На сле-

³⁷ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 450.

³⁸ Там же. С. 451.

³⁹ Там же. С. 451–452.

⁴⁰ Там же. С. 452.

⁴¹ Там же. С. 455.

дующий день в бюджетной комиссии выступал министр путей сообщения А. Ф. Трепов.⁴²

Думская сессия должна была открыться в самое ближайшее время, но пока никто не знал, как долго она продлится. На заседании Совета министров 11 января 1916 г. И. Л. Горемыкин поставил об этом вопрос. По его мнению, эту проблему следовало специально обсудить с руководителями Думы. Большинство министров высказалось резко против всяких переговоров с депутатским корпусом, считая, что само правительство должно было установить сроки работы представительного учреждения. Особенно категоричен был министр финансов П. Л. Барк. Согласно воспоминаниям А. Н. Наумова, в высказываниях сторонников ограничить думскую сессию месяцами, а то и днями – сквозило желание по возможности избежать депутатской критики. Правительство приняло решение оставить нижней палате месяц на обсуждение законодательных проблем: с 5 февраля по 5 марта.⁴³

В итоге не Горемыкину пришлось решать этот вопрос. 18 января 1916 г. он был отправлен в отставку. Увольнение премьера некоторым представителям общественности показалось победой сил, рассчитывавших на сотрудничество с Думой.⁴⁴ Действительно, на заседании Совета министров 22 января 1916 г., на котором уже председательствовал Б. В. Штюрмер, было принято решение в скором времени созвать Думу, при этом никак не ограничив длительность сессии.⁴⁵

Правительство шло на уступки, рассчитывая на ответные шаги со стороны депутатов. В конце января 1916 г. министр внутренних дел А. Н. Хвостов проводил консультации с лидерами Прогрессивного блока о перспективах его взаимодействия с обновленным правительством. При этом Хвостов очень интересовался: будут ли депутаты на своих пленарных заседаниях ставить вопрос о Г. Е. Распутине. Тогда же министру внутренних дел не удалось договориться о присутствии членов Думы на рауте на квартире нового премьера – Б. В. Штюрмера. Однако последний все же встретился с М. В. Родзянко и переговорил с некоторыми влиятельными депутатами, в том числе и с И. В. Годневым.⁴⁶

⁴² Поливанов А.А. Девять месяцев... // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 139–140.

⁴³ Наумов А.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 425.

⁴⁴ Там же. С. 357–358.

⁴⁵ Там же. С. 435.

⁴⁶ Падение царского режима... Т. 6. М.; Л., 1926. С. 322–323.

Дума заседала существенно меньше, чем в довоенные годы. Соответственно, круг значимых вопросов, обсуждавшихся в Таврическом дворце, был сравнительно невелик. Депутатам он казался явно недостаточным. П. А. Велихов писал брату 11 мая 1916 г.: «Готового законодательного материала нет, кроме закона об уравнивании крестьян, который собственно только подтверждает закон 5 октября 1906 г., проведенный по 87 ст. “Приход” проваливают. Волостного земства не хочет Государственный совет. Городовое положение придется еще проталкивать в комиссии, и вряд ли успеем кончить».⁴⁷

Однако законодательство – не единственная сфера приложения усилий депутатов. Дума в лице своего председателя М. В. Родзянко пыталась добиться от императора кадровых изменений в правительстве. В письме Александре Федоровне от 25 июня 1916 г. Николай II отмечал, что Родзянко болтал всякую «чепуху»: предлагал заменить Штюрмера – Григоровичем, Трепова – Б. Д. Воскресенским, Шаховского – А. Д. Протопоповым.⁴⁸ В сентябре 1916 г. последний все же стал министром внутренних дел.

Поразительно, что назначение впоследствии ненавистного Протопопова было встречено общественностью с энтузиазмом. Нового министра приветствовали все ведущие периодические издания – от «Речи» до «Нового Времени». На бирже даже повысился курс акций. В этом кадровом решении императора виделась обнадеживавшая готовность к диалогу с обществом.⁴⁹ 5–9 октября 1916 г. в Москве на квартире А. И. Коновалова проходили конспиративные совещания, которые оценивали назначение Протопопова как «колоссальную победу общественности, о которой несколько месяцев тому назад трудно было мечтать». По словам А. И. Коновалова, «капитулируя перед обществом, власть сделала колоссальный, неожиданный скачек... Для власти эта капитуляция почти равносильна акту 17 октября. После министра-октябриста не так уж страшен будет министр-кадет. Быть может, через несколько месяцев мы будем иметь министерство Милюкова и Шингарева. Все зависит от нас, все в наших руках». Столь же оптимистично был настроен и А. И. Гучков: «У Протопопова хорошее общественное и политическое прошлое. Оно – целая программа, которая обязывает».⁵⁰ Пожалуй, единственное

⁴⁷ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 469.

⁴⁸ Переписка Николая и Александры Романовых, 1916. Т. 4. С. 342.

⁴⁹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Paris, 1979. С. 56–57.

⁵⁰ Там же. С. 58.

исключение составил Родзянко, который оценил Протопопова как ренегата.⁵¹ Однако бывший товарищ председателя Думы продолжал регулярно появляться в Таврическом дворце и консультироваться с депутатами (в том числе и с самим Родзянко)⁵². Впрочем, и некоторые депутаты посещали Протопопова, правда, всячески скрывая от коллег свои визиты к новому министру внутренних дел.⁵³

Протопопов не порывал своих старых знакомств. О готовившейся речи В. М. Пуришкевича, направленной как раз против него, он узнал от П. Н. Крупенского⁵⁴, с которым был знаком еще с учебы в кавалерийской школы. Уже после Февральской революции бывший министр внутренних дел рассказывал Чрезвычайной следственной комиссии: «Он бегал ко мне, и я к нему ездил. Он быстрый человек, всегда больше всех знает».⁵⁵ Складывались и новые связи. Протопопов продолжил традиционный министерский курс, направленный на поддержку крайне правых. Они, как и прежде, получали субсидии от МВД. Так, по сведениям Протопопова, Н. Е. Маркову было выдано около 40 тыс. руб. только за время его министерства⁵⁶.

Министры, вне зависимости от своих личных взглядов и предпочтений, с большим вниманием относились к контактам с депутатским корпусом. Это относилось и к главе правительства. Вскоре после своего назначения И. Л. Горемыкин искал встречи с Родзянко, а не наоборот. Аналогичным образом вел себя Б. В. Штюрмер. А. Ф. Трепов, став премьером, тоже торопился встретиться с председателем Думы, с которым имел весьма откровенный разговор.⁵⁷ Очевидно желая понравиться депутатам, новый глава правительства сказал о своем отрицательном отношении к Протопопову и заявил о готовности требовать его отставки.⁵⁸ К 19 ноября готовилась декларация нового премьер-министра. Характерно, что Трепов согласовал ее с председателем Думы. Тем не менее, во время выступления главы правительства представи-

⁵¹ Падение царского режима... Т. 7. М.; Л., 1927. С.143–144.

⁵² Там же. С.145.

⁵³ [Жевахов Н. Д.] Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. СПб., 2007. С. 238.

⁵⁴ Падение царского режима... Т. 1. С. 122–123.

⁵⁵ Там же. С. 123.

⁵⁶ Там же. С. 124.

⁵⁷ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. М., 2001. С. 156.

⁵⁸ Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 184.

тели крайне левых подняли шум, чтобы заглушить его речь.⁵⁹ При этом декларацию критиковали не только те, кто решился на обструкцию. Ситуация могла бы окончательно выйти из-под контроля, если бы Трепов не запретил А. Д. Протопопову выступать в Думе в качестве министра внутренних дел.⁶⁰

К этому моменту у нового премьера имелся весьма противоречивый опыт работы с депутатами. В начале ноября 1916 г., будучи еще только министром путей сообщения, он ездил в Думу с просьбой приостановить нападки на правительство, пока сменяются руководители ведомств. Очевидно, ему в этом вопросе удалось достичь договоренности с лидерами Прогрессивного блока.⁶¹ Примерно тогда же он был приглашен на заседание комиссии по военным и морским делам. В повестке дня был вопрос о Мурманской железной дороге, который в итоге так и не обсудили. Депутаты левых фракций (социал-демократы, трудовики и даже прогрессисты) фактически не дали говорить будущему премьер-министру. Кадеты, не принимавшие участие в этой демонстрации, тем не менее, вполне одобряли ее: «Мы показали ему этим, что на посту председателя Совета министров он для нас неприемлем». Это было вполне характерным для конца 1916 г. Тогда договоренности перемежались конфликтами, острота которых, казалось бы, исключала возможность для взаимодействия. Во время «парламентского штурма» в ноябре 1916 г. министры, не желая быть объектами беспощадной критики со стороны депутатов, на заседаниях Думы чаще всего отсутствовали. Депутат гр. В. А. Бобринский задавался вопросом: «Неужели же у них явится наглости, чтобы явится сюда». В. А. Маклаков на это отвечал: «Либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна».⁶²

Трепов, видимо, полагал иначе и в дальнейшем призывал хотя бы к временному компромиссу с представительными учреждениями. В декабре 1916 г. он предложил императору распустить Думу 17 декабря и вновь ее собрать уже 19 января 1917 г., тем самым продемонстрировав готовность правительства к диалогу даже с самой оппозиционной частью российской общест-венности. Если же и в январе депутаты будут продолжать «осаду» действо-

⁵⁹ Савич Н. В. Воспоминания. С. 165–166.

⁶⁰ Там же. С. 166.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 958.

⁶² Глинка Я. В. Указ. соч. С. 155.

вавшей власти, то лишь в этом случае их следовало бы немедленно и уже окончательно распустить.⁶³

От сотрудничества с депутатами в деле законотворчества министры не отказывались. Политический же диалог Думы и правительства был технически невозможен. А именно на нем все чаще настаивали народные избранники. В итоге ситуация становилась тупиковой.

Конец 1916 г. многим напоминал конец времен. «Мы накануне таких событий, которых еще не переживала мать Святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата... Необходимо принять быстро некоторые меры, чтобы спасти положение», – писал М. В. Родзянко кн. А. Б. Куракину 26 декабря 1916 г.⁶⁴ На следующий день, 27 декабря, В. А. Маклаков так определял характер и масштабы переживаемой катастрофы: «У нас все время говорят о назревающей или, вернее, уже совершенно созревшей революции, но внешних признаков ее пока нет. Это может казаться загадочным, а правым оптимистам внушает даже уверенность, что никакой революции и не будет. Но бесспорно то, что сейчас в умах и душах русского народа происходит самая ужасная революция, какая когда-либо имела место в истории. Это не революция, это – катастрофа: рушится целое вековое мирозерцание, вера народа в Царя, в правду Его власти, в ее идею как Божественного установления. И эту катастрофическую революцию в самых сокровенных глубинах душ творят не какие-нибудь злонамеренные революционеры, а сама обезумевшая, влекомая каким-то роком власть. Десятилетия напряженнейшей революционной работы не могли бы сделать того, что сделали последние месяцы, последние недели роковых ошибок власти». В итоге, по мнению Маклакова, правительство оказалось в абсолютном одиночестве, лишённое каких-либо «точек опоры», какой-либо социальной поддержки: «Сейчас это уже не мощная историческая сила, а подточенный мышами, внутри высохший, пустой ствол дуба, который держится только силой инерции, до первого страшного толчка. В 1905 г. вопрос шел только об упразднении самодержавия, но престиж династии все еще стоял прочно и довольно высоко. Сейчас рухнуло

⁶³ Переписка Николая и Александры Романовых, 1916–1917. Т. 5. С. 186–187.

⁶⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 529–530.

именно это – престиж, идея, вековое народное мирозерцание, столько же государственное, сколько и религиозное». ⁶⁵

Столь значимые «тектонические сдвиги», которые переживала Россия, требовали решимости от оппозиции. «Довольно терпения!.. Мы истощили свое терпение, – пересказывал слова кадетов французский посол М. Палеолог. – Впрочем, если мы не перейдем скоро к действиям, массы перестанут нас слушать». ⁶⁶ Однако в чем должны заключаться эти решительные действия – далеко не всем было понятно. Еще в конце декабря 1916 г. Маклаков отмечал, что Россия была единодушна лишь в одном: «в жгучей ненависти к правительству». При этом «в смысле способности к активной реализации этой ненависти, в смысле организации, достигнуто все еще слишком мало». ⁶⁷ Иными словами, депутаты не могли ясно обозначить, какие формы должно было принять будущее противостояние с исполнительной властью.

Министры, в большинстве своем, опасались Думы, но отнюдь не отказывались от взаимодействия с ней. Депутаты чаще всего не испытывали симпатий к руководителям ведомств, но были готовы к сотрудничеству с ними. Но, как и до 1914 г., речь могла идти лишь о договоренностях с отдельными министрами, а не с правительством, в целом. Оно отсутствовало как самостоятельный фактор политической жизни. Эта проблема усугубилась в годы войны, когда правительство было вынуждено «поделиться» своими полномочиями со Ставкой. Конечно, не было и программы, которую бы Совет министров представлял. Это входило в диссонанс с теми тенденциями, которые имели место в Думе и даже в Государственном совете. В годы войны представительные учреждения приобрели хоть и «терявшееся в очертаниях», но все же политическое лицо. Министры и депутаты говорили, в сущности, на разных языках. Руководители ведомств, чья сфера компетенции в условиях войны постоянно сужалась, ставили перед депутатами вполне конкретные, в сущности, технические вопросы законотворчества. Отвечая на них, народные избранники непременно выходили на политические сюжеты. Вместе с тем круг проблем, обсуждавшихся в Думе, был весьма ограничен, а, соответственно, немногие вопросы, выносившиеся на рассмотрение депутатов, весьма

⁶⁵ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 28.

⁶⁶ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 444.

⁶⁷ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 30.

часто политизировались. В сложившихся обстоятельствах конфликт правительства и представительных учреждений был предрешен институционально. Стороны были готовы к диалогу, нередко добивались частных договоренностей, но при этом неизменно расходились врагами.

В 1905–1906 гг. политическая система России преобразилась почти до неузнаваемости. Однако слово «почти» в данном случае значит очень много. Новые институции надстраивались над старыми, во многом им противореча. Новые учреждения оказались «вмонтированными» в привычный бюрократический уклад. Это с неизбежностью порождало конфликты, а значит – и кризисы. Вся история взаимодействия Думы и правительства – это череда кризисов, в результате которых политическая система в той или иной степени менялась. Сама логика развития государственных учреждений подразумевала неминуемость политического столкновения, которое несомненно стало бы вехой в государственной жизни России. Ведь Совет министров, Дума, Государственный совет двигались в разных направлениях, с разной скоростью – как будто бы существовали в разных политических измерениях. При этом они встречались, договаривались, достигали необходимых компромиссов. В этом не было парадокса. Большинство участников политического процесса действовали на тот момент, по меньшей мере, в двух «регистрах»: политическом и деловом. Эти параллельные плоскости должны были рано или поздно сойтись, что обозначало смену политического режима. Однако сценарий ожидаемого кризиса не был предопределен. Он стал своего рода «импровизацией», которую события писали «на коленках» в условиях нараставших трудностей военного времени. Иными словами, революция стала возможной именно потому, что Россия вошла в войну, не приняв в расчет политические риски системы.

А. Б. Николаев

К вопросу о роли Государственной думы в Февральской революции 1917 года

Вопрос о роли Государственной думы в Февральской революции 1917 года изучен мной в трех монографиях: Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005; Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Замечу, что за все годы исследования этого вопроса, моя концепция не менялась, а лишь увеличивался объем монографий за счет привлечения все нового и нового материала, который подтверждал правильность ее. Вместе с тем в связи с подведением итогов изучения Февральской революции в юбилейный год возникла потребность вновь изложить ее.

Под давлением солдатского восстания Государственная дума утром–днем 27 февраля стала втягиваться в революцию. Постепенно она превратилась в центр революции и штаб восстания в Петрограде, деятельность которых проявилась в принятии двух постановлений Совета старейшин, решении частного совещания членов Государственной думы в полуциркульном зале Таврического дворца и в конкретных мероприятиях «штаба» А. Ф. Керенского 27 февраля, а также руководящих членов Государственной Думы.

Созданный А. Ф. Керенским днем 27 февраля явочным порядком «штаб» руководства восстанием действовал как думская структура. Во второй половине этого же дня «штаб Керенского» развился в Военную комиссию Временного комитета Государственной думы (ВКГД), взявшую на себя функции штаба восстания с вечера 27 февраля 1917 года.

Государственная дума в лице частного совещания и Совета старейшин создала ВКГД в качестве чрезвычайного думского органа, наделенного неограниченно широкими правами. Думский Комитет с первых минут своей истории действовал как революционный орган, а с вечера 27 и в ночь на 28 февраля – как орган верховной, законодательной, исполнительной и судебной власти. Эти функции ВКГД проявились, во-первых, в назначении комиссаров в правительственные учреждения, а затем и в руководстве их деятельностью; во-вторых, в издании обязательных для всех документов, нося-

щих законодательный характер; в-третьих, в проведении политики арестов сторонников царского режима, а также в работе различных следственных комиссий, разместившихся в Таврическом дворце с думским составом или находившихся под думским влиянием. Следственные структуры имели право принятия решения о задержании под арестом или освобождении тех или иных лиц; в-четвертых, в организации и проведении борьбы с преступностью, а также в создании органов охраны общественного порядка.

Государственная дума и ее органы проводили политику сотрудничества в решении важнейших вопросов революции с Петроградским Советом рабочих (с 1 марта – и солдатских) депутатов, которая проявилась: а) в предоставлении формирующемуся Петроградскому Совету политической поддержки, выраженной в передаче ему и использованию им символа Государственной Думы в начальный период советской деятельности, а также необходимых материально-технических ресурсов, что способствовало созданию и деятельности органа, с которым думские деятели связывали возможность осуществления контроля и организации на революционные мероприятия тех слоев населения, которые были слабо представлены в Государственной думе; б) в создании первой свободной газеты России – «Известий Комитета петроградских журналистов» и в предоставлении некоторой организационно-технической помощи при создании «Известий Петроградского Совета рабочих депутатов», тем самым, решался вопрос информационного обеспечения революции; в) в организации думско-советской Военной комиссии и советско-думской Продовольственной комиссии и решения, соответственно, военного и продовольственного вопросов; г) в предоставлении организационно-технической помощи при создании рабочей милиции; в привлечении Петроградского Совета к участию в создании «народной милиции», благодаря чему и появились органы по охране общественного порядка и борьбы с преступностью; д) в совместном решении других вопросов, в том числе, в создании местных органов власти, в урегулировании конфликтов на предприятиях и т.д. и т.п.

В ходе Февральской революции в Петрограде была создана временная власть, из механизма которой под давлением кадетов был изъят нормально действующий парламент. В основу функционирования временной власти были положены принципы опоры на общественные силы и сотрудничества с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Временная власть

носила характер думско-советской, при первенстве думской власти над советской. Думское преобладание проявилось при решении всех важнейших вопросов революции: о власти, военного, продовольственного, охраны общественного порядка и милиционного. Данная ситуация сохранялась вплоть до принятия Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов приказа № 1 от 1 марта 1917 г., который был опубликован и стал известен большинству солдат только днем 2 марта 1917 г. Этот приказ перевел солдат Петроградского гарнизона под политический контроль Петроградского Совета. Приказ № 1, однако, полностью не уничтожал думского влияния на солдат, которое, во-первых, реализовывалось через офицеров, в тех случаях, когда солдаты еще сохраняли способность подчиняться их приказам или избранных солдатами на командные должности и утвержденные ВК ВКГД, во-вторых, непосредственно через думско-советскую Военную комиссию.

Взятие думским Комитетом власти в свои руки, а также отправление в Москву и в провинцию различных воззваний, обращений, циркуляров, телеграмм, чему способствовала деятельность комиссара ВКГД в Министерстве путей сообщения и думских комиссаров на Главном телеграфе и в Петроградском телеграфном агентстве, привела к революционизации всей страны.

Государственная дума стала в дни Февраля 1917 г. центром революции. В дни Февральской революции существовало два таких центра – думский и советский. Особенность их функционирования состояла в том, что при решении важнейших задач революции они создавали совместные структуры (использовали другие формы сотрудничества). В результате этого происходило слияние (соединение) этих центров в один (думско-советский) центр в вопросах практической деятельности при значительном преобладании думского элемента над советским. Вместе с тем они сохраняли самостоятельность в вопросах выработки, принятия и реализации политических решений.

Государственная дума играла руководящую роль в Февральской революции, начиная с 27 февраля 1917 г., пройдя путь от попытки реализовать идею о создании ответственного министерства (правительства) к проведению мероприятий, направленных, на захват власти в свои руки, создание Временного правительства и свержение самодержавия. Весь комплекс мероприятий, проведенный Думой и ее органами, характеризует превращение думских либералов из оппозиционеров в буржуазных революционеров.

ВКГД, создав Временное правительство (в сотрудничестве с Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов) и обеспечив отречение Николая II, а также и отказ Михаила от взятия верховной власти в свои руки, создал условия для придания себе характера полноценной верховной власти вплоть до созыва Учредительного собрания. Реализация этой формулы организации временной власти была отложена Временным правительством на апрель 1917 года. Подчеркнем, что в действительности установления неограниченной законом и парламентом диктатуры Временного правительства не произошло. Временное правительство оказалось бессильным отказать в марте 1917 г. от Государственной думы как источника власти и не уничтожило возможности возобновления ее полноценной парламентской деятельности. Немаловажным фактором прочности позиции Государственной думы стал ее возросший авторитет среди народных масс, которые видели в Думе «революционного вождя», а также думские корни Временного правительства.

Можно утверждать, что в результате Февральской революции в России установилась третьемартовская политическая система, а не «двоевластие», как это принято считать. Дело в том, что властные полномочия Государственной думы, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, а также и Временного правительства были встроены в новую политическую систему. Иначе говоря, двоевластие, о котором много говорили и писали в негативной коннотации и современники, и исследователи, в действительности не существовало, но именно так воспринимали новую власть современники, которые не были должным образом проинформированы акторами временной власти, т.к. каждый из них, кроме М. В. Родзянко, не был заинтересован в существовании третьемартовской политической системы.

Замечу, что мои взгляды на роль Государственной думы в Февральской революции нашли поддержку у ряда отечественных¹ и зарубежных истори-

¹ Калашников В. В. О роли Государственной думы в истории Февральской революции // Межвузовская научная конференция «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии». [27 ноября 2015]. Сборник докладов. СПб., 2016. С. 163–179; Егоров А. Н. Рецензия на книгу: Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017 // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 2. С. 140–147; Руднева С. Е. Роль IV Государственной думы в Февральской революции в России в 1917 году // *Вестник развития науки и образования*. 2018. № 10. С. 18–22; Соловьев К. Рец. на: Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года. В 2 т. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 447 с. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017 // *Российская исто-*

ков.² Интерес вызвала и моя концепция третьемартовской политической системы.³ Есть, конечно, и критические голоса. Б. И. Колоницкий предполагает, что роль Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в Феврале 1917 года осталась недооцененной, т.к. его деятельность была хуже задокументирована, чем у Государственной думы, которая имела «прекрасно отлаженную канцелярию».⁴ Но отсутствие нормально налаженного советского делопроизводства уже свидетельствовало о том, что в материально-техническом отношении Петросовет проигрывал Государственной думе.

рия. 2018. № 6. С. 195–197; Федосов И. Д. К вопросу о роли Государственной думы Российской империи в кризисе самодержавия 1917 года // Теория и практика приоритетных научных исследований. Сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции. Смоленск, 2018. С. 30–33;

² Hasegawa Ts. *The February Revolution, Petrograd, 1917. The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power*. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. XIII–XIV; Энгельштейн Л. Новая российская революция: возвращаясь к 1917 году // Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра исторических наук, проф. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 229–230.

³ Акульшин П. Академический дискурс столетия революции // Революция-100: реконструкция юбилея. М., 2017. С. 286, 299; Аронов Д. В. Либеральный подход к пониманию сущности государственной власти в России в 1917 г. // Либералы и революция: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 13–14 октября 2017 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева / Под общей редакцией д.и.н., профессора В. В. Шелохаева. Орел, 2017. С. 81; Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. 100-летие российской революции: юбилейные вехи отечественной историографии // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 296.

⁴ Колоницкий Б. И. Юбилейный год и историки революции // Российская история. 2018. № 1. С. 182–183.

И. В. Узлова

О роли Государственной Думы в истории Февральской революции: историографические заметки

Одной из основных особенностей новейшей историографии Русской революции является повышенное внимание к оценке роли IV Государственной думы Российской империи в подготовке и осуществлении Февральской революции. Эта тема вызывает оживленные дискуссии, которые наиболее активно проходят на научных конференциях, проводимых в Санкт-Петербурге.

Особый интерес к теме в нашем городе вызван не только тем, что именно Петербург-Петроград был местом работы IV Государственной думы и ее наиболее активной деятельности как накануне, так и в ходе Русской революции. Не менее важным фактором является и то, что целый ряд работ, рассказывающих об истории Февральской революции и в той или иной мере рассматривавших роль Думы в ключевые февральские дни, принадлежит перу известных ленинградских (петербургских) историков.¹ Из историков советского поколения особо выделим Р. Ш. Ганелина, В. И. Старцева, И. П. Лейберова. Среди историков нового поколения крупнейшим специалистом по теме является А. Б. Николаев, заведующий кафедрой русской истории Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Он заявил о себе как крупный специалист уже в 2002 г., опубликовав монографию «Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории».² Затем последовала докторская диссертация, основное содержание которой было опубликовано в монографии «Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г.».³ В год столетия Русской революции А. Б. Николаев издал обобщающий двухтомный труд под провоцирующим названием «Думская революция», которое уже само по себе

¹ Эта реплика отнюдь не преследует цели принизить большой вклад, который внесли в изучение проблемы историки Москвы и ряда других городов России. Особо отметим работу московского историка Э. Н. Бурджалова: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Наука. 1967.

² Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань. 2002. 302 с.

³ Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб.,: Изд-во РГПУ, 2005. 695 с.

звучало как вызов традиции, сложившейся в советской историографии.⁴ Суть позиции этого историка выражена в следующей фразе: «Государственная дума играла руководящую роль в Февральской революции, начиная с 27 февраля 1917 г., пройдя путь от попытки реализовать идею о создании ответственного министерства (правительства) до проведения мероприятий, направленных на захват власти, создание Временного правительства и свержение самодержавия. Весь комплекс мероприятий, проведенный Государственной думой и ее органами, характеризует превращение думских либералов из оппозиционеров в буржуазных революционеров».⁵

Напомним, что в работах советских историков Февральской революции подчеркивалась главная роль петроградских рабочих, руководимых большевиками, что само по себе исключало использование термина «Думская революция» применительно к событиям февральских дней.⁶

Напомним и о том, что в зарубежной историографии с подачи ряда эмигрантских историков бытовала версия, согласно которой главными инициаторами и героями революции были заговорщики-масоны из числа думских либералов и правых социалистов. У истоков версии стоял жандармский генерал А. И. Спиридович, который изложил ее в трехтомном опусе «Великая война и Февральская революция»⁷. Определенную академическую солидность этой версии придал Г. М. Катков.⁸ В постсоветский период версия приобрела сторонников и среди российских историков.⁹

Сразу отметим, что разного рода версии о заговоре, которые подчеркивают роль думских деятелей и тем самым делают Думу «главным виновником» революции, не имеют ничего общего с концепцией, предложенной

⁴ Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017.

⁵ Там же. Т. 2. С. 267.

⁶ Минц И. И. История Великого Октября. Том 1. М.: Наука, 1977; Лейберов И. П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции. М.: Мысль, 1979.

⁷ Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, кн. 3. 1962.

⁸ Katkov G. Russia, 1917. The February Revolution. London, 1967. См. на русском языке: Катков Г. М. Февральская революция. Париж, YMCA-Press; переизд. – М.: Русский путь, 1997.

⁹ Мультатули П. В. Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II. М.: Астрель, 2012; Мультатули П. В. Император Николай II и заговор 17-го года. Как свергли монархию в России. М.: Вече, 2013.

А. Б. Николаевым. Его концепция свободна от версии о заговоре. Тем не менее, именно концепция А. Б. Николаева стимулировала дискуссию, которая идет в современной литературе по вопросу о роли Государственной думы в Февральской революции. Отметим, что эта дискуссия уже рассматривалась в ряде специальных статей, написанных А. Б. Николаевым.¹⁰

Эта тема рассматривалась в выступлениях и статьях известного специалиста по проблемам историографии Русской революции В. В. Калашникова. Отметим в этой связи его доклад «О роли Государственной думы в истории Февральской революции», сделанный на межвузовской научной конференции «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии» (2015),¹¹ а также его выступление в качестве модератора дискуссии по теме «Государственная дума и Февральская революция», проведенной в рамках международной научной конференции «Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность».¹² В центре дискуссии находились доклады, которые были представлены А. Б. Николаевым (Санкт-Петербург) и Ф. А. Гайдой (Москва).¹³

Одной из важных историографических работ по этой теме является статья «Февральская революция и Государственная дума в исследованиях российских историков последних лет», опубликованная А. Б. Николаевым и американским историком С. М. Ляндресом в 2016 г. в известном международном журнале по проблемам истории и историографии России.¹⁴

Ряд сюжетов, относящихся к трактовке этого вопроса советскими историками, были рассмотрены нами в докладе «Советская историография о роли Думы в победе Февральской революции», сделанном на международной

¹⁰ См., например: Николаев А. Б. Государственная дума и Февральская революция 1917 года в новейшей отечественной историографии // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. СПб., 2004. С. 77–79.

¹¹ Калашников В. В. О роли Государственной думы в истории Февральской революции // Межвузовская научная конференция «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии» [27 ноября 2015]: сборник докладов. СПб., 2016. С. 163–178.

¹² Калашников В. В. Государственная дума и Февральская революция / Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Часть 2. СПб.: ЭлекСис, 2017. С. 43–54.

¹³ См.: Гайда Ф. А. Третьеиюньские бунтовщики: к вопросу о роли Государственной думы в Февральской революции / Там же. С. 6–16; Николаев А. Б. Государственная дума и Февральская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 г. / Там же. С. 17–42.

¹⁴ Lyandres S., Nikolaev A. The February Revolution and the State Duma in Recent Russian Historiography // Journal of Modern Russian history and historiography. 2016. № 9. P. 106–132.

конференции «Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии», которая состоялась в Санкт-Петербурге в марте 2017 г., в столетнюю годовщину падения самодержавия в России.¹⁵

Настоящая статья является продолжением ранее проделанной работы и призвана привлечь внимание к наиболее интересным моментам идущей дискуссии, с акцентом на работы петербургских историков. При этом выделим две основные проблемы. Первая связана с общим решением вопроса о соотношении факторов стихийности и сознательности в истории Февральской революции. Вторая – с выявлением последних новаций в трактовке роли Государственной думы как сознательного «актора» Февральской революции.

Революция: стихийная или сознательная?

Наиболее заметной чертой постсоветской историографии стал отказ от трактовки февральских событий как революции, подготовленной и осуществленной петроградским пролетариатом под руководством большевистской партии. Это произошло потому, что многие советские историки в общем-то не разделяли эту официальную трактовку, но прямо против нее не выступали¹⁶. Ситуация изменилась только в период «перестройки».

Пожалуй, особый интерес в этой связи представляют позиция, занятая известным ленинградским историком Р. Ш. Ганелиным на международном коллоквиуме, который прошел в Ленинграде летом 1990 года. В ходе дискуссии Р. Ш. Ганелин, отметив наличие острых социально-политических конфликтов, существовавших в предреволюционной России, и подчеркнув неспособность царского правительства с ними справиться, сформулировал тезис о «самопроизвольном» характере Февральской революции. При этом он так изложил свое понимание особенностей обсуждения этого вопроса в советской историографии: «...в литературе 70-х гг. в борьбе со стихийностью Февральской революции, при подтягивании ее к Октябрьской, Февраль как-то оттеснили на задний план и лишили главной его черты – стихийности. Она признавалась, но как нечто вспомогательное. А дело это совсем непростое,

¹⁵ Узлова И. В. Советская историография о роли Думы в победе Февральской революции / Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ, 2017. С. 363–378.

¹⁶ Все специалисты знали, что в советской литературе 1920-х гг. в ряде работ вполне определенно признавался стихийный характер Февральской революции, но потом в историографии постепенно шел процесс усиления акцента на руководящую роль большевиков, хотя полностью момент стихийности не отрицался.

теория стихийности Февральской революции прежде всего упирается в то, что рухнула система, рухнула не от воздействия ЦК большевиков, не под влиянием интриг жидомасонов, а вот рухнула – и все. К этому, собственно, мы и вели дело в своем докладе – показать, что это был процесс, стихийный – не стихийный, но во всяком случае произошедший в значительной степени самопроизвольно». «Если говорить об историографической традиции, в освещении стихийности, – продолжал Р. Ш. Ганелин, – то дело обстоит гораздо сложнее, чем это изображалось в 70-х гг. В начале в советской литературе 20-х гг. появились темы военного заговора, предшествовавшего февральскому перевороту. Это насторожило группу лидирующих историков во главе с Я. А. Яковлевым, и от заговорщического действия быстро перешли к теории стихийности, которой придавалось вполне добропорядочное значение. Затем в печальные недавние времена стихийность была сочтена недостаточной, и «массы» были превращены в «массы во главе с большевиками».¹⁷ В статье, написанной через 10 лет в 2000 г., Ганелин изложил свою позицию еще более определенно: «Не будет преувеличением считать, что происшедшее в Международный день работниц, в четверг 23 февраля, явилось неожиданностью для всех, включая представителей революционных организаций и демократов различного толка, да и оценено было сразу далеко не всеми». Подводя итог своему анализу истории Февральской революции, автор писал: «Хотелось бы надеяться, что на этом кончатся многолетние историографические зловключения вопроса о соотношении начал организованности и стихийности в происхождении и характере Февральской революции, который в советской, как, впрочем, в некоторой степени и в зарубежной литературе, ставился в связи с оценкой роли большевиков».¹⁸

Ганелин остался верен своей точке зрения до последних дней, повторив ее в книге «В России двадцатого века».¹⁹

В обстоятельной рецензии на эту книгу В. В. Калашников поддержал позицию Ганелина,²⁰ а вскоре предложил свою трактовку проблемы стихийности и сознательности в истории Февральской революции. Эта трактовка была

¹⁷ Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб.: Наука, 1992. С. 290.

¹⁸ Ганелин Р. Ш. О происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде / Проблемы всемирной истории: СПб., 2000. С. 173–174, 177–178.

¹⁹ Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. М.: Новый хронограф, 2014.

²⁰ Калашников В. В. «В России XX века». По страницам новой книги Р. Ш. Ганелина //Петербургский исторический журнал. 2014. №3. С. 301–309.

основана на выделении и учете трех разных этапов истории Февраля, на каждом из которых доминировали разные политические силы. Иными словами проблема стихийности и сознательности рассматривалась в динамике событий Февральской революции. Свою позицию автор впервые кратко обозначил в докладе на межвузовской конференции «Россия в эпоху реформ и революций: проблемы истории и историографии» в ноябре 2015 г.: «Революция была динамичной системой: процессом из серии этапов, каждый из которых становился промежуточным результатом взаимодействия различных сил, причем результатом негарантированным, а затем этот полученный результат превращался в базу для дальнейшего развития. И на каждом этапе роль и действия каждого из «актеров» революции (рабочих, солдат, Совета, ВКГД, генералов, царя и т.д.) могла быть разной. Поэтому нельзя оценивать февральские события по принципу выбора одной постоянной доминанты: либо Дума определяла все события, либо Совет определял все. Можно говорить только о некой общей тенденции, которая показывала решающую роль масс для развязывания революции и решающую роль Думы для ее быстрого и бескровного завершения в виде свержения монархии».²¹

Более подробно Калашников изложил свое понимание проблемы стихийности и сознательности в истории Февральской революции на X Международном коллоквиуме по русской истории, который состоялся в Санкт-Петербурге 9–11 июня 2016 г. по теме «Эпоха войн и революций: 1914–1922». Калашников предложил посмотреть на историю Февраля как на *последовательность* трех фаз. Первая фаза: стихийные и мирные демонстрации рабочих столицы. Это был протест против тягот войны, что и выразили лозунги «Хлеба» и «Мира». Вторая фаза: стихийное вооруженное восстание солдат петроградского гарнизона. Это был протест против стрельбы по демонстрантам, спровоцированной приказом царя, протест против преступных действий власти. Именно вооруженное восстание солдат превратило мирные демонстрации рабочих в революцию: в открытую борьбу за свержение прежней власти, что выразил лозунг «Долой самодержавие». Третья фаза: согласие лидеров Думы возглавить начавшуюся революцию. Позиция Думы «обеспечила поддержку со стороны армии и провинции и быструю победу

²¹ Калашников В. В. О роли Государственной думы в истории Февральской революции. С.178–179.

над самодержавной властью».²² Характеризуя каждую фазу, автор подчеркнул стихийный характер начавшихся массовых забастовок и митингов 23 февраля 1917 г., поскольку ни одна из политических партий на этот день их не назначала. В то же время он отметил роль пропаганды и агитации, которую вели среди рабочих все левые партии и, прежде всего, большевики. Говоря о роли либералов, автор признал, что та острая критика, которой с осени 1916 года подвергали правительство лидеры Прогрессивного блока с думской трибуны и в печати, способствовала радикализации широких масс, включая и рабочих. Тем не менее, Калашников подчеркнул, что рабочее движение в России развивалось самостоятельно. Октябристы и кадеты в глазах рабочих были буржуазными партиями, а, следовательно, враждебной силой. Именно поэтому рабочие на всех думских выборах голосовали за социалистов, а не за либералов. Попытки либералов в годы войны установить контроль над рабочим движением через «Рабочую группу» при Военно-промышленном комитете не имели успеха. В феврале 1917 года забастовки и демонстрации рабочих начались не по призыву либералов, а вопреки их стремлению успокоить рабочих с тем, чтобы не дать царю повода распустить Думу (февральское воззвание П. Н. Милюкова к рабочим). Автор показал, что восстание солдат еще в меньшей степени может быть объяснено влиянием, а тем более действиями, со стороны либеральной оппозиции: «Восстание, — писал Калашников, — было вызвано одним всепоглощающим фактором: пролитой кровью мирных демонстрантов».²³

Признав роль думских либералов в *иницировании* первой и второй фаз революции в качестве «второстепенной» и «опосредованной», автор высоко оценил роль Думы на третьей фазе революции, т.е. днем — вечером 27 февраля, когда думские лидеры приняли решение возглавить стихийно начавшуюся революцию. Именно это решение привело к быстрой и относительно бескровной победе над самодержавием в масштабах всей страны. Таким образом, по мнению автора, в первых двух фазах революционного процесса фактор стихийности преобладал, если иметь в виду отсутствие заранее принятого решения о революционном выступлении, как рабочих, так и солдат. В третьей фазе доминирующим фактором стало сознательное решение депутатов Думы возглавить стихийное выступление и направить его на достиже-

²² Эпоха войн и революций: 1914–1922. СПб.: Нестор-История 2017. С. 230.

²³ Там же.

ние определенных политических целей. В это время и социалисты уже оценили события как революцию и постарались возглавить движение рабочих через Петроградский Совет рабочих депутатов и районные Советы, формировавшиеся в ходе событий 27 февраля. Таким образом, и в действиях масс фактор сознательности в третьей фазе стал преобладающим.

Дума в Феврале: диалог двух историков

Признание решающей роли Государственной думы на заключительной фазе Февральской революции сближало позиции В. В. Калашникова и А. Б. Николаева и породило плодотворное сотрудничество этих двух историков. Следует отметить, что А. Б. Николаев не раз говорил о том, что его первые размышления о роли Думы в революции были стимулированы теми замечаниями, которые сделал В. В. Калашников на конференции в РГПУ, организованной В. И. Старцевым еще в январе 1993 г.²⁴ И действительно, на той конференции прозвучали оценки, существенно отличавшиеся от ранее принятых в советской историографии. Калашников говорил о том, что:

– 27 февраля «революционный процесс возглавили лидеры Государственной думы», которая была «единственным авторитетным политическим центром в стране в февральские дни»;

– «переход власти к лидерам Думы встретил поддержку большинства населения страны в целом», «именно Думе выражали свою лояльность восставшие полки 27 и 28 февраля 1917 г. в столице, а также большинство государственных служащих, интеллигенции, значительные слои трудящихся»;

– формирование исключительно советской власти в дни Февраля 1917 г. было невозможно, поскольку «любая попытка создания социалистического правительства привела бы к поражению Февральской революции».²⁵

Оценки, сделанные В. В. Калашниковым на конференции 1993 г., по признанию самого историка не были результатом какого-либо специального исследования, проведенного им накануне конференции. Эта ситуация породила вопрос о том, чем же они были обусловлены? Через несколько лет, когда этот вопрос привлек внимание специалистов, В. В. Калашников так на него отве-

²⁴ См. например: Николаев А. Б. 1) Глава IV. Государственная Дума и Февральская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года / Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. Февральская революция. Том 3. СПб. Лики России, 2014. С. 196–197; 2) Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года. Том 1. С. 55.

²⁵ Калашников В. В. Проблема двоевластия в революционном 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. СПб., 1993. Вып. 1. С. 19.

тил: «Мои оценки роли Думы в Февральской революции, высказанные в январе 1993 г., ... отражали накопленный, но в какой-то мере скрытый (точнее, отодвинутый на второй план) потенциал советской историографической традиции, и отнюдь не представляли собой коренной пересмотр этой традиции. Так, признавая и подчеркивая решающую роль Государственной Думы в быстрой и в целом мирной победе Февральской революции в масштабах всей страны, я по сути лишь в более категоричных формулах озвучил позицию, которая вытекала из текстов Р. Ш. Ганелина, Э. Н. Бурджалова, В. И. Старцева, Г. Л. Соболева и ряда других специалистов в области истории революционного 1917 года».²⁶ В подтверждение своих слов Калашников провел анализ работ вышеуказанных советских историков и так суммировал их позицию: «они не оценивали деятельность Думы в февральские дни как контрреволюционную, и полагали, что в ходе начавшейся революции она всегда носила двойственный характер: сочетала стремление ограничить революционную стихию и стремление использовать ее и взять власть в свои руки. Это вело к тому, что в действиях думцев сочетались как вынужденные, так и инициативные шаги революционного характера. При этом советские историки исходили из того, что вынужденные шаги превалировали и без революционного давления рабочих и солдат столицы действия Думы не носили бы революционного характера. Первичным фактором революции было восстание народа. В 1993 г. я полностью разделял эту позицию и не считал, что ей противоречит мой тезис о том, что 27 февраля революционный процесс возглавили лидеры Государственной думы»²⁷.

Однако под влиянием работ А. Б. Николаева, В. В. Калашников признал недостаточность своей трактовки событий, основанной на потенциале советской историографии. При этом он особо подчеркнул недостаточность своего понимания роли Временного комитета Государственной думы (ВКГД). «Создание ВКГД, – писал автор, поясняя свою прежнюю позицию, – объективно было революционным шагом, *автоматически* превращавшим Думу в новую власть, в руководящий центр революции в глазах всего населения страны. Именно так этот акт был воспринят и сторонниками и противниками рево-

²⁶ Калашников В. В. О роли Государственной думы в истории Февральской революции. С. 173.

²⁷ Там же.

люции. И для меня главным было то, что ВКГД был *воспринят* как штаб революции, а не то, что он *реально действовал* как такой штаб».²⁸

Иными словами Калашников прежде делал акцент на то, что Дума во второй половине дня 27 февраля именно *воспринималась, а не реально действовала* как штаб восстания, который развивал революционную энергию масс. Николаев, признал Калашников, убедительно доказал: «ВКГД не только воспринимался, но и реально действовал как штаб революции». Именно «действия ВКГД позволили быстро решить три важнейшие задачи: парализовать сопротивление сил монархической контрреволюции в масштабе всей страны; распространить революцию в провинции; овладеть аппаратом государственного управления, заставить его работать в интересах новой власти без критических сбоев».²⁹ По мнению Калашникова, именно тот факт, что во главе движения стояла Дума, парализовал сопротивление со стороны высшего военного командования и офицерского корпуса армии, а также со стороны царской бюрократии в центре и на местах.

Калашников отметил и еще одну важную новацию в концепции А. Б. Николаева – тезис о «думско-советской» власти. Назвав ВКГД «штабом» и «центром» революции, Николаев отнюдь не отрицал важную роль Петроградского Совета рабочих депутатов в развитии революции. Более того, он первым из историков ясно и убедительно показал, что Дума и ее органы проводили в отношении Петросовета «политику сотрудничества в решении важнейших вопросов революции», что придавало новой власти «думско-советский» характер, «при первенстве думской власти над советской». Как известно, советские историки подчеркивали факт противостояния Петросовета и ВКГД, а Николаев подчеркнул факт сотрудничества. И именно этот подход позволяет понять, почему монархия была свергнута так легко.

Как историограф В. В. Калашников много сделал для того, чтобы четко выявить новации, внесенные А. Б. Николаевым, и представить их на суд коллег-историков. В этой связи стоит отметить доклад «О современном состоянии изучения русской революции 1917 года», сделанный на заседании Ученого совета Санкт-Петербургского института истории РАН 7 ноября юбилейного 2017 года. В этом докладе Калашников так определил вклад Николаева в историографию Февральской революции:

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 174.

1) автор, отнюдь не являясь сторонником версии о «заговорах», тем не менее, по-новому показал важную роль Думы в истории революции: доказал, что в ответ на стихийное восстание Временный комитет Государственной думы, созданный во второй половине 27 февраля, стал действовать в качестве штаба революции, органа государственной власти, и своей деятельностью обеспечил быструю победу в масштабах всей страны, не допустив гражданской войны;

2) автор дал новое определение сути той власти, которая сложилась в период с 27 февраля и существовала, по крайней мере, до 3 марта, введя термин «думско-советская власть». Этот термин делает акцент на сотрудничестве, а не на противостоянии ВКГД и Петросовета, что более точно определяет суть ситуации и причины быстрой победы революции;

3) автор ввел в оборот понятие «третьемартовская политическая система», положив начало интересной дискуссии о характере постфевральской политической системы.³⁰

Подробный анализ позиций А. Б. Николаева В. В. Калашников сделал в ходе дискуссии по теме «Государственная дума и Февральская революция», проведенной в рамках международной научной конференции «Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность».³¹ Дискуссия выявила и ряд разногласий при трактовке некоторых вопросов, требующих дальнейшего изучения. Наиболее важным является, по нашему мнению, вопрос о «третьемартовской политической системе».

В своей последней двухтомной монографии А. Б. Николаев подробно разрабатывает тезис о «третьемартовской политической системе» и приводит большой фактический материал, который показывает важную роль Думы в постфевральской ситуации. Опираясь на этот материал, автор так формулирует основные черты этой системы: 1) признание в качестве источников власти Временного правительства Государственной думы в лице ее Временного комитета и Петроградского совета в лице его Исполкома; 2) наличие условно безответственного Временного правительства; 3) конституционная монархия

³⁰ Калашников В. В. О современном состоянии изучения русской революции 1917 года. Доклад на заседании Ученого совета Санкт-Петербургского института истории РАН, 7 ноября 2017 г. См. текст доклада на сайте <http://www.spbiiran.nw.ru> (дата обращения 17.10.2019).

³¹ Калашников В. В. Государственная дума и Февральская революция / Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Часть 2. СПб.: ЭлекСис, 2017. С. 43–54.

с парламентским строем; 4) решение вопроса о государственном строе Учредительным собранием; 5) реализация в апреле 1917 г. формулы власти, по которой верховная власть до созыва Учредительного собрания переходила в руки ВКГД при одновременном действии двух законодательных палат (Государственной думы и Государственного совета) и ответственного министерства. При этом А. Б. Николаев подчеркивает, что «властные полномочия Государственной думы, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, как источников власти, а также и Временного правительства были включены и в формулу временной власти, и в механизм ее функционирования».³²

Очевидно, что такая трактовка должна была неизбежно вызвать споры, по крайней мере, относительно 3 и 5 пунктов. И такие споры возникли в ходе дискуссии на международной научной конференции «Таврические чтения 2017». В ходе дискуссии А. Б. Николаев определил сущность третьемартовской системы с акцентом на сохраняющееся значение ВКГД как важной политической силы *после* формирования Временного Правительства. При этом в основе системы, по мнению А. Б. Николаева, лежало соглашение Родзянко и Керенского, которое предусматривало курс на подчинение Временного правительства прежнему парламенту как верховной власти: «О чем же они договорились в ночь на 2 марта при молчаливом участии князя Г. Е. Львова? Родзянко и Керенский, видимо, решили, что до апреля будет существовать та ситуация, которая сложилась, а затем будет реализована новая формула временной власти. Несмотря на оценки Думы как цензовой и даже «буржуазно-помещичьей» в апреле 1917 г. предполагалось запустить новый политический механизм: ответственное перед двумя палатами министерство, а в качестве регентского совета использовать Временный комитет Государственный думы во главе с М. В. Родзянко, который довел бы страну до Учредительного собрания. Родзянко для этой комбинации являлся прекрасной фигурой, лишь он один и смог бы дотянуть страну до Учредительного собрания».³³

В. В. Калашников допускает ситуацию, при которой такое соглашение было заключено по инициативе Родзянко, но полагает, что и Керенский и ли-

³² Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 2. С. 261.

³³ Николаев А. Б. О думском парламентаризме и третьемартовской политической системе / Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г. СПб.: Астерион, 2018. Ч. 2. С. 38.

деры кадетов очень быстро от него отказались, и реальных шансов на деятельность двух палат царского парламента в условиях весны 1917 г. не было: Советы никогда бы этого не допустили. Вот, что говорил Калашников по этому поводу в ходе дискуссии: «Утром 3 марта председатель Думы и глава ВКГД М. В. Родзянко информировал генералов М. В. Алексеева и Н. В. Рузского о наличии плана, по которому вплоть до созыва Учредительного Собрания предусматривалось «действие Верховного комитета и Совета министров, уже нами обнародованного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных палат». Следовательно, он рассчитывал сохранить обе палаты и ВКГД, который уже называл Верховным комитетом. Однако из этого плана ничего не вышло. Не только обе палаты прежнего парламента, но и ВКГД были отстранены от власти к вечеру 3 марта».³⁴ Факт такого отстранения Калашников усматривает в той формуле отказа великого князя Михаила от трона, которую в акт отказа внесли В. А. Маклаков и В. Д. Набоков, два известных юриста, члены ЦК партии кадетов. Эта формула предусматривала передачу «всей полноты власти» Временному правительству, тем самым ликвидируя юридически дальнейшую роль ВКГД. Именно так эту формулу трактовал В. Д. Набоков: «С момента акта отказа считалось установленным, что Временному правительству принадлежит в полном объеме [исполнительная – ред.] и законодательная власть».³⁵ В подтверждение своей позиции Калашников ссылается и на оценку ситуации, данную М. В. Родзянко. «Совершенно непонятно, – писал Родзянко, – почему правительство князя Львова на первых же порах отшатнулось и старалось отмежеваться от Государственной думы, тогда еще весьма популярной в стране и обладающей всеми возможностями быть буфером для правительства при напоре на него чрезмерно революционного течения».³⁶ В то же время Калашников признает, что Временное правительство в марте активно использовало авторитет ВКГД для укрепления своих позиций, и формально Дума существовала до конца своего срока избрания, до осени 1917 года.

³⁴ Калашников В. В. Какой шанс и у какого парламентаризма был в России в 1917 году? / Там же. С. 10.

³⁵ Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. / Сост., послесл., примеч. С. М. Исхакова. М., 1991. С. 382–383.

³⁶ Родзянко М. В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. VI. С. 70.

Калашников предложил другое определение сущности «третьемартовской системы», рассматривая ее как продолжение «думско-советской» власти: как политической коалиции либералов и умеренных социалистов, формы которой менялись в ходе революционного процесса». Вначале *межпартийный блок* кадетов и правых социалистов существовал в форме условной поддержки правыми социалистами Временного буржуазного правительства, а затем в форме коалиционного правительства. Причины создания и существования блока Калашников видит, с одной стороны, в стремлении кадетов удержать революцию в буржуазных рамках путем сотрудничества с правыми социалистами, а с другой – в боязни правых социалистов разорвать коалицию с кадетами. В октябре власть перешла из рук кадетов и правых социалистов в руки большевиков и левых эсеров, и поэтому, по мнению Калашникова, «третьемартовская система» перестала существовать и была сменена тем, что можно по аналогии назвать «октябрьской политической системой».³⁷

Очевидно, что проблема сущности «третьемартовской системы» еще будет предметом обсуждения, и есть все основания считать, что эти споры будут способствовать более глубокому пониманию сложных событий революционного 1917 года.

³⁷ Таврические чтения 2017. Ч. 2. С. 53-54.

А. Е. Рабинович

Октябрьская революция 1917 года

Октябрьская революция 1917 г., результатом которой стало свержение Временного правительства и приход большевиков к власти в Петрограде, оказала формирующее воздействие на ход последующей российской истории и была главным фактором в международных отношениях большую часть XX века. Более того, Октябрьская революция ознаменовала собой начало колоссального, хотя в конечном итоге и неудачного эксперимента по созданию эгалитарного социализма, с устойчивым глобальным интересом. Так, без сомнений, эта революция представляет собой одно из наиболее значимых политических событий в современной российской и мировой истории.

На мой взгляд, Октябрьскую революцию можно лучше всего понять как ключевую фазу того сложного политического, социального и экономического процесса, который возник как следствие глубокой несправедливости царского режима, финансового и товарного дефицита военного времени и неприятия народными массами продолжения участия России в разрушительной первой мировой войне 1914–1918 годов.

Февральская революция 1917 г., положившая конец царской эпохе, не смогла решить этих проблем, что привело к быстрому возникновению чувства разочарования её результатами в среде петроградских фабричных рабочих, солдат и моряков. Авторитет партии большевиков в условиях общей неудовлетворённости возрастал, поскольку она пропагандировала такие популярные революционные цели как передача власти исключительно социалистическим Советам и немедленное заключение мира, в то время как остальные крупные российские партии были сторонниками непопулярной политики Временного правительства. Ещё одно важное преимущество партии большевиков, которое часто упускают из виду, состояло в том, что она быстро превратилась в массовую, относительно децентрализованную, демократично структурированную политическую организацию, которая имела тесные связи с простыми рабочими, солдатами и моряками. Хотя не без риска, такая коренная перестройка партии способствовала принятию программы, стратегии и тактике, которые отвечали реалиям 1917-го года и, что особенно важно, формирующимся политическим требованиям петроградских революционных масс.

3 апреля 1917 г. в Россию из-за границы вернулся В. И. Ленин, который призвал к немедленному продолжению революции и передаче государственной власти из рук Временного правительства Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые были также сформированы в ходе Февральской революции. На VII Всероссийской конференции РСДРП(б) Ленин успешно изменил ту относительно примиренческую политическую позицию партии большевиков, которую проводил во время его отсутствия Л. Б. Каменев. Ленин задал ей новый стратегический курс, направленный на скорую передачу всей полноты власти Советам. «Вся власть Советам», а также требование немедленного мира, земли и хлеба отныне стали главными политическими лозунгами партии. Тем не менее, на политику партии сильное влияние продолжали оказывать умеренные большевистские лидеры, которые занимали пять из девяти мест в Центральном комитете партии, избранного на конференции.

Возрастание народного недовольства действиями Временного правительства, синергетический эффект взаимодействия устремлений петроградских масс и большевистской политической программы, а также сильные и слабые стороны новой партийной структуры большевиков впервые отразились во время крупных антиправительственных демонстраций в Петрограде 20–21 апреля 1917 года. Неприязнь народа к Временному правительству и стремление передать государственную власть Советам ещё более отчётливо проявились в ходе неудачного июльского восстания. В обоих случаях радикально настроенные члены Петербургского комитета партии большевиков, а также Военной организации большевиков, откликаясь на народные настроения, предпринимали отдельные агрессивные шаги против Временного правительства, которые осуждались и Лениным, и ЦК РСДРП(б).

Кровавое июльское восстание быстро провалилось из-за решительного отказа от власти лидеров Советов, которые на национальном уровне возглавлялись умеренными социалистами. Оно провалилось тогда, когда стало известно, что на Петроград с фронта выдвинулись верные Временному правительству войска, а правительство опубликовало документы, претендующие на то, чтобы представить Ленина немецким шпионом.

Неудачное восстание и известия о катастрофических поражениях русской армии на Юго-западном фронте привели к резкому росту контрреволюционных настроений, направленных против социалистов в целом и большевиков в частности. В подобной реакционной обстановке даже умеренные социалисты

почувствовали себя вынужденными заявить о безоговорочной поддержке Временного правительства. Ленин и Зиновьев были вынуждены скрываться, чтобы избежать ареста (Ленин смог вернуться обратно в Петроград только в конце сентября). Троцкий и ряд других известных большевиков были заключены в тюрьму. Более того, правительство при поддержке умеренных социалистов попыталось изъять оружие из рук рабочих, разоружить и распустить гарнизонные части, участвовавшие в июльском восстании, и вообще всячески подавить любую антиправительственную деятельность.

В этих условиях Ленин потерял надежду, что существующие Советы под контролем умеренных социалистов могут стать подлинно революционными органами. Так теперь он призывал заменить лозунг «Вся власть Советам!» на новый громкий призыв: «Вся власть рабочему классу во главе с его революционной партией коммунистов-большевиков!»; заменить Советы в качестве институционального центра партии на фабрично-заводские комитеты; начать подготовку к вооружённому восстанию, как только это станет возможным. Однако ленинскому курсу эффективно противостояли на ключевых партийных совещаниях, проведенных в середине июля, умеренные члены большевистского ЦК, и члены московских комитетов, и, что особо значимо, петроградские руководители партии на всех уровнях, многие из которых принимали долгосрочные теоретические взгляды Ленина, но прекрасно осознавали привязанность рабочих, солдат и матросов к своим Советам и сами сохраняли веру в их революционный потенциал. 3 августа на VI съезде партии большевиков в ответ на настойчивое требование Ленина лозунг «Вся власть Советам!» был снят, однако практическая значимость этого шага была фактически сведена на нет подтверждением важности продолжения революционной работы в Советах.

Подавляющее большинство членов петроградской большевистской организации, насчитывающей около 32 тысяч членов, не подверглись гонениям власти после июльского восстания, и уже к началу августа она вновь начала расти. Примерно через три недели, в период с 27 по 30 августа организация сыграла одну из ключевых ролей в мобилизации сил города, необходимых для подавления попытки военного переворота, предпринятого генералом Л. Г. Корниловым, после чего авторитет партии резко вырос. К этому моменту лозунг «Вся власть Советам!» был потихоньку восстановлен. Уже 31 августа приобретённая за последние несколько недель популярность помогла

партии получить в Петроградском Совете поддержку политическому заявлению, которое было составлено Каменевым и одобрено ЦК РСДРП(б). Заявление содержало призыв положить конец коалиционной политике и создать единое, демократическое, многопартийное социалистическое правительство под эгидой Советов. Кстати, сразу после неудачной попытки Корниловского мятежа даже Ленин смягчил свои взгляды относительно возможности сотрудничать с умеренными социалистами.

В этих условиях совершенно понятным становится то потрясение, которое испытали руководители петроградских большевиков, когда примерно через две недели, они получили два неожиданных по своему содержанию письма от Ленина. В этих письмах, полученных накануне открытия Демократического совещания (14–27 сентября) Ленин требовал, чтобы большевики ушли с совещания и организовали немедленное свержение Временного правительства. Нетерпеливая решительность Ленина была вызвана такими факторами, как: сильные позиции крайне левых в Финляндии; поддержкой большевистских резолюций в Петроградском Совете, а впоследствии в Московских городском и областном Советах, а также в ряде региональных Советах по стране; ростом массовых выступлений русских крестьян в деревне и солдат на фронте; революционными волнениями матросов германского флота. Этот последний фактор был особенно важен из-за твёрдой убеждённости Ленина в том, что социалистическая революция в отсталой России вызовет ответные решающие революции в более развитых странах Запада, и что последние будут совершенно необходимым условием для выживания революционной России.

Письма Ленина середины сентября имели огромное историческое значение. Как и его директивы после возвращения в Россию в апреле, они побудили ЦК обсуждать более решительные варианты действий – если не к самостоятельному захвату власти партий большевиков, то хотя бы к необходимости скорейшего свержения Временного правительства. Однако сразу после получения его требования были в целом отвергнуты умеренными членами ЦК, а также «ленинцами по духу», которые понимали пределы народной поддержки большевиков и тяготение низших классов Петрограда к многопартийной, однородно социалистической власти, которая осуществлялась через демократические Советы. Под руководством ЦК партия большевиков продолжала участвовать в Демократическом совещании, надеясь, что оно сформирует революционное правительство.

Между тем, сначала из своего подполья в Выборге (Финляндия), а затем поселившись на северной окраине Петрограда, Ленин продолжал умолять своих товарищей в Петрограде организовать вооруженное восстание без дальнейших отсрочек. Однако его мольбы все еще игнорировались. После того как попытка двинуть революцию вперед на Демократическом совещании закончилась неудачей, Всероссийский центральный исполнительный комитет был вынужден назначить на 20 октября (позднее дата была перенесена на 25 октября) II Всероссийский съезд Советов для решения вопроса о власти. Что касается большевиков, то вопрос о том, какую стратегию им следовало выбрать в отношении грядущего съезда Советов, предполагалось обсудить на чрезвычайном съезде партии 17 октября. Умеренные силы партии стремились создать более широкий, общий альянс «демократических групп», который ограничился бы формированием временного, общесоциалистического коалиционного правительства до созыва Учредительного собрания. Цель «ленинцев», таких как Троцкий, состояла в том, чтобы на съезде продвигать цель передачи всей власти исключительно советскому правительству, состоящему только из крайне левых групп, выступавших за немедленный мир и программу радикальных социальных изменений, имеющую международное звучание. Пока, все большевистское руководство вместе с левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами придерживалось устойчивого курса, направленного на создание однородного социалистического правительства на II съезде Советов, используя при этом любую возможность для мирного устранения власти Временного правительства.

10 октября, всего за неделю до назначенного партийного съезда, Ленин на нелегальном заседании Центрального комитета привел свои доводы в пользу немедленной подготовки вооруженного восстания. В итоге 10 из 12 присутствующих (все, кроме Каменева и Зиновьева) проголосовали за то, чтобы поставить вооруженное восстание в «порядок дня», предварив тем самым решение вопроса на партийном съезде, который не был созван. Несмотря на то, что вооруженному восстанию был дан зеленый свет, мало что было сделано для достижения этой цели в течение следующих почти трех недель. Для этого было несколько причин. Во-первых, умеренные партийные лидеры сделали все возможное, чтобы не допустить начала вооруженного восстания, считая, что организованная партией прямая атака на правительство накануне II Всероссийского съезда Советов будет иметь катастрофические последствия. Эти

умеренные члены ЦК большевиков полагали, что большинство местных партийных лидеров в стране поддерживали именно эту точку зрения.

Во-вторых, проведение резолюции ЦК от 10 октября в жизнь тормозилось опасениями, связанными с реальной возможностью организовать успешное вооруженное восстание перед съездом Советов. Эти опасения разделяли такие члены ЦК как Троцкий, и радикально настроенные вожди большевиков городского и районного уровня, который в принципе были согласны с идеей Ленина о необходимости проведения немедленной социалистической революции в России, которая станет искрой для мировой социалистической революции. Тем не менее, несмотря на свои опасения, они всерьез изучали возможность захвата власти и провели ряд крупных встреч и конференций для обсуждения этого вопроса. Обсуждения привели к выводу о том, что партия была технически не готова к немедленному вооруженному восстанию и, во всяком случае, рабочие, солдаты и матросы не ответят на призыв партии к восстанию перед съездом Советов. Более того, они вынуждены были согласиться с умеренными членами партии в том, что, узурпировав prerogatives съезда Советов, большевики поставили бы под угрозу дальнейшее сотрудничество с левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами, рисковали потерять поддержку в таких массовых организациях, как профсоюзы, фабричные комитеты и районные Советы и усилили бы опасность вмешательства лояльных правительству войск с Северного фронта.

Вследствие этого большевистские лидеры продолжали придерживаться мирной тактики, только теперь, особенно в период с 21 по 24 октября, они проводили ее гораздо более агрессивно. В партийной прессе и на огромных уличных митингах они критиковали политику правительства и тем усиливали поддержку народом требования его свержения на приближающемся съезде Советов. Одновременно, созданный Петросоветом Военно-революционный комитет, в котором преобладали большевики, поставил под свой контроль большинство воинских подразделений столицы, используя в качестве оправдания намерение Временного правительства вывести основную часть Петроградского гарнизона на фронт, и представляя каждое свое действие как защиту против контрреволюции.

В ответ рано утром 24 октября, за день до открытия II Всероссийского съезда Советов, подавляющее большинство которого было готово проголосовать за формирование однородного социалистического, советского прави-

тельства, Керенский попытался обуздать левых. Военно-революционный комитет отреагировал решительными контрмерами, каждая из которых осуществлялась во имя самозащиты, но в результате они привели Временное правительство к изоляции в Зимнем дворце, сделав его полностью беспомощным. Только после этого в результате личного вмешательства Ленина в ход событий накануне рассвета 25 октября началась открытая борьба за свержение Временного правительства, чего он требовал более месяца. К следующей ночи все было кончено, премьер-министр Керенский бежал из Зимнего дворца в поисках лояльных войск с фронта, его кабинет был арестован.

Ленин настаивал на свержении Временного правительства до открытия II Всероссийского съезда Советов для того, чтобы исключить возможность формирования такой социалистической коалиции, в которой умеренные силы будут иметь значительный вес. Эта его озабоченность была вполне обоснована. Накануне съезда, до начала открытых военных операций политическая принадлежность и позиции прибывающих делегатов в вопросе о правительстве гарантировали поддержку идеи создания многопартийного демократического социалистического, временного правительства, приверженного программе мира и срочных реформ до того, как будет осуществлен своевременный созыв Учредительного собрания. После переворота 25–26 октября этот дух сотрудничества широкого круга социалистов испарился. Под гром пушечных выстрелов, свидетельствующих о действиях большевиков, меньшевики и эсеры ушли со съезда, тем самым открыв возможность большевикам сформировать на следующий день исключительно большевистское правительство – Совет народных комиссаров. Ранее в тот же день съезд Советов, в котором участвовали только большевики и левые эсеры, принял революционные декреты о мире и земле, укрепив популярность нового советского режима.

Комитет спасения Родины и Революции и Всероссийский исполнительный комитет Союза железнодорожников (Викжель) попытались немедленно переломить ход событий после II Всероссийского съезда Советов. 29 октября 1917 года первый из них возглавил неудачное юнкерское восстание для поддержки наступления на Петроград небольшого казачьего отряда, поддерживавшего Керенского, во главе с генералом П. Н. Красновым. Наступление Краснова провалилось через два дня.

Действия Викжеля оказались более серьезной угрозой для власти большевистского Совнаркома. Викжель заставил созвать под своей эгидой конфе-

ренцию всех основных «демократических» групп, нацеленную на ведение переговоров о формировании однородного социалистического правительства (29 октября – 5 ноября 1917 г.). В начале переговоров Ленин и Троцкий были поглощены военными вопросами. В их отсутствие большевистский Центральный Комитет единодушно согласился с тем, что правительство должно быть расширено и что участие всех советских партий является приемлемым. Однако последующие переговоры о восстановлении правительства в конечном итоге провалились, в первую очередь из-за чрезмерно высоких требований, предъявленных умеренными социалистами (по сути, требующих от большевиков отказа от участия в правительстве Ленина и Троцкого, отказа от власти Советов и всего остального, что было достигнуто II Всероссийским съездом Советов). Разгром большевиками военного мятежа, организованного Комитетом спасения Родины, и казачьих сил генерала Краснова, победа после нескольких дней ожесточенных боев в Москве и во многих других городах европейской части России, усилили поддержку жесткой позиции Ленина в партии и в ЦК, обеспечив срыв переговоров с Викжелем и гарантировав на тот момент Советскую власть, подконтрольную большевикам.

Д. И. Стогов

Правые в период с марта 1917 г. до окончания Гражданской войны (историографический очерк)

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной историографии в значительной степени возрос интерес к изучению деятельности правых (монархических, черносотенных) организаций, существовавших в Российской империи в период с 1900 г. (создание первой черносотенной организации – «Русского собрания») до февраля 1917 г. (Февральская революция, роспуск и самороспуск практически всех черносотенных партий и союзов, запрет выхода их газет).

Напомним, что в исторической и политологической литературе под правыми традиционно понимают «консервативные партии, отстаивавшие и отстаивающие традиционные – политический, социальный, экономический, религиозный, бытовой – уклады жизни, стоящие за сохранение основ существующего или существовавшего строя».¹

Наиболее последовательной и активной частью русского правомонархического движения были черносотенцы. В России конца XIX – начала XX вв. они выступали за сохранение незыблемого традиционного самодержавия, ратовали также за первенство русской народности и православной религии на территории традиционного проживания великороссов, малороссов и белорусов, которые рассматривались ими как составные части триединого русского народа. К правым организациям с некоторой долей условности можно отнести националистов,² в частности, Всероссийский национальный союз (ВНС).

Несмотря на то, что за последние 30 лет вышло в свет огромное количество исследований, посвященных деятельности правых в период с 1900 по февраль 1917 г., их судьба в период после Февральской революции 1917 г., даже по сравнению с деятельностью монархистов в период Февральской ре-

¹ Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. Т. 1–2 / Публ. Ю. И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1. С. 5.

² Об идеологических различиях между националистами и черносотенцами см.: Иванов А. А. «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX – начала XX века о лозунге «русского Возрождения» // Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 92–101.

волюции 1917 г.,³ изучена весьма слабо. На наш взгляд, существует несколько причин, которыми обусловлено это обстоятельство.

Во-первых, после свержения самодержавия официальные монархические организации и их печатные органы прекратили свое существование. Многие лидеры правых, в первую очередь, те, которые находились в предреволюционное время на государственных постах, оказались в Трубецком бастионе Петропавловской крепости и стали фигурантами дела, возбужденного «Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств». Те, которые оставались на свободе, фактически были лишены возможности легально заниматься политической деятельностью.

Во-вторых, даже если отбросить из нашего внимания факт репрессий против монархистов, приходится признать, что правые в период после Февраля 1917 г. оказались в состоянии идеологического краха, так как монархические идеалы, которые они пламенно отстаивали на протяжении длительного времени, рухнули в одночасье. В итоге правые, лишённые после Февральской революции организационной структуры, уже не представляли собой какой-либо значимой политической силы.

В-третьих, в силу хотя бы перечисленных причин правым в годы Гражданской войны так и не удалось в полной мере вписаться в парадигму противостояния между красными (коммунистическая идеология) и белыми (по преимуществу либеральная идеология). Не стали монархисты и пресловутой «третьей силой», роль которой в годы Гражданской войны исполнили крестьянские формирования.

В-четвертых, источниковая база, связанная с деятельностью правых в революционные и послереволюционные годы, является гораздо более скудной, чем за предыдущий дореволюционный период. Это вполне объяснимо – и потому, что в условиях отсутствия легальных правых партий не велось никакого делопроизводства (соответственно, первую роль играют весьма субъек-

³ См. наш историографический обзор деятельности правых в Феврале 1917 г: Стогов Д. И. Проблема отношения монархистов к Февральской революции 1917 года в современной историографии // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. / отв. редактор проф. В. В. Калашников; под ред. Д. Н. Меньшикова. СПб., 2017. С. 333–344.

тивные и требующие тщательной перепроверки дневниковые записи и мемуарные источники), и потому, что в условиях террора, сопровождавшего Гражданскую войну, вести дневники и писать мемуары было далеко не безопасно, и по многим другим причинам. Кроме того, большинство судебно-следственных источников, связанных с деятельностью правых в рассматриваемый период, содержатся в пока что еще малодоступных архивах ФСБ России. Значительная часть нарративных источников (дневников, писем, мемуаров) отложилась в зарубежных архивах, скрупулезное изучение которых по ряду причин также не всегда возможно для отечественных исследователей.

К настоящему времени сложились три основных подхода к проблеме существования и деятельности монархистов в период после Февраля 1917 г. и до окончания Гражданской войны: советский (тезис об активном участии монархистов в контрреволюционной деятельности в качестве составной части контрреволюционных сил), либеральный (тезис о так называемом «большевистско-черносотенном симбиозе») и консервативный (тезис о непринятии значительной частью правых обеих революций 1917 г. и об отказе от активной политической борьбы в условиях гражданского противостояния красных и белых).

Рассмотрим каждый из этих подходов в отдельности.

Тезис о значительном участии монархистов в контрреволюционной деятельности отражен в ряде работ, прежде всего, советского периода. Подчеркивалось, что остатки разгромленных в Феврале 1917 г. правых влились в состав единого контрреволюционного фронта. Так, в первом томе «Истории Гражданской войны в СССР», изданном в 1935 г., упоминалось об участии ряда монархистов в подготовке корниловского мятежа (В. В. Шульгин,⁴ В. М. Пуришкевич), в работе белогвардейского «Национального центра» (князь М. М. Андроников⁵). Авторы труда, касаясь деятельности Государственного совещания 12 августа 1917 г., отмечали, что «под маской "совещания общественных деятелей" объединились все буржуазные и помещичьи партии», и что «именно из этого совещания вышли будущие крупные контрреволюци-

⁴ История Гражданской войны в СССР / Под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. М., 1935. Т. 1. С. 196.

⁵ Там же. С. 315.

онные организации – "правый" и "национальный" центры, сыгравшие большую роль в колчаковщине и деникинщине». ⁶

Мало того, судя по отдельным цитатам, авторами данного труда некоторые монархисты (В. М. Пуришкевич) фактически отождествлялись с лидерами буржуазных партий (хотя глава монархического «Союза Михаила Архангела» и сам этот «Союз» никакого отношения ни к буржуазии, ни к буржуазным партиям не имели). К примеру, цитируя речь Пуришкевича на частном совещании членов Государственной думы 16 июня 1917 г. о выборах в районные думы, авторы делают следующий вывод: «Перед опасностью революции все буржуазные партии сплотились вокруг кадетов». ⁷ Подобного рода отождествление позиции черносотенца с позицией буржуазии наблюдаем и при описании очередного частного совещания членов Думы, состоявшегося 18 июля того же года. Цитируя выступление Пуришкевича на этом совещании, авторы труда комментируют: «Руководители буржуазии рассказали, чего они добиваются». ⁸ Описывая частное совещание членов Думы, состоявшееся 20 августа 1917 г., историки снова цитируют речь В. М. Пуришкевича о необходимости введения в стране военной диктатуры, комментируя ее следующими словами: «Слуга монархии в запальчивости часто выбалтывал лишнее. И в данном случае Пуришкевич выдал тайну буржуазии». Далее приводится высказывание В. М. Родзянко, который разъяснил Пуришкевичу, что «о диктатуре не декларировать надо, а тщательно готовить ее». ⁹

Итак, согласно «Истории Гражданской войны в СССР», по крайней мере, часть черносотенцев выступила единым фронтом против революции, полностью солидаризировавшись в этом вопросе с буржуазией.

Впрочем, со временем данная точка зрения подверглась некоторой корректировке. Так, буквально через три года после выхода первого тома «Истории Гражданской войны в СССР», в знаменитом «Кратком курсе» истории ВКП(б), в разделе, посвященном Гражданской войне, среди участников контрреволюционного движения упоминаются только кадеты, меньшевики, эсеры, анархисты, «всякого рода буржуазные националисты». ¹⁰ Авторы «Краткого

⁶ История Гражданской войны в СССР... С. 196.

⁷ Там же. С. 162.

⁸ Там же. С. 172.

⁹ Там же. С. 191.

¹⁰ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (краткий курс) / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938. С. 216.

курса», подводя итоги Гражданской войны, касаясь причин поражения белых, снова не упоминают представителей черносотенного движения и говорят только о «разбитых революцией партий эсеров, меньшевиков, анархистов, националистов», которые «поддерживали в период интервенции белогвардейских генералов и интервентов».¹¹ Такая точка зрения, на наш взгляд, представляется более реалистичной, так как (и об этом ниже) участие монархистов в белом движении было фактически сведено к минимуму.

Между тем, в 1970-е гг. тезис об активном участии черносотенцев в контрреволюционном движении вновь берется на вооружение в отдельных работах. Так, М. К. Касвинов в своей книге «Двадцать три ступени вниз» пишет о том, что в конце 1917 – начале 1918 гг. монархисты, «активисты распавшихся после Февраля черносотенных организаций», стали чуть ли не оплотом контрреволюции и активно вербовали сторонников в «белые банды», разрабатывали планы по спасению царской семьи. В книге говорится о «нескольких заговорщических группах» монархистов.¹²

В труде В. В. Поликарпова «Военная контрреволюция в России» утверждается, что представители белого движения якобы стремились всеми силами к восстановлению монархии, хотя «для привлечения в ряды таких формирований не только цензовых элементов, прямо заинтересованных в реставрации монархии или хотя бы буржуазного строя, но и более широкого контингента, приходилось поступаться чистотой "белого знамени" и прикрывать реставрационные идеи "демократической" демагогией, выдавая их за общенациональные чаяния».¹³

Между тем, в постсоветский период, подчеркивая важность лозунга белых о «непредрешении» формы государственного устройства «будущей России», многие исследователи отмечали, что если среди белых и были монархисты, их монархизм был, скорее, данью традиции, неким «стихийным монархизмом», «тоской по сильной руке» в противовес «керенщине». Как отмечает в этой связи С. В. Волков, «старый режим» воспринимался в обществе как пугало, и ассоциироваться с ним никто не желал, в том числе и лидеры белого движения.¹⁴ К тому же, в значительной степени зависимые от помощи со

¹¹ Там же. С. 236.

¹² Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. 2-е изд., испр. М., 1987. С. 416–417.

¹³ Поликарпов В. В. Военная контрреволюция в России. 1905–1917 гг. М., 1990. С. 333.

¹⁴ Волков С. В. Белое движение и Императорский Дом // Русский исторический журнал. Т. 1. № 2. М., 1998. С. 72.

стороны стран Антанты, вожди белых не решались использовать в своей пропаганде монархические идеи, справедливо предполагая, что они могут вызвать нарекания со стороны «союзников», опасавшихся возможной реакции и реставрации монархии в России.¹⁵

Подводя итоги, отметим, что тезис о монархистах как составной части единого контрреволюционного лагеря нуждается, как минимум, в определенной корректировке. Изучая биографии лидеров и активных членов черносотенного движения, нельзя не признать, что их участие в контрреволюционном движении было незначительным.

«Большеви́стско-черносотенный симбиоз». Поскольку подробно этот тезис был изложен и критически разобран нами в отдельной статье, рассмотрим его коротко.¹⁶ В 1992 г. архивист С. В. Шумихин, анализируя переписку монархистов Б. В. Никольского и Б. А. Садовского, высказал предположение, что, быть может, в сознании Никольского «вырисовывались контуры "черносотенно-большеви́стского" симбиоза», однако, по его мнению, этим чаяниям не суждено было осуществиться.¹⁷ В течение последующих двадцати пяти лет тезис С.В. Шумихина о «черносотенно-большеви́стском симбиозе» нашел в среде известных историков, писателей, публицистов, как своих горячих сторонников, так и противников.

Литературовед В. В. Кожинов подверг резкой критике суждение С. В. Шумихина о «черносотенно-большеви́стском симбиозе». Он пишет, что, очевидно, Б. В. Никольскому даже и «не снился» какой-либо «черносотенно-большеви́стский симбиоз» – хотя, отмечает Кожинов, «публикатор (т.е. С. В. Шумихин. – Д. С.) его писем и пытается внушить их читателям обратное».¹⁸

¹⁵ Там же. С. 73.

¹⁶ Подробнее см.: Стогов Д. И. Дискуссия о существовании «большеви́стско-черносотенного симбиоза» в период Гражданской войны в современной историографии // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2018. С. 323–335.

¹⁷ Монархист и Советы. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913–1918. Публикация С. В. Шумихина // Звенья. М.; СПб., 1992. С. 347.

¹⁸ Кожинов В. В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). М., 1998. С. 159.

Напротив, писатель и публицист Ю. М. Каграманов,¹⁹ а вслед за ним д. и. н., член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин,²⁰ прямо не используя словосочетание «большевистско-черносотенный симбиоз», фактически пишут об активном взаимодействии монархистов с большевиками. Публицист В. С. Ферштман взял на вооружение понятие «большевистско-черносотенный симбиоз» и утверждает, что такой «симбиоз», несомненно, был.²¹ Впрочем, никаких серьезных доказательств В. С. Ферштман при этом не приводит.

Обращает на себя внимание тот факт, что тезис о «большевистско-черносотенном симбиозе» получил некоторое распространение среди современных историков, писателей и публицистов. Многие из них пытаются связать между собой не только «черносотенство» и «большевизм», но и «фашизм».²²

Впрочем, в настоящее время этот тезис подвергается серьезной критике в историографии. Так, С. В. Лебедев,²³ а вслед за ним А. А. Иванов и Д. И. Стогов²⁴ во второй половине 2000-х годов фактически развивали идеи В. В. Кожина о самобытности монархистов, писали об отсутствии в их рядах единой позиции по отношению к советской власти.²⁵ Отмечается, что в годы Гражданской войны вооруженное сопротивление большевикам в рядах белого движения оказывала ничтожная доля черносотенцев. Бывшие лидеры черносотенцев Н. Е. Марков и В. М. Пуришкевич, хотя и оказались в рядах белых, фактически оставались в «правой оппозиции» к весьма либерально настроенному генералитету.

¹⁹ Каграманов Ю. М. Черносотенство: прошлое и перспективы // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/1999/6/kagram.html (дата обращения 25.08.2019).

²⁰ Ганелин Р. Ш. От черносотенства к фашизму // Ad hominem. Памяти Николая Гиренко. СПб., 2005. С. 259.

²¹ Ферштман В. С. Большевистско-черносотенный симбиоз? 1917 год. Попытка исторического расследования // Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer11/Fershtman1.php> (дата обращения 25.08.2019).

²² См. помимо указанной работы Р. Ш. Ганелина: Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма / Пер. с англ. М., 1994.

²³ Лебедев С. В. Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб., 2007. С. 225.

²⁴ Иванов А. А., Стогов Д. И. Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2009. С. 90.

²⁵ Там же. С. 98.

Очевидно, что дискуссия о «большевистско-черносотенном симбиозе» далеко не закончилась, и в том или ином виде она, несомненно, продолжится. На наш взгляд, подробное изучение биографий лидеров монархического движения поможет более четко ответить на вопросы о причинах и степени распространенности сотрудничества черносотенцев с советской властью.

«Консервативный» подход, или тезис о непринятии многими правыми обеих революций 1917 г. и отказе от участия в контрреволюционной деятельности. Изучение в последние годы биографий видных лидеров и участников черносотенного движения (А. И. Дубровина,²⁶ В. М. Пуришкевича,²⁷ Н. Е. Маркова,²⁸ Б. В. Никольского,²⁹ А. С. Вязигина,³⁰ К. Н. Пасхалова,³¹ Н. Н. Жеденова³² и др.) на основе исторических источников, многие из которых были введены в научный оборот уже в постсоветское время (когда, при отсутствии цензуры, были сняты препоны для изучения русского консерватизма), привело современных исследователей к выводу о том, что правые в своем отношении к советской власти не были едины во мнении. Большинство из них вообще отказалось от какой бы то ни было активной политической деятельности, хотя часть из них, отойдя от политики, не избежала печальной участи расстрела по приговору ЧК (это касается, в частности, А. И. Дубровина, Б. В. Никольского, А. С. Вязигина и др.). И лишь небольшая часть монархистов (прежде всего, Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич, В. В. Шульгин³³) действительно приняла активное участие в белом движении.

²⁶ См.: Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин) / Публ. В. Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей / Под ред. Д. Б. Павлова. М., 2010.

²⁷ См.: Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. С. 303–398.

²⁸ Богдавленский Д. Д., Иванов А. А. Курский зубр. Николай Евгеньевич Марков (1866–1945) // Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб., 2015. С. 93–131.

²⁹ См.: Стогов Д. И. Патриот Земли Русской. Борис Владимирович Никольский (1870–1919) // Там же. С. 521–537.

³⁰ См.: Каплин А. Д., Степанов А. Д. «Только вера дает силу жить...». Андрей Сергеевич Вязигин (1867–1919) // Там же. С. 496–520.

³¹ См.: Пасхалов К. Н. Русский вопрос / Сост., предисл., коммент. Д. И. Стогова. М., 2009. С. 14 (предисловие Д. И. Стогова).

³² Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа / Сост., предисл., коммент. Д. И. Стогова. М., 2013. С. 32–38. (предисловие Д. И. Стогова).

³³ См.: Бабков Д. И. Политическая деятельность и взгляды В. В. Шульгина в 1917–1939 гг. Дис. ... к. и. н. Брянск, 2008; Гребенкин И. Н., Репников А. В. Василий Витальевич Шульгин // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 25–40 и др.

В небольшой по объему статье мы не можем подробно рассматривать все многочисленные нюансы, связанные с современными научными представлениями об участии (неучастии) правых в контрреволюционном движении. Прочитываем, однако, слова исследователя «русской идеи» С. В. Лебедева, который пишет, что в современном обществе «вопреки намерениям самих белых белая идея все равно ассоциируется с ностальгией по старому порядку, противопоставлению хаосу и смуте революционных потрясений».³⁴ Отсюда — и «превознесение императорской России», которое подчас осуществляется современными наследниками «белой идеи».³⁵ Сами же белые в большинстве своем монархистами не были.

Вместе с тем, в настоящее время в историографии получил новое развитие тезис о полном крахе монархической идеологии в 1917 г.,³⁶ исследователи обращают внимание на факты, свидетельствующие о крайне слабой поддержке правых на выборах в Учредительное собрание.³⁷ Единственным членом собрания, которого можно причислить к правым, являлся епископ Сергей (Страгородский), впоследствии Патриарх Московский и всея Руси.³⁸

Говоря о причинах краха монархистов, А. В. Репников подчеркивает, что правые видели недостатки системы власти предреволюционной России, «но не могли критиковать эти недостатки открыто», результатом чего «стало разочарование во власти и ее верховном носителе, нарастание в консервативной среде ощущения неизбежности «великих потрясений», которые и не замедлили явиться в 1917 году».³⁹

Подводя итоги, отметим, что, по нашему мнению, наиболее аргументированным представляется «консервативный» подход, согласно которому значительная часть монархистов отказалась от активной политической деятельности, а участие правых в деятельности белого движения было весьма ограниченным. С другой стороны, участие отдельных монархистов (Б. В. Николь-

³⁴ Лебедев С. В. Русская идея и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб., 2007. С. 178–179.

³⁵ Там же. С. 179.

³⁶ Лебедев С. В., к примеру, подчеркивает, что «с февраля по октябрь 1917 года в России боролись за власть левые с крайне левыми» (Лебедев С. В. Указ. соч. С. 172).

³⁷ См.: Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 44.

³⁸ Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 382.

³⁹ Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 481.

ский, А. И. Соболевский, князь М. М. Андроников и др.) в работе органов советской власти и советских учреждений еще не означает существование некоего «большевистско-черносотенного симбиоза», а, скорее, свидетельствует о личной позиции тех или иных правых политических деятелей.

Впрочем, приходится особо констатировать тот факт, что затронутая в статье проблематика в настоящее время достаточно мало изучена, и что для формирования более четких представлений о деятельности правых в указанный период необходимы дальнейшие научные исследования.

К. Б. Назаренко

Балтийский флот в революциях 1917 г. и Гражданской войне¹

В современной историографии есть тенденция преувеличивать степень политической самостоятельности матросов, превращать их стихийные и зачастую слабо оформленные протестные настроения в сложившуюся систему политических взглядов. На наш взгляд, неправомерно ставить на одну доску «матросов» и «большевиков» и изображать военных моряков как оформленную политическую группировку.

Правильнее было бы рассматривать матросов как специфическую социально-профессиональную группу, проявившую в определенный исторический момент большую активность, но в то же время претерпевшую серьезные внутренние изменения. Эти изменения носили качественный характер. В отличие от политической партии или политического течения, у социально-профессиональной группы (в частности, у матросов военного флота) не было и не могло быть имманентно присущей им политической программы, поскольку политическая группировка и социально-профессиональная группа формируются по своим принципам. Политические симпатии социально-профессиональной группы могут меняться во времени.

Трудно себе представить, как можно оценить численность и судьбу того небольшого процента моряков, которые не были вождями, но и не «тянулись в хвосте» массы, а активно участвовали в революционных событиях 1917 – начала 1918 г. Именно это активное меньшинство матросов и создало образ «красы и гордости революции». Характерные черты этой группы как современники, так и потомки переносили на всех людей, одетых в форменки и бушлаты. По нашему мнению, уникальный и неповторимый феномен матросов революционного флота в основном прекратил свое существование весной–летом 1918 года. Безусловно, среди тех, кто служил потом на флоте в 1919–1921 гг. было множество матросов, служивших и в дореволюционное время, и в 1917 году. Но «дрожжи», «закваска» революционных моряков 1917 года к 1921 году уже занимали те или иные должности в Красной Ар-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00081 А

мии, в советском аппарате, кто-то сложил головы в революционных боях, кто-то оказался в подполье как анархист или левый эсер.

В этом плане матросы ближе к такой группе, как, например, рабочие Петрограда. Их состав не оставался неизменным от Февраля 1917 г. до окончания Гражданской войны, поскольку часть рабочих активистов заняла руководящие посты в партии, государственном аппарате, вооруженных силах, часть рабочих разъехалась из города в поисках пропитания, кто-то умер. Поэтому некорректно оперировать без всяких оговорок термином «рабочие Петрограда» и анализировать их политическую позицию, как если бы состав этой группы был неизменным.

Матросы были еще более подвижной группой, чем рабочие. Напомним, что к началу 1917 г. на Балтийском флоте служило около 80 тыс. матросов, а к лету 1918 г. осталось 24 тыс., в том числе на кораблях флота – 12 тыс. человек. Последующий призыв во второй половине 1918 – 1919 – 1920 гг. довел численность экипажей судов Балтфлота до 20 тыс. человек в начале 1921 г.

Значительная часть матросов русского флота происходили из крестьян, впитав с детства общинные традиции и порядки. Часть матросов до службы были рабочими крупных современных производств, знакомыми с техническими новинками и с борьбой за свои экономические и политические права. Во время военной службы, затянувшейся для некоторых из-за Первой мировой войны до 8 лет (без перерыва), матросы пытались вырабатывать собственное отношение к происходящим событиям, в их среде формировались лидеры, которые часто играли важную роль в событиях революции.

Вопрос о степени политической зрелости моряков русского флота нуждается в дополнительном изучении. Мы полагаем, что перспективным путем было бы изучение деятельности на флоте тех революционных организаций, которые недостаточно изучались в советской историографии – прежде всего, эсеров, анархистов и меньшевиков. Представляется, что влияние эсеров и, особенно, анархистов, на матросскую массу в 1917–1918 годах было достаточно серьезным. В частности, это влияние проявилось в событиях мая–июня 1918 года, которые вошли в историю как «мятеж» Минной дивизии Балтийского флота.

Лидеры революционных матросов, прежде всего, Дыбенко, показали себя людьми, которых не пугала перспектива оказаться во главе морского ведомства, а после – и в непосредственной близости от государственного кормила. Моряки были проникнуты стихийно-демократическими настроениями, по-

этому глубоко закономерно то, что Дыбенко и его матросский отряд стали символом идеи революционной добровольческой армии и символом краха этой идеи в конкретных условиях России начала 1918 г. Рост и упадок политического влияния матросов представлял собой, на наш взгляд, характерный пример развития революционного процесса. Учиться демократии можно только на собственных ошибках, а для этого нужно время. В 1917–1918 гг. история не отпустила спокойного периода для этого. Обострившаяся социальная борьба потребовала немедленного создания боеспособных армии и флота, что могло быть осуществлено только на старых организационных принципах дисциплины и субординации, с опорой на специалистов военного дела – офицеров. Это был диалектический процесс – естественное стремление к социальной справедливости, народной демократии наталкивалось на объективные границы, как в смысле соотношения классовых сил, так и в виде конкретной исторической обстановки.

Флотское офицерство после февраля 1917 г. столкнулось с совершенно непривычной для себя ситуацией развертывания легальной политической активности рядовых матросов. После Октября выбор стал еще более жестким – офицеры должны были стать политическими лидерами в глазах матросов, уйти с флота или владеть жалкое существование «специалистов», лишенных гражданских прав и большей части былых привилегий.

Первый путь предполагал конфронтацию с Советской властью, наличие определенных политических убеждений офицера и элементарные навыки политической борьбы. Его избрали немногие, но яркие представители офицерского корпуса: капитан 1 ранга А. М. Щастный и мичман Г. Н. Лисаневич, старший лейтенант Г. М. Веселаго, мичман В. В. Леммлейн. Эти люди более или менее успешно пытались сыграть политическую роль. В. В. Леммлейн возглавил «диктатуру Центрокаспия», став одним из главных действующих лиц свержения Советской власти в Баку. Г. М. Веселаго сыграл подобную роль на Мурмане. А. М. Щастный и Г. Н. Лисаневич безуспешно пытались свергнуть Советскую власть в Петрограде.

Ушедшие с флота либо уклонились от участия в Гражданской войне, либо стали активными участниками антисоветских заговоров, иногда сыгравшими в них большую роль, как капитан 2 ранга Г. Е. Чаплин (антисоветский переворот в Архангельске в августе 1918 г.). Некоторые из ушедших с флота попытались послужить в вооруженных силах независимых государств, возник-

ших на развалинах Российской империи. Наши наблюдения показывают, что в массе своей «старые» офицеры были носителями имперского сознания, и даже те из них, кто были поляками, эстонцами или латышами по национальности, не стремились немедленно оказаться в рядах национальных вооруженных сил. Так, подавляющее большинство тех офицеров эстонского флота 1920-х гг., которые начинали службу в российском флоте, в 1919 г. служили в армии Н. Н. Юденича, и лишь после ее поражения пошли на эстонскую службу. Похожее положение можно констатировать в отношении поляков. Не единичными были случаи, когда офицер-поляк, служивший в Гражданскую войну в Красном флоте, лишь после Рижского мирного договора «оптировался» в польское подданство.

Часть «старых» офицеров, продолжавших службу в Красном флоте во время Гражданской войны, искренне стремились принести пользу делу, которому служили, как контр-адмирал В. М. Альтфатер или мичман И. С. Исаков. Другие «держали камень за пазухой», участвуя в антисоветских заговорах. Третьи просто плыли по течению, надеясь «пересидеть» острый момент истории страны и дождаться возвращения «мирного времени». В любом случае, матросы в массе своей оказались гораздо более зрелыми политически, чем офицеры, значительно лучше готовыми к восприятию и обсуждению политических проблем своего времени, к политической учебе.

Необходимо подчеркнуть, что «старое» флотское офицерство не было монолитным. В нем следует выделить, по меньшей мере, 4 большие группы: строевые офицеры, инженеры-механики, кадровые офицеры по адмиралтейству, офицеры запаса и военного времени. Первая группа наиболее сложно вписывалась в революционную реальность, наиболее болезненно воспринимала потерю былого статуса и привилегий, но в то же время была прочно привязана к военному флоту отсутствием гражданской специальности. Инженеры-механики были и до революции несколько ближе к матросам — во всяком случае, конфликтов между ними и матросами в 1917 г. зафиксировано в разы меньше, чем между матросами и строевыми офицерами. Наличие инженерной специальности позволяло им значительно легче устроиться в мирной жизни. Офицеры запаса, штурманы и механики торгового флота, были, в большинстве своем, выходцами из трудовых слоев и не связывали свою жизнь с военной службой. Они легче других офицеров покидали флот, несмотря на то, что, казалось бы, им было легче других офицеров вписаться в

послереволюционные реалии. Наконец, офицеры по адмиралтейству представляли собой чрезвычайно пеструю группу, в которой соседствовали подпоручик, произведенный из нижних чинов с бывшим офицером сухопутной гвардии, переведенным в морское ведомство.

Сложную динамику изменения политических предпочтений и политической роли моряков Балтийского флота, на наш взгляд, можно выразить так:

1. До февраля 1917 года – нарастание общих революционных настроений на флоте, как в связи с тяготами военного времени, так и в связи с фактическим бездействием крупных кораблей. Выделяются две группы корабельных команд: крупных кораблей (линкоры, крейсера) и ряда береговых частей и малых кораблей (эсминцы, тральщики, подводные лодки). Первая более революционна, вторая менее. Складывается нечто вроде «оппозиционного блока» из представителей всех политических течений, недовольных царизмом.

Период заканчивается революционным взрывом 1–4 марта 1917 г., вылившимся в убийства офицеров в Кронштадте и Гельсингфорсе. Характерно, что центрами восстания являются линкоры (прежде всего, «Император Павел I») и крейсера.

2. Февраль–октябрь 1917 года – углубление матросской революционности с сохранением различия между двумя группами корабельных команд, о чем говорилось выше. Совместные действия матросов разной политической ориентации – большевиков, анархистов, левых эсеров. Выдвижение П. Е. Дыбенко в качестве общефлотского матросского лидера. В какой-то степени случайностью было то, что П. Е. Дыбенко в дореволюционные годы примкнул к большевикам – по темпераменту он был, скорее, анархистом. Но то, что он был большевиком, в значительной степени предопределило преимущество большевиков перед другими партиями в матросской среде.

Период оканчивается вооруженным восстанием в Петрограде при активном участии матросов и созданием советского правительства.

3. Конец октября 1917 – начало марта 1918 года – матросы являются основной вооруженной опорой большевистско-левоэсеровского правительства. Стремление П. Е. Дыбенко навязывать те или иные политические решения Совнаркому (грубая форма разгона Учредительного собрания). Пик политического влияния матросов. Попытка управлять флотом на демократических принципах, с минимальным участием офицеров. Начало процесса сокращения личного состава флота, ухода с него наиболее деятельных сторонников

новой власти на сухопутные фронты и в государственный аппарат. Усиление позиций левых эсеров и анархистов среди матросов. В связи с этим начало трений между выборными матросскими лидерами и П. Е. Дыбенко. Осознание матросами себя в качестве серьезной политической силы.

Период заканчивается поражением отряда П. Е. Дыбенко под Нарвой – демонстративным провалом идеи добровольческой революционной армии, адептом которой он был. Резкое падение авторитета матросов как вооруженной силы в глазах советского руководства. Увольнение П. Е. Дыбенко с поста наркома. Переход к строительству регулярной армии с опорой на старое офицерство.

4. Март–октябрь 1918 года – непосредственная угроза захвата или уничтожения флота немцами в Финляндии заставляет приложить большие усилия для спасения кораблей и вывода их в Кронштадт. Некоторое восстановление авторитета офицеров в глазах матросов. Создание структуры управления Балтийским флотом, которая позволила А. М. Щастному фактически подмять под себя Совет комиссаров и осуществлять бесконтрольное руководство флотом. Ряд попыток подготовить переворот в Петрограде с целью отстранить от власти большевиков и создать эсеровское или «беспартийное» руководство под флагом «морской диктатуры Балтийского флота». Критику большевиков усиливает, в частности, то обстоятельство, что флот заперт в Кронштадте Брестским договором, правительство не может «дать отпор» немцам. В течение периода сохраняется тенденция к тому, что экипажи линкоров и крейсеров настроены в большей степени пробольшевистски, тогда как экипажи миноносцев более негативно относятся к большевистскому правительству и находятся под влиянием эсеров (которые переходят на антибольшевистские позиции). В связи с этим происходит активизация борьбы большевиков за умы матросов. Результатом стали арест и расстрел А. М. Щастного, полная замена состава Совета комиссаров, назначение главным комиссаром Балтийского флота И. П. Флеровского. Усиление позиций большевиков среди матросов, за ними идет от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ личного состава. Отказ властей от призыва старых матросов на флот с октября 1918 г. – очевидно для того, чтобы избежать возвращения на флот тех матросов, которые принимали активное участие в революционных событиях 1917 г.

Период заканчивается началом полномасштабной Гражданской войны, событиями красного террора и поражением Германии в Первой мировой войне.

5. Октябрь 1918 – конец 1920 года – изменившаяся внешнеполитическая обстановка снимает один из важнейших пунктов критики большевиков – уступки немцам. Флот получает возможность перейти к активным действиям, что значительно поднимает настроение личного состава. Борьба с англичанами летом 1919 г. и подготовка к продолжению этой борьбы летом 1920 г. приводит к некоторому сплочению матросов и офицеров на платформе защиты родины от внешнего врага. Продолжает действовать тенденция ухода с флота на сухопутные фронты, речные флотилии и государственную работу наиболее активных сторонников большевиков. Усиливается влияние анархистских идей среди матросов. Приход на флот новобранцев способствует усилению «деревенских» настроений.

Период заканчивается с фактическим окончанием Гражданской войны в ноябре 1920 г.

6. Конец 1920 – март 1921 года – среди матросов складывается нечто вроде «оппозиционного блока» из представителей всех политических течений, недовольных большевиками, как правящей партией. Причины недовольства носят общий характер – критика продразверстки, тяжелого продовольственного положения Петрограда, отсутствия многопартийности. В отношении экипажей крупных кораблей и береговых частей продолжает действовать фактор недостатка или отсутствия активной боевой деятельности, что особенно сильно проявляется с осени 1920 года. Нетактичное поведение Ф. Ф. Раскольникова (ставшего крайне непопулярным среди балтийских матросов еще в марте 1918 г.), на посту командующего флотом в конце 1920 – начале 1921 года способствует подрыву авторитета правительства.

Период заканчивается Кронштадтским мятежом, последней попыткой матросов заявить о себе, как о политической силе. Центром восстания являются линкоры. На наш взгляд, значительная часть рядовых участников Кронштадтского мятежа из числа матросов продолжали исповедовать стихийно-демократические, по сути, анархистские идеи. Субъективно они старались бороться за революцию, которую «предали» большевики. Рассматривая процессы объективно, успешная оборона Кронштадта от советских войск в марте 1921 г. привела бы к новому витку Гражданской войны и не изменила бы ее политические итоги. По нашему убеждению, в войне могла победить лишь одна из двух диктатур – белых генералов или красных комиссаров. При этом с точки зрения учета интересов большинства трудящихся при дальнейшем

развитии страны, диктатура красных комиссаров была однозначно предпочтительнее.

7. После марта 1921 года – в результате Кронштадтского мятежа, в рамках демобилизации, происходит поголовная замена матросского состава флота новобранцами. Офицерский состав флота значительно сокращается, но остается в своей основе старым, дореволюционной формации. Ставится вопрос о резком усилении политической работы на флоте. Флот окончательно перестает быть активной политической силой в условиях стабилизации Советского государства.

А. Ю. Давыдов

Нелегальный рынок и коммунистическая доктрина в Советской России: точки соприкосновения

Проблема раскола общества в XX веке была очень актуальна для России. Она прежде всего находила выражение в близкой народу теме повседневного существования, пропитания и обеспечения товарами ширпотреба. Русской интеллигенции мнилось, что она правильнее простых людей понимает их собственные нужды. Лучшего ей всегда хотелось больше, чем хорошего, хотя (по поговорке) первое – враг второго. Вспомним замечательную фразу Н. А. Некрасова: «В столице шум, гремят витии. Кипит словесная война».

Не случайно царское и Временное правительства пытались вводить всяческие улучшения в сфере продовольственного рынка. Смысла в них не было, поскольку хлеба в отечестве имелось более чем достаточно: вывоз хлеба из России за границу с начала Первой мировой войны прекратился и огромные продовольственные экспортные запасы накапливались от года к году. Если бы власть и интеллигенция оставили в покое продовольственно-распределительную сферу и прекратили ограничивать рынки, то ключевые проблемы со снабжением населения решились бы. Однако по привычке «спасать» неразумный народ государство выбрало наибольшее из зол и тратило слабые ресурсы на курирование хлебозаготовок. «Прогрессивная» интеллигенция и государственные мужи рассуждали: надо сделать так, как в Германии, то есть подчинить «кормление» населения власти; все забыли, что немцы без строгого распределения ограниченного объема продуктов умерли бы с голода. К счастью, и царское, и Временное правительства воздержались от широкого применения насилия в ходе ограничения рынков. Эффект от их политики походил на свист оглушительного паровозного гудка, в который ушла вся энергия котла и который лишь перепугал пассажиров.

Перелом произошел в конце 1917 г. Победившая тогда новая элита была настроена крайне решительно, даже экстремистски. Ее идеологию и практику отличали выраженная доктринарская направленность. Весьма выразительным для характеристики господствовавших в большевистской среде умонастроений представляется высказывание В. А. Антонова-Овсеенко, относившееся ко времени ареста им членов Временного правительства. «Да, это бу-

дет интересный социальный опыт», – с таким многозначным заявлением выступил Владимир Александрович, имея в виду предстоявшие коренные преобразования.¹ Лейтмотивом деятельности ленинцев стало удержание любой ценой власти, необходимой им не из тщеславия, а для достижения планетарных целей. Идея общественной реконструкции стала для них допингом, консолидировала партию. О своем впечатлении, оставшемся после посещения одного из заседаний ленинского правительства, специалист по лесному хозяйству С. Либерман высказался так: «Несмотря на все усилия назойливого секретаря... невозможно было избавиться от ощущения, что присутствуешь на собрании подпольного нелегального комитета».²

Большевики повели народ в светлое коммунистическое будущее. Оно представляло собой проект рационально организованного и справедливо устроенного общества. Однако в этом-то и состояла беда. Большинство людей сопротивляется, когда ему навязывают счастье, и ищет свой – нередко ошибочный, но свой – путь к собственному идеалу. Так обнаруживалась суть назревавшего конфликта. Ленинцы принялись слишком рьяно спасать собственный и чужие народы; спасая человечество, они превратились в преследователей и – в конце концов – в мучеников. Вместе с тем ничего порочного в самих социалистических идеях и практике, эволюционировавших в конкуренции с другими общественными направлениями мысли и опыта, не обнаруживается. Трагедия состояла в том, что большевики превратили социализм в фетиш, всемерно потворствуя уравнилельным настроениям и раскручивая маховик коммунистической пропаганды. В бифуркационный период социум остро нуждался в умиротворении и – оставленный в покое высокопоставленными смутьянами – не мог не стабилизироваться. Однако «сверху» направлялись меседжи экстремистского толка, поощрявшие и вдохновлявшие нигилистов. Указывая в очередной раз на идеократичность и ригористичность большевистского режима, автор не ломится в открытую дверь, а пытается определить истинные причины распространения в отечестве такого явления как массовое нелегально-мешочническое снабжение. Об этом и пойдет речь.

¹ Октябрьское вооруженное восстание: воспоминания активных участников революции. Л., 1956. С. 423.

² Приводится по: Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. М., 2004. С. 107.

В конце 1917 г. в губерниях развернулось повальное опечатывание магазинов и складов. Причем, зачастую продукции в них после снятия клейм не оказывалось. «Антибуржуйскую» работу успешно проводили всякие «комиссии по борьбе со спекуляцией». Одна за одной следовали кампании по «муниципализации» частной торговли, в ходе которых конфисковывались товары. В Твери было закрыто в 1918 г. около тысячи частных магазинов, и вместо них открыто всего пятьдесят два советских учреждения. Сложнейшие и многообразные функции торговли попыталось взять на себя государство, в итоге полки этих тверских магазинов всегда были почти пустыми.³

Коммунистические идеалисты и радикалы ментально не были подготовлены к осознанию чрезвычайной сложности дела продовольствования населения в России с ее своеобразным географическим положением. В.И. Ленин в знаменитой работе «Удержат ли большевики государственную власть» признавался: «О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то само собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы».⁴ Кроме того, октябрьские революционеры в большинстве своем не обладали профессиональными знаниями и управленческими навыками, необходимыми для организации снабжения продовольствием народных масс. От их имени большевистский деятель А. Е. Бадаев заявил: «Для всех нас продовольственная работа была совершенно новым и неизвестным делом»; он же сокрушался по поводу полного отсутствия у ленинцев «хозяйственного и коммерческого опыта».⁵ В августе 1918 г. И. В. Сталин в письме, отправленном в Кремль из Царицына, жаловался на то, что не может найти людей, способных организовать работу «хотя бы одной фабрики или бойни».⁶ Возобладали хаос и бестолковщина. В Москве одно время действовало несколько самостоятельных продовольственных комитетов. Строго говоря, невозможно было создать многоуровневую систему, способную реализовывать алгоритм решения сложнейшей задачи обеспечения многих миллионов людей провизией и продуктами ширпотреба в условиях отсутствия общественного консенсуса.

³ Шерман С. Внутренний рынок и торговый быт Советской России // Экономический вестник. Кн. 2. Берлин. 1923. С. 102; Гоголь Б. Из истории создания советской государственной торговли // Советская торговля. 1957. № 9. С. 41.

⁴ Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 34. М., 1969. С. 322.

⁵ Бадаев А.Е. Десять лет борьбы и строительства: продовольственно-кооперативная работа в Ленинграде. 1917-1927. 3-е изд. Л., 1927. С. 19.

⁶ Ленинский сборник. Т. XVIII. М., 1931. С. 199.

При этом ленинцам не удалось договориться с профессионалами – меньшевистски настроенными деятелями старого продовольственного аппарата, которые отказали «узурпаторскому» Совнаркому в содействии. На состоявшемся в феврале 1918 г. Всероссийском кооперативном съезде было заявлено: «Заготовка хлеба должна быть поручена государством объединенной организации продовольственных органов, кооперативных организаций, с привлечением в нее и частного-торгового аппарата»⁷. Для большевиков такое предложение оказалось совершенно неприемлемым. Им оставалось надеяться на очень плохо организованный аппарат Наркомата продовольствия, на Чрезвычайную комиссию по продовольствию (созданную еще в январе 1918 г. и возглавленную «продовольственным диктатором» Л. Д. Троцким), а также на действовавшие на местах аналогичные «диктатуры» полных дилетантов (И. В. Сталина, Г. К. Орджоникидзе).⁸ К середине 1918 г. доставка продовольствия в потребляющие губернии почти полностью остановилась.⁹ Можно говорить о разрушении государственной машины; в сравнении с тем, что сотворили большевики с продовольственной организацией, снабженческие и распределительные органы Временного правительства следует признать образцами эффективности и упорядоченности.¹⁰

Тем не менее, у подавляющего большинства коммунистов не возникало мыслей о несостоятельности «антиторговой» политики. По сравнению с искоренением «мелкобуржуазного» мешочничества вопрос о снабжении народа продовольствием не имел особого значения. Об этом то и дело проговаривались коммунистические начальники. Нередко, с гордостью рассказывая о своих успехах в отдельных областях «антимешочнической» борьбы, они между делом упоминали о возникновении и усилении голода. Исчезновение продуктов и искоренение рынка не связывались в их сознании друг с другом.¹¹ «Все зло шло от свободной торговли», – упрямо доказывали представи-

⁷ Продовольственное дело. Издание Московского губернского продовольственного комитета. 1918. № 4. 3 марта. С. 9.

⁸ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 г. – март 1918 г. М., С. 203, 205, 324, 325, 455, 464.

⁹ Вестник продовольственных служащих. 1918. № 4-5. 8 июля. С.15; Френкин Михаил. Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918-1921. Иерусалим. 1987. С. 39.

¹⁰ См.: Давыдов А. Ю. Российская кооперация в 1917 г. Новые подходы и взгляды. Сборник научных трудов. СПб., 1994. С. 48–53.

¹¹ Горопов А. Продовольственный вопрос и мешочники // Известия Воронежского губернского продовольственного комитета. 1918. № 27. 17 октября. С. 2; Известия

тели продовольственного ведомства.¹² На первом месте стояла навязчивая идея, доктрина.

Вопреки доктринерской политике новой элиты, о распространении настоящего голода в Советской России говорить нельзя, ибо фактором разрешения острой продовольственной проблемы выступило массовое нелегальное самоснабжение. Следует обратить внимание на его внешний признак. Поскольку использовались в основном мешки для перетаскивания тяжестей, то и было выработано название «мешочники» (так самоснабженцев по инерции именовали даже в брежневские времена, когда они сменили мешки на рюкзаки и сумки). Ходоки – это другое прозвище протагонистов – перетаскивали десятки миллионов пудов грузов на собственных плечах во время перевозки клади по железной дороге, водными путями, обозами. Колоссальные затраты мускульной энергии, трудовая деятельность на пределе человеческих сил – вот условия повседневной жизни ходоков. Английский историк Дж. Хоскинг справедливо связывал выносливость, проявленную мешочниками в ходе путейских испытаний, с аскетической ментальностью россиян; он объяснял ее «поразительной жизнеспособностью русских, умеющих находить способы существования в самых невероятных условиях».¹³

Британец имел в виду ту самую крестьянскую психологию, которая выручала народ из беды во все времена (включая, например, Великую Отечественную войну). Мешочническое движение представляется не просто тяжелым испытанием для граждан, оно стало битвой за выживание и российским анабазисом. Автор не останавливается на описании испытаний и достижений нелегальных снабженцев: в его работах много раз об этом рассказывалось. Спору нет, гражданская война принесла много бед, но не от голода в первую очередь страдал народ, а от разрушения коммунального хозяйства и медицинских служб.

В то же время автор не склонен рассматривать изучаемое движение как нескончаемый «поток» полуголодных и несчастных страдальцев, обиженных варварами-большевиками. В литературе именно в таком виде представляли протагонистов, обвиняя их в разгроме железных дорог и в срыве государ-

Саратовского совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов и районного исполнительного комитета. 1918. 7 августа.

¹² Цит. по: Кривошеин В., архиепископ. Воспоминания. Нижний Новгород. 1998. С. 52.

¹³ Хоскинг Дж. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М., 2011. С. 59.

ственных хлебозаготовок. Ранее и сам автор этих строк нередко исследовал прежде всего мученический путь россиян к хлебу. В результате переосмысления исторического контента и в ходе изучения новых документов авторская позиция серьезно скорректировалась. Думается, ведущим мотиватором мешочнического движения в период военного коммунизма оказывалось стремление его участников к прибыли. Люди попросту стремились заработать. Движение в первую очередь сводилось к оживленной деятельности мельчайших нелегальных коммерсантов. Они не оставили мемуаров, ибо предпочитали оставаться в тени, но именно такие дельцы задавали тон.

Не подлежит сомнению, что изможденных и беззащитных «маленьких» самоснабженцев-одиночек тоже было немало (они как раз сочиняли мемуары); однако не эти люди в период гражданской войны в России наладили объемный товарооборот со всеми присущими рыночной (пусть и нелегальной) экономике атрибутами. Не случайно С.И. Ожегов называл мешочничество разновидностью спекуляции.¹⁴ Запасавшиеся товарами купцы-первопроходцы предпринимали экспедиции в плодородные земли, а затем прорывались назад – в «хлебнедостаточные» районы. При таких рыночных «рыцарях» подвизались «кнехты», бравшие на себя функции торговых агентов, базарных реализаторов и охранников. Так создавались предприятия, в которых трудилась значительная часть населения. Поэтому еще в 1940 г. авторитетные профессора А. А. Арутюнян и Б. Л. Маркус обнаружили в мешочничестве «своеобразие экономики советской республики в период гражданской войны».¹⁵ Иначе говоря, экономика стала мешочнической.

Возник полнофункциональный рынок, который являл собой совокупность нелегальных коллективов, артелей, обществ подпольных снабженцев. На данное обстоятельство указал впервые крупный большевистский деятель, член коллегии Наркомата продовольствия Н. П. Брюханов. «Мешочничество стало получать организованные несколько формы, – заявил он в апреле 1918 г. на заседании ВЦИК, – стало превращаться в явление группового мешочничества, перестало быть стремлением отдельных лиц, стало явлением, которое наблюдается в виде стремления отдельных мелких групп населе-

¹⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 301.

¹⁵ Развитие советской экономики. М., 1940. С. 116.

ния».¹⁶ Из губерний также поступали сообщения о том, что нелегальные снабженцы создавали коллективы, прибегавшие иногда к оружию для защиты своих грузов. Продовольственные комиссары жаловались на невозможность собственными силами остановить вывоз хлеба ходоками.

Действовали мешочники артельно. Вот что писал издававшийся пензенским губпродкомом журнал «Народное продовольствие» в самом начале 1919 г.: «Как только остановится пришедший на станцию поезд, как рой пчел облепят его мешочники; впрыгивают в вагоны по два – по три человека, а остальные бросают мешки с хлебом. Работают ужасно спешно. В две–три минуты, которые стоит поезд, вагоны наполняются мешочниками».¹⁷ Медлительные работники Наркомпрода загружали вагоны долгими часами, а конкуренты их добивались поразительной слаженности действий. Кроме этого, обнаруживаются многочисленные факты, указывающие на широкое применение того же артельного принципа при самоорганизации ходоков в ходе посадок в вагоны, при противодействии заградительным отрядам, при реализации продукции на городских рынках. В результате роль нелегального снабжения в пропитании российского населения постоянно возрастала. По утверждению видного советского автора «Очерков по истории денежного обращения в СССР» З. В. Атласа, «несмотря на усиление военно-коммунистических мероприятий, рынок в 1919 г. был более обильным, чем в 1918 г.». Московская Сухаревская площадь, например, перестала вмещать огромные количества продуктов, толпы продавцов; торговля осуществлялась на прилегавших к ней улицах – Мещанской, Садовой, Спасской, Сретенской.¹⁸ Крупные рынки, вроде Сухаревского, выполняли функции товарных бирж. Встречаясь на них, мешочники общались, создавали свои коллективы, определяли маршруты хлебных экспедиций, выработывали ценовую политику.

Аргументировав суждение о сугубо доктринерском характере «антиторговых» мероприятий большевиков, а также выявив наличие мощного нелегального рынка в рассматриваемый период, мы вплотную подошли к обнаружению места феномена мешочничества в концепции гражданской войны.

¹⁶ Протоколы заседаний Центрального исполнительного комитета 4-ого созыва. Стеногр. отч. М., 1920. С.79.

¹⁷ Народное продовольствие. Еженедельное издание Пензенского губернского продовольственного комитета. 1919. № 5–6. февраль. С. 9.

¹⁸ Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925 г.г.). М., 1940. С. 82–83.

Думается, централизаторскую политику военного коммунизма ленинская элита начала последовательно формировать не из-за гражданской войны. Ее принялись активно конструировать почти сразу после прихода коммунистов к власти. В частности, в разрабатывавшемся в январе и утвержденном в самом начале февраля 1918 г. «Основном законе о социализации земли» провозглашалось: «Торговля хлебом, как внешняя, так и внутренняя, должна быть государственной монополией»; в том же документе содержалась четкая установка на «развитие коллективного хозяйства в земледелии... за счет хозяйств единоличных в целях перехода к социалистическому обществу».¹⁹ В данных тезисах содержится ключевой постулат военного коммунизма, предполагавший подчинение «пролетарскому» государству основной массы сельского населения и принятие последним его политики. Власть декларировала курс на усмирение крестьянства прежде всего путем лишения его самостоятельности, выразившейся в возможности свободно распоряжаться своим урожаем. В этой связи все рассуждения о благотворном влиянии на село аграрных реформ утрачивали смысл; сельским труженикам не нужны были никакие земельные переделы в условиях запрета свободы торговли продовольствием. Изъятие комиссарами хлебных запасов, произведенных тяжелыми трудами, справедливо ими воспринималось нарушением всякой законности. Возник антагонистический конфликт. Большевики мобилизовали силы для установления торговой блокады деревни. Крестьяне, привлекая своих союзников-мешочников, раз за разом эту блокаду прорывали. Между прочим, если прорвать ее не удавалось, то сельчане прибегали к самой действенной форме сопротивления – они сокращали запашку. Фактически война сельских тружеников и ходоков с военным коммунизмом была обратной стороной борьбы за урожай.

Думается, масштабы нелегального снабжения и многообразие форм противодействия его участников большевистскому государству были столь значительны, что возник мешочнический фронт. Он стал третьим фронтом гражданской войны. Первый – война советской власти с внешними врагами, второй – кампания большевиков против крестьянства с целью добиться его социального раскола и изъятия продовольствия. Третий фронт как раз и представлял собой постоянные, разворачивавшиеся на протяжении нескольких лет баталии между агентами власти и коллективами мешочников. Неко-

¹⁹ Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 408–410.

торые современные исследователи правы, полагая, что на отдельных этапах масштабы большевистской войны против крестьянства на внутреннем фронте затмевали гражданскую войну на белых фронтах²⁰. Соответственно мешочнический фронт, теснейшим образом взаимосвязанный с крестьянским и даже являвшийся его продолжением, сыграл важную роль в исходе гражданского противостояния.

Очень интересный документ был обнаружен и опубликован в 2002 г. маститыми историками В. Даниловым и Т. Шаниным. Это – «Отчет агитатора Н. Г. Петрова о причинах крестьянского восстания в Сенгилеевском уезде Симбирской губернии», относившийся к 25 марта 1919 г. Автор отчета – расудительный коммунист – утверждал, что «перспектива лишиться мешочников в 1919 г. является несомненно главной причиной недовольства и восстания». По мнению Петрова, правительственная администрация в 1918 г. не смогла мобилизовать достаточных сил для фронтального наступления на мешочников; нелегальному рынку удавалось без крупных потерь приспособиться к политике Наркомпрода, и это устраивало крестьян. Очевидно, 1918 г. занимает особое место в эволюции мешочнического движения. Однако – узнаем мы из отчета – предпринятый с начала 1919 г. штурм позиций нелегального рынка вызвал контрнаступление деревенских хозяев, которые сплошь и рядом сами были мешочниками.²¹ Агитатор писал об этом так: «Идея свободной торговли для... обывателей – святая аксиома и, как таковая, сможет их подвигнуть на самое отчаянное сопротивление».²² Известно, что выражением такого сопротивления стали крестьянские восстания (прежде всего массовые «чапанная война» и «вилочное восстание» в Поволжье и прилегавших к нему губерниях) с требованиями роспуска продовольственных и заградительных отрядов, а также под лозунгами освобождения Советов от «насильников-коммунистов». Иногда крестьяне требовали передачи власти Учредительному собранию, а в Спасском уезде Казанской губернии восстание проходило под лозунгом «Долой Советскую власть. Хлеба не везти».

²⁰ См.: Критический словарь русской революции. 1914–1921 / сост. Э. Актон и др. СПб., 2014. С. 105.

²¹ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Док. и мат. М., 2002. С. 182.

²² Крестьянское движение в Поволжье. С. 185, 187.

При этом побеждавшие большевиков повстанцы первым делом открывали «базары вольной торговли всеми производствами».²³

Союзнический крестьянским армиям мешочнический фронт действовал на дорогах. Он отвлекал на себя огромную Продовольственную армию, большую часть из 70 тыс. бойцов которой власти задействовали для выполнения функций заградительно-реквизиционных отрядов.²⁴ Происходили боевые столкновения между нелегальными снабженцами и подразделениями продовольственного ведомства; мешочники, вытягивавшиеся в цепи, обстреливали и обращали в бегство «красные» подразделения. Очень многие факты указывают на объединение коллективов самоснабженцев и – состоявших из недавно мобилизованных мешочников – красноармейских частей, результатом чего (объединения сил) становился разгром реквизиционных отрядов на железнодорожных станциях. Мешочники угрожали неприятелю оружием и принуждали его пропускать нелегальные грузы в города. Они прибегали ко всякого рода ухищрениям, под которыми автор подразумевает: огромные карманы полушубков для перевозки муки, баржи с двойным дном, гробы с хлебом и пр. Был устроен емкий рынок фальшивых документов, не отличавшихся от настоящих. Широко использовалась взятка для разложения государственной администрации. Многообразие методов сопротивления государственным экспроприаторам, многие из которых представляли собой обычных бандитов, просто-таки поражает.

Борьба народных масс с военно-коммунистическим режимом должна рассматриваться в связи с такими явлениями, как развернувшийся в стране системный экономический кризис, а также усугублявшийся раскол политической элиты. В итоге совокупного действия ряда факторов коммунистическая власть сдалась, отказавшись от заветной цели скорого построения коммунизма. Поскольку исторические аналогии большевистские лидеры расценивали в качестве важнейшего индикатора состояния общественных процессов, то нэповский термидор нередко партийцами всерьез воспринимался как капитуляция перед буржуазией. Союзные мешочнический и крестьянский фронты одержали победу. Итоги ее были подведены в Земельном кодексе

²³ Крестьянское движение в Поволжье. С. 480, 481; «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 453.

²⁴ История СССР. 1971. № 3. С. 104.

РСФСР (октябрь 1922 г.), устранившим большинство ограничений хозяйственной деятельности крестьян.

Однако социально-экономическое устройство, политический режим в отечестве оставались с 1917 г. в существенно неизменявшемся виде. На протяжении почти трех четвертей века сохранялись монопольная «общественная» собственность на средства производства, идеологический диктат партии-государства, приоритет курса на мировую революцию во внешней политике – таковы факторы, обусловившие единство и неразрывность начатого Октябрьской революции исторического процесса. Все это в отдельных случаях позволяло концентрировать ресурсы на решении узловых задач. В то же время государство ошибочно целиком взяло на себя обеспечение населения продовольствием и товарами ширпотреба, отеснив в сторону от снабженческо-распределительной сферы народ. Это был явный перебор по части патронирования населения, определявшийся вульгаризацией господствовавшей коммунистической идеи.

Не делом государственных мужей было выполнение маркитантских обязанностей. Разумеется, они не справлялись. Итогом был дефицит самых насущных товаров и приобщение миллионов граждан к архаическим практикам самоснабжения, то есть к мешочническому промыслу. В посленэповские десятилетия периоды эскалации самоснабженческого движения выпадали на 1930-е гг., на первые годы после Великой Отечественной войны, на 1970-е – 1980-е гг. Автор данной работы немало внимания в своих статьях и книгах уделял рассмотрению аспектов нелегального снабжения на этих фазах. Здесь приведем один недавно обнаруженный и выразительный факт.

В целях придания эмоциональной окраски исследованию роли мешочничества в повседневной жизни простых людей автор сошлется на воспоминания своего отца (умершего в 2005 г.) Давыдова Юрия Александровича. Он рассказывал, как приходилось в послевоенном году голодать жителям его родной деревни Явенга Вологодской области. Распространялась водянка – болезнь суставов. Чтобы спастись, крестьяне отправлялись в Прибалтику за продуктами. Этот факт подтверждается документально. В фонде Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга обнаружен источник, косвенно подтверждающий факты из воспоминаний Юрия Александровича. Документ уточняет информацию о перемещениях нелегальных снабженцев отечественных Севера и Северо-Запада

во времена, последовавшие сразу после победы советского народа в Великой Отечественной войне. Имеется в виду докладная записка начальника дорожного отдела Ленинградской милиции подполковника Москвина, отправленная в секретариат обкома ВКП(б) 6 августа 1945 г. Москвин сообщал о том, что «за последнее время из Ленинградской области увеличился поток мешочников (примечательно, что так писали в годы военного коммунизма: не мешочников – А.Д.), едущих незаконно в Латвийскую республику, в западные области Белоруссии и даже в Польшу и Германию».

Подполковник уведомлял партийное начальство о распространении практики мешочнических ухищрений, которые простой люд применял для обмана заградительных отрядов. Вот в каких словах милиционер информировал об этом: «При задержании мешочников на нашей Калининской железной дороге таковые большей частью домой не возвращаются, а следуют туда же (в Латвию – А. Д.) грунтовыми дорогами, пешком, обходным путем». Можно представить, сколько лиха пришлось хлебнуть выгнанным из вагонов стражами порядка страдальцам, отправившимся после этого за сотни километров в сытую Прибалтику. Далее в рассматриваемом тексте свидетельствуется вот о чем: зачастую денег у граждан не имелось и они отправлялись на Запад «убирать» урожай. «И даже едут с косами и серпами», – добавлял Москвин. То есть россияне рассчитывали на чужбине личным трудом заработать на еду для себя и своих семей. И вот тут подполковник по-настоящему встревожился. Он информировал: «Такое положение нетерпимо и является нарушением пропускной системы, в то же время такой поток мешочников носит и политический характер». Еще бы: победители фашизма едут в Польшу и Германию батрачить! В заключение милицейский начальник подчеркнул масштабность описанного им феномена и заявил: «Транспортная милиция не в состоянии справиться с потоком мешочников. Необходимо мобилизовать на это органы территориальной милиции, сельсоветов и колхозов».²⁵ Трудно представить, что «мешочники» воспринимали советскую власть в качестве друга и защитника. О пресловутом социально-политическом единстве социума и речи быть не могло.

Простолюдины (крестьянство, жители поселков и небольших городков) вели кочевой и изнурявший их образ жизни. Выразительно, что в то же самое

²⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 2 в. Д. 7141. Л. 1.

время значительная часть городского населения была охвачена созидательным энтузиазмом; советские элиты, интеллигенция, рабочие крупной промышленности пребывали в состоянии победной эйфории. Думается, можно говорить о расколе общества по признакам – образа жизни, ментальности, отношения к власти. Положение дел в принципе не стало другим в эпоху брежневского «позднего» социализма: сил у власти хватало только на организацию приличного снабжения самых крупных городов (Москвы, Ленинграда и др.); мешочники продуктовыми экскурсиями развозили по стране мясо, колбасы, сыр, промышленные товары.

На последнем этапе мешочнического движения – 1990-е гг. – картина в корне изменилась. В январе 1992 г. Б. Н. Ельцин подписал закон «О свободе торговли» – революционный документ, положивший конец несправедливой и неблагоразумной монополии государства в сфере распределения товаров и услуг. Правящие круги и верхушка интеллигенции на время решили ослабить опеку и попечительство над своим народом. В итоге в стране развернулось броуновское движение миллионов мельчайших коммерсантов-коммивояжеров. Моментально появились частные транспортные конторы, рынки, складские помещения, торговые центры. Мешочничество стало исключительно спекулятивным. Как и любому массовому явлению, ему были присущи выраженные противоречия. Однако не подлежит сомнению, что негативную энергию многих и многих энергичных россиян удалось направить не в сторону революционаризма (экстремизма, разрушения), а в сторону созидания. В условиях распада отечественной государственности это дорого стоило. Уроки XX века все-таки были учтены.

II. РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Р. Г. Гагкуев

Особенности Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1917–1920 гг.

Исход противостояния в Гражданской войне в России в существенной степени зависел от начального положения сторон конфликта и имевшейся в их распоряжении базы. И в этом свете сравнение потенциала Советской России и разных белых фронтов, своеобразие сложившейся в них к 1917 г. ситуации, наряду с исследованием военной и политической составляющей, может представляться одним из перспективных направлений исторических исследований. События Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе¹ имели ряд особенностей. Часть из них связана с географическим положением региона и своеобразием его социально-политического и культурно-исторического развития. Другая часть была обусловлена военно-политической ситуацией сложившейся в 1917–1918 гг. и существенно повлиявшей на дальнейшее развитие событий.

Наибольшее влияние на ход революции и гражданской войны оказало наличие в регионе трех казачьих войск – Донского, Кубанского и Терского. Суммарно они составляли большую часть численности всех казачьих войск России. Февраль 1917 г. и возрождение казачьего самоуправления сделали казаков не только представителями служилого сословия, но и реальной политической силой в регионе. На протяжении 1917 г. во главе казачьих войск – Донского, Кубанского и Терского встали генерал от кавалерии А. М. Каледин, полковник А. П. Филимонов и подьесаул М. А. Караулов – фигуры автори-

¹Согласно определению «Большой российской энциклопедии» «Северный Кавказ, природный регион в России, охватывающий Предкавказье, северный склон Большого Кавказа (кроме восточного отрезка в Азербайджане) и западную часть южного склона Большого Кавказа до реки Псоу. На Северном Кавказе находятся Краснодарский и Ставропольский края и республики России: Адыгея, Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Сев. Осетия, Ингушетия, Чеченская Республика». При включении в состав Северного Кавказа территории Предкавказье полностью, к нему также относятся районы Калмыкии и Ростовской области, лежащие к югу от реки Маныч. В данном случае под территорией Северного Кавказа подразумеваются территории существовавших к 1917 г. Дагестанской области и Области войска Донского, Кубанской, Терской, Ставропольской и Черноморской губерний.

тетные не только среди казачества, но и известные в рамках всей страны. Не случайно, все региональные проекты политических образований конца 1917 – начала 1918 гг. строились с обязательным участием казачьих лидеров. Гибель Каледина и Караулова – безусловно стала ударом не только для их казачьих войск, но и для всей южнорусской контрреволюции. Не менее известной в России и авторитетной фигурой на Дону, стремившийся играть самостоятельную роль и в общероссийской политике, стал избранный в мае 1918 г. войсковым атаманом донских казаков генерал-майор П. Н. Краснов.

Наличие у казаков как у военного служилого сословия большого количества земли, консерватизм в отношении устоявшегося образа жизни и взаимоотношения с крестьянами и инородцами, не могли не сделать казачество потенциальными противниками советской власти. Развитие событий в регионе и недальновидная политика советской власти в отношении казачества в начале 1918 г. (а затем и попытки «расказачивания» в 1919 г.) показали правильность выбора вождями Белого движения казачьих земель для развертывания своих вооруженных сил. Казачество сыграло решающую роль в ликвидации в советской власти в 1918 г. Попытка перераспределения находившейся в руках казаков земли в пользу неказачьего населения и коренных народов, разоружение казачьих станиц, нередко сопровождавшееся их грабежами под прикрытием действий советской власти, демонстративное пренебрежение казачьими традициями, вызвали вооруженный отпор со стороны этого служилого сословия. Наиболее масштабные выступления казаков на Юге страны в 1918 г. произошли в Донском и Терском казачьих войсках. Донское восстание в марте–мае 1918 г. закончилось ликвидацией советской власти на территории войска (впрочем, его успех не был бы столь определенным, без начала германской оккупации юга страны). Терское восстание июня–ноября 1918 г. потерпело поражение, но сыграло свою роль в консолидации антисоветских сил. Впоследствии, активное вовлечение казаков в Гражданскую войну позволило Добровольческой армии, а затем Вооруженным силам Юга России (ВСЮР) взять под контроль большую часть Северного Кавказа, а затем начать и «поход на Москву». Показательно, что в общей численности ВСЮР, которыми командовал генерал-лейтенант А. И. Деникин, казачество в 1919 г. составляло около 50% от численности войск (Донская армия, кубанские и терские части, не выделенные в отдельные армии). Такой большой удельный вес казаков в составе армий не был свойственен ни для одного другого фрон-

та Гражданской войны (Показательны здесь данные казачьего отдела Всероссийского центрального исполнительного комитета, относящиеся к концу 1919 г., согласно которым в рядах РККА было 20% всех казаков, и от 70 до 80% находилось в рядах разных белых армий.²⁾

Но подобная значимая роль казачества в Белом движении на Юге страны, наряду с большими выгодами (достаточно сказать о конных массах, которых не имела РККА в начале войны), которые оно давало контрреволюции, делало его и уязвимым. Наличие разногласий между казачьими органами управления и российской властью (представленной в 1918–1919 гг. главкомом Добровольческой армии и ВСЮР Деникиным) делали белый Юг монолитным лишь формально. На протяжении всего революционного периода казачьи войска, в зависимости от общей военно-политической ситуации рассматривали себя, как правило, как часть России, но их понимание пределов своей автономии далеко не всегда встречало признание и согласие со стороны центральной «добровольческой» власти.

Борьба казачьих войск с советской властью на протяжении большей части 1918 г. была связана с борьбой за сохранение казачьих устоев жизни и носила, прежде всего, региональный характер. Переход в конце 1918–1919 гг. от Гражданской войны «за родной хутор и станицу» к борьбе с советской властью в целом и «походу на Москву», существенно сказался как на состоянии самих казачьих войск и их формирований, так и на их взаимоотношении с Добрармией – ВСЮР. Перенапряжение сил казачьих войск (мобилизация многих возрастов казаков в армию, не могла не отражаться на их экономике), отсутствие у части казаков желания идти «воевать с Советами» «за мужиков» (особенно показательны для казаков были те случаи, когда крестьяне поддерживали советскую власть) и, наконец, непрекращающиеся трения и конфликты казачьих войсковых властей с добровольческим командованием – все это грозило превратить сильные стороны «казачьей базы» белых на Северном Кавказе, в слабые. Причины «потери порыва» казачеством, что случилось за время Гражданской войны неоднократно, заключались, конечно, не только в его «областнических интересах» и «самостийности». Массовый призыв и создание собственных регулярных вооруженных сил на пределе мобилизационных и хозяйственных возможностей войск были крайне обремени-

²Сафонов Д. А. Казачество в Гражданской войне: Между красными и белыми // Белая Гвардия. № 8. Казачество России в Белом движении. М., 2005. С. 8.

тельны для казаков, вели к упадку их хозяйства. В момент, когда «усталость казаков» совпала с внутривойсковыми проблемами белого тыла и неудачами на фронте, это привело к общей катастрофе Белого движения в конце 1919 – начале 1920 г.

В конечном счете, особенности Северного Кавказа как в существенной степени «казачьего» региона позволили южнорусской контрреволюции получить существенный выигрыш во времени – как в организации вооруженной силы, так и в занятии обширных территорий. Но нерешенность многих социально-экономических и национальных проблем в самих казачьих войсках, стремление войсковых правительств к сохранению автономии и даже обособлению, отсутствие у российской «добровольческой» власти политического опыта и желания идти на компромисс, свели в итоге на нет все первоначальные преимущества региона как надежной опоры Белого движения.

Другой важной особенностью Северного Кавказа в период революции и Гражданской войны стало *наличие межнациональных конфликтов*, корни которых уходили далеко вглубь от событий 1917–1920 гг. Прежде всего это касается взаимоотношений Терского казачьего войска и горских народов, связанных с нерешенным земельным вопросом. Советская власть в 1918 г. стремилась использовать противоречия между казаками и горцами в своих интересах, начав фактически действия по ликвидации Терского войска. Неосторожная политика советской власти в Терской области в конце весны – начале лета привела к началу общевоискового восстания. Генерал А. И. Деникин, характеризуя ситуацию на Северном Кавказе, справедливо отмечал, что многонациональный состав населения Терской области, наличие большого числа нерешенных вопросов, уходивших корнями далеко в прошлое, обусловил особенно жестокий ход Гражданской войны, имевшей в этом регионе ярко выраженный межнациональный характер. По словам генерала, «для Терека, при его крайней чересполосности (в расселении терских казаков и горских народов. – *Р. Г.*), при страшно запутанных межплеменных отношениях, острой вражде к нему чеченцев и ингушей и далеко не соразмерных силах стороны (терские казаки составляли примерно 20% населения области. – *Р. Г.*), установление общероссийской власти было... вопросом жизни и смерти», и только она могла в глазах его населения «примирить враждующих горцев и казаков».³

³Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 163–164.

Начав реализовывать большевистскую программу и пойдя по пути удовлетворения интересов горцев в земельном вопросе, СНК Терской советской республики (существовавшей с марта 1918 г.) уже вскоре вступил в конфликт с терскими казаками, нарушив тем самым хрупкое равновесие в этом регионе. Прошедший 22–29 мая в Грозном 3-й съезд народов Терской области еще больше накалил и без того взрывоопасную ситуацию на Тереке. Съезд принял постановление об изъятии земель «в пользование трудового земледельческого народа Терской области» и удовлетворения потребностей в земле в первую очередь жителей «Ингушетии, Осетии, Чечни, Балкарии» и иногородних. Последовавшее выселение четырех станиц Сунженского округа Терского войска и перераспределение земли в пользу безземельных граждан республики в скором времени привело к началу общевойскового казачьего восстания. На Тереке оно было не только антисоветским, но и носило ярко выраженный межнациональный характер.⁴ Драматические события, разыгравшиеся на Тереке в годы Гражданской войны в конечном счете, привели к ликвидации Терского казачьего войска, переселению казаков и ликвидации ряда казачьих станиц. Не случайно, последний год Гражданской войны на Северном Кавказе был временем наивысшего подъема антибольшевистского повстанчества в этом регионе в 1920-х гг. В течение весны–лета 1920 г. на Кубани действовала повстанческая «Армия возрождения России» генерал-майора М. А. Фостикова, летом по Северному Кавказу прокатились восстания казаков терских и сунженских станиц.

Еще одной особенностью Северного Кавказа, связанной со сложившейся в регионе военно-политической ситуацией, стало *наличие ряда советских республик, существовавших на протяжении почти половины 1918 г.* Ни на одном из фронтов Гражданской войны не существовало такого количества советских государственных образований формально признававших власть СНК, но находившихся в отрыве от РСФСР. Их деятельность на протяжении нескольких месяцев 1918 г., объединение в Северо-Кавказскую советскую республику имели большое значение для развития событий не только на Северном Кавказе, но и в целом в стране.

Наличие большого числа войск, скопившихся в южных губерниях с разложившегося Кавказского фронта Первой мировой войны, сравнительная

⁴Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны. Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х гг. СПб.: 2017. С. 226.

слабость и разобщенность сил контрреволюции, привели к укреплению здесь советской власти. Эти обстоятельства способствовали в том числе и поражению Первого Кубанского похода Добровольческой армии, командование которой первоначально питало иллюзии относительно подъема на Кубани антисоветских выступлений зимой–весной 1918 г. Советская власть была представлена на Кубани и Северном Кавказе чередой советских республик, возникновение которых было вызвано разными причинами, среди которых наиболее значимыми были наличие казачьих войск с их вековой тягой к самоорганизации и обособлению, а также крайне сложные взаимоотношения между проживавшими на Северном Кавказе народами тесно связанными с земельным вопросом. На протяжении зимы–весны 1918 г. образовывавшиеся республики, оторванные от центра из-за начавшейся германской оккупации и развертывания контрреволюционных армий, объявляли себя частью РСФСР и одобряли принятые СНК декреты.

Одной из первых была создана Черноморская советская республика. 2-й съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Черноморской губернии открывшийся в Новороссийске 11 февраля 1918 г. постановил считать губернию в составе РСФСР. Состоявшийся в Туапсе 10–13 марта 3-й съезд Советов губернии, одоблив политику СНК, провозгласил образование на ее территории Черноморской советской республики в составе РСФСР. Несмотря на то, что в течение марта 1918 г. советская власть была установлена почти на всей территории Кубанской области, большая часть весны на Кубани прошла под знаком приближения к Екатеринодару Добровольческой армии генерала Л. Г. Корнилова. Под этой нависшей над столицей области угрозой и непрекращающимися боями за столицу, в Екатеринодаре 30 марта – 16 апреля 1918 г. состоялся созванный исполкомом 2-й съезд Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов Кубанской области, большинство на котором было за большевиками. В результате 13 апреля была провозглашена Кубанская советская республика в составе РСФСР. Общность регионов и нависшая над ними угроза со стороны усилившихся сил южнорусской контрреволюции привела к скорому объединению Черноморской и Кубанской республик (соответствующий объединительный съезд, образовавший единую Кубанско-Черноморскую республику, состоялся 28–30 мая в Екатеринодаре). Восточнее Кубани, на территории бывшей Ставропольской губернии, также была

установлена советская власть и провозглашена Ставропольская советская республика в составе РСФСР.

С марта 1918 г. на Северном Кавказе существовала Терская советская республика. Еще 1 (14) декабря 1917 г. во Владикавказе на совещании представителей Терского казачьего правительства, Центрального комитета Союза горцев Кавказа и Союза городов Терской и Дагестанской областей было создано Временное Терско-Дагестанское правительство, принявшее на себя всю полноту власти (при этом существовавшие органы власти не были распущены). Его председателем стал терский атаман подьесаул М. А. Караулов. Но влияние правительства на реальные события было ограничено, оно игнорировалось существовавшими в Терской области местными советами. После убийства 13 (26) декабря на станции Прохладной революционными солдатами признанного лидера правительства Караулова, его роль и авторитет еще более снизились.

Фактически уже в начале 1918 г. власть в Терском крае перешла к местным советам и возвращавшимся с Кавказского фронта разложившимся войсковым частям. 25–31 января (7–13 февраля) в Моздоке в обстановке разгоравшейся гражданской войны между терскими казаками и горскими народами (основой противостояния был нерешенный земельный вопрос) состоялся 1-й съезд народов Терской области. На нем было образовано новое правительство области – Терский областной Народный совет. На протяжении месяца Народный совет правил параллельно с Терско-Дагестанским правительством. Конец формальному двоевластию был положен на 2-м съезде народов Терской области, начавшемся в Пятигорске 1 марта и закончившемся 28 марта во Владикавказе. 17 марта съезд признал власть СНК и провозгласил Терскую советскую республику в составе РСФСР. Верховной властью был объявлен Терский народный съезд, в который входили представители советов и всех социалистических партий; органом управления и законодательства – избранный съездом Народный совет; исполнительную власть осуществлял СНК.

Наконец, 5–7 июля 1918 г. в Екатеринодаре состоялся 1-й Северо-Кавказский съезд советов, на котором было принято постановление об объединении Кубанско-Черноморской, Ставропольской и Терской республик в единую Северо-Кавказскую советскую республику в составе РСФСР «для организации успешной совместной борьбы с надвигающимися на Северный Кавказ бандами германских, турецких, грузинских и донских контрреволюционеров».

Боевые действия лета 1918 г. с красными войсками на Северном Кавказе едва не поставили южнорусскую контрреволюцию на грань поражения. Находившиеся на Северном Кавказе части бывшего Кавказского фронта в немалой степени послужили основой Северо-Кавказской Красной армии. На протяжении нескольких месяцев 1918 г. она оттянула на себя все силы Добровольческой армии и восставших кубанских и терских казаков.

Наличие в тылу у донских казаков и Добрармии огромной группировки красных сделало невозможным движение сил южнорусской контрреволюции в 1918 г. на Москву. Да, лето 1918 г. с точки зрения слабости РККА в организации было наиболее удобным для движения на Москву. Но аргументы о неправильности выбранного командованием Добровольческой армии направления наступления на юг и начала Второго Кубанского похода разбиваются о необходимость разгрома находившихся в тылу сил красных. Летом–осенью 1918 г. Красная армия Северного Кавказа (позднее – 11-я армия) была наиболее многочисленной из всех советских войск. Вполне очевидно, что командование Добрармии стремилось не только уйти от встречи с регулярной германской армией, но и избежать лишних конфликтов с донской властью. Имевший общее представление о численности красных войск на Северном Кавказе Деникин не мог оставить у себя в тылу более чем сотысячную группировку противника, рассчитывая на оборону Дона силами только формирующейся Донской армии. К середине сентября общая численность красных войск (Северо-Кавказская и созданная в августе Таманская армии) в районе Ставрополь – Армавир – Невинномысская достигала 150 000 штыков и сабель при 200 орудиях разного калибра (для сравнения общая численность всей РККА на середину сентября без учета войск на Северном Кавказе составляла 452 509 человек).⁵

Впрочем, наличие советских республик для южнорусской контрреволюции отчасти компенсировалось прикрытием от РСФСР с запада и частично с севера германскими войсками. Важнейшим фактором для дальнейшего развития событий на Северном Кавказе стала *оккупация весной 1918 г. Германией и Австро-Венгрией губерний юга страны*. На юго-востоке России линия оккупации проходила по линии Батайск–Дон–Северский Донец–Дегтево–Новобелая и далее к Белгороду, отрезав советские республики от центра и лишив их помощи Советской России. Оккупация привела не только к сохране-

⁵Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 1. М., 1990. С. 135, 225, 228.

нию самоучрежденной в 1917 г. украинской государственности (Украинской народной республики, а затем созданной при помощи германских оккупационных властей Украинской державы), но и ликвидации советской власти на обширной территории. Совпавшее по времени с продвижением оккупационных войск вглубь страны казачье восстание привело к ликвидации советской власти на большей части территории Донской области. И здесь продвижение германских войск безусловно сыграло определенную роль, а их появление на Дону внесло существенные коррективы в расстановку сил.

Для донского войскового атамана П. Н. Краснова оккупационные силы закрыли собой фронт на западе и северо-западе, а налаженное с германским оккупационным командованием сотрудничество, позволило получить оружие и снаряжение с Украины. Для Добровольческой армии оккупационные войска оставались врагами по Первой мировой войне, столкновение с которыми едва ли могло закончиться для нее победой. Немцы не только прикрывали для добровольцев западное направление, но и на время оккупации «закрывали» его для возможного движения напрямую на центр Советской России.

Подводя итог военно-политическим факторам, влиявшим на развитие событий в регионе нельзя не сказать о еще двух значимых аспектах. Первый из них касается *незначительной роли союзников в организации вооруженных сил*. Безусловно, союзное командование сыграло большую роль в поставках снаряжения и вооружения на белом Юге, а без его вмешательства вопрос единого командования над всеми армиями, решился бы наверняка позднее декабря 1918 г. когда после длительных переговоров донского атамана П. Н. Краснова и главкома Добрармии А. И. Деникина были созданы ВСЮР. Но если брать непосредственно военную составляющую, войска интервентов фактически не присутствовали на Северном Кавказе. Исключением может служить Дагестанская область, где британские войска появлялись эпизодически, в конце 1918 – начале 1919 г., проникая морем по Каспию из Закавказья. Под их влиянием находился и новый состав Горского правительства. Но о сколько-нибудь значимых военных контингентах, роль которых могла бы сравниться с Северным (по боевому составу сил) или Восточным (по общему числу находившихся в Сибири и на Дальнем Востоке сил) фронтах речь, конечно, не идет.

И, наконец, нельзя не сказать *об исламском факторе* в революции и Гражданской войне на Северном Кавказе и *попытке интервенции Османской*

империи. Попытки исламистов взять власть в свои руки продолжались на протяжении всей Гражданской войны, и этот фактор имел большое значение, как для красных, так и белых. Образовывавшиеся на протяжении войны временные союзы разваливались или видоизменялись в зависимости от внешних факторов (прежде всего – влияния Османской империи и событий в Закавказье) или развитие событий на основном фронте противостояния красных и белых. Восстания горцев, продолжавшиеся, в том числе под зеленым знаменем, на протяжении всей Гражданской войны и после нее, создавали серьезные проблемы в тылу и у красных, и у белых. В ряде случаев, они приводили к ликвидации существовавшей власти или образованию нового фронта.

В Дагестанской области борьба за власть в первой половине 1918 г. характеризовалась противостоянием местных социалистов и либералов с исламистами и поначалу протекала сравнительно мирно. Формирование большевистского влияния в Дагестане происходило в Дербенте и Порт-Петровске (ныне – Махачкала). В последнем власть была в руках ВРК, опиравшегося на поддержку армейских частей. В начале работы 3-го Дагестанского областного съезда 11 (24) января в Темир-Хан-Шуре была сделана попытка провозглашения имамата. Накануне в столицу области вступили войска Н. Гоцинского (ополчение численностью от 5000 до 10 000 человек), провозгласившие его на центральной площади города имамом. Попытка закончилась неудачей, областной исполком вынес Гоцинскому ультиматум о выводе войск, и он вынужден был вывести свое ополчение из Темир-Хан-Шуры. Фактически на 3-м съезде шариатисты потерпели поражение, уступив власть национал-демократам и социалистам. Но уже в марте началось вооруженное противостояние областной власти и исламистов с большевистским Порт-Петровском, претендовавшим на власть во всей области. Областной исполком направил в Порт-Петровск войска, занявшие город в ночь на 13 марта. На дальнейшее развитие ситуации в области повлияли события в Баку, где в конце марта – начале апреля власть была взята большевиками во главе с С. Г. Шаумяном. Начавшаяся затем жестокая расправа привела к большим жертвам среди мусульманского населения. Попытка дагестанцев оказать помощь бакинским мусульманам закончилась неудачей. Отправленный в Азербайджан отряд 20 апреля потерпел поражение под Хурдаланом. Последовавшие для закрепления успеха к Порт-Петровску красные части после непродолжительной перестрелки взяли город. Попытка областной власти (к ее войскам присоеди-

нился Гоцинский) в середине апреля вернуть Порт-Петровск закончилась неудачей. 15 мая красные войска без боя вступили в Темир-Хан-Шуру. Ушедший в горы Гоцинский перешел к партизанским действиям, поднимая горцев на борьбу с большевиками.

Весной состоялось еще одно важное событие в скором времени, повлиявшее на развитие ситуации в Дагестане. С установлением советской власти на Тереке и в Дагестане лидеры Горского правительства фактически остались без территории и власти. В апреле они оказались в Тифлисе, пытаясь найти поддержку в создании независимого Горского государства у Закавказской федерации, Германской и Османской империй. Последняя была заинтересована в возможном отколе от России, по крайней мере, мусульманской части Северного Кавказа. 11 мая 1918 г. была провозглашена «Декларация об объявлении независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской республики)». Сразу же признанное Османской империей государство отделялось от РСФСР и претендовало на обширную территорию от Черного до Каспийского морей. В предстоящей борьбе с советской властью «для установления порядка и спасения ислама» оно делало ставку на помощь со стороны Османской империи.

Начавшиеся в мае боевые действия между сторонниками советской власти и партизанами-исламистами продолжались до августа. В конце лета определяющее влияние на расстановку сил в области оказало прибытие в нее из Баку отряда полковника Л. Ф. Бичерахова. Состоявший из терских и кубанских казаков, отряд сохранил боеспособность после развала фронта и активно участвовал в военно-политической борьбе в Закавказье. Отряд Бичерахова покинул осажденный Баку с целью вернуться на Терек и Кубань и вошел в Дагестанскую область (в его составе находилось около 3000 казаков и большое количество армян-добровольцев). Отряд Бичерахова первоначально не планировал участвовать в боевых действиях. Но объявленный после оставления фронта Бакинским СНК предателем Бичерахов неизбежно оказался вовлеченным в конфликт в Дагестанской области. Уже 15 августа его отряд занял Дербент, а 2 сентября Порт-Петровск. Советская власть в Дагестанской области прекратила свое существование.

Почти одновременно с отрядом Бичерахова в Темир-Хан-Шуру вошли силы Н.-Б. Х. Тарковского – военного министра Горского правительства, который объявил себя диктатором Дагестана, при этом формально не порывая с Горским

правительством. 25 сентября в Порт-Петровске Тарковский и Бичерахов подписали соглашение, согласно которому последний сохранял контроль над Порт-Петровском, железной дорогой и выходом в море. Остальная часть Дагестана находилась под властью Тарковского, наделенного диктаторскими полномочиями. Правда, такой «военно-политический союз» был больше формальным. Власть Тарковского фактически была номинальной даже в Темир-Хан-Шуре (вооруженные силы Тарковского состояли из одного полка), так как реальная сила была на стороне Бичерахова, пользовавшегося поддержкой британских экспедиционных сил. В середине сентября отряд стал называться Кавказской армией, а после присоединения к ней нескольких военных судов и вооруженных пароходов Бичерахов стал главкомом Кавказской армии и флотом. По итогам проходившего 25 октября – 1 ноября в Порт-Петровске совещания представителей территорий юга страны было утверждено «Положение о Кавказско-Каспийском союзе» (в его состав вошли представители Дербента, Закаспийского исполнительного комитета, Ленкорани, Мугани, Порт-Петровска, Терского Казачье-крестьянского правительства, а также Армянского национального совета), признавшее власть Временного Всероссийского правительства в Омске.

Но уже осенью 1918 г. ситуация в Дагестанской области кардинально изменилась, в связи с началом широкой османской экспансии. Первый отряд турецких инструкторов проник через перевалы Главного Кавказского хребта в Дагестан еще в сентябре 1918 г. Первоначально население встречало единоверцев хорошо, но уже вскоре стало очевидным, что прибывшие в Дагестан турки вели себя как завоеватели. Была начата мобилизация для пополнения османской 12-й пехотной дивизии, с наказанием за уклонение вплоть до смертной казни. После взятия Баку османское командование смогло направить в Дагестанскую область крупные силы во главе с генералом Ю. Иззетпашой (черкесом по происхождению). В октябре начались упорные бои между османскими частями и Кавказской армией за Дербент, взятый османами 6 октября. В начале октября османские войска и отряды горцев с боем заняли столицу области – Темир-Хан-Шуру, после чего военный диктатор Тарковский сложил свои полномочия, передав власть Горскому правительству. Несмотря на подписание между странами Антанты и Османской империей 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия, выведившего последнюю из мировой войны и обязавшего отвести войска южнее, боевые действия продолжились. Иззет-

паша действовал здесь не как подданный своей империи, а как инструктор на службе у Горского правительства. После занятия Дербента, османские войска (Кавказская исламская армия) и отряды Горского правительства повели наступление на Порт-Петровск. Последний был вскоре оставлен Бичераховым.

В ноябре 1918 г. Дагестанская область оказалась под контролем Горского правительства, опиравшегося на османские войска. 17 ноября между Горским правительством и командующим османскими войсками Иззет-пашой был подписан договор, согласно которому войска интервентов оставались в Дагестане и принимались Горским правительством на службу. Кроме того, османская экспансия на Северный Кавказ оправдывалась Горским правительством одним из пунктов договора, заключенного с Османской империей летом 1918 г. Председатель Горского правительства А.-М. А. Чермоев в подписанном 14 октября приказе «О вступлении турецких войск на территорию Дагестана и о действиях населения» подчеркивал освободительную миссию Кавказской исламской армии, пришедшую на помощь Горскому правительству в борьбе с «анархией», под которой, безусловно, подразумевалась советская власть. Реализации дальнейших планов расширения влияния Горского правительства при помощи османских войск на Терскую область, помешало резкое изменение военно-политической ситуации на Кавказе. Поражение Османской империи в Первой мировой войне, начавшееся сопротивление интервенции, привели к выводу в декабре османских частей из Дагестанской области. В новой ситуации Горское правительство сменило свою ориентацию на Антанту, рассчитывая найти у Великобритании поддержку идеи создания независимого государства горцев.

Переход территории Дагестанской области под контроль ВСЮР в 1919 г. не изменил в целом «тревожное» состояние этого региона. Британские интересы на Кавказе выходили за пределы Закавказья и распространялись в том числе на Дагестан и Чечню. Конфликт командования ВСЮР с британскими представителями стоил немало сил командованию Добрармии. «Усмирение» Чечни (а по сути – военный поход, рассматривавшийся горцами как «карательная экспедиция») весной 1919 г., а также «антиденикинские» восстания горцев отнимали у ВСЮР немало сил. По справедливому замечанию современного историка, «конфликт с горцами превратился для добровольцев в настоящую войну. Почувствовав возможность проявить свои традиционные

воинственные наклонности, горцы не собирались складывать оружие, превратив войну в доходный бизнес. Усмирение Северного Кавказа далось белым очень тяжело, и борьба так и не была завершена».⁶ Наряду с активным формированием военных частей из горцев для фронта, попытки призыва вызвали среди народов Северного Кавказа и сопротивление. В Нагорном Дагестане, Дигории (северо-западной Осетии), Ингушетии и Нагорной Чечне приказы главкома ВСЮР о мобилизации и воззвания местных правителей (генерал-майора М. М. Халилова в Дагестане, генерала от артиллерии Э. Х. Алиева в Чечне, полковника Я. В. Хабаева в Осетии) встретили активное противодействие со стороны горцев и привели к восстаниям. Все это серьезно осложняло жизнь командованию ВСЮР, добавляя проблем к, и без того непростой, ситуации на главном фронте Гражданской войны.

Установление советской власти на Северном Кавказе не прекратило попыток исламистов в корне изменить ситуацию в регионе. Осенью 1920 г., когда поражение Белого движения на Юге России было уже predetermined, началось одно из крупнейших за Гражданскую войну антисоветских восстаний во главе с имамом Н. Гоцинским и полковником К. Алихановым, охватившее Терскую область и Дагестан, превратившееся в настоящую войну и продолжавшееся с осени 1920 по сентябрь 1921 гг. В июле–октябре 1920 г. численность повстанцев на Северном Кавказе на основе разведсводок, поступавших в Революционный военный совет Кавказского фронта и в Разведывательный отдел Штаба Северо-Кавказского военного округа от штабов, корпусов, дивизий и бригад Красной армии, составляла не менее 23 000 человек (правда, в это число, входили не только сторонники Гоцинского, но и выступавшие против советской власти казаки).

Революция и Гражданская война на Северном Кавказе была частью общероссийской трагедии 1917–1922 гг. Особенности региона сделали гражданское противостояние в нем особенно ожесточенным и длительным. Гражданская война в нем состояла далеко не только в противостоянии красных и белых, а включала в себя большое количество «самостоятельных» войн и конфликтов, порожденных Великой российской революцией и развалом Российской империи. Вооруженное противостояние в регионе началось уже в конце 1917 г., вслед за восстанием юнкеров в Петрограде и боями московской «кровавой недели». Установление советской власти на Северном Кавказе весной

⁶Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина. СПб., 2012. С. 274.

1920 г., тем не менее, не избавило его от «отголосков» Гражданской войны в виде восстаний начала 1920-х гг.

Сложившаяся в 1917 – начале 1918 гг. обстановка в России и в ее внешнем окружении, сделали Северный Кавказ одной из главных баз русской контрреволюции. При первом приближении регион представлялся хорошей базой для организации общероссийского сопротивления советской власти. Сложная социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в регионе, наличие комплекса застарелых проблем, сравнительно невысокая в сравнении с Центральной Россией численность населения и слабость промышленной базы стали серьезным ограничением в действиях лидеров южнорусской контрреволюции в 1918–1919 гг. Понимание особенностей революционного процесса и гражданского противостояния в этом регионе, послужившим исходной базой для наиболее сильного фронта русской контрреволюции, позволяет лучше понять причины неудач белых и побед Красной армии.

Л. И. Галлямова

**Российский Дальний Восток в преддверии
Гражданской войны и иностранной военной интервенции
(конец 1917 – сентябрь 1918 г.)**

Гражданская война и ее последствия определили дальнейшую историю Российского государства, они доныне ощущаются в политической, экономической и духовной сферах жизни нашего общества. Закономерно, что революционные потрясения 1917 г., Гражданская война, их причины – темы, постоянно привлекающие внимание как отечественных, так и зарубежных историков. В связи со столетием начала Гражданской войны обострился научный интерес к этим событиям, а также актуализировалось изучение Гражданской войны и иностранной интервенции на основе регионального подхода к истории России, в частности, в рамках исследований по истории Дальнего Востока.

Дальневосточный регион России к началу 1917 г. в административном отношении представлял собою Приамурское генерал-губернаторство, состоявшее из четырех областей: Амурской, Приморской, Камчатской и Сахалинской. К началу 1917 г. население региона достигло 988,3 тыс. чел., большинство было сосредоточено в наиболее благоприятных по природно-климатическим условиям областях: Приморской – 567 тыс. (57,3%) и Амурской – 337,5 тыс. (34%). В самой территориально обширной Камчатской обл. (более 55% площади генерал-губернаторства) насчитывалось всего 41,4 тыс. чел. В годы Первой мировой войны сельское население в регионе сократилось, а уровень урбанизации возрос к 1917 г. до 32,3 % (в 1913 – 28,9 %), значительно превысив общероссийские показатели (18 %),¹ что обуславливало усиление роли городов в общественно-политической жизни Дальнего Востока. Наиболее высокая концентрация населения сложилась на юго-востоке региона с центром Владивосток, который не только был самым большим дальневосточным городом, но и крупнейшим транспортным узлом, важнейшим морским портом России. В период мировой войны торгово-экономическое, политическое и международное значение Владивостока заметно возросло, обусловив его важнейшую роль в общественно-политической жизни региона.

¹ История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. С.57–59.

Как известно, победоносный Февраль стал важнейшим фактором, вызвавшим подъем революционного движения по всей России, включая самые отдаленные ее окраины. На Дальнем Востоке Февральская революция прошла без вооруженных столкновений и активного сопротивления царской администрации. Революционный 1917 г. явился переломным для России и ее Дальнего Востока, привел к глубоким социально-политическим переменам. В дальневосточном регионе происходит трансформация политической системы в плане ее демократизации: создаются новые органы власти – комитеты общественной безопасности, волостные, поселковые исполнительные комитеты, активизируется организация профессиональных союзов и национальных объединений, идет демократизация городских и сельских самоуправлений, собираются съезды и конференции: учителей, рыболовов, ветеринарных врачей, крестьян, казаков, корейцев, родителей учащихся и др., возникают партии, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, развернулась работа по введению земств и т.д.

С открытием навигации началось возвращение политических эмигрантов, ранее вынужденных покинуть Россию из-за преследований самодержавия. Через Владивосток в мае–июне 1917 вернулись на Родину более 800 чел. Среди них были социал-демократы (большевики) и умеренные социалисты, многие из них остались на Дальнем Востоке, в том числе А. Ф. Агарев, А. Я. Нейбут, И. А. Рабизо, Е. К. Ковальчук, М. Э. Дельвиг, И. Г. Кушнарев, А. М. Краснощеков и др. Эмигранты придали повышенную активность и определенную радикальность общественно-политической жизни Дальнего Востока. Особенно укрепилась социал-демократическая организация Владивостока.

К осени 1917 г. на Дальнем Востоке стало очевидным нарастание и углубление хозяйственного кризиса. Задержка реформ в условиях войны, ухудшение положения народных масс способствовали обострению политической ситуации. После выступления 25–31 августа генерала Л. Г. Корнилова процесс демобилизации армии постепенно стал превращаться в процесс самодемобилизации, в край стали прибывать сначала поодиночке, затем группами солдаты, почти всегда – с оружием. Оружие накапливалось в деревне у фронтовиков, в основном представителей сельской бедноты и обедневших в ходе войны середняков. Народные массы, уставшие от многочисленных митингов и собраний, от неспособности Временного правительства решить вопросы о мире, о земле, объективно все более тяготели к популистским призывам политиков, обещавших

мир, землю и свободу в понятных для многих лозунгах.²

На фоне этих процессов росла популярность левых партий в массах. Так, ко времени II Дальневосточной конференции РСДРП, состоявшейся с 5 по 7 сентября 1917 г. в г. Никольске-Уссурийском, в дальневосточных организациях насчитывалось уже более 4700 чел. Конференция поручила Владивостокскому комитету, состоявшему из большевиков, выполнять функции Дальневосточного краевого бюро РСДРП (б). Газета «Красное знамя» была преобразована в орган краевого бюро и стала распространяться по всем партийным организациям Дальнего Востока, принято решение послать в воинские части лучшие партийные силы. На Амуре образование самостоятельной партийной организации большевиков завершилось проведением в Благовещенске 1 октября общего собрания. В Сахалинской области также оформилась самостоятельная организация большевиков, не сформировалась она пока в Камчатской области.³

После конференции влияние большевиков среди солдат стало расти еще заметнее. В частности, на собрании солдат 4-го Владивостокского крепостного артполка с участием 500 чел. в сентябре 1917 г. было принято воззвание, в нем говорилось: «...нет больше путей, которые бы явились избавлением для России, кроме одного – социальной революции. Мы убедились, что чем скорее состоится переход от капитализма к социализму, тем скорее воспрянет Россия».⁴

Накануне и во время Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, 20–26 октября 1917 г., во Владивостоке проходил 1-й съезд профсоюзов Дальнего Востока. Каждая из партий стремилась взять профсоюзы под свое влияние, рассматривая их как важную опору в борьбе за власть. Председателем президиума съезд избрал большевика С. Я. Гросмана, его заместителем – А. М. Краснощекова. К концу заседаний, когда поступили сообщения о событиях в Петрограде, профсоюзный съезд приветствовал II Всероссийский съезд Советов. В принятой большинством голосов резолюции по вопросу о политическом моменте объявлялось целью «...устранение от власти буржуазных классов».⁵ 13 ноября возвратившийся во Владивосток делегат II Все-

² Зуев В. Н. Участие войск Приамурского военного округа в революционных событиях 1917 г. // Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Сб. науч. статей. (Материалы к 1-й кн. 3-го т. «История Дальнего Востока России»). Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 45–46.

³ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. С. 131–132.

⁴ Известия Владивостокского Совета. 1917. 19 сент.

⁵ Харбинский вестник. 1917. 27 окт.

российского съезда Советов Г. Ф. Раев привез столичные газеты с текстами декретов «О мире», «О земле» и других документов, которые 14 ноября 1917 г. были опубликованы в местных газетах.

Несколько другой была обстановка в Хабаровске, здесь в местном Совете и в органах городского самоуправления сохранялось преимущественное влияние умеренных социалистических партий. 26 октября, получив сообщение из Петрограда, исполком Хабаровского Совета рабочих и солдатских депутатов в принятой большинством голосов резолюции осудил «самым решительным образом» вооруженное восстание с целью передачи власти в руки Советов. В Благовещенске 26 октября такое же решение было принято на расширенном заседании Благовещенской городской думы, а 28 октября – на заседании городского Совета рабочих и солдатских депутатов. В Амурской области Советы городов Зея и Свободный, поселков Гондатти, Рухлово и др. областной крестьянский Совет еще находились под влиянием эсеров и меньшевиков, под их влиянием были также Советы в Сахалинской и Камчатской областях.⁶ В Петропавловске и Камчатской области после возвращения из Владивостока большевиков А. С. Топоркова и И. Е. Ларина в начале ноября 1917 г. обстановка стала меняться в пользу Советов. 11 ноября на пароходе «Тверь» прибыли 100 солдат, приписанных к Камчатской местной команде, большинство революционно настроенных. Число организованных сторонников советской власти в Петропавловске увеличилось, развернулась агитация за создание Советов.⁷

Состоявшиеся в ноябре 1917 г. выборы во Всероссийское Учредительное собрание по Приамурскому избирательному округу со всей очевидностью показали «полевение» настроений народных масс. По итогам выборов за эсеров было отдано по округу 51,5%, в т.ч. в городах – 19,4, в гарнизонах – 47,0, в сельской местности – 64,8% голосов; большевики получили 18,9% голосов, в т.ч. в городах – 36,8, в гарнизонах – 31,5, в сельской местности – 9,4%; за кадетов проголосовали 7,5%, в т.ч. в городах – 19,3%, в гарнизонах – 5,8%, в деревнях – 2,5%; за меньшевиков – 6,8%, в т.ч. в городах – 9,1%, в гарнизонах – 7,0%, в деревнях – 6,0%, на долю прочих партий и групп пришлось 14,9% голосов. Во Владивостоке безусловную победу одержала партия

⁶ История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1. С. 146–148.

⁷ Мухачев Б. И. Становление власти первых Советов на Севере Дальнего Востока // Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Сб. науч. ст. (Материалы к 1-й кн. 3-го т. «История Дальнего Востока России»). С. 68–70.

большевиков: 49% избирателей (один из самых высоких показателей в стране). Позиции кадетов оказались в полтора раза слабее, чем в Хабаровске, однако процент голосовавших за них почти в 8 раз превышал общероссийский уровень. Политическая картина во Владивостоке оказалась наиболее контрастной, умеренные течения социализма получили здесь сравнительно невысокий процент голосов.⁸

Депутатами в Учредительное собрание от Приморско-Амурского округа стали 12 чел., в том числе эсеры В. К. Выхристов, Л. И. Загибалов, М. С. Мандриков, Ф. И. Сорокин, А. Н. Алексеевский, В. Г. Петров, Н. Г. Кожевников и большевик А. Я. Нейбут. Меньшевики потерпели на выборах полное поражение.⁹

Дальневосточное бюро РСДРП (б), в состав которого входили видные большевики А. Я. Нейбут, В. Г. Антонов, Г. Ф. Раев, П. М. Никифоров, И. Г. Кушнарев и др., развернуло борьбу за установление советской власти на Дальнем Востоке. 5 ноября 1917 г. состоялись перевыборы Исполкома Владивостокского совета; в него вошли 18 большевиков, 11 эсеров, 8 беспартийных и 3 меньшевика; председателем избран А. Я. Нейбут. Постановлением Исполкома все учреждения и ведомства были подчинены Владивостокскому совету и Объединенному исполнительному комитету (ОИК), в который вошли в полном составе члены Исполкома Владивостокского Совета, Исполнительное бюро Совета крестьянских депутатов Приморской области, представители владивостокских городской думы и управы, Центрального бюро профсоюзов, Военной комиссии Владивостокского Совета, Центрального комитета Сибирской флотилии, всех социалистических партий и областного Исполнительного комитета КОБ. Было принято решение о создании Красной гвардии. Большевики, опираясь на рабочие и солдатские массы, в течение ноября–декабря 1917 г. проводили перевыборы местных Советов и готовились к III краевому съезду Советов, который должен был решить вопрос о переходе власти к Советам на Дальнем Востоке.

Огромное значение для роста симпатий населения к большевикам сыграло появление на Дальнем Востоке первых декретов советской власти. Они получили широкое распространение в крае в середине ноября 1917 г. В ре-

⁸ Шагин М. Э. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 – лето 1918 гг.). М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1974. М., 1974. С. 191–199, 356.

⁹ Кузьмин В.Л., Ципкин Ю. Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917–1922 гг. Хабаровск: Изд-во ХГПУ и ДВГУПС, 2005. С. 46.

зультате большевизации местных Советов уже в ноябре Сучанский и Владивостокский советы взяли власть в свои руки. С ноября по декабрь 1917 г. в основных центрах Дальнего Востока под влиянием вооруженных демонстраций солдат стали проводиться перевыборы Советов. Так, 7 декабря во Владивостоке состоялась многотысячная вооруженная демонстрация гарнизона, отрядов Красной гвардии и трудящихся города с требованием передачи всей власти в руки Советов; 6 декабря в Хабаровске под руководством большевиков прошла вооруженная демонстрация гарнизона под лозунгом признания Совета Народных Комиссаров. В результате перевыборов большинство в Советах получили большевики и левые эсеры.¹⁰

Оценив сложность ситуации, Краевой комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке А. Н. Русанов разослал на места телеграмму, в которой, отметив, что «создавшееся за последнее время положение внутри страны, отсутствие всякой связи [с] центром, исключительное международное положение Дальнего Востока не дают возможности дальше ждать создания Земств края...», назначил на 11 декабря съезд представителей земств и городов.¹¹ Но в Хабаровск смогли прибыть только 9 человек, представлявших Иманский, Хабаровский, Никольск-Уссурийский уезды, Амурское областное земство и Амурское казачье войско. Эти представители избрали «Временное Бюро земств и городов», которое приняло на себя все полномочия и обязанности краевого комиссара. Однако к вечеру того же дня А. Н. Русанов и его секретарь эсер В. В. Граженский были взяты под домашний арест представителями Краевого комитета Советов. Остальные участники совещания спешно уехали в Благовещенск. В ночь на 12 декабря 1917 г. большевики с помощью отрядов Красной гвардии, революционных солдат и матросов заняли почту, телеграф и другие важнейшие учреждения города.

Вечером 12 декабря 1917 г. в Хабаровске открылся III Дальневосточный краевой съезд Советов. На съезде были представлены 17 Советов Дальнего Востока. Из 84 делегатов было 46 большевиков, 27 левых эсеров, 9 меньшевиков и 2 беспартийных, представлявшие 15 Советов городов и рабочих поселков Дальнего Востока (не прислали своих представителей областные

¹⁰ Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922). Сб. документов. Владивосток: Примиздат, 1955. С.5–6.

¹¹ Дальний Восток России в 1917 году: документы и материалы из фонда Комиссара Временного Правительства по делам Дальнего Востока. Владивосток, 2017. С.308.

крестьянские Советы Амурской и Приморской областей). Съезд принял Декларацию о переходе власти на Дальнем Востоке к Дальневосточному краевому комитету Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений (69 чел. проголосовали «за», 4 – «против», остальные – «воздержались»)¹².

Все эти политические события вызывали со стороны правительственных кругов Антанты, США и Японии крайне враждебную реакцию и стремление как можно скорее ликвидировать новую власть любыми возможными средствами. Во Владивостоке иностранные консулы по указанию своих правительств отказались признавать органы советской власти. Об этом 5 декабря телеграфировал госсекретарь США Лансинг: «Американскому послу и консулам в России передано сообщение о том, что президент рекомендует им воздержаться от прямых контактов с большевистским правительством».¹³

С провозглашением советской власти на Дальнем Востоке и созданием краевого органа власти началось установление и укрепление советской государственности на Дальнем Востоке, а также практическая реализация декретов советского правительства на дальневосточной окраине РСФСР. Все дальневосточные Советы наделялись правами административной власти и должны были обеспечивать проведение в жизнь политики советской власти, всех директив, законов, декретов и распоряжений советского правительства. 5 января 1918 г. на заседании краевого комитета была утверждена его структура, избран президиум под председательством большевика А. М. Краснощекова, образованы комиссариаты и принято постановление о названии – Дальневосточный краевой комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений – Дальсовнарком.

Особым приказом от 13 января 1918 г. краевой комитет Советов ликвидировал должности комиссаров Временного правительства, создавались и укреплялись краевые комиссариаты. На местах начался процесс ликвидации старых органов городского самоуправления. Хабаровский Совет рабочих и солдатских депутатов 10 января 1918 г. постановил немедленно переизбрать

¹² Дальсовнарком. 1917–1918 гг. Сб. документов и материалов. Хабаровск, 1969. С. 10–11, 28–29.

¹³ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): Документы и материалы. Владивосток, 1997. С. 47.

состав городской думы, а Владивостокский Совет в конце января распустил городскую думу, создав вместо нее муниципальную секцию Совета.

В начале января 1918 г. был переизбран Благовещенский Совет, объявивший затем себя единственной властью в городе и области. Дальневосточный краевой комитет Советов уделял внимание установлению Советской власти в отдаленных областях края – Камчатской и Сахалинской. К концу марта 1918 г. власть Советов установилась на всей территории Дальнего Востока.

18 января 1918 г. Краевым комитетом Советов был издан приказ о правах и обязанностях местных Советов, в котором подчеркивалось, что «...на Советы, как органы власти, возлагаются задачи управления и обслуживания всех сторон местной жизни, административной, хозяйственной, финансовой и культурно-просветительной».¹⁴

Происходившие на Дальнем Востоке политические процессы крайне тревожно воспринимались консульским корпусом Владивостока. Иностранные консулы, как и их правительства, высказывались за необходимость вмешаться в складывавшуюся в регионе политическую ситуацию с целью «наведения порядка». Так, уже 19 декабря генеральный консул США во Владивостоке Д. Колдуэлл сообщал госсекретарю Лансингу: «...Я получаю многочисленные просьбы от добропорядочных русских граждан об иностранном вмешательстве и защите, которые помогли бы им организовать. Консульский корпус соглашается с тем, что необходимо присутствие иностранных кораблей во Владивостоке для поддержания порядка, что одного их присутствия будет достаточно. Японский консул просит прислать свои корабли; более желательно прибытие соединения кораблей нескольких стран».¹⁵

Они рассчитывали, что посылка союзных кораблей позволит поддержать внутреннюю контрреволюцию и предотвратить утверждение советской власти на российском Дальнем Востоке. 19 декабря 1917 г. британский кабинет принял решение направить из Гонконга во Владивосток крейсер «Саффолк» с двумя ротами солдат на борту. В тот же день Вашингтон и Токио были извещены о данном решении. В Токио это известие вызвало большое беспокойство, и правительство Японии поспешило отправить во Владивосток японский корабль, заявив, что инициатива в принятии активных мер исходила от

¹⁴ Дальсовнарком. 1917–1918 гг. Сб. документов и материалов. С.56.

¹⁵ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.). Документы и материалы: С. 49.

Англии. 30 декабря, на два дня раньше «Саффолка», крейсер «Ивами» прибыл во Владивосток. В тот же день генеральный консул Японии Е. Кикучи известил местные власти о том, что «...императорское японское правительство, имея в виду то, что при обстоятельствах настоящего времени японцы, проживающие в г. Владивостоке и окрестностях его, чрезвычайно тревожатся, решило отправить военные суда во Владивостокский порт. Решение это сделано ни с чем иным, как исключительно с целью защиты своих подданных, которая является надлежащими обязанностями правительства».¹⁶

В ответ исполком Владивостокского Совета и городская дума заявили протест, указав, что «...Приморская областная земская управа, считая, что окончательное суждение о вводе японского военного судна в порт Владивосток без согласия и даже предупреждения местных властей принадлежит усмотрению центральной государственной власти Российской Республики, со своей стороны, в качестве представителя населения области, считает своим долгом выразить свой протест против этого ввода, как подрывающего суверенные права Российской Республики», и что «...защита всех лиц, проживающих на территории России, является прямою обязанностью властей, поставленных русским народом, и мы должны засвидетельствовать, что под защитою местных властей «порядок в г. Владивостоке ни разу не нарушался», и иностранным подданным здесь ничто не угрожает».¹⁷ Однако, поддерживая действия Японии, с совместным заявлением в адрес Приморской земской управы выступили американский и английский консулы: «...Мы считаем, что политическое положение настоящего момента таково, что вызывает среди стран, имеющих здесь значительные материальные интересы, чувство беспокойства относительно направления, которое очень легко может принять здесь дело в ближайшем будущем, что и оправдывает правительства таких стран, включая и Японию, в принятии заблаговременно мер, которые им могут казаться соответствующими надобностям защиты своих интересов на случай, если бы таковые действительно подверглись опасности».¹⁸

Наркоминдел РСФСР в ноте послу Японии подчеркнул, что корабли вошли в порт без предварительного предупреждения, и потребовал сообщить точные причины и цели действий японского правительства. Последнее отве-

¹⁶ Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922). Сб. документов. С. 66.

¹⁷ Там же. С. 67.

¹⁸ Там же. С. 73.

тило в том смысле, что присутствие во Владивостоке японских кораблей «...наравне с судами других союзных держав, вполне естественно для настоящего времени». Однако к концу января 1918 г. союзным державам еще не удалось выработать согласованный план интервенции из-за давних противоречий в дальневосточных вопросах, а также из-за стремления применить различную тактику в борьбе против большевистского правительства.

В январе 1918 г. в переговоры с союзными консулами в Харбине вступил есаул Г. М. Семенов, который пообещал, что при поддержке союзников его отряд сможет захватить Забайкалье, блокировать Приморье и Приамурье, а после этого пойти на захват Иркутска, Красноярска и на последующее соединение с А. И. Дутовым и А. М. Калединым. Представители Англии и Франции в Китае высказывались за поддержку Семенова, причем английское правительство предложило японскому Генштабу и госдепартаменту США сотрудничество в деле помощи Семенову. Правительство Франции также согласилось помогать есаулу. Одновременно шла подготовка к выступлению уссурийских казаков под началом И. П. Калмыкова, которому были обещаны субсидии в 2 млн руб. в год и разнообразное вооружение и при участии майора Данлопа разработан план захвата Приморья.¹⁹

Сразу после Февральской революции на Дальнем Востоке возникли первые красногвардейские отряды (в основном с милицейскими функциями). Но после провозглашения власти Советов организации отрядов Красной Армии было уделено особое внимание. 16 февраля 1918 г. постановлением Краевого комитета Советов и самоуправлений был создан краевой комиссариат Красной гвардии во главе с большевиком К. Д. Кусманом. Во Владивостоке наибольшую активность в создании новых вооруженных сил проявила военная комиссия городского Совета, председателем которой был большевик А. П. Алютин, его вскоре сменил большевик Е. Г. Ходанович. Снабжение оружием и боеприпасами шло из запасов старой армии. 26 февраля 1918 г. во Владивостоке был утвержден революционный штаб в составе П. М. Никифорова, К. А. Суханова, Е. Г. Ходановича, Д. Ф. Оржешко, А. И. Щевьева. Штаб возглавил руководство войсковыми частями гарнизона, Сибирской флотилией и Красной гвардией.²⁰ В контакте с Владивостокским Советом формировал красногвардейский отряд Сучанский Совет рабочих депутатов. Отряды

¹⁹ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. С. 224.

²⁰ За власть Советов. Владивосток, 1955. С. 25.

Красной гвардии в Приморье создавались и на селе, чему способствовало прибытие демобилизованных солдат с оружием в руках. В конце 1917 – начале 1918 г. красногвардейские отряды организовались и в городах Благовещенск, Свободный и Зея, они наводили порядок на приисках, где свирепствовали банды хунхузов. Зейский Совет опирался на Красную гвардию в борьбе с золотопромышленниками, за установление контроля над производством, за упрочение власти Советов. Силами отрядов Красной гвардии 6–13 марта 1918 г. в Благовещенске было подавлено антисоветское выступление атамана И. М. Гамова.²¹ В Приморье Военная комиссия снабжала отряды Красной гвардии оружием, выделяла инструкторов для обучения. 9 января 1918 г. был образован штаб Красной гвардии и Никольск-Уссурийским Советом рабочих и солдатских депутатов; организованный во Владивостокском порту отряд во главе с Ф. Ковалем оказывал впоследствии упорное сопротивление контрреволюционному перевороту во Владивостоке 29 июня 1918 г. По решению IV краевого съезда Советов, проходившего с 7 по 14 апреля 1918 г., земства и органы городского самоуправления распускались. Все учреждения милиции переходили в ведение Советов. По краю началась реорганизация «народной милиции» в рабоче-крестьянскую. 28 марта было опубликовано «Положение о Красной Армии в Приамурском военном округе», в котором определялись ее цели, задачи и организационная структура. За март в Хабаровске была сформирована красноармейская часть – пехота, батарея, пулеметные подразделения. Красноармейские отряды создавались также в Благовещенске, Имане, Никольске-Уссурийском, в том числе и среди казачества.²²

В январе–марте 1918 г. Дальсовнарком стал осуществлять серьезные мероприятия по созданию экономического фундамента строительства социализма. Распоряжениями краевого комитета Советов устанавливается рабочий контроль над производством, проводится национализация предприятий, принимались меры по оказанию помощи крестьянству и развитию сельского хозяйства, велась борьба с контрабандой, безработицей и т.д. Наличие значительного государственного сектора в ведущих отраслях экономики Дальнего Востока облегчило Советам захват «командных высот» в экономике.

²¹ Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. С.36–37.

²² Самойлов А. Д. На страже завоеваний Октября. (Крах контрреволюции на Дальнем Востоке). М., 1986. С. 44.

В марте 1918 г. с протестом против введения рабочего контроля выступил союз служащих торгово-промышленных предприятий и общественных учреждений Владивостока и высказался за общественный контроль с участием городской управы и областного земства.²³ Тогда же земство поддержало забастовку почтово-телеграфных служащих, выступивших против политики Советов. Под эгидой земства продолжали работать учрежденные Временным правительством земельные и продовольственные комитеты области. При поддержке земской управы во Владивостоке образовалось Управление рыбными промыслами Дальнего Востока, которое противостояло созданному в Хабаровске советскому Дальневосточному краевому народному управлению рыболовством и охотой. Противостояние Советов и земства все больше усиливалось. В итоге большевики, выиграв с помощью земства время для формирования местных Советов, решением IV краевого съезда упразднили опасное для себя земское и городское самоуправление.²⁴

III съезд Советов Дальнего Востока, принявший решение о введении «...всероссийского контроля, объединяющего и регулирующего все отрасли промышленности и хозяйства», поручил всем Советам немедленно организовать на местах контрольные советы. На деле введение рабочего контроля повсеместно превратилось в изгнание хозяев и захват рабочими предприятий. Последствия не заставили себя ждать. «...Первые попытки введения контроля... сопровождаются массовым явлением передачи своих предприятий иностранно-подданным», — отметил в докладе на первом областном съезде контрольных комитетов председатель областного Совета рабочего контроля П. М. Никифоров. После введения рабочего контроля происходило массовое оставление предприятий хозяевами и служащими, затем следовали реквизиции и введение рабочего управления. Но поскольку рабочие не имели никакого опыта в этой области, то неожиданными для них оказывались «внезапно» возникшие проблемы поставок сырья и сбыта продукции, оборотных средств.²⁵ Об этом же говорили на съезде представители Уссурийского стекольного, Океанского фанерного и Океанского кожевенного заводов. Если прежде эти вопросы были заботой предпринимателей, то теперь они перекладывались на государство и его казну. Областной контрольный совет решил, что Государствен-

²³ Далекая окраина. Владивосток, 1918. 2 апр.

²⁴ История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1. С. 197.

²⁵ Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. М., 1963. С. 42.

ный банк должен финансировать все реквизируемые и конфискованные предприятия в первую очередь, наравне с государственными учреждениями.

В Приморье в конце 1917 – начале 1918 г. был введен контроль на частных и казенных каменноугольных коях (руководство которыми было сосредоточено в Сучане), в торговом порту Владивостока, во Временных вагоно-сборочных мастерских, в торговой фирме «Чурин и К^о», на Уссурийской железной дороге, цементном заводе г. Спасска, руднике Тетюхе. В Благовещенске совещание представителей 18 профсоюзов 21 марта 1918 г. постановило повсеместно ввести контроль над производством, создав фабрично-заводские комитеты по отраслям. Также было решено национализировать гостиницы, рестораны, бани, булочные и кондитерские. 26 марта на общем собрании рабочих механических заводов Благовещенска – бывших предприятий Чепурина, Афанасьева, Кузьменкина и Смирнова – был образован коллектив из 7 человек для управления ими. На состоявшемся там же 14 марта общем собрании речников было решено национализировать Амурский торговый флот, включая Амурское общество пароходства и торговли, бывшее товарищество «Амурский флот» и плавучие средства всех прочих местных пароходоладельцев. Краевым исполкомом Советов в Благовещенске был образован Дальневосточный водный комиссариат для управления водным транспортом во главе с председателем исполкома амурского национализированного флота А. Н. Карпенко; были реквизируемы и объявлены собственностью Амурской социалистической республики магазины крупных торговых фирм Чурина, Кунста и Альберса.²⁶ Сопrotивление предпринимателей против введения рабочего контроля и обнаружившаяся несостоятельность рабочего управления вынудили большевиков искать иные формы управления экономикой. На согласительном совещании 10 марта была обсуждена идея создания Совета народного хозяйства и достигнута предварительная договоренность о смягчении условий рабочего контроля.

Проводимые в январе-марте 1918 г. Дальсовнаркомом мероприятия по созданию «экономического фундамента социализма», т.е. установление рабочего контроля над производством, проведение национализации предприятий, подчинение местных отделений Государственного банка органам советской

²⁶ История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1. С. 197–198; Шиндялов Н. А. Октябрь на Амуре. Установление Советской власти в Амурской области. Март 1917 – апр. 1918. Хабаровск, 1973. С. 151–152.

власти, борьба с расхитителями народного имущества и контрабандой и т.д., сопровождались жесткими мерами по пресечению попыток каких-либо учреждений решать важные экономические вопросы помимо Советов.

В феврале 1918 г. для усиления контроля в банки, на промышленные предприятия и в торговые заведения были направлены контролеры и комиссары. Биржевой комитет Владивостока ультимативно потребовал снять контроль, а после отказа Совета удовлетворить эти требования призвал промышленников, торговых предпринимателей, чиновников с 6 марта объявить всеобщую забастовку. В ответ Исполком Совета арестовал членов президиума биржевого комитета И. И. Циммермана, А. Г. Свидерского. Э. Г. Сенкевича и А. Л. Рабиновича.

Иностранные консулы выступили в защиту арестованных, торговцы закрыли магазины, забастовали почтово-телеграфные служащие, чиновники контор и учреждений. Жизнь города была дезорганизована.²⁷

28 февраля 1918 г. иностранные дипломаты выступили с нотой протеста против введения контроля: «...Консулы ... считают себя вправе ожидать, что фирмы и отдельные лица разных национальностей, интересы коих представлены ими, не будут затрагиваться незаконным вмешательством некоторых организаций, и настоящим они протестуют против подобного вмешательства и заявляют, что они признают себя свободными принимать в будущем, в зависимости от обстоятельств, те меры, которые они сочтут необходимыми».²⁸ Более того, Владивостокский консульский корпус даже объявил призыв к сопротивлению действиям Исполкома: «...По поводу недавно опубликованного постановления Рабочего контрольного совета о введении ежемесячного налога как на российские, так равно и на иностранные торговые и промышленные предприятия Владивостокский консульский корпус сим доводит до сведения иностранных торгово-промышленных предприятий и фирм, что означенное постановление ... не должно считаться для них обязательным».²⁹

29 марта английский консул во Владивостоке Ходжсон и командир крейсера «Саффолк» Пейн сообщали в Лондон, что только активное противодействие со стороны союзников может предотвратить полный контроль больше-

²⁷ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.). С. 56; История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1. С. 167.

²⁸ Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922). Сб. документов. С. 96.

²⁹ Далекая окраина, 1918, 27 февр.

виков над Владивостоком и что критический момент, когда следует начать действовать, наступил.³⁰ Немногим ранее контр-адмирал Като доложил в Токио о готовности к вооруженному выступлению. Японское правительство направило генеральному консулу во Владивостоке Есиро Кикучи указание, что в случае «угрожающих» событий он вправе действовать без промедления.

Подходящим предлогом для вмешательства стало нападение на японскую торговую контору «Исидо», совершенное 4 апреля 1918 г. во Владивостоке, когда погибли два японца. Е. Кикучи обратился к командующему японской эскадрой с просьбой принять экстренные меры для защиты жизни и имущества японских подданных. Об этом 4 апреля Генеральное японское консульство сообщило председателю Приморской областной земской управы. 5 апреля в порту высадились японский и английский десанты для охраны своих граждан, проживавших в городе. 7 апреля Владивостокский консульский корпус поддержал эту акцию, заявив в адрес Приморской земской управы: «...высадка японских войск произведена была исключительно с целью охраны японцев, а потому мы решительно не думаем действовать против какой-либо партии России...».³¹ Однако с протестом против высадки десанта выступило и советское правительство в Москве, и широкая общественность Сибири и Дальнего Востока. В конце апреля японские и английские десантники были возвращены на свои корабли.

21 апреля Семенов начал новый антисоветский поход, оправившись от понесенного в феврале поражения, с помощью Антанты он перевооружился и накопил значительные силы. Но во второй половине мая советские войска под командованием С. Лазо отбросили его отряды в Маньчжурию, и только заступничество со стороны Японии и Китая спасло его от полного разгрома.

Тем временем в планах организаторов интервенции появился новый фактор – чехословацкий корпус. С декабря 1917 г. корпус считался автономным воинским формированием в составе французской армии. В марте среди союзников возобладало мнение об использовании корпуса в сочетании с японской интервенцией. Подготовка к реализации этого проекта проводилась в строгом секрете. Когда чехословацкие эшелоны стали прибывать во Влади-

³⁰ Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). С. 41.

³¹ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): Документы и материалы. С. 160–161.

восток, обнаружилось, что местный французский консул даже не имел инструкций относительно подготовки жилья и продовольствия для легионеров и их последующей отправки. К 27 мая в порту скопилось 10 тыс. легионеров, но никаких приготовлений к их эвакуации не проводилось, зато делались многочисленные предложения об участии в антисоветских операциях в Сибири³². В ночь на 29 июня 1918 г. белочехи при поддержке союзных кораблей, стоявших на рейде, свергли советскую власть во Владивостоке. Члены Владивостокского Совета были арестованы. Утром 29 июня англичане и японцы высадили большие подразделения десантников, в полдень их примеру последовали китайцы, а вечером – американцы. «...С 29-го никаких беспорядков, – докладывал Колдуэлл Лансину. – Город охраняется чехами и помогающими им японскими, английскими и в меньшем количестве американскими моряками; последние охраняют только район консульства... Чехи и Консульский корпус после совместного совещания решили иметь официальные отношения с мэром и земством как законно избранными властями, чьи функции были временно и насильственно прерваны Советом».³³

Захватив Владивосток, чехословацкое командование организовало наступление в северном направлении. 3 июля 1918 г. чехословаки вступили в бой с отрядами Красной гвардии из рабочих Никольска-Уссурийского и Сучанских копей у ст. Надеждинской. Красногвардейцы вынуждены были отступить в Никольск-Уссурийский. В связи с угрозой падения советской власти под натиском чехословацких легионеров и белогвардейцев Дальсовнарком 15 июля 1918 г. объявил всеобщую мобилизацию в революционные отряды. На фронт прибывало пополнение из Благовещенска, Могочи, Бочкарево, Хабаровска, Сучана и других мест. Отряды Красной гвардии и Красной Армии составили около 10 тыс. чел., в основном рабочих и демобилизованных солдат, и 31 июля 1918 г. красногвардейские и красноармейские части Уссурийского фронта перешли в наступление. Однако положение на Уссурийском фронте значительно осложнялось из-за активизации действий стран Антанты.

6 июля 1918 г. была опубликована декларация о переходе Владивостока под союзный контроль и о принятии союзными державами обязанностей по

³² Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). С. 69–70.

³³ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): Документы и материалы. С. 219.

защите города от внешней и внутренней опасности: «...Ввиду опасности, угрожающей Владивостоку и союзным силам, здесь находящимся, от открытой и тайной работы австро-германских военнопленных, шпионов и эмиссаров, настоящим город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав и будут приняты все необходимые меры для защиты как от внешней, так и внутренней опасности. Все приказы, изданные до сего времени чехословацким командованием, остаются в силе. Власть земства и городского самоуправления признается в пределах местных дел, но военные силы и полиция будут усилены таким количеством союзных сил, какое будет найдено необходимым для предотвращения опасности со стороны австро-германских агентов и их влияния, которые, по имеющимся сведениям, работают в городе. Настоящий акт делается в духе дружбы и симпатии к русскому народу, а не какой-либо политической фракции или партии...».³⁴

Выступление Чехословацкого корпуса и свержение власти Советов большинством жителей Владивостока было воспринято весьма негативно, что хорошо проиллюстрировали результаты выборов в городскую думу, состоявшиеся 27 и 28 июля. Из общего количества мест (101 место) большевики получили 53, остальные социалисты – 22, собственники – 17, прочие группировки – 9 мест. Среди избранных депутатов-большевиков оказался бывший председатель местного Совета, находившийся под арестом у чехов. Более того, в конце июля моряки Сибирской флотилии приняли постановление об отказе служить белогвардейцам и интервентам, а рабочие военного порта и союз металлистов приняли резолюцию об отказе выполнять военные заказы интервентов.³⁵

31 июля состоялась общегородская конференция представителей 36 рабочих организаций, объединявших 15 тыс. рабочих. Конференция, «...всесторонне обсудив положение, в котором находятся трудящиеся массы города и окраин вследствие переворота, совершенного чехословаками, и в дальнейшем – явным и скрытым вмешательством консульского корпуса в нашу внутреннюю жизнь», единогласно постановила: «...Всеми силами и с негодованием, вызванным оскорблением национального чувства свободного народа, протестовать против грубого вмешательства в наши русские дела и немедленно снести с консульским корпусом с требованием снять караул в

³⁴ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): Документы и материалы. С. 220.

³⁵ Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922). Сб. документов. С. 157, 161–162.

военном порту, который мы считаем позорным и оскорбительным. Санкционировать и всеми силами поддерживать резолюцию, принятую рабочими военного порта и союзом металлистов и утвержденную ЦБ проф[ессиональных] союзов, о невыполнении заказа на ручные гранаты».³⁶

3 августа 1918 г., комментируя сложившееся положение, американский консул Колдуэлл сообщал госсекретарю США Лансингу, что в столь значительных результатах выборов виновны «...страх и враждебное отношение к правительству Хорвата, которое расценивается трудящимися классами как антиреволюционное... Нежелание этих классов снова воевать также, по видимому, дало некоторый эффект. Указанные настроения проявились в отказе русских рабочих местного судоремонтного завода делать ручные гранаты для чехов. Они заявили, что предпочтут остаться без работы и голодать, чем делать такую работу, и угрожали вывести из строя машины, вследствие чего мы вынуждены были организовать патрулирование доков для сохранения оборудования. Результаты выборов показывают, что в них участвовало 77% возможных избирателей, против 53% в предыдущих выборах; поэтому такой результат не может быть отнесен полностью к неудаче выборов... Чехи вынуждены освободить избранных в думу членов Совета, которых они арестовали за враждебную агитацию и за связи с венгерскими пленными; чехи обращаются к союзным консулам за советами».³⁷

Обострение политической ситуации и враждебный настрой российского населения ускорили решение правительствами стран Антанты, США и Японии вопроса об объединенной интервенции. На совещании в Белом доме, состоявшемся 6 июля 1918 г. с участием президента и ведущих министров, было принято решение направить войска в Россию. 2 августа 1918 г. Япония обнародовала декларацию о начале интервенции, 5 августа к ней присоединились США, 11 августа – Великобритания, далее Франция, Китай и другие державы.³⁸ Уже 3 августа во Владивосток прибыл батальон 25-го Мидлсекского полка (из Гонконга), 4 августа – около 1600 чел. китайской дивизии, 9 августа – французский батальон (800 солдат, 13 офицеров), 11 августа – 2000 японских солдат, 15–16 и 21 августа – два американских полка (27-й и 31-й),

³⁶ Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922). Сб. документов. С. 163–164.

³⁷ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): Документы и материалы. С. 229.

³⁸ Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922). Сб. документов. С. 165–169.

позднее прибыла остальная часть интервенционистских войск. Объединенная интервенция держав Антанты на Дальнем Востоке России началась.³⁹

В начале сентября 1918 г. Дальсовнарком под давлением превосходящих сил союзных войск (японских, китайских, американских, белогвардейских и др.) вынужден был с остатками разрозненных частей Уссурийского фронта эвакуироваться из Хабаровска, отступив в Амурскую область. Советская власть на Дальнем Востоке пала, в Гражданской войне начался этап партизанской борьбы.

Таким образом, свершившаяся в России революция и крайне жесткие методы новой власти по переустройству общества стали одной из главных причин нарастания гражданского противостояния. Конфискация средств производства и всего имущества не только у крупной буржуазии, но и у средних и даже мелких частных собственников вызывала сопротивление с их стороны. Буржуазия была напугана размахом национализации промышленности и стремилась сохранить частную собственность и свое привилегированное положение. Радикальная политика большевистского правительства вызвала негативную реакцию со стороны союзников, стремившихся добиться дальнейшего участия России в мировой войне. В послеоктябрьский период империалистические державы усилили давление на страну, чтобы не допустить утверждения власти Советов. На Дальнем Востоке России иностранные дипломаты в послеоктябрьские дни также стали проявлять повышенную активность в сопротивлении приходу к власти большевиков. Владивостокский консульский корпус, являясь проводником и выразителем политики союзных государств, по указанию своих правительств отказался признавать органы советской власти. При этом имели место и дипломатическое давление, и участие в подготовке сопротивления советской власти, и оказание помощи местным контрреволюционным организациям, и угрозы открытого вмешательства и ввода иностранных войск. Все это существенно осложняло политическое положение на Дальнем Востоке, завершившись в итоге не только Гражданской войной, но и открытой иностранной интервенцией, принесшими дальневосточникам многочисленные беды и разрушения.

³⁹ История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1. С. 243.

В. И. Голдин

Европейский Север России. в Революции и Гражданской войне

В начале XX века Север России (три губернии – Архангельская, Вологодская и Олонецкая) охватывал обширную территорию от границы с Норвегией (с получением независимости Финляндией в декабре 1917 г. и с ней) до Предуралья. Для многонационального населения региона (2,7 млн к 1917 г.) были характерны традиции мирного сожительства. Более 90% северян проживали в сельской местности и, чтобы выжить, занимались не только сельским хозяйством, но и кустарными промыслами и отходничеством.

У властей России отсутствовала стратегия развития этого уникального и богатого природными ресурсами края. Многие назревшие проблемы не решались, хотя модернизационные процессы (урбанизация, индустриализация) медленно, но размывали патриархальные традиции жизни. Первая российская революция характеризовалась забастовками, демонстрациями, выступлениями солидарности в городах. Центром крестьянских протестов стал самый южный – Шенкурский уезд Архангельской губернии, где менее чем за год состоялись четыре крестьянских съезда. Среди главных требований были бесплатная передача крестьянам удельных, кабинетских и церковных земель. В 1906 г. для подавления крестьянских выступлений сюда была направлена карательная экспедиция и произведены массовые аресты.

Провал столыпинской аграрной реформы на Севере привел к росту противоречий в деревне, вызреванию идеи «черного передела» и радикального разрешения аграрного вопроса.

Неразвитость социально-классовой структуры и классовых противоречий вели к тому, что уровень конфликтности классового характера был относительно низок. Но северяне не были удовлетворены ситуацией, ввиду отсталости региона и нерешенности многих проблем. Комплекс противоречий вызревал на региональном, локальном, семейном уровнях. Неудовлетворенность жизнью широких слоев северного социума, наличие комплекса противоречий свидетельствовало, что общественно-политическая стабильность на Севере была непрочной, но для взрыва был нужен внешний толчок.

Первая мировая война стала для Севера не только временем испытаний, но и модернизации, ибо через его порты шел главный поток грузов из стран Антанты для снабжения армии. Происходило быстрое развитие северных портов, водных и железнодорожных коммуникаций. Военные моряки и солдаты, часть рабочего класса, особенно из пополнений военного времени, в первую очередь из Прибалтики, будут играть активную роль в революционных событиях на Севере в 1917 г. Потребность охраны морской арктической трассы от действий противника (прежде всего подводных лодок) привела к формированию и действиям в северных русских водах Арктической эскадры Антанты, что будет иметь большое значение в событиях грядущей интервенции.

Известия о Февральской революции в Петрограде вызвали подъем энтузиазма и приветствовались самыми разными слоями населения. Первый, хотя и короткий период революции, стал временем надежд, высокой общественной активности, создания различных общественных организаций, ячеек политических партий. Наибольшим влиянием на Севере обладали эсеры. Они и меньшевики доминировали в Советах. В июне решением Временного правительства в Архангельской губернии было учреждено земство. Активизировалось национальное движение, прежде всего в Карелии.

Если весной главной авансценой событий были северные города, то в дальнейшем в них втягивалось и крестьянство с требованиями земельного передела и ликвидации элементов столыпинского земельного переустройства. 43 тыс. военных моряков и солдат, находившихся на Севере, играли активную роль в политических событиях, создали свои организации, где было значительным влияние большевиков. Нараставший кризис в различных его проявлениях вел к ухудшению положения на Севере, к растущей критике действий правительства и местных органов власти.

Вместе с тем, известие о свержении Временного правительства было встречено на Севере настороженно, вызвало негативную реакцию земских учреждений, городских дум и острые дискуссии в Советах. В поддержку новой власти уже 26 октября 1917 г. высказались на объединенном заседании основные общественно-политические организации в Мурманске с участием Главного начальника Мурманского укрепрайона и отряда судов контр-адмирала К. Ф. Кетлинского. На ноябрьских выборах в Учредительное собрание по Мурманскому району за большевиков проголосовали более 70% избирателей, и в этом отношении край был уникален для Севера. Но в первые

дни после победы большевиков в Петрограде их поддержало на Севере единичное число местных Советов в небольших городах и рабочих поселках. Советы стали ареной острых дискуссий и борьбы.

1917 год на Севере характеризовался отсутствием вооруженных столкновений, и в начале 1918 г. советская власть мирным путем установилась в северных губерниях, укрепляя в дальнейшем свои позиции на основе союза большевиков и левых эсеров. Последние пользовались большим политическим влиянием, и в июне 1918 г. из 4 председателей губисполкомов (в июне учреждена Северодвинская губерния) трое были представителями этой партии.

Осложнение ситуации на Севере в 1918 г. было связано прежде всего с факторами социально-экономического порядка: падение производства и торговли (морская торговля блокировалась действиями немецких подводных лодок), растущая безработица, продовольственный кризис, ибо северные губернии были потребляющими и нуждались в поставках продовольствия из других регионов, которые срывались. Но растущее недовольство населения, связываемое и с советской властью, не означало готовности северян подняться на борьбу с ней с оружием в руках. Сказывался их менталитет, способность переносить лишения. Поэтому действия противников большевиков на Севере России связывались с внешними силами, и прежде всего с интервенцией стран Антанты.

Интерес последних к Северу был обусловлен комплексом причин: наличием морской транспортной магистрали и портов, связывавших Россию с Западом; нахождением в них большого количества военных и иных грузов; опасением, что регион может стать объектом германской военной экспансии и захвата; богатыми природными ресурсами края и др. Представители Антанты всячески поощряли сепаратистские планы и действия на Севере, чтобы превратить его в анклав, независимый от красной Москвы.

Важным фактором, способствовавшим интервенции, являлось присутствие в северных водах военной эскадры Антанты. Русский Морской генштаб признавал еще в 1917 г.: «Хозяева положения в настоящий момент здесь англичане, а не мы».¹ В процессе разграничения «сфер влияния» в России Север был отнесен к британской зоне, и именно Великобритания играла главную роль в подготовке и осуществлении интервенции Антанты здесь.

¹ Столяренко М. А. Моряки в огне революции. Л., 1960. С. 15.

В истоках Гражданской войны, и прежде всего интервенции, на Севере России особую роль сыграли события на Мурмане в первой половине 1918 г. Этот малоосвоенный до начала мировой войны край получил мощное развитие в военные годы, когда были построены незамерзающий порт, военноморская база, железная дорога, связавшая его и основанный в сентябре 1916 г. город Романов-на-Мурмане (с 1917 г. – Мурманск) с Петрозаводском и далее с Петроградом. Важное стратегическое значение этого города и края, расположенных около границы с Финляндией, привлекло к ним повышенное внимание Германии, стран Антанты и белофиннов. Последние в условиях гражданской войны, развернувшейся в Финляндии с конца января 1918 г., контролировали северные ее территории и претендовали при поддержке немцев на захват обширных территорий Русского Севера, в т. ч. Мурманана.

Вокруг Мурманана развернулась сложная политическая игра, где каждая из сторон пыталась реализовать свои цели. 1 марта 1918 г. Мурманский Совет, ссылаясь на угрозу нападения немцев и белофиннов, отправил запрос в Совнарком с указанием о готовности миссий стран Антанты здесь оказать необходимую помощь и отношении к этому. Ответом стала телеграмма наркома по иностранным делам Л. Д. Троцкого с указанием на необходимость принятия «всякого содействия союзных миссий». Для стран Антанты это стало основанием для реализации на Мурмане планов «интервенции по приглашению». 2 марта в Мурманске было заключено соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края, создан союзный военный совет с их участием, а 6 марта в Мурманске был высажен первый отряд британских морских пехотинцев.

Эти события вызвали страстную дискуссию. Местные противники большевиков, действуя и через Мурманский Совет, надеялись, опираясь на помощь Антанты, порвать связи Мурманана с советской Москвой. Страны Антанты, укрепляя свои позиции и военное присутствие в этом крае, надеялись использовать его как форпост для реализации замыслов «интервенции по приглашению» и вернуть Россию в мировую войну. Германия требовала от Совнаркома вывода войск и кораблей Антанты с Мурманана. Белофинны стремились к аннексии с помощью немцев приграничных российских территорий, действуя как политическими, так и военными средствами (их вооруженные рейды весной – в начале лета встречали отпор советских отрядов при поддержке солдат Антанты), надеясь после победы в Гражданской войне ре-

ализовать планы создания «великой Финляндии от моря до моря». Руководство Советской России пыталось проводить линию политического лавирования и компромиссов ради сохранения на Мурмане советской власти, недопущения военной интервенции иностранных держав или столкновения противоборствующих блоков на Русском Севере.²

Все завершилось разрывом Мурманского краевого Совета с Москвой 30 июня 1918 г. и подписанием им 6 июля соглашения с представителями стран Антанты, обеспечивавшего верховенство последних в крае. Мурманский Совет превратился, по сути, в марионеточное учреждение в руках представителей Антанты. Это сопровождалось развернувшимися на Мурмане в конце июня – начале июля боевыми действиями бывших союзников, превратившихся в интервентов, против советских отрядов, наступлением войск Антанты вдоль Мурманской железной дороги и оккупацией в июле Мурманского края.

Объясняемая как антигерманская военно-стратегическая акция, эта интервенция Антанты на деле превращалась в антибольшевистскую и антироссийскую для реализации широкого спектра геополитических и экономических целей и интересов, ради оккупации обширных российских территорий с богатыми природными ресурсами.

Большевики, понимая опасность расширения интервенции, осуществляли комплекс мер по обороне Севера, но они оказались малоэффективными. Попытка же мобилизации в Красную армию пяти возрастов, объявленная в Архангельской губернии, привела к ряду протестных выступлений мобилизуемых. Наиболее значительным из них было восстание в Шенкурске, где они захватили и несколько дней удерживали город.

Захват эскадрой Антанты укрепленного острова Мудьюг в Белом море, прикрывавшего подступы к Архангельску, привел к эвакуации советских учреждений города и антисоветскому перевороту здесь 2 августа. На протяжении нескольких дней северное направление было самым опасным для советского руководства в Гражданской войне из-за угрозы того, что интервенты, погрузившись в эшелоны, смогут быстро достичь Москвы. Именно на это и рассчитывал генерал Пуль, полагавший, что, опираясь на ограниченный контингент войск интервентов, он сможет привлечь в свои ряды до 100 тыс.

² О перипетиях борьбы см.: Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск, 2018. С. 220–415.

антигермански и просоюзнически настроенных русских и совершить победный бросок к Москве. Но планы создания на Севере «Российской народной армии» провалились. В августе в нее было завербовано лишь около 1000 человек, а на фронт отбыло примерно 250 человек.³ Введение 20 августа всеобщей воинской повинности в Северной области и призыв пяти возрастов не дали желаемых результатов, но стали катализатором антиправительственных настроений.

С захватом Архангельска Гражданская война на Севере приобрела широкомасштабный характер, и фронт ее растянулся на тысячи километров от Мурмана до Печоры. Главными направлениями боевых действий, где организовалось сопротивление интервентам, стали железная дорога на Москву и р. Северная Двина. Планы захвата интервентами Вологды и Котласа, не говоря уже о Москве, были сорваны.

Несмотря на создание в Архангельске 2 августа 1918 г. Верховного управления Северной области (ВУСО), состоявшего в большинстве из эсеров и претендовавшего на всю полноту власти, реальная власть оказалась в руках интервентов, опиравшихся на вооруженные силы, репрессивный аппарат и обеспечивавших снабжение края. Генерал Пуль отказался подписывать какие-либо соглашения с ВУСО и относился к нему уничижительно. В начале сентября члены ВУСО были арестованы группой русских офицеров и высланы на Соловецкие острова. После вмешательства дипломатов Антанты, находившихся в Архангельске, они были возвращены, но приступить к работе не смогли. 7 октября Н. В. Чайковским было создано Временное правительство Северной области (ВПСО), где он был единственным социалистом, а ядро составляли кадеты.

ВПСО пыталось сплотить антибольшевистское движение на основе проведения «среднего» курса, балансируя между «правыми» и «левыми». Но проводить курс лавирования, преодолевая политические разногласия и конфликты с интервентами, от которых ВПСО находилось в полной зависимости, было трудно. Ему не удалось решить в ходе войны ключевые вопросы: аграрный, рабочий, национальный (взаимоотношения с карелами), обеспечить снабжение области и ее независимое существование.

В декабре 1918 г. на архангельском направлении 6-й армии, насчитывавшей 12 тыс. штыков и 90 сабель, противостояли 13182 солдата интервентов и

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 52, 54.

2715 белогвардейцев. Мурманской группировке интервентов (10334 чел.) и белогвардейцев (4441 чел.) противодействовали части 7-й армии, оборонявшей по всему периметру Петроград (ее общая численность составляла 7530 штыков и 390 сабель).⁴ Противники готовились к зимней кампании.

Гражданская война была фактически принесена на Север на иностранных штыках. Но достичь целей, которые ставили перед собой интервенты, в руках которых находились основные воинские контингенты, ведущие боевые действия против Красной армии, военное командование и снабжение Северной области, реальный контроль над ее экономикой и финансами, не удалось. Зимой Красная армия перешла на Севере к наступательным операциям: был взят Шенкурск, а в начале весны 1919 г. ставилась задача освобождения Архангельска, но решить ее не удалось.

Для воссоздания более полной картины Гражданской войны на Севере России правомерно выделить в ней ряд войн и военно-политических конфликтов: 1) между войсками Антанты и Красной армией в 1918–1919 гг.; 2) между красными и белыми в 1918–1920 гг.; 3) между финскими, так называемыми, добровольцами, совершавшими военные рейды на территории Мурмана и Карелии, и советскими отрядами при поддержке солдат стран Антанты в марте–июне 1918 г.; 4) между красными и финнами (действовавшими под «добровольческим» прикрытием) в Карелии в 1918–1919 гг.; 5) между войсками Антанты вместе с организованными ими Финским легионом (из «красных финнов») и Карельским полком против финских «добровольцев» и карельских сепаратистов в 1918–1919 гг.; 6) между карельскими сепаратистами, поддерживаемыми Финляндией, и русскими белогвардейцами в 1918–1919 гг.; 7) между карельскими сепаратистами и сторонниками советской власти в 1918–1920 гг.; 8) восстания, подпольная деятельность, действия партизанских отрядов и повстанцев разных политических окрасок (красные, белые, зеленые) в 1918–1920 гг. В удаленных районах (на Печоре, Пинеге) это часто выливалось в сведение счетов между группами населения и сопровождалось крайними жестокостями.

На лето 1919 г. интервенты Антанты на Севере планировали крупное наступление, разрабатывавшееся под эгидой британского военного министра и ярого интервенциониста У. Черчилля, для соединения с войсками Колчака,

⁴ Army. The Evacuation of North Russia. 1919. London, 1920. P. 19–20; Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). В 4-х томах. Т. 1. М., 1971. С. 51.

но оно было сорвано в результате серии восстаний в войсках белой армии. Не помогло и массированное использование интервентами химического оружия. В конце июля в Лондоне было принято решение об окончании интервенции на Севере. Британское командование предлагало эвакуировать войска Северной области, считая продолжение войны без их участия безнадежным. Но местные власти приняли решение о продолжении борьбы, надеясь на успехи войск Деникина и Юденича.

Эвакуация войск Антанты с Севера завершилась 12 октября 1919 г. В союзной интервенции на Русском Севере России приняли участие 43–44 тыс. солдат, представители более 10 стран и национальностей. Именно благодаря иностранной военной интервенции северянам была навязана Гражданская война, произошел раскол северного социума. Но интервенция Антанты потерпела крах.

Власти Северной области надеялись создать широкий антибольшевистский фронт, возлагая особые надежды на Финляндию, пытались возродить интервенцию в добровольческой форме, привлекая наемников из-за рубежа, взяли курс на «затягивание поясов» и мобилизацию всех ресурсов области, но не преуспели в этом. Колоссальное перенапряжение вызвало растущее недовольство на фронте и в тылу. Содержание армии, доведенной в результате мобилизаций до 55 тыс. человек, было непосильно для Северной области.

Наступление Красной армии, начатое в начале февраля 1920 г., привело к серии восстаний в белых частях и краху их Северного фронта. 19 февраля состоялась эвакуация правительства и белого командования Архангельска, и 21 февраля сюда вступили части Красной армии. Последние очаги белого сопротивления на Севере пали в начале марта 1920 г.

О. С. Поршнева, М. А. Фельдман

Особенности Русской революции и гражданской войны на Урале: социально-политический аспект

Традиционными утверждениями советской историографии, посвященной Октябрьским событиям, были положения о «едином порыве рабочих Урала в поддержку победы в Петрограде», об утверждении власти Советов мирным путем в заводских районах региона, о поддержке вооруженного восстания в столице со стороны солдат уральских гарнизонов.¹

Современная историческая литература обоснованно указывает на «шествие насилия» на Урале, фиксируя его уже в первые дни после Октябрьского переворота. Отмечается, что октябрьские события и свержение Временного правительства вызвали массовую забастовку почтово-телеграфных работников, волну «винных погромов» и других беспорядков. В обстановке фактической анархии руководство Уралобкома большевиков пошло на переговоры с эсерами и меньшевиками и создание коалиционного революционного комитета в Екатеринбурге, ряде других городов Урала (например, Уфе, Вятке, Камышлове).²

Особенностью революционных событий на Урале было создание коалиционных органов власти из представителей социалистических партий, осуществление на практике не реализованных в столице требований Викжеля и ряда лидеров большевиков. Однако такой политический компромисс продержался временно, став для большевиков маневром, предпринятым для перегруппировки сил и последующего роспуска коалиционных структур.

После Октябрьского переворота на Урале развернулось антибольшевистское сопротивление, масштаб которого может быть проиллюстрирован, в частности, на основе выявления соотношения мирного и насильственного установления советской власти. Даже официальная советская статистика признавала, что в первые месяцы после Октябрьского переворота власть Советов мирным путем установилась в 64 % городов и рабочих поселков уральского региона, и даже в районе наибольшего влияния большевиков – на

¹ См., напр.: Лисовский Н. К. 1917 г. на Урале. Челябинск, 1967. С. 444-445.

² См.: Попов Н. Н., Бугров Д. В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 г. Екатеринбург, 1997. С. 100–102.

Среднем Урале – в указанный период 22 % Советов оказали сопротивление большевикам и другим леворадикалам.³

По более современным данным, за октябрь–декабрь 1917 г. новая власть установилась только в 13 из 34 губернских и уездных центров Урала, т.е., по сути, в трети. Еще в 21 губернском и уездном центре такой процесс растянулся на январь–март 1918 г.⁴

Относительно быстрое установление Советской власти в Екатеринбурге – «столице» горного края – городе, ставшем центром Уральской области, во многом было связано с тем, что о своей поддержке власти Советов сразу же после победы восстания в Петрограде заявили солдаты местного гарнизона. Это позволило блоку большевиков и левых эсеров в централизованном порядке направлять боевые отряды из Екатеринбурга по всему Уралу.

В ряде городов и заводских поселков Урала (Белорецком, Саткинском, Кусинском, Верхнетуринском, в Златоусте, Воткинске и др.) большевики оказались в Советах в меньшинстве, им пришлось добиваться перевыборов, а в ряде случаев действовать силой. Натолкнувшись на сопротивление рабочих и служащих, большевики вплоть до весны 1918 г. разгоняли с помощью отрядов Красной гвардии небольшевицкие советы, арестовывая их руководителей. Со значительным сопротивлением пришлось столкнуться большевикам в крупных городах – Перми, Уфе, Вятке, Челябинске, а также в небольших мещанско-купеческих городах, таких как Чердынь, Ирбит, Елабуга. Не менее чем в 11 уездных центрах Урала местным большевикам пришлось прибегать к вооруженной помощи со стороны красногвардейских отрядов.⁵

Центром антибольшевицкого сопротивления стал Оренбург – столица оренбургского казачьего войска. В Оренбурге городская дума в резолюции от 28 октября 1917 г. объявила большевицкий переворот «преступной и предательской авантюрой», потребовала «возвратить власть Временному правительству». Войсковое правительство во главе с атаманом А. И. Дутовым начало военные действия, которые стали прологом Гражданской войны на Урале. Потребовалась концентрация значительных сил красногвардейцев и солдат, матросов Урала и Поволжья, большого числа вооружения для подавления ан-

³ Цыпкин Г. А., Цыпкина Р. Г. Красная гвардия – ударная сила пролетариата. М., 1977. С. 166.

⁴ Попов Н. Н., Бугров Д. В. Бремя упущенных возможностей. С.107.

⁵ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С.37.

тибольшевистского сопротивления, чтобы к апрелю 1918 г. оттеснить казаков-дутовцев за пределы Оренбургской губернии.

Успех в использовании большевиками насилия стал возможным по ряду причин. Леворадикальные призывы к переделу собственности нашли поддержку у многочисленных маргинальных слоев рабочих, большевики умело использовали силовые структуры – распропагандированные солдатские массы и созданные из определенной части пролетарской молодежи горнозаводских поселков отряды Красной Гвардии. Гибкая и беспринципная тактика большевиков, вступавших во временные военно-политические союзы с левыми эсерами и анархистами, с целью использования ресурса союзников и последующего их устранения с политической сцены, позволила добиться численного перевеса над противником. В этом же ключе следует рассматривать и объединение в январе–феврале 1918 г. Советов рабочих и солдатских и Советов крестьянских депутатов: незавершенный к этому времени процесс захвата власти в горнозаводских городах и поселках без поддержки крестьян делал проблематичным правительственный контроль в регионе в целом.

На выборах в Учредительное собрание за большевиков проголосовало 18,1% населения Урала, меньше, чем в целом по стране, в то время как за другие политические силы – около 82%.⁶ Эсеро-меньшевистский блок, получивший 54,1% голосов избирателей,⁷ представлял на Урале серьезный политический фактор, активно действовавший в прессе, Советах, других общественных организациях. Популярностью и поддержкой различных слоев населения, особенно рабочих, пользовались левые эсеры.

Выборы в Учредительное собрание на Урале показали, что наивысший процент голосов большевики собрали на тех частновладельческих заводах Южного Урала, где даже в годы экономического подъема сохранялись кризисные явления. Рекордсменом в этом отношении (90 % голосов) стал Миньярский завод – подлинная «колыбель» большевизма, давшая в 1920-е гг. ряд руководителей Уральского обкома ВКП (б) (Д. и А. Сулимовых, К. Рындина, Бычковых, Зеленцова, Шведова и др.).

Иная картина сложилась на выборах в Учредительное собрание в завод-

⁶ Каплюков В. В. Партийная борьба на Урале вокруг Учредительного собрания // Большевистские организации Урала в борьбе за победу социалистической революции. Свердловск, 1987. С. 28.

⁷ Там же.

ских поселках казенных горнозаводских округов: уровень влияния левых здесь был иной: от 50 % на Ижевском, Мотовилихинском, Кушвинском заводах, до 20 % – на Воткинском. Аналогичная картина сложилась в ряде старинных горнозаводских центров с устоявшейся социальной структурой, наличием земельных наделов у большинства рабочих (Чусовой, Ревда и др.) Показательно, что в наиболее индустриально развитой губернии Урала – Пермской – за большевиков проголосовали менее 21 % избирателей, что немногим отличалось от общеуральского показателя. Обращал на себя внимание и явный провал большевиков в Уфимской губернии, где за РСДРП(б) проголосовали только 5 % населения.⁸

При примерном равенстве сторонников и противников революционного и эволюционного путей развития, решающим фактором на Урале стала армия, солдатские массы: более половины солдат уральских гарнизонов осенью и зимой 1917–18 гг. поддержали большевиков и других леворадикалов.

Роспуск большевиками Учредительного собрания 5 января 1918 г. вызвал на Урале протестные акции, в которые были вовлечены разные слои населения, включая часть рабочих.⁹ С российской Конституантой противники ее разгона связывали, в частности, надежды на предотвращение братоубийственной гражданской войны.

Другим острейшим вопросом, выявившим различия в политических позициях уральцев, стало заключение Брестского мира. Против Брестского мира выступал широкий спектр общественных сил: от давних сторонников продолжения войны до победы над Германией до сторонников революционной войны с германским империализмом.

Подавляющее большинство Советов Урала в феврале–марте 1918 г. выступило против заключения Брестского мира, за революционную войну с «германским империализмом». Орган Уральского областного Совета, газета «Известия Уральского областного Совета», поместил 3 марта, в день заключения мира, редакционную статью «Отечество в опасности», где призывалось к «священной войне с международным капиталом», а 7 марта 1918 г. опубликовал резолюции местных Советов об отношении к Брестскому миру под за-

⁸ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С.366.

⁹ Уральская рабочая газета. 1918. 13 января. № 8; 17 января. № 10; 18 января. № 11.

головком: «Рабочий и крестьянский Урал за революционную войну».¹⁰ Это объяснялось, в частности, тем, что на Урале в руководстве большевиков в январе–марте 1918 г. преобладали сторонники ведения революционной войны с германским империализмом. «Левые коммунисты» Урала во главе с Г. И. Сафаровым, Е. А. Преображенским и В. А. Воробьевым на собраниях, партийных конференциях, в печати активно выступали против подписания Брестского договора. Другой причиной было то, что популярные среди населения умеренные социалисты, меньшевики и эсеры, также активно агитировали против Брестского мира. Типичной меньшевистско-эсеровской резолюцией по вопросу о мире была телеграмма, посланная в адрес IV Чрезвычайного съезда Советов Туринским Советом рабочих и солдатских депутатов, в которой говорилось: «Политика народных комиссаров, большевиков и левых эсеров привела Российскую демократическую республику к гибели и к позорному миру ... Долой власть народных комиссаров и вся власть Учредительному собранию!».¹¹

Под флагом немедленного созыва Учредительного собрания и аннулирования Брестского договора проходили в феврале–марте 1918 г. демонстрации и другие акции протеста уральской интеллигенции, служащих, рабочих, областное совещание эсеров в Уфе, вооруженный мятеж в Кизеле. За ведение революционной войны с немецкой и отечественной буржуазией высказались рабочие Мотовилихинского, Надеждинского, Верхне-Салдинского, Нижне-Сергинского, Кизеловского, Балашевского, Саткинского заводов Урала, предприятия «Пермолес», члены профсоюза грузчиков Камского бассейна в г. Перми и другие коллективы.¹²

В связи с началом 18 февраля 1918 г. германского наступления 21 февраля СНК издал Декрет «Социалистическое Отечество в опасности!», в котором провозглашалась идея священного долга рабочих и крестьян России в защите Республики Советов от «полчищ буржуазно-империалистской Германии» «до того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии».¹³ На Урале этот призыв вызвал движение по мобилизации сил для защиты

¹⁰ Известия Уральского областного Совета, 1918, 2, 7 марта; IV (Чрезвычайный) съезд Советов. Стен. отчет. М., 1920. С. 111–132.

¹¹ IV Чрезвычайный съезд Советов. Стеногр. отчет. С. 132.

¹² Там же. С. 334; Уральский рабочий, 1918, 19, 24, 27 марта; Известия Уральского областного Совета, 1918, 7 марта.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357.

«социалистического Отечества», являвшееся своеобразным «вторым изданием» революционного оборончества. По всему краю создавались военные комиссариаты, штабы по вербовке добровольцев и формированию из них боевых отрядов и дружин Красной Армии, на заводах было возобновлено производство вооружения, часть не демобилизованных солдат требовала включить их в состав Красной Армии и отправить на борьбу с немцами.

Однако активность и сознательность вступления в Красную армию не стоит преувеличивать, в первой пол. 1918 г., на добровольческом этапе ее формирования, они были не высоки. При том, что добровольчество имело материальные стимулы в виде продовольственного пайка, денежного довольствия и различных льгот, на Южном Урале, в Оренбургской и Уфимской губерниях, в Красную Армию вступили 21,3% рабочих, на Западном Урале, в Пермской и Вятской губерниях – 3,9% и 6,8% соответственно, а в целом по Уралу – 8%.¹⁴ Это свидетельствовало не только о неравнозначности поддержки рабочими красного лагеря, но и о нежелании их основной массы добровольно участвовать в гражданской войне.

Вскоре после Революции на Урале наблюдались массовое сокращение производства на оборонных заводах, их хаотическая демобилизация, дезорганизации промышленности в условиях ее ускоренной национализации, растущая безработица. С мая 1918 г. в регионе стали проявляться продовольственные трудности, а ряд рабочих поселков оказались на грани голода. Протест населения вызывали также действия местных большевиков, анархистов и эсеров-максималистов, формирований Красной гвардии и Красной Армии, занимавшихся бессудными арестами, убийствами, грабежом и насилием. В результате к весне – началу лета 1918 г. на Урале широкие масштабы приобрели антибольшевистские настроения, а позиции большевиков в регионе, в том числе в рабочей среде, были ослаблены.

Отличительной чертой Урала стал широкий размах антибольшевистского рабочего протеста и его повстанческие формы, в отличие от преимущественно мирных в других регионах страны.¹⁵ В 1918 г. только в горнозаводских поселках Урала произошли три крупных антибольшевистских восстания

¹⁴ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург, 2006. С. 312–313.

¹⁵ Вебер М. И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны. Автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. С. 21.

(Ижевско-Воткинское, Саткинское и Невьянское), 10–12 восстаний, которые можно оценить как средние, и несколько десятков случаев волнений.¹⁶

Антирабочий по своей сути курс «пролетарского государства» вызвал возмущение со стороны квалифицированных рабочих. На Урале эта категория рабочих, как правило, являлась владельцами земельных участков и жилищ. Наиболее ярким проявлением рабочего протеста стало Ижевско-Воткинское восстание рабочих в августе 1918 г. В антибольшевистских восстаниях в 1918 г., в воинских подразделениях Белой армии приняли участие до половины рабочих бывших казенных заводов Урала. Таким образом, раскол среди рабочих дошел на Урале до вооруженного противоборства их полярных слоев. В стихийном повстанческом движении в городах, рабочих поселках участвовали Союзы фронтовиков – объединения демобилизовавшихся с фронтов Первой мировой войны солдат и офицеров, преимущественно из рабочих и крестьян.

Вооруженные конфликты до лета 1918 г. носили точечный, прерывистый во времени и пространстве характер. Синхронизация вооруженных действий осуществилась лишь летом 1918 г. Мятеж чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. стал сигналом к выступлению и опорой объединения всех антибольшевистских сил на Востоке страны и положил начало регулярной Гражданской войне с образованием фронтов и вовлечением в военные действия широких масс населения.

Летом 1918 г. на большей части территории Урала в ходе развернувшейся широкомасштабной гражданской войны власть большевиков оказалась свергнутой, утвердились антибольшевистские режимы. В немалой степени быстрота падения Советской власти на огромной территории Урала и других регионов страны летом 1918 г. была обусловлена неприятием большевистской политики населением, в том числе рабочими и крестьянами. Свидетельства распространенности антисоветских и антикоммунистических настроений среди населения Урала летом 1918 г. и поддержки прихода «белых»¹⁷ как освободителей, «на ура», содержатся в многочисленных политических свод-

¹⁶ Вебер М. И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны. С. 18.

¹⁷ Под «белыми» авторы сводок политических отчетов подразумевали антибольшевистские правительства всех ориентаций.

ках большевистских партийно-советских инстанций за 1918 г.¹⁸

В результате летом–осенью 1918 г. умеренные социалисты заняли руководящее положение в восстановленных старых органах городского самоуправления, земствах, в составе Временного областного правительства Урала (далее – ВОПУ), образованного 19 августа 1918 г. ВОПУ уделяло немалое внимание решению социальных вопросов, урегулированию взаимоотношений рабочих и администрации. Часть населения, включая рабочих, поддерживала антибольшевистские правительства Урала на всем протяжении их существования, однако социально-экономические процессы на территории края и военно-политический режим породили реальность, далеко расходящуюся с правительственными установками.

Галопирующая инфляция, проблемы с хлебным снабжением, практиковавшиеся белыми разнообразные обременительные повинности (пешая, конная, подводная), реквизиции имущества на нужды армии, произвол и террор военных властей – все это делало повседневное существование населения под властью белых крайне тяжелым. Белый террор усилился после установления на Урале власти правительства Колчака в ноябре 1918 г. и особенно – после «сползания» правительства Колчака вправо весной 1919 г. Произвол военных достиг таких масштабов, что 6 мая 1919 г. Колчак был вынужден издать специальный приказ № 128 о дисциплине в армии и недопущении насилий над населением. В приказе, который предназначался к прочтению во всех ротах и командах, говорилось, что «войска и население должны видеть друг в друге братьев»¹⁹, что, однако, являлось запоздалой и неосуществимой декларацией.²⁰

Разочарование населения в белых правительствах, которых поначалу «встретили как избавителей», но потом «плакали от их крепких объятий» констатируется как характерная черта общественных настроений в политических сводках Екатеринбургского губкома РКП (б) за август–декабрь 1919 г.²¹

¹⁸ В частности, отдела Военно-полевого контроля 3-й армии РККА и Политотдела областного комитета РКП (б). См.: ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 466. ЛЛ. 54, 55, 58, 63; Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. Сб. док. Екатеринбург, 2008. С. 70.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 664. Л. 22.

²⁰ Бесконтрольность и произвол военных, в частности, пытки, истязания, расстрелы, бессудные аресты, чинимые уже после выхода приказа № 128 над рабочими Полевского, В.-Уфалейского, Северского заводов и красноармейцами подтверждают декларативность данного распоряжения Колчака: См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 664. Л. 26–27.

²¹ ЦДОО СО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 779. ЛЛ. 3-10.

Об этом же свидетельствует Л. А. Кроль: «Много перенесло население Пермской губернии от большевиков и с энтузиазмом встретило сибирскую армию. Но это настроение длилось не долго. Оно скоро перешло в недоверие, даже в ненависть, благодаря исключительно агентам власти».²²

После восстановления советской власти на Урале большевики, с помощью практики осведомления, выявляли не только антисоветские и антибольшевистские настроения, но и назревавшие акции протеста, в том числе экономические забастовки, зачинщики которых квалифицировались как «белогвардейские» и «колчаковские» агенты. В этом проявлялось неприятие и подавление большевиками любых форм протеста, даже вызванного объективными экономическими трудностями и социальными бедствиями. Так, пайковое снабжение продовольствием после освобождения Урала от Колчака летом 1919 г. было налажено из рук вон плохо. Причинами этого были неэффективность самой большевистской политики продовольственной диктатуры, хозяйственная разруха как следствие длительных военных действий, загруженность железных дорог и отсутствие необходимого подвижного состава для перевозки продовольствия на Урал. Недостаток продовольствия, голод как главная причина недовольства уральских рабочих Советской властью и «падения настроения» на заводах констатируются в сводках Екатеринбургской губчека осенью–зимой 1919 г.²³

Одновременно через приобщение населения к ритуалам и практикам, способствовавшим усвоению «правильных» с точки зрения власти языковых клише и мыслительных стереотипов шел процесс формирования новой политической культуры. Важную роль в приобщении уральского населения к большевистским политическим практикам играли церемонии празднования 1 мая, похорон большевиков – жертв гражданской войны,²⁴ митинги на предприятиях в связи с разгромом Колчака,²⁵ празднование годовщины Октябрьской революции,²⁶ собрания в поддержку решений Всероссийских съездов Советов.²⁷

²² ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142а. Л. 89.

²³ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. ЛЛ. 18, 22, 27, 29, 33, 35, 37, 39.

²⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 376. Л. 9об; Уральский рабочий. 1918. 22 (9) мая. № 96 (193), 12 июля. № 136 (233).

²⁵ Уральский рабочий. 1919. 9 августа. № 6 (368), 13 августа. № 9 (371).

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 282. Л. 180-180 об.

²⁷ Там же. Л. 222; ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 453. Л. 166.

Социально-психологические особенности горнозаводского населения, продукта традиционалистской горнозаводской культуры, определяли положительное восприятие идеи национализации заводов (но не ее реального воплощения в конце 1917 – первой пол. 1918 гг.).²⁸ Также положительно воспринимался образ сильного революционного государства во главе с вождем, призванного наладить справедливое производство и распределение продукции, обеспечить привилегии «самому передовому» классу, дать всю землю в пользование тем, кто ее обрабатывает.²⁹ На восприятии событий и поведении горнозаводских рабочих сказывалась их традиционная настороженность и враждебность по отношению к большинству инженеров и других представителей культуры образованных слоев.

Степень поддержки уральским населением советской власти в конце Гражданской войны может быть прояснена на основе анализа данных отделения военной цензуры при Первой трудовой Армии, содержащих информацию о частных письмах и отрывки из перлюстрированной корреспонденции.³⁰ По подсчетам Е. И. Ярковой, проанализировавшей 903 сообщения за период со второй половины апреля по вторую половину июня 1920 г., количество «положительных» (в поддержку советской власти) писем составляет 30% от общего числа, отрицательных – 61% , нейтральных – 9%.³¹ При том, что самое большое недовольство вызывала продовольственная политика власти, наименьшая доля отрицательных писем приходится на раздел «отношение к Красной армии и гражданской войне». По-видимому, это было связано с общими причинами победы красных в гражданской войне и отражало сдвиг общественных настроений после окончания военных действий в регионе.

Организованно и систематически применявшееся большевиками насилие, использование ими вооруженных формирований Красной гвардии, солдат,

²⁸ См., напр., протокол конференции рабочих, служащих и технических сил предприятий Кыштымского горного округа, проходившей в январе 1918 г.: ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 453. Л. 35 об.

²⁹ О том, что население считает даже посессионные заводы государственными свидетельствовал зам. председателя ВОПУ Л.А. Кроль. См.: ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142а. Л. 32об.

³⁰ Яркова Е. И. 1920-й год глазами населения Урала. Сводки военной цензуры о письмах граждан уральских губерний // Гражданская война на Востоке России: Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток. Материалы Всероссийской научной конференции. Пермь, 2008. С. 326–329.

³¹ Яркова Е. И. 1920-й год глазами населения Урала... С. 328.

матросов, интернационалистов, достигшее на Урале значительных масштабов; серьёзные противоречия между различными составляющими антибольшевистского движения на Востоке страны; стихийность и разрозненность антибольшевистского протеста массовых слоев; выдвижение большевиками привлекательных лозунгов, эксплуатация ими традиционалистских установок сознания населения, милитаризация труда – вот далеко не полный перечень причин утверждения большевиков в регионе к исходу Гражданской войны, которые должны осмысливаться в контексте общих причин и итогов российского революционного кризиса 1917–1922 гг.

А. В. Посадский

Особенности Русской революции и Гражданской войны в Поволжье: несколько тезисов¹

Поволжье и в пространстве социально-экономической истории, и в пространстве Гражданской войны делится на Верхнее Поволжье и Поволжье переселенческое – Среднее и Нижнее, которое более активно на протяжении 1917–1922 гг. Гражданская война неизбежно актуализирует многие разнохарактерные потенциалы общества. Для переселенческого Поволжья это крестьянская колонизация, широкий отклик на аграрную реформу, этническое многообразие сельского пространства.

В 1914–1917 гг. в логике войны и развернувшегося невиданного военного строительства центральным городом Поволжья была Казань – центр крупнейшего тылового военного округа. После корниловского выступления стали доминировать иные тенденции – демобилизации, возникновения локальных местных фронтов и начала советского военного строительства.

Аграрные пространства Поволжья, поднятые мобилизациями 1914 г. и последующих годов, привели, как и повсюду в стране, к созданию в городских пространствах военных городков, в которых сосредотачивались массы плохо обученных мобилизованных (запасные полки). В уездных городах численность этих частей могла быть сопоставима с количеством жителей. Параллельно росли лагеря военнопленных. Германцев старались отправлять вглубь страны, в Сибирь и Туркестан, в Поволжье преобладали подданные Австро-Венгрии, среди которых было множество славян. С распадом государства в 1917 г. данные места стали источником самых многообразных опасностей и начинаний. К первым надо отнести эпидемии, прежде всего сыпного тифа. С ухудшением снабжения и падением дисциплины неконтролируемые солдаты становились субъектами всякого рода насилия. Параллельно как запасные воинские чины, так и пленные оказывались резервуаром для формирования отрядов красной гвардии, а затем и РККА. Вместе с тем, в разных местностях эти процессы шли по-разному и требуют детального исследования. Архив-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 18-09-00149 «Феномен «красного» повстанчества в гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

ные фонды запасных полков и местных бригад могут предоставить новую информацию по названным сюжетам.

Фактором активизации конфликта, начиная с рубежа 1917–1918 гг., стало казачье соседство. Донские, уральские, отчасти астраханские казаки самоорганизовались по сословному признаку. Противостояние с ними вызвало к жизни первые красные формирования вроде «Армии Саратовского Совета». Оренбургские казаки, организованно ехавшие с фронта домой через саратовские станции, также вызвали консолидацию местных революционных сил.

В стратегическом отношении Волга как возможный вектор развития операций или Поволжье как театр военных действий возникали не раз. Летом 1918 г. савинковский Союз защиты родины и свободы планировал широкое восстание с опорой на верхневолжские города – Ярославль, Кострому, Нижний Новгород. План не удался, однако самоотверженное ярославское восстание стало самостоятельной страницей Гражданской войны и продолжает приковывать исследовательский интерес. Недавно вышли новые книги об этом событии.² Есть соображения о том, что юрьев-польские зеленые на Владимирщине – известная банда «Юшки» Скородумова – организационно оформились в результате впечатления от ярославских событий.³ Это открывает новые возможности для оценки настроений и потенциала протестного движения «вокруг» Ярославля.

Тем же летом 1918 г. перед руководством КомУча встал вопрос о направлении развития операций – на Саратов или на север, в сторону Нижнего Новгорода. Успешный авантюрный бросок на Казань поставил вопрос о развитии успеха. В. О. Каппель полагал правильным двигаться дальше, на Нижний. Однако дерзкое решение не состоялось, Казань через месяц пришлось оставить, а сил добраться до Саратова у Народной армии также не оказалось. В Нижнем Поволжье тогда же разворачивался сюжет с выбором точки приложения сил Добровольческой армии. Это могли быть Царицын или Кубань. В первом случае добровольческо-донские части имели шанс создать общий фронт с державшимися еще на Средней Волге чехами и народоармейцами. Естественно, возникала коллизия между германской ориентацией Дона и яр-

² Васильченко А.В. Ярославский мятеж. М.: Издательство «Пятый Рим», 2018; Соловьев Е.А. Расстрелянный Ярославль: историческая панорама трагедии города на Волге, июль 1918: к 100-летию Ярославского восстания. 2-е изд., испр. Ярославль: Академия 76, 2018.

³ См.: Чернышев Р. Юшко. Историко-документальный очерк о деятельности «Зеленой армии» на территории Владимирской губернии с 1919 по 1923 г. Б/м, б/г, 2018.

ко-союзнической – чехов, КомУча и добровольцев. Вопрос разрешился с началом Второго Кубанского похода 22 июня 1918 г.

После окончания Первой мировой войны вопрос о появлении теперь уже «союзников» на царицынском фронте на фоне переговоров атамана П. Н. Краснова и генерала А. И. Деникина о едином командовании вызвал настоящий психоз в измотанных казачьих частях: пошли слухи о прибывающих войсках и танках, об ультиматуме союзников большевикам и т.п. Кончилось все гибелью донского Северного фронта и окончанием битвы за Царицын.

С занятием войсками ВСЮР Царицына 30 июня 1919 г. и появлением «Московской директивы» Кавказской армии предписывалось двигаться на север. Однако уже ближайшая задача занятия Саратова оказалась невыполнимой, а попытки П. Н. Врангеля перенести войну на левый берег Волги оценивались, например, генералом Н. В. Шинкаренко как неразумное разбрасывание скудных сил.

Большое наступление войск А. В. Колчака весной 1919 г., названное «бегом к Волге», вывело их на дальние подступы к Казани и Самаре. Однако скольконибудь значительно задействовать ресурсы этих губерний белым не удалось.

Наконец, в период наибольшего развития повстанческого движения весной 1921 г. значительные более или менее организованные контингенты Ф. Попова, М. Пятакова, А. Антонова образовывали весьма внушительную конфигурацию возможных скоординированных усилий. Известна даже ложная новость об образовании «Саратовской антибольшевистской республики».

Среди губернских городов в Поволжье большинство пребывало под красной властью. Самара в июне–октябре 1918 года являлась столицей КомУча, под этой же властью недолго состояли Симбирск и Казань. Царицын де-факто и де-юре оказался центром новой советской губернии с сентября 1918 г. В рамках Донской государственности параллельно возник Царицынский округ. Интересно, что и под белой властью во второй половине 1919 г. город стал местом пребывания управления Саратовской губернией. Так, быстро развивавшийся промышленный Царицын превратился в значительную административную величину в разных юрисдикциях. Ярославль две недели держался против красных во время восстания 1918 г. и претерпел громадный урон. В Костроме, Саратове, Нижнем Новгороде существовало офицерское и эсеровское подполье. История его развития исследовано весьма фрагментарно.

но. Остававшаяся в советских руках Астрахань пережила три крупных и жестоко подавленных восстания в январе и августе 1918 г. и в марте 1919 г.

1918-й год сформировал две своего рода культовых точки на карте Гражданской войны в Поволжье: Казань – «красное Вальми», и Царицын – «красный Верден». Так они понимались в дальнейшем в революционной мифе. Карьеры М. Н. Тухачевского и И. В. Сталина, обкатка красного террора как средства борьбы и устрашения, массированное, по масштабам Гражданской войны, применение бронепоездов и авиации и многие другие военно-политические сюжеты берут начало в борьбе за эти пункты. Казань продемонстрировала грандиозный энтузиазм при появлении белых в августе 1918 г. Крупный губернский университетский город дал большой массив ушедших с белыми. Это один из наиболее ранних и массовых белых исходов.

Распределение и эффективность использования военно-политического ресурса зависели часто от ситуативных обстоятельств. Так, на севере Саратовской губернии располагались два соседних уезда с центрами в Вольске и Хвалынске. Хвалынск даже не имел железнодорожного сообщения. Вольск же славился как «ампирная столица» Волги и представлял собой богатый купеческий город с населением далеко за тридцать тысяч человек. 1 июля 1918 г. в Вольске произошло дружное антибольшевистское восстание. До 12 июля, когда город пришлось оставить под натиском красных, возникла Вольская народная армия с приличным офицерским кадром. Однако утрата города и уход восставших на север не позволили реализоваться значительному повстанческому и белому потенциалу. В результате Вольский полк Народной армии скромного состава остался единственным наследником массового антибольшевистского движения в небедном краю. А Хвалынск, не находившийся в отрыве от территории КомУча, стал, несмотря на бедность, базой и основой боеспособного отряда Ф. Е. Махина. Богатая Сызрань, также входившая в основную территорию под властью КомУча, дала в белые ряды два полка, окончившие боевой путь в качестве Сызранской Егерской бригады в отряде А. С. Бакича в 1922 г.

Интересно сопоставить двух основных боевых командиров армии КомУча в волжский период борьбы – В. О. Каппеля и Ф. Е. Махина, а также те добровольческие кадры, которые они смогли востребовать. Очевидно, Каппель опирался в большей степени на классических белых добровольцев-горожан, а Махин строил свою вооруженную силу на основе крестьянских добровольче-

ских отрядов и жителей аграрного города Хвалынского. Надо заметить, что собственно волжское (поволжское) наименование не очень активно звучит в событиях войны. Донцы в эпоху Краснова, например, склонны были называть Волгу «казачьей рекой» и вспоминать об исконном казачьем присутствии здесь. «Волжанами» именовали себя в белой армии именно бывшие чины отряда В. О. Каппеля, развернувшегося в 1-й Волжский армейский корпус (впоследствии Поволжскую армейскую группу войск).

Имеет смысл собрать уроженцев поволжских губерний, сыгравших значительную роль в Гражданской войне. Так, уроженцем тверского Калязина является красный командарм В. И. Шорин, Казани – В. И. Оберюхтин, начальник штаба 3-й армии А. В. Колчака, а позже командующий Восточным фронтом, в Корчевском уезде Тверской губернии родился А. П. Перхуров, в симбирском Карсуне – С. М. Торейкин, белый генерал, начальник 7-й Уральской дивизии горных стрелков. Возможно, с выстраиванием достаточно полного корпуса командиров обеих сторон откроются новые возможности для понимания мотивов и жизненных траекторий активных и удачливых участников Гражданской войны в Поволжье. Кроме того, окажется возможным понять расклад офицерских корпораций поволжских городов по сторонам противостояния, по стратегиям выживания, по реально сформировавшимся судьбам. Ведь под белой властью только Самара недолго имела столичный статус. В то же время в рамках советской государственности многие поволжские города оказались местом пребывания крупных военных штабов: Приволжского военного округа и Юго-Восточного фронта (Саратов), Запасной армии и Заволжского военного округа (Самара), Высшей военной инспекции, штаба 9-й красной армии (Балашов в Саратовской области) и т.д. Этот факт определял и привлечение местных офицерских кадров и вообще цензовых элементов в РККА.

Недавние уездные города стали центрами республик в рамках советского государственного и национального строительства. Царевококшайск стал в 1920 г. центром Марийской автономной области, Чебоксары – Чувашской. При этом во внимание принимались отнюдь не социально-демографические параметры. Так, куда более логичным было бы сделать главным купеческий Козьмодемьянск, но он в отличие от будущей Йошкар-Олы находился не в центре новой Марийской автономии.

Переселенческое Поволжье знало несколько крестьянских повстанческих волн. Во-первых, летние и осенние восстания 1918 г., охватившие практически все поволжские губернии, от Нижнего Новгорода до Царицына. Во-вторых, Чапанную войну весной 1919 г. в уездах Симбирской и Самарской губерний. В-третьих, летние восстания 1919 г. В-четвертых, «зеленовщины» на Верхней Волге (многие уезды Ярославской, Костромской, Тверской губерний). В-пятых, «вилочное восстание» зимой–весной 1920 г. Наконец, восстание А. П. Сапожкова в июле 1920 г. начинает мощную волну повстанчества 1920–1922 гг. в Среднем и Нижнем Поволжье и Заволжье, в котором будут участвовать недавние красные командиры. С точки зрения вовлеченности населения в военные события на первое место должна быть поставлена заволжская Самарская губерния, бывшая ареной военных действий как в рамках «большой» гражданской войны, так и ее заключительной повстанческой фазы. Уроженец Самарской губернии В. А. Серов стал командиром последнего крупного повстанческого формирования в европейской части страны, продолжавшего сопротивление до середины 1922 г.

Чапанная война и «вилочное восстание» отличаются составом участников. В первом случае поднялась в основном русская деревня, во втором – татаро-башкирская. При этом лозунги носили антиразверсточный и общедемократический характер, так что указанное различие носило, очевидно, организационно-коммуникационный характер при общности протеста. На фоне Чапанного восстания в Самаре произошел бунт советского полка, который можно рассматривать как элемент этого движения. В июне того же 1919 г. в Казани многотысячный Татарский запасный батальон устроил бунт с убийством советских активистов и карательными мерами при подавлении.

В Николаевском уезде Самарской губернии с 1917 г. разворачивалась эпопея В. И. Чапаева, и происходило зарождение его формирований. Сегодня героико-мемуарный дискурс освоения этой темы сменяется академическим. Саратовский исследователь А. А. Симонов может быть назван лучшим знатоком темы и, в частности, персоналий чапаевских командиров.⁴ Данный сюжет интересен и как перспективный для изучения размежевания сельского населения в условиях распада общегосударственной жизни. Наряду с широко известными красными добровольческими формированиями уезд дал немало

⁴ См., например: Вожаки и лидеры Смуты. Биографические материалы под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2017. С.144–184.

кадров и в белые ряды, как Народной армии, так и Уральской казачьей. Совокупное изучение этого добровольчества даст со временем объективную картину поведения деревни степного переселенческого края в гражданской войне.

Перспективно дальнейшее изучение роста и смены настроений добровольческих контингентов В. И. Чапаева и А. П. Сапожкова – двух красных командиров, черпавших свои силы в гигантских степных Николаевском и Новоузенском уездах Самарской губернии. Начдив Сапожков почти через год после гибели Чапаева поднял восстание, которое вовлекло в свою орбиту и недавних чапаевцев, и само по себе стало прологом к восстаниям красных командиров. В этом контексте стоит уделить внимание участию чапаевцев в раннем социалистическом мега-проекте железной дороги и нефтепровода Александров Гай – Эмба («Алгемба») и их недовольству своим положением трудармейцев. Перспективным видится формирование базы активных участников чапаевских и сапожковских формирований с целью увидеть, кто и каким образом оказывался вовлечен в дальнейший карьерный рост в РККА, кто попадал на жизненную периферию, а кто переходил на повстанческое положение в 1920–1921 гг. Означенное начинание может расширяться за счет исследования круга повстанцев с красным прошлым. Например, очевидно, что в восстании К. Вакулина значительное участие приняли недавние чины дивизии Ф. К. Миронова, И. Колесов и Суворов имели за плечами командирские карьеры в Первой конной армии.

Современные исследования показывают интересные пути развития событий в Нижегородской губернии.⁵ Обнаруживается связь между местным офицерством, подпольем, настроением крестьян-призывников. В губернии выделялся антибольшевистским настроением Семеновский уезд, что можно связать с повышенным процентом религиозных диссидентов в нем. Своего рода совокупным итогом обрисованных процессов стала сдача 11-й Нижегородской дивизии на Южном фронте осенью 1918 г.⁶ Дальнейшие исследования на нижегородском материале имеют научные перспективы.

Целый ряд селений в ходе восстаний и карательных экспедиций с неадекватным применением силы тяжело пострадал или вовсе оказался стерт с лица

⁵ См.: Андрюхин В. И. Жернова революции. Нижний Новгород: Литера, 2017; Беляков А., Дегтева О., Сенюткина О., Смирнов С. Политические репрессии в Нижегородской области. 1917–1953. М., Н. Новгород, 2017.

⁶ См.: Посадский А. В. Полковник В. К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод Гражданской войны. М.: АИРО-XXI, 2018. С.411–438.

земли. Подобные события остаются в местной памяти и превращаются в компонент регионального или локального сознания. Такова история расправы над селом Красное Костромской губернии летом 1919 г. отряда Френкеля. Такова история села Усинское Сызранского уезда. Оно стало одним из центров Чапанной войны и жестоко пострадало при подавлении. В настоящий момент уроженец села пишет подробную историю малой родины, стараясь максимально точно воспроизвести, в том числе, и события весны 1919 г. Помнятся жестокие расправы в ответ на сопротивление продовольственным изъятиям в татарском селе Семеновское Сергачского уезда Нижегородской губернии, селе Бакуры Сердобского уезда Саратовской губернии и многие подобные.

Обещает интересные результаты исследование инфраструктурных сетей, которые так или иначе продолжали функционировать, несмотря на войну. Это железные дороги, почта, телеграф, отчасти банковская система. Для Поволжья очевидной транспортной артерией и системой жизнеобеспечения являлась Волга. Изучение волжского судоходства, легальной и нелегальной торговли водным путем, системы перевозок и эвакуации в 1917–1922 гг. способно многое объяснить в экономике и повседневности гражданской войны в Поволжье.

Транспортная инфраструктура активно использовалась для мобилизации «масс». В Поволжье работали агитационные поезда и пароходы. Поезд имени В. И. Ленина стал первым, он был обкатан на казанском направлении в конце лета 1918 г. Наиболее активным оказался агитпоезд «Октябрьская революция» с тверским уроженцем М. И. Калининым, главой ВЦИК. Этот поезд с апреля 1919 г. по декабрь 1920 г. совершил 12 рейсов по стране. В 1919 г. он побывал в Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской губерниях, собирая многочисленные митинги и работая всем своим художественным арсеналом. Поволжье является родиной лидеров двух главных революционных партий В. И. Ульянова (Ленина) и В. М. Чернова, премьера «свободной России» А. Ф. Керенского, одного из крупных большевиков А. И. Рыкова. Однако в Гражданской войне сколько-нибудь существенное участие названных уроженцев в судьбах Поволжья, в отличие от Калинина, незаметно. По Волге и Каме с лета 1920 г. ходил также агитационный пароход «Красная звезда».

По объективным обстоятельствам слабоизученными остаются формы пассивного сопротивления и уклонения населения в условиях политики военного коммунизма – дезертирства, неактивного зеленого движения, мешочничества, уклонения от трудовых повинностей, перемещений и переселений

в интересах выживания. В частности, богатые хлебом самарские и саратовские местности привлекли множество мешочников. В Верхневолжье широким был уход от государства в лес, на Нижней Волге – в калмыцкие и киргизские степные просторы. Судьба и активность калмыков образуют самостоятельный сюжет. Идея оказачивания калмыков вызвала известную эпопею Астраханской армии и астраханской государственности в 1918 – начале 1919 гг. Калмыцкая степь и калмыцкое общество оказались разделены между белыми и красными.

В событиях Гражданской войны в тесной связи с Поволжьем оказались внеповолжские регионы. Например, Уральская область (губерния). В то же время поволжская по формальной принадлежности Пензенская губерния скорее может рассматриваться как часть черноземного массива. Балашовское Прихоперье также в событиях междоусобицы более тесно связано с воронежскими (зеленое движение лета 1919 г.), тамбовскими («Антоновщина») и, отчасти, донскими краями.

Трагическим элементом гражданской войны в Среднем и Нижнем Поволжье стал голод 1921 г. В Самарской и Саратовской губерниях он носил практически тотальный характер в сельских районах. Даже оставляя в стороне вопрос о степени спровоцированности голода политикой РСФСР, отметим, что в угасании массового повстанческого движения и изменении массовых настроений в пользу прекращения борьбы голод сыграл огромную роль и вполне может считаться равным соперником новой экономической политики.

А. С. Пученков

Об особенностях Гражданской войны в Крыму (1917–1920 гг.)

В рассматриваемый период Крым был своеобразной фотографией всей, многослойной и абсолютно непредсказуемой по самой природе своей, России – правда, в миниатюре. В период революции и Гражданской войны Крым последовательно прошел все стадии конфликта; перипетии событий на полуострове позволяют воочию увидеть все ожесточение, царившее тогда в России: здесь в Крыму в разные периоды владычествовали разные «царьки» – откровенно охлократические и бандитствующие революционеры «первого призыва» рубежа 1917–1918 гг., тоже, впрочем, как-то пытавшиеся умерить страсти; мало поддающееся какой-то политической аттестации правительство генерала Матвея Сулькевича, власть которого всецело зависела от поддержки немцев; либералы во главе с Соломоном Крымом, умудрившиеся на короткое время создать в Крыму своеобразный оазис спокойствия;¹ «умеренные» большевики; «единонеделимцы» под началом сначала Деникина, потом Врангеля; наконец, уже на рубеже 1920–1921 гг. – неслыханный террор, привнесенный большевиками на благодатную крымскую землю после исхода Врангеля из Крыма и кровавый восход «Солнца мертвых».

«Утраченные иллюзии» – так назывался один из лучших романов Бальзака. К 1921 году угодившее под красное колесо население России в большинстве своем уже утратило какие-либо иллюзии относительно подлинной физиономии практически всех властителей, промелькнувших перед ними в причудливо-уродливом калейдоскопе «человеческой комедии» за ничтожный по историческим меркам отрезок неполных четырех лет революции и Гражданской войны. Крым в этом плане не просто не был в этом отношении исключением; в 1917–1921 гг. на полуострове можно было увидеть *всё* – белый и красный террор, германскую оккупацию и союзную интервенцию, самые разнообразные по своим политическим пристрастиям и по степени презрения к человеческой жизни правительства, примеры удивительного самопожертвования, сочетавшиеся с не менее удивительной алчностью, продажностью и

¹ Розенберг Уильям Г. Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы) // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / Сборник статей; ред. Р. Герварт и Д. Хорн. М., 2014. С. 35.

беспрецедентным цинизмом; расцвет науки и культуры на полуострове, столь же удивительным образом соседствовавшие с доселе невиданной на территории «русской Ривьеры» агрессией в отношении своих ближних. Словом, Крым затронули все мерзости Гражданской войны, благоглупости самых разных политических режимов; особенность политических событий в Крыму проявлялась, на наш взгляд, лишь в том, что, – и в этом кардинальное отличие от остальной России, – полуостров затягивался в воронку Гражданской войны постепенно, изначально большая часть населения не желала принимать участия в братоубийстве, с недоумением и презрением взирая на грязную и жестокую политическую возню. Потребности к борьбе «всех против всех» у местного населения, очевидно, не существовало; здесь, в благодатной Тавриде, классовое расслоение было не столь очевидно, а пролетариат плохо организован; на первых порах, крымское общество, видимо, пыталось отдавать предпочтение политическим методам решения существующих проблем, а не силовому варианту, вспышки террора носили очаговой характер, хотя и оставляли в сознании крымчан больший след, чем на материке. Неспособность местных сил к созданию своей дееспособной власти привела к тому, что Крым с удивительной легкостью переживал смену одного политического режима другим, относясь к этому в значительной мере равнодушно. Некая «курортная ленца» служила своеобразным иммунитетом от тех жестокостей и беспредела Гражданской войны, которые были характерны для тех же Киева и Петрограда. Крым, в отличие от остальной России, знал в то время и периоды относительного, естественно, по меркам той эпохи, затишья, когда благодатная земля, самой природой призывающая человека наслаждаться совершенством мироздания и получать удовольствие от «покоя и воли», на время умирляла страсти, и полуостров погружался в привычную сиесту, отличаясь тем самым от остальной России, неустанно совершенствовавшейся в своей тяге к братоубийству. К моменту окончания междоусобицы, в период, когда материковая Россия, тяжело израненная ужасами братоубийства и военного коммунизма, казалось бы, успокоилась, Крым, напротив, дошел до пика своей *Гражданской* войны.

В 1920 г., совершенно неожиданно для себя, Крым вышел на авансцену российской междоусобицы: здесь, в последние дни врангелевщины, было суждено прозвучать последним залпам большой Гражданской войны, здесь, в окаянные дни красного террора, звероподобная сущность братоубийства в

неистово жестокой форме проявила себя ярче, чем где бы то ни было. Наконец, отсюда, из Крыма, ушли на чужбину почти 150 тысяч наших соотечественников, большинство из которых больше *никогда* не вернулись на Родину. 150 тысяч соотечественников, ушедших в изгнание, и минимум 12 тысяч жертв красного террора. Наверное, уже сами по себе эти цифры показывают, что междоусобица в Крыму не была просто эпизодом Гражданской войны в России; скорее, они свидетельствуют о том, что на конечном этапе противостояния события на полуострове были уже ее олицетворением, а трагедия «Солнца мертвых» была просто концентрированным выражением всех предыдущих и последующих бед проклятого, по словам поэта Д. Самойлова, для нашего Отечества, двадцатого столетия.

В период Гражданской войны Черноморский флот играл определяющую роль в жизни полуострова. В 1917–1918 гг. флот потенциально мог сыграть роль «проходной пешки», готовящейся стать ферзем, чтобы решить тем самым судьбу партии. Вместе с тем для подобной роли флоту был необходим сильный и инициативный командующий, каковым был адмирал А. В. Колчак. До поры до времени Колчак воспринимал произошедшую революцию и смену власти как свершившийся факт, с которым следует считаться, при этом адмирал, несомненно, попытался стать фактическим руководителем революционного движения на Черноморском флоте, стараясь, по словам историка А. В. Смолина, «поддерживать репутацию человека, преданного революции и учитывающего настроения матросских масс».² Харизма и исключительный профессионализм Колчака способствовали тому, что разложение моряков-черноморцев развивалось гораздо более медленными темпами, чем на Балтфлоте; здесь, на Черном море, энергия революционного порыва поначалу была обращена в более спокойное русло. Вскоре, однако, ситуация изменилась. Матросы, обладавшие, по удачному выражению историка М. А. Елизарова, «до, после и в период Февральской революции» своей «партийной», флотской и матросской идеологией, хотя и не записанной в программах и уставах,³ отныне стремились руководствоваться только ею, не очень-то обращая внимания на прежние чины и авторитеты; своеобразно понимаемые ими понятия «правда» и «справедливость» с каждым днем все более и более

² Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. С. 153.

³ Елизаров М. А. Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб., 2004. С. 42.

расходились с устремлениями офицерского корпуса флота и самого Колчака. С каждым днем взаимный антагонизм «верхов» и «низов», а в данном случае – матросской массы и офицеров, становился все более очевидным, а взаимное ожесточение и абсолютная неготовность к диалогу дали в Крыму свои кровавые всходы и в первые месяцы после Октября, и, в особенности, в годы Гражданской войны.

Октябрь был встречен населением полуострова достаточно апатично и равнодушно: за летние месяцы люди по всей России настолько устали от постоянных потрясений, что восприняли произошедшее в Петрограде как еще одну политическую метаморфозу бурного на события года. От февральско-мартовской эйфории не осталось и следа, а проявлять оппозиционные настроения стало делом опасным. Уже первые шаги большевиков, такие, например, как подавление восстания юнкеров в Москве, показывали, что мириться с сопротивлением новая власть не будет. До Крыма новости из столицы вначале доходили в виде слухов, а вскоре местные сторонники В. И. Ленина сами начали демонстрировать, какими именно методами они собираются прокладывать дорогу «в царство свободы».

Виднейшей фигурой в дни установления Советской власти в Крыму был Ю. П. Гавен, делегированный ЦК РСДРП(б) осенью 1917 г. на полуостров. «В конце сентября 1917 г. я получил поручение от ЦК нашей партии отправиться в Крым для руководства партработой. Директивы ЦК передал мне через покойного тов. Свердлова. Помню, что Яков Михайлович торопливо, кратко и очень ясно – это был его стиль – отчеканивал:

“Вопрос о взятии власти пролетариатом – вопрос нескольких дней. Во всех промышленных центрах пролетарские силы уже достаточно созрели. На юге же, особенно в Крыму, наши дела обстоят плохо. Там – полное засилье социал-соглашателей. А это особенно печально, если принять во внимание значение Севастополя как военного порта. Ближайшая важнейшая задача – превратить Севастополь в революционный базис Черноморского побережья... Спешите. Подбодри хорошенько крымских ребят. Нарисуйте им картину той революционной бодрости пламенного энтузиазма и боевого пыла, каким охвачен питерский пролетариат. Крымчаки должны чрезвычайно напрягаться, чтобы подогнать события, которые мчатся вперед бешеным темпом. Еще раз подчеркиваю: в центре внимания – Севастополь и Черноморский флот.

Севастополь должен стать Кронштадтом юга”», – вспоминал Ю. П. Гавен.⁴ И действительно, Севастополь и Черноморский флот всегда были намного «левее», чем весь остальной полуостров в целом. Как и в Петрограде, в пределах Таврической губернии главными приверженцами осуществления насилия в отношении противников Революции стали радикально настроенные «широколицые, скуластые и угрюмые», пользуясь определением М. Волошина,⁵ матросы, для которых основным средством ведения политической борьбы почти сразу стал террор.

Главным их центром, разумеется, стал Севастополь, который захлестнула волна самосудов и расправ,⁶ наиболее зловещим примером которых может быть названа знаменитая «еремеевская ночь» 23 февраля 1918 г. Выступивший в роли одного из главных инициаторов расправы над офицерством главный комиссар Черноморского флота В. В. Роменец в своих воспоминаниях описал случившееся с ужасающей и прямодушной откровенностью: «Случилась жестокая расправа с врагами рабочих и крестьян, и в одну из ночей врагам было отведено свое место в количестве 386 человек за боновым загрязждением».⁷ По боеспособности флота своими же руками был нанесен страшный удар.

Адмирал М. П. Саблин, вскоре согласившийся стать командующим флотом, будучи высококлассным профессионалом, в роли политика себя не видел. Не избавившийся от митинговых традиций 1917 г. Черноморский флот продолжал бродить. Боеспособность экипажей кораблей была сведена к минимуму. «Боевой флот, как таковой, совершенно не существовал, но в то же время на каждом корабле был свой комитет, который обращал корабль в плавающую латифундию», – вспоминал в начале 1920 г. бывший Главком вооруженных сил Республики И. И. Вацетис.⁸

⁴ Государственный архив Республики Крым. (ГАРК). Ф. П-150. Оп. 1. Д. 312. Гавен Ю. П. Отголоски Октября в Крыму. Л. 104.

⁵ Волошин М. Матрос (1918) // Россия распятая: сборник статей и стихов М. А. Волошин / Сост. В. И. Цветков. М., 1992. С. 61.

⁶ Подробнее см.: Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 123–128; Елизаров М. А. Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб., 2004. С. 111–116.

⁷ ГАРК. Ф. П-150. Оп. 1. Д. 676. Роменец В. В. Мои воспоминания ко дню 11-й годовщины. Л. 4.

⁸ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Вацетис И. И. Десять месяцев на посту Главкома РСФСР. Л. 168.

Вместе с тем безропотно передать корабли под власть немцев личный состав не согласился. Часть эскадры ушла в Севастополь – фактически под власть немцев; в свою очередь, моряки-патриоты, подчинившись приказу председателя СНК В. И. Ленина, затопили остаток эскадры в Цемесской бухте под Новороссийском. «Севастопольская» часть Черноморского флота в конце концов вошла в состав уже белого Черноморского флота.

В июне 1918 г. пожелавшие создать в Крыму столь же управляемый, как и на Украине, режим власти, немцы привели к власти своего ставленника – генерала М. А. Сулькевича. Татарин по происхождению и мусульманин по вероисповеданию Сулькевич, формально наделенный широкими полномочиями, диктатором полуострова, в привычном понимании этого слова, не был. Видя в татарском населении Крыма опору своей власти, Сулькевич, тем не менее, не придал своему режиму русофобского характера, осуществляя на практике достаточно умеренную политику. Вместе с тем генерал решительно отстаивал независимость полуострова от Украины, не желая способствовать поглощению Крыма Державой Скоропадского. Фактически Сулькевич осуществлял политику, направленную на обретение Крымом всех атрибутов суверенного государства – флага, герба, закона о гражданстве, пытался предпринимать усилия, направленные на обеспечение экономической независимости Крыма от Украины. Показательно, что Крым в гораздо большей степени был готов при известных условиях вернуться в лоно России, чем стать частью Украинской Державы. Поражение Германии в мировой войне сделало позиции Сулькевича предельно шаткими. Попытки крымского правителя получить помощь от Деникина к успеху не привели. В отличие от Скоропадского,⁹ Сулькевич без особой борьбы уступил власть местным кадетским группам, предварительно заручившимся поддержкой Добровольческой армии.

Принявшее власть у Сулькевича правительство Соломона Крыма, по наблюдению современников, больше походило на заседания земства в старое доброе дореволюционное время. Как бы то ни было, к концу 1918 г. в Крыму было спокойнее, чем едва ли не на всей территории бывшей Российской Империи. Правительство Соломона Крыма, сделавшее ставку на поддержку интервентов и Добровольческой армии, по своему характеру было умеренно-либеральным, пытаясь в условиях Гражданской войны, сохранять привер-

⁹ Подробнее об этом см.: Пученков А. С. Киев в конце 1918 г.: падение режима гетмана П. П. Скоропадского // Новейшая история России. 2011. №2 (2). С. 57–72.

женность правовым нормам и «демократическим» завоеваниям Февраля. Последнее обстоятельство порождало постоянный вялотекущий конфликт как с местными силами добровольцев, так и с Главнокомандованием Вооруженными Силами на Юге России: крымских деятелей до крайности раздражали «эксцессы армии», иначе говоря, самосуды, которые осуществляли добровольцы в отношении лиц правомерно или неправоммерно осуждаемых в пособничестве большевикам; в свою очередь, Деникин усматривал в отношениях правительства с союзниками «сепаратизм», считая, что отношения с интервентами – его исключительная прерогатива как Главнокомандующего ВСЮР. Вместе с тем как сам С. С. Крым, так и его кабинет оставались лояльны, как непосредственно по отношению к Деникину, так и по отношению к Белому движению. Их протест против самоуправств добровольцев на местах, равно как и против излишне жесткой, по их мнению, централизаторской политики Екатеринодара, оставался протестом «бумажным», а не воплощался в практических действиях. По-видимому, первопричина этого крылась в осознании того факта, что своих вооруженных сил у крымского правительства не было. Уход интервентов с территории полуострова привел и к краху правительства Соломона Крыма.¹⁰ В падении Крыма деятели кадетского кабинета обвиняли Деникина, дескать, не сделавшего ничего для того, чтобы защитить полуостров от большевиков.¹¹ Деникин не остался в стороне от полемики по этому вопросу, с долей иронии утверждая, что правительство Соломона Крыма «являет собою законченный опыт демократического правления, хотя и в миниатюрном территориальном масштабе, – правления, обладавшего суверенностью, полным государственным аппаратом и подобающими ему званиями. В части правительства поначалу существовала преувеличенная оценка своего значения, “как прототипа будущей Всероссийской власти”».¹²

Выявить истину в данной ситуации чрезвычайно трудно; понятно, что упрощенный поиск единственного и непосредственного виновника падения Крыма к успеху привести не может; слишком много слагаемых играло на

¹⁰ Подробнее о деятельности правительства С. С. Крыма см. в воспоминаниях В. Д. Набокова и Н. Н. Богданова, занимавших министерские посты в этом кабинете: Набоков В. Н. Крым в 1918/19 гг. / Публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2015. №1 (15). С. 221–257; Богданов Н. Н. Крымское краевое правительство [1919 г.] / Публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2018. Т. 8. №2. С. 534–557.

¹¹ Богданов Н. Открытое письмо А. И. Деникину // Последние новости. Париж. 1928. 22 декабря.

¹² Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 420.

руку большевикам. Возможно, что Ставка действительно не видела в обороне Крыма в тот момент первостепенной и наиважнейшей задачи для армий ВСЮР; но с другой стороны, в ситуации, когда подход к обороне полуострова был у Ставки несопоставимо более серьезным – в Крыму, при Врангеле – перешейки вновь не смогли устоять, а белые армии вынуждены были навсегда оставить Россию. Подытоживая наши наблюдения, позволим себе высказать мнение о том, что Крым весной 1919 г. был интересен и важен для Деникина лишь до той поры, пока полуостров рассматривался как база для союзных контингентов, находящихся в непосредственном взаимодействии с белогвардейцами; с того момента, как для белого Главкома стало очевидным нежелание и невозможность союзников драться с большевиками – Крым стал рассматриваться как второстепенный театр военных действий, периферия Гражданской войны.

Как бы то ни было, но в апреле 1919 г. союзники ушли из Крыма, который накрыла вторая волна большевизма: к 1 мая весь полуостров был занят советскими войсками. Уже 28–29 апреля состоялась Крымская областная партконференция. В ее работе участвовали около 30 делегатов от партийных организаций городов Крыма. Для придания конференции представительности на конференцию был делегирован член Политбюро ЦК РКП (б) и член Президиума ВЦИКа, чрезвычайный уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны на Южном фронте Л. Б. Каменев и нарком внутренних дел Украины К. Е. Ворошилов. С информационным докладом «О национальном вопросе партии и о решении ЦК об образовании Крымской Социалистической Советской Республики» выступил Ю. П. Гавен. После развернувшихся по докладу прений конференция большинством голосом постановила «одобрить решение ЦК об образовании Крымской ССР и немедленно приступить к его осуществлению».¹³ Возникла Крымская Советская социалистическая республика, которая 1 июня 1919 г. вошла в военнополитический союз советских республик на правах самостоятельного государственного образования. В виду краткосрочности существования Крымской ССР наладить работу Советов на ее территории не удалось.¹⁴ Было со-

¹³Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: Год 1921-й. (Краткий исторический очерк). Симферополь, 1992. С. 65.

¹⁴Ганин А. В. Между красными и белыми. Крым в годы революции и Гражданской войны (1917–1920) // История Крыма. М., 2015. С. 303.

здано и правительство, в составе которого выделялись две любопытные фигуры. Временно председательствующим (постоянного так и не появилось), наркомом здравоохранения и соцобеспечения крымского правительства стал Дмитрий Ильич Ульянов – младший брат Владимира Ильича Ленина,¹⁵ а должность наркомвоенмора в течение месяца исполнял знаменитый Павел Ефимович Дыбенко – личность в своем роде уникальная. КССР считалась автономной республикой в составе РСФСР. Главным событиям в жизни полуострова в период Гражданской войны еще предстояло произойти.

Успехи большевиков в Крыму продолжались недолго. Уже 8 июня 1919 г. Крымский обком РКП (б) и Совнарком КССР приняли совместное решение о создании полуострове Совета Оборона Крыма. В состав Совета Оборона вошли Дыбенко, нарком продовольствия и торговли С. Вульфсон-Давыдов, секретарь Симферопольского комитета РКП(б) Н. Бабахан и нарком внутренних дел, председатель Крымского областкома Гавен. Совет Оборона в «интересах Советской власти на полуострове и в целях оказания помощи Южному фронту, объявил Крымскую Советскую республику военным лагерем, подчинил деятельность наркомов К. С. С. Р. нуждам обороны Крыма, обратился с призывом ко всем трудящимся полуострова прийти на помощь Красной армии в ее героической борьбе за власть рабочих и крестьян, за социализм».¹⁶

Деятельность Совета Оборона Крыма оказалась неэффективной. «Второе пришествие» Советской власти в Крым было недолговечным. Крымская красная армия к июню насчитывала 8650 штыков, 1010 сабель, 48 пулеметов и 25 орудий. Боеспособность их была невелика. 18 июня 1919 года в районе Коктебеля был высажен белый десант под командованием генерала Я. А. Слащова, который зашел в тыл красным частям, ведущим бои на Акмо-найских позициях против слабых и немногочисленных сил добровольцев.

¹⁵ «В начале апреля я жил в Евпатории и вошел там в Ревком... В конце апреля меня перетащили в Симферополь тов. Гавен и др. Он знал меня по работе с прошлого года, и я должен был остаться в Симферополе Наркомом здравоохранения и обеспечения... Вследствие болезни Гавена, приковавшей его к постели, его нельзя было избрать председателем, хотя он наиболее подходил бы к этому, как известный хорошо по прошлому году севастопольским и симферопольским рабочим и матросам. Временно, за неимением лучшего, посадили меня – в ожидании сильного кандидата с севера от вас. Работы много, планы широкие у нас, но без помощи от вас и Киева сядем на мель – полное отсутствие денег и т. п.», – писал Д. И. Ульянов сестре Марии Ильиничне. (См.: Ульянов Д. И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи. М., 1984. С. 268. Письмо от 11 мая 1919 года.)

¹⁶Брошеван В. М., Форманчук А. А. Указ. соч. С. 66.

Поддержку левому флангу и центру десанта оказывал огнем своей корабельной артиллерии крейсер «Кагул», помимо огневой поддержки, также высадивший десант на берег. Работа «Кагула» вскоре была отмечена Деникиным переименованием крейсера в «Генерал Корнилов».¹⁷ Красные были деморализованы, по словам белогвардейца С. Н. Шидловского, участвовавшего в тех боях, «с каждым днем стояния у них дух падал, у нас поднимался».¹⁸ Опасаясь окружения, красные стали быстро уходить на север, оставляя один крупный населенный пункт за другим. Эвакуация была абсолютно неожиданной для всех служащих учреждений республики, она проходила без всякого заранее намеченного плана. Учреждения республики эвакуировались в Никополь, а затем в Киев.¹⁹ По словам историка М. В. Владимирского, автора интересной книги «Красный Крым 1919 года», «от “пришли” до “ушли” прошло всего 75 дней, вместе с тем нельзя не отметить того, что краткий период повторного большевистского владычества отличался определенной гуманностью – без бессудных и кровавых эксцессов сродни «Еремеевской ночи», не говоря уже о страшном красном терроре конца 1920 – начале 1921 гг., этакий «социализм с человеческим лицом», естественно, с учетом специфики Гражданской войны,²⁰ во многом это было связано и со спецификой личности самого Д. И. Ульянова, мягкого и добродушного человека, земского врача «чеховского» интеллигентского склада.

Наступило лето 1919 года – пик успехов войск Деникина, к концу июня с впечатляющей легкостью очистивших от большевиков полуостров. К октябрю войска генерала А. И. Деникина контролировали огромные территории, население которых составляло десятки миллионов человек. Выполняя так называемую «московскую директиву» Деникина, белогвардейцы дошли до Орла. Казалось, вот-вот и большевистский режим будет сокрушен. Но счастье отвернулось от деникинцев, и начался их стремительный откат обратно на Юг. Армии Юга России, в основной своей массе состоявшие уже не из прежних идейных добровольцев, а из казаков и пленных красноармейцев, поставленных в строй под знамя «Единой и Неделимой России», под влиянием поражений,

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.

¹⁸ Шидловский С. Н. Записки белого офицера. СПб., 2007. С. 27.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 43. Записка члена Севастопольского подпольного комитета большевиков Семена (?). 17 августа 1919. Доклад о положении на Крымском полуострове и организации подпольной работы. Л. 35.

²⁰ Владимирский М. В. Красный Крым 1919 года. М., 2016. С. 4.

утратили свой боевой дух и стремительно разлагались. В марте 1920 г., после кошмарной Новороссийской эвакуации, в результате которой армия лишилась своей материальной части, деникинцы оказались в Крыму. Крым стал последним плацдармом Белого Юга. Дальше отступать было некуда.

Сломленный морально и физически, Деникин принял решение оставить свой пост и предписал высшим начальникам армии высказаться о том, кого они видят его преемником на посту Главнокомандующего. На проходившем в Севастополе Военном Совете большинство генералов поддержали кандидатуру П. Н. Врангеля, являвшегося ставленником правых кругов и командования Черноморского флота и в течение ряда последних месяцев находившегося в оппозиции к Деникину. Хотя борьба за власть Врангеля и Деникина, которую последний назвал «русским позорищем»,²¹ не является украшением истории Белого движения, все же, после ряда колебаний и безрезультатного коллективного обращения генералов к Деникину с просьбой не оставлять свой пост, участники Совета высказались за кандидатуру Врангеля.²² Последним приказом Деникина он и был назначен Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России. Завершался приказ словами: «Всем, честно шедшим со мною в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию».²³ Огласив членам Военного Совета последний приказ Деникина, председательствующий генерал А. М. Драгомиров провозгласил «Ура!» генералу Врангелю. Не сразу, «без воодушевления и единогласия», но совет прокричал «Ура!» новому главкому, который обошел всех членов Совета, пожав каждому руку. Так закончился «генеральский совдеп» в Севастополе, а уже вечером 22 марта 1920 года Деникин навсегда оставил Россию.²⁴ Начиналась крымская эпопея барона Врангеля – завершающий этап белой борьбы на Юге России.

Сменивший Деникина на посту Главнокомандующего генерал Петр Николаевич Врангель находился в чрезвычайно трудном, практически безнадежном положении. В распоряжении крымского диктатора находился лишь кро-

²¹ Деникин А. Мой ответ (О воспоминаниях ген. П. Н. Врангеля) // Иллюстрированная Россия. Париж. 1930. № 22. С. 4.

²² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 747. Записки генерала Н. Н. Шиллинга. Л. 96–97.

²³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. V. С. 808.

²⁴ Подробнее см.: Пученков А. С. Антон Иванович Деникин – полководец, государственный деятель и военный писатель // Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917). М., 2017. С. 15–46.

хотный полуостров. В связи с этим политическая программа Врангеля сводилась к тому, чтобы выиграть время, в надежде на изменение обстановки в Центральной России в пользу белогвардейцев.

Помимо этого, новому вождю предстояло решить огромное количество проблем, оставшихся по наследству от Деникина, а главное – вернуть армии веру в победу. Провал похода на Москву привел к тому, что очень многие из белогвардейцев были убеждены в дальнейшей бесплодности борьбы. Работа Врангелю предстояла большая, и он взялся на нее с характерной для него решительностью и энергией, совместив при этом посты Главнокомандующего и Правителя Юга России, т. е. военную и гражданскую власть. Армия была переименована в Русскую, название Вооруженные Силы на Юге России ушло в прошлое. Новый диктатор обладал всей полнотой власти.

Врангель взялся за дело со свойственной ему огромной энергией, даже по признанию главного оппонента Врангеля – М. В. Фрунзе, «барон Врангель, начиная с апреля месяца (1920 г. – *А. П.*), развертывает в Крыму колоссальнейшую работу».²⁵ Ему удалось восстановить в армии дисциплину и боевой дух. «В то время Врангель пользовался громадным авторитетом. С первых же дней своего управления он показал себя недюжинным властителем, как бы самой судьбой призванным для водворения порядка. После Деникина хаос и развал царили всюду, – в верхах и в низах, но главным образом в верхах. Врангель сумел в короткий срок упорядочить все, – и управление, и войска, и офицерство, и оборону Крыма, – эти важнейшие вопросы первых дней своего пребывания у власти. Его промахи и бестактности не замечали и прощали в виду той громадной работы, которую он проявлял по восстановлению расшатанного аппарата власти. Блестящие победы на фронте снискали ему общее доверие в войсках; разумеется, у него были и недоброжелатели, но их было немного, и масса в общем шла за ним, как за признанным вождем», – вспоминал генерал В. А. Замбржицкий.²⁶ Врангель несомненно был не только талантливым военный и государственный деятель, но и администратор, не чуравшийся черновой работы.

Известно несколько высказываний Врангеля в отношении того, каким он хотел видеть свое государство – Крым. В записках В. Патека пересказывается

²⁵ Фрунзе М. В. Врангель // Избранные произведения. М., 1951. С. 167.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Замбржицкий В. Последний поход на Кубань. Август 1920 года. (Записки участника). Л. 141.

его беседа с руководителем отдела печати и одновременно личным секретарем барона Г. В. Немировичем-Данченко:

«— Каковы планы и надежды Главнокомандующего в этой неравной борьбе со всей большевизированной Россией? Снова вера в «снежный ком»? (Прим. Автора: Ходячее выражение при генерале Деникине в период успехов Добровольческой армии: горстью Корнилова армия снежным комом разрассталась и катилась на Север, на... Москву!)

Нет, отвечал Немирович-Данченко, на то, что было на Кубани, у генерала Врангеля надежды мало.

Какова же цель этой дорого стоящей кровавой диверсии за Северную Таврию?

— Главное командование озабочено одним: снабжением продовольствием армии и населения Крыма. Выкачаем из Северной Таврии, из смежных уездов зерно, а на зиму — назад, за Перекопский вал. Крым будет неприступен: для удержания его г. Врангель считает армию вполне достаточной и боеспособной. Зимой будем отсиживаться в Крыму, а летом, если внутри России будут восстания, мы из Крыма пойдем на помощь. Так, вероятно, дело будет идти годами: зимой будем за Перекопом, а летом — в поход, как и говорится в красноармейской частушке: «лето — ваше, зима — наша: вы — на танках, мы — на санках».

— А Крым?

— Крым Врангель предполагает превратить в маленькое самостоятельное образцовое государство: с разрешением в пользу обрабатывающих земельного вопроса, с истинными гражданскими свободами, с демократическими учреждениями, с университетами и прочими культурными учреждениями. Пусть там, за красной стеной, слышат о «Земном рае», действительном не в Совдепии, а в белом Крыму. Пусть видят и идут к нам; всем идущим — наша поддержка и братский привет. Образцовое государство на носу у большевиков — лучший способ пропаганды к восстаниям. И притом к восстаниям не бесплодным: где-то на Юге есть база — Крым с признанным иностранцами Правительством, с Армией, с танками и боевыми припасами.

— Идея блестящая, а удержится ли Крым?

— В этом направлении г. Врангелем делается все возможное: Перекоп будет бетонирован и минирован, из Джанкоя уже проводится железная дорога к Перекопу. По всему перекопскому валу будут стоять дальнобойные и силь-

ные морские орудия; будет создано три линии обороны, защищающие подступы к Крыму. Армия будет через каждые промежутки уходить из окопов на отдых в тыл, т. е. одни полки будут сменяться другими. Словом, мы засядем надолго в Крымской крепости».²⁷

Политику Врангеля нередко называют, вслед за П. Б. Струве, «левой политикой правыми руками», самому же Врангелю приписывают слова, характеризующие эту политику – «хоть с чертом, но против большевиков».²⁸

Ключевой фигурой и мотором реформ в правительстве генерала Врангеля стал убежденный монархист А. В. Кривошеин, в свое время бывший ближайшим сотрудником П. А. Столыпина в деле проведения земельной реформы. Кривошеин был человеком прагматически настроенным, имевшим острый ум и огромный политический опыт. Можно утверждать, что он имел очень серьезное влияние на главнокомандующего. В начале июня 1920 г. Кривошеин был назначен помощником Врангеля, т.е. фактически первым лицом в Крыму после самого барона.²⁹ «По иронии судьбы, “постоянный кандидат” на премьерство Российской империи, отказавшись от него в дни ее могущества, принял эту должность, когда она свелась к управлению одной губернией», – с грустью заметил сын А. В. Кривошеина, Кирилл в документальной книге, посвященной своему отцу.³⁰ Врангель и Кривошеин безусловно дополняли друг друга.³¹ П. Б. Струве, блестящий интеллектual и человек, широко известный всей Европе, был назначен Врангелем начальником Управления иностранных сношений. Также заметную роль в правительстве Юга России играли С. Д. Тверской, Г. В. Глинка, М. В. Бернацкий, Н. В. Савич и Е. К. Климович.

Сам Врангель, несомненно, был убежденным монархистом, но считал преждевременным выставление какого-либо партийного лозунга. В одной из бесед Петр Николаевич заявил: «Я с самого начала решил подчеркнуть, что вопрос о будущей форме правления должен подлежать решению самого русского народа. Я лишь обязан обеспечить ему возможность установления того государственного строя, который он пожелает. С той минуты, когда волей судьбы я стал во главе русской власти, я отрешился совершенно от своих

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 418. Л. 5–7.

²⁸ Росс Н. Г. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 45.

²⁹ Там же. С. 39.

³⁰ Кривошеин К. А. Кривошеины. Судьбы века. СПб., 2002. С. 306.

³¹ Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле. Берлин, 1922. С. 22.

личных политических симпатий и решил призвать к работе всех русских людей без различий политических убеждений, всех тех, кто искренне пожелал бы помочь мне свергнуть большевистское иго. И я неоднократно предлагал людям самых разнообразных политических партий работать со мной...».³²

В том же духе было выдержано и известное политическое воззвание генерала Врангеля к населению, опубликованное 20 мая 1920:

«Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе ХОЗЯИНА.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель».³³

Употребление выражения «ХОЗЯИН» вызвало целый шквал критики: многие тут усматривали не только желание Врангеля реставрировать монархию, но и желание самому стать «Петром Четвертым». По, наверное, обоснованному утверждению историка В. Д. Зиминой, для Врангеля в высшей степени характерной политической новацией «была идентификация собственной власти исключительно как диктаторской», а в формулировках «обращения» — «ХОЗЯИН», «Помогите *мне* [выделено нами. — Авт.], русские люди, спасти Родину», — заметна была обращенность к традиционному для России патерналистскому началу, как бы стоящему над всеми перипетиями социальных отношений; «первоначальное самоощущение “отца народа” останется с ним [Врангелем. — Авт.] на все время его крымской эпопеи».³⁴ Разъясняя в прессе свое воззвание, Врангель заявил: «Хозяином я себя никоим образом не считаю, что признаю долгом засвидетельствовать самым решительным образом. Но я никак не могу признать «Хозяином» русской земли неведомо кем упол-

³² Раковский Г. Н. Конец белых. От Днепра до Босфора. (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921. С. 31.

³³ Росс Н. Г. Указ. соч. С. 53–54.

³⁴ Зиминая В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. М., 2006. С. 144.

номоченный московский Совнарком, – бурьян, выросший из анархии, в которую погружена Россия. Хозяин – это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если он предпочтет монарха, Россия будет монархией, если он признает для себя полезной республику, будет республика. Мои личные взгляды не имеют никакого значения. С минуты принятия на себя власти, я отделился... от личных влечений к тому или другому порядку и беспрекословно подчиняюсь голосу русской земли...».³⁵ Еще более подробно Врангель высказал свою позицию в беседе с известным правым деятелем Н. Н. Чебышевым: «За что мы боремся? На этот вопрос, может быть только один ответ: мы боремся за свободу... По ту сторону нашего фронта, на севере, царит произвол, угнетение, рабство. Можно держаться самых разнообразных взглядов на желательность того или иного государственного строя, можно быть крайним республиканцем, даже монархистом, и все-таки признавать так называемую советскую республику образцом самого небывалого, зловещего деспотизма, под гнетом которого погибает и Россия, и даже новый ее, якобы господствующий класс пролетариата, придавленный к земле, как и остальное население. Теперь это не составляет тайны и в Европе. Над советской Россией приподнята завеса. Гнездо реакции в Москве. Там сидят поработители, тракующие народ как стадо. Только слепота и недобросовестность могут считать нас реакционерами. Мы боремся за раскрепощение народа от ига, какого он не знал в самые мрачные времена своей истории. В Европе долгое время не понимали, но теперь, по-видимому, уже начинают понимать то, что мы так ясно сознаем: все мировое значение нашей домашней распри. [Выделено в тексте. – Авт.] Если наши жертвы пропадут даром, то европейскому обществу, европейской демократии придется самим встать на вооруженную защиту своих культурных и политических завоеваний против окрыленного успехом врага цивилизации...».³⁶

Уже в эмиграции, в письме влиятельнейшему генералу А. С. Лукомскому, Врангель еще более четко высказал свою позицию: «Монархический лозунг не может быть партийным или классовым лозунгом, каковым он, к сожалению, в настоящее время является. Он может быть только лозунгом национальным и будет жизненным только тогда, когда он стихийно сделается до-

³⁵ Вознесенский Н. Авторитетные разъяснения // Вечернее слово. Севастополь. 1920. 7 июня.

³⁶ Беседа с ген. Врангелем // Великая Россия. Севастополь. 1920. 5 июля.

стоянием всего народа и столь же стихийно отбросит все прочие, чуждые народу, ему силой навязанные лозунги. Я убежден, что в России будет монархия, даже в том случае, если бы среди эмиграции не существовало бы ни одной монархической партии, я бы сказал, что монархия будет вопреки монархическим партиям. Я не верю в прочность той монархии, которая будет восстановлена силой штыков или хотением одного класса населения. Совершенно не мыслю возможности “импортирования” диктатора, да еще олицетворяющего определенную политическую идею. В моем понимании, в процессе борьбы с большевиками, диктатура неизбежна. Но предрешать вопрос о том, кто таковым будет, нельзя. Я же почти своим долгом поддерживать всякую власть, явившуюся на смену большевистской, при условии, что эта власть будет отвечать народным чаяниям и надеждам...».³⁷ Еще раз подчеркнем, что Врангель оставался на общей для всех вождей южнорусского Белого движения позиция «непредрешения» будущей формы государственного устройства России.

Буквально через несколько дней после крымской эвакуации Кривошеин заявил, что «по существу говоря, мы действительно проводили в жизнь демократические реформы... Отвечали ли мы желаниям населения? О, да! На это у меня имеются объективные доказательства. Я присутствовал при различных эвакуациях, но никогда не видел, чтобы население сопровождало отходящую Добровольческую армию с таким выражением любви и дружбы, как это имело место в Крыму».³⁸ В свою очередь, и Врангель, считанные дни спустя после оставления Крыма, в личном письме Кривошеину подчеркнул, что «В сложной политической обстановке, не смущаясь партийными нападками справа и слева, мы оба твердо стремились, насколько могли, к одной цели: разгадать жизненные потребности русского возрождения, прислушиваясь прежде всего к голосу населения и армии, кровью своей жертвовавшей за Родину. Опыт минувших месяцев, сочувственные отклики общественных организаций и прорвавшееся наружу в дни эвакуации общее сожаление всех слоев крымского населения о нашем уходе укрепляют во мне глубокое нравственное убеждение, что в области гражданского управления основная линия поведения взята была нами *правильно*. [Выделено нами. — Авт.]».³⁹

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 8. Л. 47-48. Письмо Врангеля Лукомскому от 6 апреля 1922.

³⁸ У А. В. Кривошеина // Общее дело. Париж. 1920. 1 декабря.

³⁹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 384. Л. 1. Письмо Врангеля Кривошеину 23 ноября 1920 г.

Белое командование отчетливо осознавало, что в случае отсутствия со стороны Русской армии наступательных действий занятие Крыма Красной армией является только вопросом времени. Как следствие, Врангель сделал ставку на выход из «крымской бутылки» и создание нового очага борьбы за пределами полуострова. По словам Врангеля, «тяжелое экономическое положение не позволяло далее оставаться в Крыму. Выход в богатые южные уезды Северной Таврии представлялся жизненно необходимым».⁴⁰ План летней кампании 1920 г. в общих чертах сводился к операции по овладению Таманским полуостровом, «с целью создать на Кубани новый очаг борьбы», очищению от красных Дона и Кубани – «казаки должны были дать новую силу для продолжения борьбы», «бесперывные укрепления Крымских перешейков (доведение укреплений до крепостного типа), наконец, «создание в Крыму базы для Вооруженных Сил Юга России».⁴¹

21 мая (3 июня) началось наступление белых. Директива Врангеля предписывала 1-му армейскому корпусу генерала А. П. Кутепова и Сводному корпусу генерала П. К. Писарева нанести красным лобовой удар от Перекопского перешейка. 21 мая (3 июня) началось наступление белых. Директива Врангеля предписывала 1-му армейскому корпусу генерала А. П. Кутепова и Сводному корпусу генерала П. К. Писарева нанести красным лобовой удар от Перекопского перешейка. Одновременно в тылу противника должен был быть высажен десант 2-го армейского корпуса под командованием легендарного генерала Я. А. Слащова,⁴² что было с успехом проделано благодаря отряду судов Азовского моря. 24 мая 1920 г. на рассвете десант подошел к деревне Кирилловка, где с успехом была произведена высадка врангелевцев⁴³. К вечеру 25-го мая, вспоминал адмирал Н. Н. Машуков, «были на берегу все боевые части 2-го Армейского корпуса, а генерал Слащов, перевалив за линию железной дороги, уже бился в двух направлениях – на запад и на Мелитополь»⁴⁴. 28 мая силами десанта был взят Мелитополь; еще 25 мая главные силы Русской армии, стоявшие на позиции у Перекопа и станции Сальково,

⁴⁰ Врангель П. Н. Воспоминания. В 2-х частях. 1916–1920. М., 2006. С. 470–471.

⁴¹ Там же. С. 471.

⁴² Ушаков А.И., Федюк В.П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920 г. М., 1997. С. 69.

⁴³ Карпов Б. Краткий очерк действий белого флота в Азовском море в 1920 году // Флот в Белой борьбе / Сост., науч. ред., предисловие и комментарий С.В. Волкова. М., 2002. С. 153.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 1424. Ед. хр. 18. Машуков Н. Н. Из замкнутой Тавриды – на просторы Таврии. Десант 2-го армейского корпуса. Л. 126.

перешли в наступление. Операция Врангеля оказалась для красных совершенно неожиданной, вся 13-я советская армия, стоявшая на Перекопских позициях, была разгромлена, в плен к белым «попало около 10 тысяч человек красноармейцев, несколько десятков орудий, два бронепоезда, сотни пулеметов и все снабжение армии, сосредоточенное в Мелитополе. Наша же армия, – вспоминал мемуарист Б. Карпов, – понесла небольшие, сравнительно, потери и сразу вышла из “бутылки” Крыма на широкий простор Таврии».⁴⁵ К 30-му мая вся северная Таврия была в руках белых армий, взявших Мелитополь и всю территорию до левого берега Днепра. «Белые армии вырвались из замкнутой Тавриды на богатейшие и плодородные просторы Таврии с ее богатейшими запасами хлеба и продовольствия, с ее станицами и деревнями, богатыми конским составом и людскими резервами, в которых так нуждались поредевшие ряды всех трех белых корпусов», – подвел итоги операции мемуарист Н. Н. Машуков.⁴⁶ Попытка красных отвоевать Северную Таврию закончилась разгромом конного корпуса Д. П. Жлобы. «При неудаче армия Врангеля должна была положить оружие, последний очаг борьбы угасал... задуманная красными операция отвоевать Северную Таврию окончилась полной неудачей на всех направлениях... Сам Жлоба едва ускользнул от преследования, но его автомобиль с помощником начальника штаба был захвачен в плен», – писал очевидец.⁴⁷

Не останавливаясь на достигнутом, белое командование решило развивать успех. Ставка, как и прежде, еще во времена Л. Г. Корнилова и М. В. Алексева, была сделана на поддержку казачества. «Операция по расширению нашей базы путем захвата казачьих земель могла вестись, лишь опираясь на местные силы, рассчитывая, что при появлении наших частей по всей области вспыхнут восстания. Для операции мы не могли выделить значительных сил, т.к. удержание нашей житницы, Северной Таврии, являлось жизненной необходимостью. Лишь впоследствии, в случае первоначальных крупных успехов и захвата богатых областей Северного Кавказа, мы могли бы, оттянув войска к перешейкам Крыма и закрепившись здесь, направить большую часть сил для укрепления и развития достигнутых на востоке успехов», – писал Врангель.⁴⁸

⁴⁵ Карпов Б. Краткий очерк действий белого флота... С. 153.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 1424. Ед. хр. 18. Л. 127.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 774. Л. 3.

⁴⁸ Врангель П. Н. Указ. соч. С. 523.

Десант под командованием генерала С. Г. Улагая был высажен на Кубань в конце июля 1920 г. Отряд должен был развернуться в армию и подчинить себе все повстанческие отряды, действовавшие на Северном Кавказе. В июле повстанческие отряды Кубани были объединены в «Армию возрождения России» под началом генерал-майора М. А. Фостикова, всего под началом генерала объединилось около 9–10 тыс. казаков.⁴⁹ К моменту высадки десанта Улагая армия Фостикова вела уже полномасштабные боевые действия против 9-й Кубанской армии, насчитывавшей вместе с фронтовыми резервами к 3 (14) августа около 30 тыс. штыков и 4 125 сабель – силы, сопоставимые с общей численностью Русской армии в Крыму.⁵⁰ В этой связи успех предпринятого Врангелем десанта вовсе не казался утопией, напротив, если бы к белогвардейцам обернулась лицом фортуна, врангелевцы действительно могли бы рассчитывать на получение базы на Кубани.

В отличие от предыдущего, июльский десант не оказался для большевиков неожиданностью, к тому же операция была проведена не слишком профессионально, и потерпела крушение, по словам Слащова, «по вине неорганизованности».⁵¹ Действительно, белые к 5 (18) августа заняли станицы Брюховецкую и Тимашевскую (60 верст севернее Екатеринодара), со дня на день ожидалось занятие Екатеринодара и Новороссийска. Однако Ставкой были получены известия о сосредоточении в угрожаемых районах значительных сил. Сам Улагай дальше продвинуться не смог. По словам Врангеля, «необходимое условие успеха – внезапность была уже утеряна; инициатива выпущена из рук, и сама вера в успех у начальника отряда поколеблена».⁵² В этой ситуации Врангель решил отозвать обратно десант Улагая. Отряд Улагая, отправленный на Кубань в составе 8 тыс. человек (в том числе 2 тыс. конных), вернулся в составе 20 тыс. человек и 5 тыс. лошадей. «Такой случай возможен лишь во время Гражданской войны», – справедливо писал генерал А. С. Лукомский.⁵³

Подвергнутый разгромной критике начальник штаба Улагая генерал Д. П. Драценко по свежим следам предельно точно написал о причинах не-

⁴⁹Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. М., 2012. С. 576–577.

⁵⁰Там же. С. 578.

⁵¹Слащов Я. А. Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 121.

⁵²Врангель П. Н. Указ. соч. С. 561.

⁵³Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 594.

удачи кубанского десанта и его ближайших последствиях: «Десант из Крыма на Кубань в 1920 г., ввиду незначительности сил десантного отряда и неверных сведений о готовящемся поголовном восстании на Кубани, окончился неудачей. Выгоды, полученные от двойного увеличения людей и лошадей отряда за счет Кубани, не могли окупить впечатления морального поражения: терялась надежда на присоединение наиболее враждебной большевикам части России – Кубани, падал престиж армии и доверие союзников, большевики же убедились в слабости нашей армии, что равнялось их победе».⁵⁴

Неудачей закончился и высадившийся 25 июня (8 июля) 1920 г. на Кривой косе в Азовском море десант под командованием есаула Ф. Д. Назарова, пытавшийся поднять Дон против большевиков. В результате небольшой отряд Назарова был полностью уничтожен.

Врангель переоценил «контрреволюционность» кубанского казачества,⁵⁵ надежда на повсеместное восстание казаков против Советской власти себя не оправдала; не удалось сохранить в тайне от красного командования и саму подготовку десанта. Очевидно также и то, что синяя птица удачи в тот момент отвернулась от белых, а само командование не слишком-то и верило в успех операции. После неудачной попытки расширить базу Русской армии стало очевидно, что режим Врангеля в Крыму недолговечен, а вопрос о ликвидации врангелевщины большевиками связан исключительно с внешним фактором – тем, сколь долго будет продолжаться советско-польская война.

Неудачная октябрьская Заднепровская операция белых, задуманная с целью ликвидировать Каховский плацдарм красных, предопределила отход белых в Крым, привела, по выражению генерала Д. П. Драценко, к «закупориванию» Русской армии в Крыму,⁵⁶ и создала хроническую угрозу для всей врангелевской армии – Перекоп. Даже массированное, по тем временам, использование танков, не смогло способствовать достижению врангелевцами победы. Начиналась агония белого Крыма.

В советской прессе уже весной 1920 г. можно встретить выражение «крымская заноза». «Белогвардейщина сведена на пустяк. Ее крымские

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 323. Драценко Д. П. Заднепровская операция. 24 сентября – 1 октября 1920 г. (1921 г.). Л. 1.

⁵⁵ Сам Врангель участвовал в ноябре 1919 г. в разгоне Кубанской Рады – событии, вызвавшем повсеместное недовольство казачества. (См.: Пученков А. Конец Кулабухова, или рассказ об одном повешенном // Родина. 2008. №3. С. 41–44.)

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 323. Л. 3.

остатки – это последняя гнилая заноза, остающаяся в теле Советской России», – сообщала передовая статья в газете «Правда».⁵⁷ Из статьи следовало, что «занозу» надо немедленно удалить. Но операция по разгрому белых в Крыму началась только осенью. Летом 1920 г. бросить все силы на борьбу против «черного барона» большевикам не позволила советско-польская война. Лишь завершение последней позволило Красной армии бросить все силы на уничтожение армии Врангеля.⁵⁸ Поэтому по-настоящему роковым событием для судьбы Белого Крыма стало подписание в сентябре 1920 г. предварительных условий мира между Польшей и Советской Россией.

Прекрасно понимая это, Врангель в конце октября отдает секретный приказ о начале подготовки эвакуации.⁵⁹ К чести Врангеля нужно сказать, что эвакуация была проведена образцово, не идя ни в какое сравнение с паникой и хаосом, царившим в Новороссийске в последние дни власти Деникина. Только после того как все военнослужащие были погружены на корабли, и в Севастополе не осталось больше ни одной военной части, в 14 часов 50 минут 2 ноября 1920 г. генерал Врангель прибыл на крейсер «Генерал Корнилов» в сопровождении чинов штаба и отдал приказание сниматься с якоря.⁶⁰ Всего из Крыма эвакуировалось 145693 человека, из которых около 70 тысяч составляли чины армии. Белая борьба на Юге России потерпела окончательное поражение.

На Графской пристани Севастополя есть неприметная мемориальная табличка, на которой выбиты следующие слова: «В память о соотечественниках, вынужденных покинуть Россию в ноябре 1920 г.». В одном единственном слове – соотечественники – заключается вся трагедия Гражданской войны, войны, в которой нет победителей, а есть лишь побежденные. Соотечественников, покинувших Крым, как правило, ожидали нищета, прозябание и безуспешная надежда на возвращение в *ИХ, то есть Не-большевистскую Россию*; не лучшая участь ожидала и тех соотечественников-«беляков», кто остался в России.

Теперь Крыму предстояло еще пережить большевистскую зачистку оставшихся в России врангелевцев и прочего «буржуазного элемента», познакомиться с «революционной законностью» председателя Крымского Рев-

⁵⁷ Крымская заноза // Правда. 1920. 15 апреля.

⁵⁸ Подробнее см.: Пученков А. С. «Даешь Варшаву!»: из истории советско-польской войны 1920 г. // Новейшая история России. 2012. №2. С. 24-40.

⁵⁹ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920... С. 76.

⁶⁰ Кузнецов Н. А. Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 102.

кома Белы Куна и секретаря обкома РКП (б) Розалии Землячки, являвшихся одними из инициаторов массового террора в Крыму, жертвами которого, по оценке А. Г. Теплякова, было примерно 20-25 тысяч человек.⁶¹ Потерявший в этой вакханалии своего сына Сергея, расстрелянного в Феодосии, писатель Иван Сергеевич Шмелев в пронзительной и страшной книге «Солнце мертвых», назвал Землячку сотоварищи очень точно и просто: «люди, что убивать ходят»⁶². Тысячи расстрелянных чекистами в дни кошмарного «Солнца мертвых», – страшный эпизод, полностью укладывающийся в общую картину трагедии того, что противник большевиков, генерал А. И. Деникин в письме И. Ф. Наживину, назвал по-военному четко и ясно: «Русское землетрясение»⁶³.

⁶¹ Тепляков А. Г. Чекисты Крыма в начале 1920-х гг. // Вопросы истории. 2015. № 11. С. 140.

⁶² Шмелев И. С. Солнце мертвых. М., 2013. С. 53.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Д. 68. Письмо А. И. Деникина И. Ф. Наживину. [1930 г.?] Л. 4.

А. В. Смолин

Белое движение на Северо-Западе России. Геополитический аспект¹

Белое движение на Северо-Западе России в годы гражданской войны имело свои геополитические особенности. Здесь переплелись интересы Германии, Англии, Франции, вновь образовавшихся таких государств, как Эстония, Латвия, Финляндия. В этом регионе наиболее ярко обозначились захватнические устремления иностранных участников антибольшевистской борьбы, стремившихся удовлетворить свои аппетиты за счёт, находившейся в состоянии распада Российской империи.

Ещё одной особенностью Гражданской войны в регионе состояла в том, что возникшее здесь белое движение не имело своей собственной территории. Летом и осенью 1918 г. это была территория Псковской губернии, оккупированная немцами. После поражения Германии в Первой мировой войне и освобождения оккупированных территорий под натиском Красной Армии большая часть Псковского (Северного) корпуса ушла на территорию независимой Эстонии и после заключения соглашения с эстонским правительством стала частью эстонской армии, начав ориентироваться на Антанту. Небольшие отряды корпуса передислоцировались в Латвию, сохраняя пронемецкую ориентацию.

Перейдя на территорию Эстонии, Северный корпус попал в полную зависимость от Эстонии и поддерживающей её Англии. В мае 1919 г. Северный корпус сумел отвоевать у Советской России Гдовский, Ямбургский, Псковский, а также часть Лужского и Петергофского уездов и перейти на русскую территорию. Однако прежняя зависимость оставалась, так как всё снабжение из Англии шло через территорию Эстонии.

Попытка генерала Юденича в конце 1918 начале 1919 г. сформировать какие-либо воинские части на территории Финляндии результатов не дали. Политика русофобии, охватившей финляндское общество и подогреваемой прессой и правительством, лишили белое движение необходимой поддержки.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

Антироссийские настроения в разной степени агрессивности и имелись и в Прибалтийских республиках.

Белое движение сражалось за единую и неделимую Россию. Дальнейшую судьбу народов, населявших страну, по мнению его руководителей, следовало решить Учредительному собранию. Такая постановка вопроса не устраивала вновь образовавшиеся республики, которые и слышать не хотели о единой России. Враг и у тех и других был один – большевики, а вот задачи разные. Необходимость создания собственного национального государства для бывших окраин стояла выше классовой ненависти. Идея единой и неделимой России являлась краеугольным камнем белого движения, и его отсутствие лишало смысла белую борьбу. Пролить кровь за независимость бывших окраин белые не собирались. Неразрешимость национального вопроса на тот момент развела эти антибольшевистские силы по разные стороны баррикады.

Другой заинтересованной стороной выступали бывшие противники и союзники по мировой войне. Германия, несмотря на поражение, не оставляла своих претензий на влияние в Прибалтике и Финляндии. В тоже время страны Антанты не горели желанием восстанавливать военно-феодалную империю опасную для их геополитических и экономических интересов. А делиться репарациями или выполнять данные во время войны территориальные обещания никто не спешил.

Одним из способов разрушения Российской империи стала поддержка бывшими союзниками новых независимых национальных государств, образовавшихся на её территории. Державы победительницы помогали бывшим окраинам, признавали их де-факто и оказывали всевозможную помощь. Одновременно в дозированных размерах, предоставляя и поддержку белому движению, но в масштабах не опасных для новых республик.

Исходя из своих собственных национальных интересов, каждый из союзников вырабатывал свой подход в отношении России и Северо-Запада, в частности. Так США поддерживали республики Прибалтики, боровшиеся с большевизмом, предоставляя им продовольствие, медикаменты оружие, помогая операциями на море.² В то же время они поддерживали Северо-

² Фоглесонг Д. С. Соединённые Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920. // Первая мировая война: пролог XX века./ Отв. Ред. В. Л. Мальков. М., 1998. С. 617–610.

Западную армию генерала Н. Н. Юденича, сражавшуюся за единую Россию.³ Американцы благосклонно относились к германским формированиям в Латвии, поскольку полагали, что проникновение большевизма в Прибалтику, является более реальной, чем угроза со стороны Германии, и здесь они расходились во мнении и с английскими военными.⁴

Прибалтика являлась сферой интересов Англии ещё по соглашению от 23 декабря 1917 г. между Англией и Францией о разделе сфер влияния в России. Британский подход строился на угрозе английским интересам в мире и имел в этом плане определённую традицию во внешней политике страны.⁵ Пребывание английского флота в Финском заливе и английской военной миссии в Прибалтике, помощь вооружением и снаряжением Эстонии и Северо-Западной армии были направлены против Советской России. Нападения на советские военные корабли и обстрел советской территории позиционировались в качестве актов борьбы с большевизмом, хотя война официально и не объявлялась.

Хотя Франция оказывала различную помощь Прибалтийским странам и Северо-Западной армии в её политике присутствовали два страха. Первый – это возможный союз России и Германии. Поэтому в разгроме русско-германских войск П. Р. Бермондта-Авалова под Ригой осенью 1919 г. активное участие принял французский и английский флот. Второй – потеря займов вложенных в Россию. Получить долги с карликовых государств не представлялось возможным. В связи с этим французские правящие круги склонялись скорее к федеративной России, чем к конгломерату государств.

Разгромленная Германия не оставляла надежд на смягчение Версальского мирного договора путём участия в свержении большевизма, однако союзники достаточно строго следили, чтобы этого не произошло, так как резонно подозревали, что впоследствии этот альянс может обернуться против них. Однако они были не прочь использовать эти формирования в борьбе с большевиками, но под своим контролем. Когда же армия Бермондта-Авалова вышла из под контроля, то английский и французский флот приняли активное участие в её уничтожении.

³ Фоглесонг Д. С. Соединённые Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920. С. 617–620.

⁴ Там же С. 613–617.

⁵ Смолин А. В. У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русская дипломатия в 1919 году. СПб., 2017. С. 192–194.

Республики Прибалтики и Финляндия пользуясь тяжёлым внутренним и международным положением Советской России, пытались увеличить свои территории за счёт бывшей империи. Так возникла идея создания Великой Финляндии и, хотя в Прибалтийских республиках таких грандиозных мечтаний не возникало, однако желания округлить свою территорию за счёт соседней страны присутствовали.

В самый критический период борьбы за Петроград в октябре–ноябре 1919 г. Финляндия отказала в помощи Северо-Западной армии, а Эстония, пропустив отступающие войска генерала Юденича, приступила к их разоружению, сохранив, таким образом, свою независимость.

Как показывает приведённый материал, воздействие внешнеполитических факторов на белое движение на Северо-Западе России оказалось очень велико. Несмотря на близость символа революции Петрограда к двум потенциально враждебным буржуазным государствам, какими являлись Эстония и Финляндия, падения советской власти в регионе не произошло. Одной из причин этого была эгоистическая политика союзников по антибольшевистской борьбе.

В. Ф. Солдатенко

**Роль революций 1917–1920 гг.
в судьбе народа Украины: к осмыслению исторического опыта
и оценке современных историографических тенденций)**

При обращении к историографии, касающейся освещения роли революционных факторов 1917–1920 гг. в жизни, судьбе народа Украины, обнаруживается немало разночтений, логических неувязок, существенных противоречий.

Сознавая невозможность детального разбора наличного огромного пласта исторических трудов, представляется оправданным в рамках ограниченного лимита публикации коснуться преимущественно одного, но, несомненно, важнейшего аспекта – объективного «столкновения» проявившихся в последние годы двух практически полярных точек зрения, подходов, позиций в научной трактовке, оценке событий в крупнейшем национальном регионе российскими и украинскими историками.

В Российской Федерации в связи со столетним юбилеем революционных потрясений 1917 г. наблюдался настоящий бум публикаций, значительное, пожалуй, даже преобладающее, место среди которых заняли работы, обосновывающие и пропагандирующие концепцию Великой Российской революции.¹

Одной из ее основоположных слагаемых является отрицание (в более мягком варианте – сомнение) наличия в историческом опыте национальных революций, прежде всего Украинской. Происходившее в самом крупном и наиболее развитом в экономическом и политическом национальном регионе квалифицируется как вредная сепаратистская деструкция, разрушавшая целостное централизованное государство, в сохранении которого усматривается одна из главных целей и основных ценностей модернизации России. Концентрированным воплощением такой позиции стал в известном смысле итого-

¹ См., напр.: Революция 1917 года в России. Аннотированный каталог научной литературы, изданной при финансовой поддержке РФФИ. М., 2017. 228 с.; Эпоха войн и революций 1914 – 1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). СПб., 2017. 496 с.; XII Плехановские чтения. Великая русская революция 1917 г.: проект альтернативного исторического развития. Материалы к международной конференции 30 мая – 1 июня 2017 г. СПб., 2017. 304 с.; Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память: Материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г. СПб., 2017. 808 с.; Революция 1917 года в России. Указатель литературы. СПб., 2019. 202 с. и др.

вый двухтомник Института Российской истории РАН «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура».²

Заняв позицию идейно-профессионального противостояния,³ украинские историки заблаговременно немало постарались, чтобы доказать, будто бы события 1917–1920 гг. в регионе коренным образом отличались от процессов, наполнявших в это время жизнь в губерниях Центральной России. Решительно игнорируя факты взаимозависимости и взаимовлияния между Октябрьской революцией («переворотом») и процессом национально-государственного самоопределения в Украине, якобы воплотивших в себе принципиально расходящиеся общественные векторы, подчеркивается, что они развели политический центр страны и окраины не просто на разные стороны баррикад, но и разбросали по разные, непримиримые линии фронтов, на которых происходило кровавое истребление соседних наций («украинско-российские», «украинско-большевистские» войны). Декларируется, что в Украине не было серьезных внутренних противоречий (в частности, на идеологической почве) и это априори исключало Гражданскую войну, а колоссальные жертвы 1917–1920 гг. стали результатом неспровоцированных агрессий со стороны «северного соседа». Наиболее последовательно и полно подобные позиции проводятся в двухтомном очерке Института истории Украины НАН Украины, посвященном Украинской революции.⁴

Своеобразной рефлексией на противоборствующие тенденции явилась недавняя монография автора.⁵

Продолжая размышлять над обострившимися в историографии проблемами, разводящими представителей одного – «исторического цеха двух стран» – на противоположные, полярные, позиции, представляется возможным и необходимым обратить дополнительное внимание на некоторые, преимущественно историко-теоретические, аспекты.

² Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. М., 2017. Т. 1. 743 с.; Т. 2. 591 с.

³ Наверное, не случайно в год столетнего юбилея научных публикаций, во всяком случае – заметных, посвященных Российской революции в Украине практически не было.

⁴ Нариси історії Української революції. У двох книгах. Кн. перша. К., 2011. 390 с.; Книга друга. К., 2012. 364 с.

⁵ Солдатенко В. Ф. В огне революций и войн: Украина в 1917 – 1920 гг.: Историко-историографические эссе. М., 2018. 670 с.

Исходный и самый основной пункт публичного спора – была ли вообще Украинская революция? Не досужий ли это вымысел склонных к конъюнктурщине историков? Правомерен ли вообще сам термин?

Словосочетание «Украинская революция» появилось уже весной 1917 г., широко использовалось в программных, других политических документах национальных партий⁶, в идеологическом лексиконе той поры. Под ним подразумевалась достаточно быстрая, почти молниеносная трансформация взрывоподобно взметнувшегося национально-освободительного движения в такие масштабы, качественные характеристики и последствия, которые вовлекли в свое силовое поле практически большинство активно настроенной национальной общности, представителей всех ее слоев, ознаменовались сущностными подвижками во всех сферах жизни украинцев, в том числе – в деле национального самоопределения, возрождения государственности, духовном и культурном прогрессе.

Именно в таком понимании воспринимали и пропагандировали идеи и опыт Украинской революции ее лидеры, ставшие и первыми ее историками.⁷ Их труды появлялись главным образом вне пределов Советской Украины. В первое послереволюционное десятилетие и к термину, и к его соответствующему наполнению прибегали и многие советские историки⁸. Однако с

⁶ См.: Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У двох томах. Т. 1. 4 березня – 9 грудня 1917 р. К., 1996. 591 с.; Т. 2. 10 грудня 1917 р. – 29 квітня 1918 р. К., 1997. 424 с.; Український національно-визвольний рух. Березень – листопад 1917 року. Документи і матеріали. К., 2003. 1024 с.; Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 рр. Документи і матеріали. У 2-х томах, 3-х частинах. К., 2006. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 744 с.; Любовець О. М. Українські партії революційної доби 1917–1920 рр. Нариси історії та програмні документи. К., 2012. 612 с.; Солдатенко В. Ф. Деміурги революції. Нариси партійної історії України 1917–1920 рр. К., 2017. 748 с.

⁷ См., напр.: Грушевский М. С. На порозі Нової України. Гадки і мрії. К., 1918. 103 с.; Его же. Російська революція і визволення України. Боротьба за автономність України і федеративний лад. Українська Народна Республіка. Україна самостійна. Київське повстання. Війна за незалежність // Грушевський М. С. Ілюстрована історія України. К. –Відень, 1921. С. 500–528; Винниченко В. Відродження нації (Історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р.]). В. 3-х ч. К. –Відень, 1920. Ч. I. 348 с.; Ч. II. 328 с.; Ч. III. 535 с.; Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції. 1917–1920 рр. У 4 т. Прага, 1921. Т. I. 152 с.; Т. II. 204 с.; Т. III. 160 с.; Т. IV. 192 с.; Шаповал М. Велика революція і українська визвольна програма (Виклади в Америці). Прага, 1928. 324 с.; Мазепа І. Україна в огні й бурі революції; 1917–1921. В 3-х т. Т. 1. Прага, 1942. 210 с.; Т. 2. Прага, 1942. 232 с.; Т. 3. Прага, 1943. 231 с. и др.

⁸ См., напр.: Рубач М. А. До історії української революції (Замітки й документи, грудень 1917 – січень 1918) // Літопис революції (Харків). 1925. № 2. С. 52–85; Его же. К истории украинской революции (Заметки и документы, декабрь 1917 – январь 1918 г.) // Летопись

начала 1930-х гг. этот термин в своем первоначальном значении исчез из отечественных изданий, отождествляя подразумеваемые им явления и процессы с буржуазно-националистической контрреволюцией.

На рубеже 80-х – 90-х гг. прошлого века в Украине начали переиздаваться труды М. С. Грушевского, В. К. Винниченко, С. В. Петлюры, Д. И. Дорошенко, И. П. Мазепы, других диаспорных и зарубежных историков, стали защищаться диссертации (счет их пошел на сотни) и публиковаться многочисленные книги и статьи, где события 1917–1920 гг. рассматривались под углом зрения именно Украинской революции. При этом весьма скоро проявились негативные стороны не критического отношения к источникам, несшие на себе печать идеологической борьбы предыдущих десятилетий: абсолютизацию национального аспекта, преувеличение значимости национально-государственных устремлений при пренебрежении социальными факторами, а также реалиями классовых, внутринациональных коллизий⁹. Игнорирование других, взаимосвязанных, отчасти параллельно развивавшихся общественных процессов привело, в частности, к тому, что весь период 1917–1920 гг. начали именовать временем, историческим этапом, или эпохой Украинской революции, и так же называть соответствующие темы образовательных программ и учебников.¹⁰

революции (Харьков). 1926. № 6. С. 6 – 35; Яворський М. Проблема української національно-демократичної революції у 1917 р., її історичні основи та її рухові сили. // Червоний шлях (Харків). 1927. № 2. С. 108–134; № 4. С. 93–116; Річицький А. Центральна Рада від Лютого до Жовтня: Нарис з історії української революції. Харків, 1928. 62 с.; Затонський В. Уривки з спогадів про українську революцію // Літопис революції (Харків). 1929. № 4. С. 139–170; Его же. Із спогадів про українську революцію // Літопис революції (Харків). № 5–6. С. 115–141.

⁹ См., напр.: Українська демократична революція 1917 – 1918 років. Матеріали науково-теоретичної конференції. К., 1992. 44 с.; Симон Петлюра та українська національна революція. Збірник праць другого конкурсу петлюрознавців України. К., 1995. 368 с.; Радченко Л. О. Сучасна історіографія національно-демократичної революції в Україні 1917–1920 років. К., 1996. 120 с.; Українська революція: 1917 – початок 1918 рр. (Проблеми, пошуки, узагальнення). Запоріжжя, 1998. 262 с.; Институтом истории Украины Национальной академии наук Украины периодически издается научный сборник под названием «Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр.». К настоящему моменту вышло уже 15 его выпусков. Время от времени (прежде всего – к юбилейным датам) проводятся научные конференции разных уровней, проблематика которых подчинена изучению истории Украинской национально-демократической революции.

¹⁰ См.: Турченко Ф. Г. Українська національно-демократична революція // Турченко Ф. Г. Новітня історія України. Підручник для 10 класу середньої школи. Частина перша. К., 1994. С. 6–62; Верстюк В. Ф. Українська революція // Історія України. Нове бачення. Навчальний посібник. Видання 3-є, доповнене й перероблене. К., 2002. С. 210–269.

Не ограничиваясь стремлением всеми возможными способами превозносить закономерность и значимость Украинской революции, параллельно были предприняты настойчивые попытки совершенно иначе представить и смысл, содержание Российской революции. Пожалуй, наиболее активно тут проявляет себя С. В. Кульчицкий, являющийся автором, как специальных монографических работ,¹¹ так и коллективных изданий, в том числе и разделов в упомянутых очерках.¹²

Сущность подхода излагается при этом предельно категорично. «...Советы – это феномен Российской революции, хотя они политически проявили себя и в Украинской революции, – утверждается в одном из трудов. – На плечах советов российские большевики пришли к власти и уничтожили с помощью поспешно созданной организации чекистов всех своих политических соперников и конкурентов. После этого ленинская партия оставила от советов лишь оболочку, превратив их на беспомощный придаток собственной диктаторской власти.

В этих условиях большевикам было нетрудно воспользоваться двуединым построением власти, названной советской, чтобы подменить национальные государства на окраинах бывшей Российской империи марионеточными советскими государствами. Они задушили народную революцию, развивавшуюся с 1917 г. в двух альтернативных формах – демократической и советской, чтобы поставить на ее место свою собственную, компартийную “революцию сверху”».¹³

Согласно изобретенной схеме (оставим разбор и оценку ее сущности «за скобками») выстраивается даже структура исследований, предполагающая искусственный эффект – социальная и национальная революции не должны «пересечься», они не могут даже соприкасаться – для «пущей убедительно-

¹¹ Кульчицкий С. В. УРСР в добу «воєнного комунізму» (1917–1920 рр.). Спроба побудови концептуальних засад реальної історії. К., 1994. 142 с.; Его же. Російська революція 1917 року: новий погляд. К., 2003. 180 с.

¹² См., напр.: Україна: політична історія. XX – початок XXI ст. К., 2007. С. 225–430, 434–445; Нариси історії Української революції 1917–1921 років. Кн. 2. С. 241–414; Україна і Росія в історичній ретроспективі. Т. 2. К., 2004. С. 7–20.

¹³ Гриневич ВВ. А., Даниленко В. М., Кульчицкий С. В., Лисенко О. Е. Україна і Росія в історичній ретроспективі. Нариси в 3-х томах. Т. 2. Радянський проект для України. К., 2004. С. 5.

сти» их история должна воссоздаваться не только в разных, несмежных разделах, но и в разных томах.¹⁴

На этом фоне наиболее зримо проявлялись три основных тенденции:

1. Определенная часть ученых (и Украины и России) считала, что в данном случае преувеличивается, вплоть до мифологизации,¹⁵ роль национальной революции вообще, что гораздо оправданнее говорить лишь о той или иной, пусть даже и значительной, специфике развития в Украине Февральской и Октябрьской революций, но, тем не менее, не дающих достаточных оснований для того, чтобы принимать события в Украине за отдельный, особый революционный поток – феномен.¹⁶ Потому обоснованнее ограничиваться их квалификацией как дополнительных, своеобразных проявлений общероссийского процесса, общероссийских коллизий и потрясений.¹⁷

2. Другая часть специалистов стремилась доказать, что на самом деле картина была совершенно иной. Украинская революция вовсе не была проявлением общероссийских битв и подвижек. По большому счету, она стала исторической реальностью потому, что «не умещалась» в контуры Российской революции и в ориентациях, программах и конкретных действиях ее участников существенно выходила (потому что вынуждена была это делать) за их границы.¹⁸ Наиболее последовательно развивал и продолжает развивать в этом направлении свои взгляды историк В. Ф. Верстюк.¹⁹

¹⁴ См.: Україна і Росія в історичній ретроспективі. Т. 1. Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П. Українські проекти в Російській імперії. Т. 1. К., 2004. С. 412–499; Т. 2. С. 7–20.

¹⁵ См.: Булдаков В. Семнадцатый год и семнадцатый век // Родина. 1999. № 8. С. 104–107.

¹⁶ Величко С. Що нового чути про революцію? Регіональна історіографія революцій 1917–1921 років в Україні // Україна модерна. К., Львів. 2006. № 10. С. 189–209.

¹⁷ Михайлов И. В. «Украинская революция» или революция на Украине // Вестник МГИМО. 2010. № 1. С. 65–75 (отдельный оттиск – С. 1–11); То же. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.vestnik.tgt.ru>; Королев Г. Украинская революция 1917–1921 гг.: Мифы современников и представления историографии // АВ IMPERIO. Исследования по новой имперской истории и национализму. 2011. № 4. С. 357–375.

Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 3–20.

¹⁸ Капелюшний В. П. здобута і витрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917 – 1921 рр.). К., 2003. 495 с.

¹⁹ Верстюк В. Ф. Від «Великої Октябрьської соціалістическої революції і громадянської війни на Україні (1917–1920)» до «Нарисів історії Української революції» й далі: трансформації дослідницької парадигми // Український історичний журнал. 2017. № 3. С. 8–23.; Его же. Революція 1917–1921 рр. у різних форматах (гортаючи числа «Українського історичного журналу») // Український історичний журнал. 2017. № 6. С. 105–122 и др.

Одним из аргументов отдельными исследователями выдвигался даже территориальный (административно-географический) фактор – поскольку в контекст Украинской революции включались события на западно-украинских землях, входивших до ноября 1918 г. в состав Австро-Венгрии, то и это, дескать, выводило национальную революцию с ее приобщением к общеукраинским процессам «за пределы» Российской революции.²⁰

3. Некоторые историки, реагируя на очевидную гиперболизацию большинством украинских исследователей национального момента, национальной идеи, национального дела, считали обязательным принимать во внимание социальную слагаемую концепции Украинской революции, ориентацию на народоправческие (доктринально близкие к социалистическим) государственно-политические модели, органичную их сопряженность со стремлением реализации национального интереса и одновременную взаимосвязь и зависимость от процессов и событий в революционных центрах страны, дававших импульс и направление событиям и сдвигам преимущественно в социальных сегментах жизни.²¹

Пожалуй, последнее смысловое направление по сравнению с другими оказалось наименее представленным в историографическом потоке. Содержательно оно поддерживается авторами, занимающимися больше изучением историко-партийных проблем периода и с неизбежностью обращающихся к реально существовавшим эффектам переплетения фактов, событий на политическом срезе.²²

²⁰ Грицак Я. Українська революція, 1914–1923: нові інтерпретації // Грицак Я. Страсті за націоналізмом. Історичні есеї. К., 2004. С. 46–79.

²¹ Солдатенко В. Ф. Українська революція: концепція та історіографія. К., 1997. 416 с.; Его же. Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.). К., 1999. 508 с.; Его же. Стан історіографічної розробки та актуальні проблеми дослідження історії Української революції // Український історичний журнал. 1999. № 1. С. 68–85; Его же. Концепція української революції: соціальний аспект // Соціокультурні чинники розвитку інтелектуального потенціалу українського суспільства і молодь. Наукові праці та матеріали конференції. К., 2001. С. 263–270; Его же. Украина в 1917–1920 гг. Очерки истории Украины. К., 2010 (второе издание, исправленное и дополненное – 2011). С. 312–347; Его же. Украина в 1917–1920 гг. // История Украины. VI–XXI вв. К.-М., 2018. С. 283–312.

²² Ветров Р. І., Донченко С. П. Політичні партії України в першій чверті ХХ століття (1900–1925 рр.). Дніпропетровськ; Дніпродзержинськ, 2001. 245 с.; Стрілець В. В. Радикально-демократична партія. Витоки, ідеологія, організація: кінець ХІХ століття – 1939 р. К., 2002. 361 с.; Любовець О. М. Українські партії 1917 – 1920 рр. К., 2005. 311 с.; Бевз Т. А. Партія соціальних перспектив і національних інтересів: політична історія УПСР. К., 2008. 587 с.; Его же. Феномен «Української революції» у націєтворчому, державно-політичному і

Несмотря на свою немногочисленность, оказалось, что именно публикации подобного рода (подхода, содержания, характера) на определенном этапе явились тем реальным «логичным мостиком», на котором с разных сторон начали сближаться позиции украинских и российских исследований, а наработки украинских историков признаваться²³ и использоваться в московских и санкт-петербургских изданиях российских авторов.²⁴

Таким образом, наметились пути к синтезу знаний – точек зрения и подходов, обозначившие положительный эффект для обеих (условно – Киева и Москвы) сторон. Однако, не успев сколько-нибудь развиться и закрепиться, потенциально плодотворные и перспективные начинания столкнулись с негативным воздействием политической конъюнктуры. Крен в сторону национализма, существенно усилившийся в Украине с 2005 г., создавал заведомо благоприятные условия для тех, кто во главу угла, невзирая ни на что, ставил украинский фактор. Воспользовавшись ситуацией, сторонники противостояния с российской историографией сделали многое, чтобы доказать: все, или, во всяком случае – все главное и основное, что происходило в Украине и с Украиной в 1917–1920 гг., было иным, отличным от общероссийского, а точнее – от великороссийского, доводя изображение понятных и естественных особенностей и своеобразий до уровня самоценности и самодостаточности.

соціальному контексті // Бевз Т. А. Феномен «революція» у дискурсах мислителів, політиків, науковців. К., 2012. С. 108–149.

²³ См., напр.: Солдатенко В. Ф. Украинский коммунизм в поиске теоретических моделей сочетания социальных и национальных факторов создания и развития федеративного социалистического государства // IX Плехановские чтения. Союз Советских Социалистических Республик, 1922–1991 гг.: исторический тупик или перспектива исторического развития. Материалы конференции 30 мая – 1 июня 2010 г. СПб., 2010. С. 66–70; Его же. Феномен Украинской революции // Российская история. 2009. № 1. С. 34–46; Его же. Украинский фактор в российском революционном процессе 1917 года // XII Плехановские чтения. Великая русская революция 1917 г.: проект альтернативного исторического развития. Материалы к международной конференции 30 мая – 1 июня 2017 г. СПб., 2017. С. 46–49; Его же. Партийно-политическая борьба революционных лет (1917 – 1920) в Украине: к выработке комплексной оценки исторического опыта // Великая Российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Международной научной конференции. (Москва, 9–11 октября 2017 г.). М., 2017. С. 255–263.

²⁴ См., напр.: Шубин А. В. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013. 320 с.; Его же. Великая Российская революция от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 240–244; Его же. Украина в XX веке (до 1945 г.) // История Украины. СПб., 2015. С. 260–427; Его же. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб., 2017. С. 301–317.

Трудно судить со всей определенностью, но можно с большой степенью вероятности предположить, что подобный поворот возымел свое действие на новейшие концептуальные подходы российских коллег, в известном смысле психологически повлияв на смысл и содержание ответной реакции. В результате синдром расходящихся векторов создал положение близкое к патовому, во всяком случае – трудноразрешимому в ближайшей перспективе.

В стремлении к положительному результату, который представляется возможным и достижимым только на путях взаимопонимания и заинтересованного осознанного движения к совместному согласованному (консолидированному) варианту принципиального видения сущности процессов революционной эпохи в Украине, представляется необходимым осуществлять научную реставрацию исторической картины с позиций объективности, доверия к доказуемости, убедительности. Здесь имеется в виду, прежде всего, адекватное восприятие Украинской революции как жизненной реальности, порожденной действием совокупности объективных и субъективных факторов.

В частности, к ним следует отнести стремление украинской элиты, поддержанное значительной частью этноса, его политически активными элементами, к решению национального вопроса, обеспечению условий для возрождения нации и ее полноценного развития во всех сферах ее существования.

Инициаторами, вдохновителями и организаторами национально-демократической революции выступили украинские политические партии. Зародившись еще на рубеже XIX и XX вв., они достигли наибольшей численности и влияния после свержения самодержавия и демократизации жизни в стране. К концу 1917 г. в их рядах насчитывалось уже не менее 100 тыс. человек. За всю революционную эпоху в Поднепровье действовало 33 партии и еще 9 – в Западном регионе. В своих названиях они обязательно содержали элемент «украинские», демонстрируя тем центральную, первоочередную цель своей деятельности – решение украинского вопроса, воплощение и защиту национального интереса. Особым авторитетом и поддержкой пользовались Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская социал-демократическая рабочая партия, Украинская партия социалистов-федералистов.

Украинские политические партии на протяжении 1917–1920 гг. совместно с другими массовыми общественными и иными национальными организациями создали два центра революционного действия, преимущественно с коор-

динационно-направляющими функциями – Центральную Раду (март 1917 г.) и Директорию (ноябрь 1918 г.), приобретшие с развитием событий и возникающими потребностями руководящую роль в общественно-национальной жизни, а с образованием государственности – и в государственном строительстве и управлении.

Политическая элита нации предложила массам научно-обоснованную концепцию Украинской революции (основная роль тут принадлежала крупному ученому – историку М. С. Грушевскому). Ее основными слагаемыми явились активная поддержка начавшихся после свержения самодержавия процессов всесторонней демократизации общественной жизни, предполагающая достижение народоправия (демократической республики), децентрализацию бывшей империи и создание федеративной демократической республики Россия, в которой Украина, как и другие административно-территориальные образования, возникавшие на руинах бывшей «тюрьмы народов», получила бы статус национально-территориальной автономии.

Предложенная стратегия была практически единогласно официально поддержана Украинским национальным конгрессом (съездом) 6–8 апреля 1917 г., в котором приняло участие около тысячи посланцев – избранников от всех областей с преимущественно украинским составом населения (девять губерний – Подольская, Волынская, Киевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская и Таврическая (материковые уезды, без Крыма)). Тогда были отвергнуты требования государственной самостоятельности Украины, которых придерживалось абсолютное меньшинство национального политикума.

Предложенная и утвержденная стратегия, хотя и не без труда, больше из-за внешнего сопротивления, начала воплощаться в жизнь. Естественно, с изменением обстоятельств она не могла оставаться неизменной. На определенном этапе революционной поступи ответом на новые политические запросы стала задача придания украинской государственности самостоятельного, независимого статуса.

Случилось так, что после значительного подъема Украинская революция пережила глубокий кризис и откат от завоеванных позиций, наступление реакции, олицетворенное гетманским режимом, попыткой реставрации дофевральских общественных порядков. Однако нация не восприняла «консервативных» – контрреволюционных проектов, по призыву лидеров Украинской

революции поднялась на антигетманское восстание (иногда его именуют Второй Украинской революцией), свергла авторитарно-монархическое правление, опиравшееся на оккупационные австро-германские вооруженные силы.

Новые условия потребовали новой корректировки программы революции. Ее разработал В. К. Винниченко, а утвердил Трудовой конгресс Украины 23–28 января 1919 г. Ее сущность заключалась в создании в Украине Республики Трудового Народа на основе трудовых Советов (без представительства эксплуататорских элементов) и достижения мирных отношений, союза с Советской Россией «для борьбы против мировой буржуазии».

Под лозунгами и знаменами национально-демократической революции спланировались миллионы украинцев, а также представители других национальностей, демонстрируя желание добиваться поставленных целей и доказывая это практикой деятельного участия в событиях. Так, по призыву Директории восстать за возрождение революционных завоеваний в ноябре–декабре 1918 г. в повстанческую армию влилось более 300 тыс. добровольцев, преимущественно крестьян и бывших солдат. Военские формирования Украинской революции и в другие периоды составляли десятки тысяч человек, образующая фронты противоборства с другими революционными лагерями.

В числе непосредственных результатов, достижений Украинской революции стало возрождение Украинской государственности: 7 ноября 1917 г. была провозглашена Украинская Народная Республика как составная (автономная) часть Российской Федеративной Республики. Это стало одним из самых крупных завоеваний, апогейных вех Украинской революции.²⁵

Образование Украинской Народной Республики стало той отправной базой, прочной платформой, на которой происходили последующие акции и подвиги – провозглашение Украины независимым, самостоятельным, свободным, суверенным государством украинского народа и присоединение к Поднепровской Украине Западно-Украинской Народной Республики в январе 1919 г.

Впервые за много веков народ получил возможность назвать свою Родину, завоеванную государственность – республику – собственным, украинским именем. С этим именем возрожденная государственность предстала пе-

²⁵ См.: Литвин В. М., Солдатенко В. Ф. Апогей Української революції: короткий науково-популярний нарис. К., 2017. 116 с.; Солдатенко В. Ф. Створення Української Народної Республіки – апогей національно-демократичної революції // Україна в етнокультурному вимірі століть. Українська нація у боротьбі за збереження ідентичності і відродження державності (1917–2017 рр.). До 100-річчя УНР. Збірник наукових праць. К., 2017. С. 21–32.

ред всем миром и уже никогда не исчезала с политической арены как субъект международной жизни.

Провозглашая установление Советской власти в Украине, Первый Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (декабрь 1917 г.), сохранил официальное название – Украинская Народная Республика. Отдавая должное чрезвычайно важной и популярной в то время идее федеративного переустройства России, посланцы Советов Украины единодушно заявили о том, что Советская Украина становится федеративной частью Российской республики, конечно – советской, социалистической.

Во внимание следует, очевидно, принять и то, что территорию Украинской Социалистической Советской Республики, вплоть до 1939 г., определяли границы, очерченные в документах Украинской Народной Республики в момент ее рождения.

Потому Украинская революция и Украинская Народная Республика заслуживают признания их чрезвычайно важными, переломными и отправными историческими вехами в жизни украинского народа, занимают особое место в его сознании, национальной памяти.

Естественно, реализация кратко воссозданных выше в общем виде основных контуров и параметров концепции Украинской революции в конкретном приближении оказалась делом весьма непростым, а расчеты и выводы руководителей не всегда оправдывались. Особенно наглядно это проявилось на срезе взаимоотношений с общероссийскими процессами.

В этом плане чрезвычайно важно не ограничиваться исторической реконструкцией событий в регионе, которые подпадают под понятие Украинской революции. Ведь тут, как в составной части России (по крайней мере, до января–марта 1918 г.), развивались процессы, импульсы которых исходили преимущественно из Петрограда. И здесь в полной мере воплощались тенденции социальной революции, которые несколько ранее было принято квалифицировать как переход от буржуазно-демократической революции к социалистической и защиту завоеваний последней в Гражданской войне. Причем, масштабы и интенсивность революционизирования общественных процессов в Украине часто превосходили (и, подчас, серьезно), аналогичные значения в других регионах. К примеру, темпы роста наиболее радикальной силы – большевиков – в 1917 г. в Украине были в два раза выше общероссий-

ских показателей. Гораздо большим осенью–зимой 1917 г. оказался и удельный вес большевизированных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Благодаря объективным моментам – сравнительно более высокая численность, степень концентрации и социальной активности пролетарского Левобережья, опережающее обострение противоречий на «дальних» Юго-Западном и Румынском фронтах и в прифронтовой зоне, в том числе и за счет назревающего кризиса в отношениях с польскими землевладельцами Правобережья – в Украине в целом тяготение к социалистическим идеям и их безотлагательной реализации было, несомненно, сравнительно сильнее, нежели в других национальных регионах и во многих великороссийских губерниях.

Естественно, эти тенденции были не только достаточно серьезными органическими составляющими общероссийских процессов, но, чем дальше, тем больше, особенно после Октября 1917 г., входили в противоречие с курсом Украинской революции, руководство которой вступило на путь конфронтации с новой петроградской властью. Неуклюжие попытки придать им межгосударственную, внешнеполитическую окраску (украинско-российскую) «грешат» необъективностью, элементарно расходятся с фактами. Не «спасают» и апелляции к «пятой колонне», которой именуют русский или русифицированный пролетариат Донбасса и промышленного Левобережья. Разве к моменту революции жители региона перестали быть гражданами той же Украины, причем в подавляющем большинстве во втором – третьем поколении? И объективности ради следует признать, что главной причиной Гражданской войны стал внутренний раскол в обществе Украины, достигший своего апогея, уже к началу декабря 1917 г., вскоре переросший в масштабные военные действия. Это дает основания считать, что именно тогда прозвучали первые залпы Гражданской войны в Украине, продолжавшейся еще три долгих года, принесшие многочисленные жертвы и разруху.

Фактом остается то, что сторонники советской власти в Украине все три года опирались на моральную и материальную (военную в том числе) поддержку, помощь РСФСР, что в значительной мере предопределило исход борьбы за власть в Украине.

Большую роль играло то, что советская власть в Украине и в России последовательно защищала интересы преобладающей массы народа – трудящихся слоев. Кроме ориентированного на них социального курса сторонники социалистической революции реализовывали конструктивную национальную

политику, в основе которой лежало равноправие наций и расчет на их сотрудничество и взаимопомощь. Если же в этой деликатной, чувствительной сфере допускались просчеты и ошибки, как, например, в 1919 г., руководство Коммунистической партии находило способы оперативного реагирования, корректировки курса, учитывавшего национальные настроения и интересы.

Важнейшим моментом для сущностного и терминологического обозначения переживавшегося Украиной в 1917–1920 гг. исторического периода является и то, что, кроме упомянутых выше реально разворачивавшихся Российской и Украинской революций, на события в регионе огромное воздействие оказали также ноябрьская революция в Германии (1918 г.), революционный распад Австро-Венгерской империи осенью того же года, освободительная (национально-демократическая) революция на западно-украинских землях (Восточная Галиция, Северная Буковина и Закарпатье), приведшая к образованию Западно-Украинской Народной Республики, революция весны 1919 г. в Венгрии. Учет этих обстоятельств говорит в пользу того, что более рациональной и адекватной фактическому положению вещей является определение «Украина в революционную эпоху 1917–1920 гг.» (как вариант – «Революционная эпоха 1917–1920 гг. в Украине») или другие варианты в обозначенной логике.

Возвращаясь же к внутриукраинским тенденциям, принципиально важно с должным вниманием отнестись к трансформациям, которые пережили украинские политические партии, в первую очередь наиболее влиятельные из них – украинские эсеры и украинские социал-демократы в 1917–1920 гг. В результате брожения, шатаний, расколов, размежеваний из их среды выделились наиболее деятельные и деловые их элементы, эволюционировавшие в сторону коммунистических позиций и образовавшие национально-коммунистические партии – Украинскую Коммунистическую партию (боротьбистов) и Украинскую Коммунистическую партию. Войдя в соглашение с Коммунистической партией (большевиков) Украины, превратившись в правительственные субъекты, именно они предопределили вектор и наполнение новым содержанием–ориентацией Украинскую революцию в 1919–1920 гг. – превращение первоначально собственно национально-демократической революции в национально-социалистическую. Последовавшие в этом же фарватере массы, во всяком случае, их критическое большинство, окончательно

склонили чашу политического выбора в пользу идей и лагеря социалистической революции.

Выкристаллизованная и вышеизложенная схема-фабула развития революционных событий в Украине, основанная на реальных фактах, документах в их незаангажированной, непредвзятой интерпретации с помощью научной методологии и надежной исследовательской логики, на сегодняшний день представляется приближающейся к объективной и конструктивной и может довольно органично «вписаться» в концепцию Великой Российской революции. При этом еще раз важно подчеркнуть, что рассмотрение проблемы должно осуществляться не только по линии Российская революция – Украинская революция (это, как видно из вышеприведенного, хотя и важная, но все же только часть комплексного политического, общественного спектра). Может быть, предпочтительнее, продуктивнее вести речь о месте и роли украинского фактора в общероссийских процессах, а также их взаимосвязи, взаимовлиянии.²⁶

Конечно, на разных этапах означенный эффект отдельных составляющих украинского фактора (в каком-то понимании и измерении – украинского вопроса) был неодинаковым, изменчивым, «пульсирующим». Так, долгое время руководство Украинской революции пыталось доказать Временному правительству, что оно является верным союзником российской власти в демократизации общественной жизни в стране, слагаемой которой должны быть обязательные подвижки в решении национального вопроса. Когда же на весьма ограниченные и скромные предложения украинства (обещание введения территориальной автономии) последовали лишь отказы и угрозы официального Петрограда», Центральная Рада, испытывая мощное массовое давление «низов, пошла на провозглашение автономии Украины (естественно – без отрыва от России). Такой шаг вызвал переполох в правящих кругах. В экстренном порядке 4 министра Временного правительства из 12, составлявших тогдашний кабинет, отправились на переговоры в Киев. Целью было приглушить возможный резонанс от «дерзкой инициативы», исходящей из крупнейшего наци-

²⁶ См.: Солдатенко В. Ф. Российская революция и украинский фактор // Российско-украинское обозрение. Информационно-аналитический и научно-практический альманах. К., 2017. № 02 (10). С. 42–58; Его же. Украинский фактор в российском революционном процессе // Мир истории. Электронный журнал. 2018. № 1. Ресурс доступа: http://historia.ru./2018_101/2018.01-Soldatenko.htm.

онального региона, воспринятой как опаснейший (даже предательский) шаг, направленный на раскол страны, да еще в условиях продолжающейся войны.

Определенные уступки (по существу – легализация действий Центральной Рады и Генерального секретариата), сделанные Временным правительством для спасения ситуации, были весьма убедительным и показательным свидетельством объективного выведения украинской проблемы на самую высокую политическую, государственную орбиту того момента, что имело непростые последствия для революционной динамики в целом.

Ярким доказательством лидирующей роли деятелей украинства в национальных движениях всей страны стало то, что Съезд порабощенных, т.е «негосударственных», народов России прошел 8–15 сентября 1917 г. именно в Киеве.

Нежелание же, как и неспособность Временного правительства объективно оценить силы и масштабы Украинской революции, попытки всяческого противодействия ей, привели к тому, что в критические для Российской республики дни (конец октября – начало ноября 1917 г.) Центральная Рада в одном из весьма важных для всей страны пунктов противоборства (Киеве) вначале заняла нейтральную позицию между сторонниками и противниками социалистической революции, а затем сочла целесообразным отказаться от взаимодействия с воинскими формированиями, оставшимися верными Временному правительству, спокойно наблюдая за их «исходом» на Дон, а то и рассматривая это как разрядку конфликта, обещающего ей облегчение пути к власти.

Примеров влияния украинского фактора в лице Украинской революции на ход и изломы Российской революции можно привести достаточно много. Среди тех, которые имели очень серьезные последствия – перипетии на Брестской мирной конференции, подписанные от имени Центральной Рады договоры, самым серьезным образом сказавшиеся на развитии общеевропейского революционного кризиса и приведшие к немалым осложнениям в положении РСФСР, в пролонгации социалистической революции.

А весной 1919 г. армия Украинской Народной Республики стала преградой для реализации появившихся планов образования цепи советских республик: РСФСР – УССР – Венгерская Советская Республика, предполагавших распространение социалистических революций на Запад.

Естественно, украинский фактор давал себя знать и в другом измерении, в частности, в образовании единого фронта борьбы против сил внутренней и внешней контрреволюции. Особенно эффективно это проявилось после обра-

зования Военно-политического Союза Советских Республик (1 июня 1919 г.). В активе последнего – победы совместными усилиями над белогвардейскими войсками А. И. Деникина и В. П. Врангеля, польскими интервентами, петлюровскими формированиями и анархо-повстанчеством.

Очевидно, явной недооценкой потенций и реальных действий именно такого (совокупного) украинского фактора является формирующаяся на сегодняшний день его трактовка в концепции Великой Российской революции. Принимается во внимание только один из общественных потоков в регионе – национально-освободительный (реально существовавший и довольно мощный, отчасти с усиливающимся антивеликороссийским компонентом). Поэтому и возникает негативное отношение к Украинской революции, равно как и к другим национальным революциям.

Скорее всего, такая позиция является воплощением одностороннего подхода и может (да, впрочем, и должна) быть скорректирована. Направление необходимых уточнений и изменений уже сегодня просматривается довольно прозрачно. Так, в рамках реализованного в 2018 г. специального Проекта «Основные проблемы историографии Гражданской войны в России в вопросах и ответах» недавно был осуществлен контент-анализ ответов 25 видных российских и зарубежных историков на вопрос: «какое влияние оказал «национальный вопрос» на исход гражданской войны в России?» Четырнадцать исследователей дали ответ: «Очень важное», семь – «Относительно неважное», а три историка сформулировали иные соображения²⁷. Надо заметить, что в трех последних ответах по существу также поддерживается, хотя и больше с упором на дифференцированный региональный подход, мысль о большом значении национального вопроса.²⁸ Впрочем, и четыре историка из семи, избравших ответ «Относительно неважное», сделали это с различными оговорками, признавая важность национального вопроса хотя бы отчасти, или в определенных условиях, на определенных этапах.²⁹ И только трое респондентов выбрали ответ «Относительно неважное» без каких-либо пояснений.³⁰

По нашему мнению, данные этого опроса вполне можно спроецировать и на оценку роли национального вопроса в судьбе Великой Российской рево-

²⁷ См.: Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С. 11–183; 192, 244–248.

²⁸ Там же. С. 247–248.

²⁹ Там же. С. 246–247.

³⁰ Там же. С. 247.

люции. Вывод ученого, осуществившего контент-анализ, крупного специалиста по проблемам этого периода В. В. Калашникова во всех отношениях обоснован и убедителен: «Большинство авторов считает национальный вопрос очень важным фактором – одним из тех, что определили исход Гражданской войны. Все отметили преимущества национальной программы большевиков по сравнению с программой белого движения. При этом ряд авторов видели эти преимущества не только для достижения военной победы над противником, но и для воссоздания многонационального федеративного государства из частей распавшейся Российской империи».³¹

Приведенные выводы и соображения, обобщившие результаты серьезных исследований, опирающиеся на реальную исследовательскую базу, свидетельствуют, что революция в России, населенной преимущественно нероссийскими народами и народностями, была Великой и победной еще и потому, что в непростых противоречивых революционных борениях векторы большинства потоков в конце концов сблизились и совпали. И произошло это в определяющей степени потому, что к единому знаменателю сошлись социальные и национальные интересы и факторы, стремления большинства жителей центра и периферии, окраин России.

Думается, что учет вышеизложенной точки зрения может хотя бы в какой-то мере повлиять на «примирение» и согласование концепций Великой Российской и Украинской революций. Историографический эффект представляется несомненным, способным принести пользу научному постижению одной из сложнейших проблем нашего совместного прошлого.

³¹ Калашников В. В. Новейшая историография Гражданской войны в России: экспресс-анализ // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С. 248.

В. Ж. Цветков

Белый Юг России. 1917–1920 гг. (особенности военно-политических программ)¹

Исследование Белого движения позволяет представить программу развития российской государственности, альтернативную Советской России модель «Белой России». Данный вариант рассматривался белыми лидерами, правительствами, отдельными политическими группами, как вполне завершённый проект экономической, политической, идеологической системы. Он во многом не вписывался в хрестоматийно обозначенные типы существовавших в то время политических идеологий – консерватизма, либерализма или социал-демократии. И тот факт, что этому проекту не суждено было воплотиться на практике – не снимает важности и актуальности его изучения.

Из всех регионов Белого движения особо выделялся белый Юг. Ведь именно здесь зародилось Белое дело. Территориально он включал в свой состав не только регионы Великороссии (Ставропольская, Новороссийская губернии, Кубанская, Терская области на Северном Кавказе; Донская область, Курская, частично Воронежская, Саратовская, Орловская губернии), но также малороссийские губернии (Киевская, Харьковская, Полтавская) и новороссийские губернии (Херсонская, Екатеринославская, Таврическая). Белое дело прошло здесь путь от первых отрядов Добровольческой армии в 1917 г., до эвакуации из Крыма в 1920 г.

Первой политической программой Добровольческой армии стала т. н. «Конституция генерала Корнилова». Названная по фамилии первого командующего армией, генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова «Конституция» провозглашала создание «сильной Верховной власти из государственно-мыслящих людей, для коих интересы Родины стоят бесспорно выше вопросов преуспевания их партийной политики».² Об Учредительном Собрании, «вновь созванном», упоминалось лишь в 8-м пункте программы, после перечисления

¹ Данная статья составлена на основе материалов из кандидатской диссертации автора («Аграрная политика белогвардейских правительств Деникина и Врангеля (1919–1920 гг.)», докторской диссертации автора («Формирование и эволюция политического курса Белого движения в России в 1917–1922 гг.»), а также из авторской монографии «Белое дело в России. 1917–1922 гг.» (в четырех книгах, вышедшей в свет в 2008–2016 гг.).

² Белый архив. Т. 2/3. Берлин, 1925. С. 181.

гражданских, военных, национальных, даже культурных задач, решить которые, видимо, до созыва Собрания, могла бы «временная сильная Верховная власть». Окончательное утверждение модели будущей России все же должно было взять на себя Учредительное Собрание. Для осуществления «Конституции» предполагалось, в частности, создание политического блока (Союза возрождения России) из представителей меньшевиков, эсеров и части кадетов.

После окончания 1-го Кубанского похода, гибели генерала Корнилова во время неудачного штурма Екатеринодара и перехода командования к генерал-лейтенанту А. И. Деникину, среди руководства Добровольческой армии, а также среди офицерства возникли разногласия. Многие считали необходимым немедленное провозглашение армией монархического лозунга. Упреждая развитие событий, Деникин сформулировал новую политическую программу армии (декларация от 23 апреля 1918 г.). В ней уже не было упоминания об Учредительном Собрании, но в то же время не говорилось и о монархии. Она не содержала, как «Конституция генерала Корнилова», положений по аграрному, рабочему вопросам. Главные цели Добрармии обозначались как: «создание сильной армии, установление в стране единства государственного и правового порядка».³ Показательно, что ни генерал от инфантерии М. В. Алексеев (бывший в тот период Верховным руководителем Добровольческой армии), ни сам Деникин не склонялись к возможности принятия сугубо монархического лозунга. Деникин выдвинул здесь лозунг «непредрешения государственного строя».

Лозунг «восстановления монархии» был неприемлем по целому ряду причин. Это потребовало бы, рано или поздно, поддержки «конкретного лица», что грозило бы не только династическими раздорами, но и поставило бы армию в зависимость от определенных монархических групп. Генерал-лейтенант А. А. фон Лампе отмечал позднее, что провозглашение монархии могло иметь место лишь у Колчака, при условии освобождения заключенного в Екатеринбург Николая II, «ибо во всех остальных случаях провозглашение монархического лозунга привело бы к разъединению бойцов, объединенных Родиной, честью, врагом».⁴

Монархические взгляды офицерства также не отличались однородностью

³Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. Берлин, 1924. С. 130.

⁴Лампе фон А.А. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Русский колокол. Кн. 6, 7. Берлин, 1929.

(колебались от признания восстановления самодержавия до сохранения лишь формального статуса императора при осуществлении парламентской монархии), не говоря уже об офицерах-республиканцах. Настроения рядовых солдат, крестьян, казаков были далеко не такими, как у их начальников. Поэтому с самого начала принципом Белого движения стало «непредрешение» политических, экономических, социальных и других вопросов государственного устройства и внутренней жизни России до «окончательной победы над большевизмом».

Отсутствие четких лозунгов, подобных большевистским («власть – Советам», «земля – крестьянам», «мир – народам») считалось, по мнению ряда участников Белого движения, одной из основных причин его поражения. Однако не менее правомерной представляется и другая оценка «непредрешения», высказанная одним из деятелей Всероссийского Национального центра профессором А. В. Карташовым. Он утверждал, что именно «отсутствие официального лозунга дало силу жизни движению на целых три года!» Эта же оценка дополнялась Н. Н. Львовым, политиком правых взглядов, главным редактором официальной газеты «Великая Россия»: «...В наших рядах люди разных партий могут идти вместе..., но в наших рядах нет места тем, кто Престол ставит выше Отечества, свою партию выше России, нет места и тем, кто окончательно скомпрометировал себя в революции».⁵

Летом 1918 г. командование армии приняло решение идти на Кубань, и, сделав ее опорной базой, намеревалось подчинить себе и кубанское правительство. Теперь все большее значение приобретал лозунг «За Единую, Великую, Неделимую Россию». Главным становится вопрос о структуре власти, где руководство Добровольческой армии оказалось бы своеобразным военно-политическим центром, консолидирующим с помощью лозунга «Единая, Великая и Неделимая Россия» казачьи области и вновь занимаемые районы.

Анализ политических лозунгов позволяет проследить эволюцию идеологии Белого движения в 1918 г. Провозглашение верности идее Учредительного собрания, постепенное сближение с монархическими кругами, наконец, компромисс – лозунг «непредрешения» и «За Единую, Великую, Неделимую

⁵Соколов К. Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София. 1921. С. 288–289; Карташев А. В. Кризис Белого движения // Вестник Русского Национального Комитета (Париж). 1926. № 11. 15 августа. С. 3–10; Львов Н.Н. Белое движение. Белград, 1924. С. 77–79.

Россию» – все это свидетельствовало об определенной политической гибкости руководства Добровольческой армии, о его стремлении объединить различные политические силы.

При этом следует помнить, что официально провозглашаемой идеологической основой Белого движения в 1917–1918 гг. продолжала оставаться патриотическая идея спасения Российской государственности от последствий революционных потрясений, расколовших страну на враждующие лагеря. Белое движение развивалось как «отрицание большевистского переворота» и строило свою идеологию, по существу, только на непримиримой вооруженной борьбе с советской властью. Стремление на этом этапе объединить в единый фронт различные по идеологической направленности группировки и, в то же время, политика «непредрешения» не могли не повлиять отрицательно на конкретность и своевременность выражения политических целей.

Вместе с тем, было бы неверно говорить о полном «непредрешении» в Белом движении. Сознательная «отсрочка» разработки основательной, всесторонней программы была обусловлена, не только остротой положения на фронтах гражданской войны и неустойчивостью белых режимов, но и просто отсутствием достаточного для этого времени. На этапе становления Белого движения весьма популярной была идея создания района с собственным устойчивым экономическим и политическим порядком, собственной военной силой, поддерживаемого союзниками, с последующим его расширением («как от масляной капли») на все сопредельные части бывшей Российской империи. Эта идея, выраженная генералом Алексеевым еще в ноябре 1917 г. применительно к юго-востоку России, проявлялась и во всех последующих периодах Белого движения и, особенно в белом Крыму в 1920 г.⁶

После выхода белых армий на обширные пространства России в 1919 г. появилась потребность не только в идеологии «отрицания» и «ликвидации», но и в идеологии «созидания» новой, «Белой России». Эта идеология основывалась на необходимости возврата к традиционным ценностям русской истории, одновременно с осуществлением широких политических и социально-экономических преобразований. Выход «на широкую московскую дорогу», овладение обширными территориями Новороссии, Малороссии, казачьих областей делал Белое движение на юге России носителем государственной вла-

⁶Письмо генерала от инфантерии М. В. Алексева к генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу // Белое дело. Летопись белой борьбы. Кн. 1. Берлин, 1926. С. 77–79.

сти. Отошел в прошлое «военно-походный период» 1918 г., когда Добровольческую армию либо не замечали вообще, либо смотрели на нее лишь как на силу способную содействовать казачьим государственным объединениям (Кубанскому войску и Всевеликому войску Донскому).

От Белого движения требовалась конкретная, понятная программа государственного строительства. В качестве главного военно-политического принципа, объединяющего все уровни власти, выдвигался принцип «национальной диктатуры». По оценке самого носителя диктаторской власти – главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенанта А. И. Деникина главная цель ее – «свергнуть большевиков, восстановить основы государственности и социального мира, чтобы создать... необходимые условия для строительства земли соборною волею народа».⁷

Более определенно по вопросу о сущности национальной диктатуры высказывался на страницах, возобновившего выход осенью 1919 г. «Киевлянина», его главный редактор В. В. Шульгин: «Добровольческая армия, взявшая на себя задачу очищения России от анархии, выдвинула, как непреложный принцип твердого управления, диктаторскую власть главнокомандующего. Только неограниченная, сильная и твердая власть может спасти народ и развалившуюся храмину государственности от окончательного распада... Правительство, как орган управления, как аппарат для обслуживания всех потребностей страны должно лишь отражать власть единодержавной диктатуры и позабыть те излюбленные лозунги так называемой русской общественности, которые и привели к торжеству социализма, должно на пушечный выстрел не подпускать лозунгов социалистических, неизменно приводящих к большевизму...».⁸

В официальных заявлениях, правительственных декларациях «национальная диктатура» четко определялась как твердая власть, объединяющая все сословия, общественные и политические структуры в выполнении их «долга перед Родиной». Так в подготовленном Политической канцелярией Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России докладе «Добровольческая армия как государственный фактор при воссоздании Великой, Единой и Неделимой России» (9 апреля 1919 г.) отмечалось: «...Представляя себе в будущем свою Родину освобожденной руками самого русского народа, она (Добровольческая армия – В. Ц.) не задается

⁷Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 201.

⁸Киевлянин (Киев). 1919. № 18. 11 сентября.

целью вернуть ее всецело к дореволюционному государственному строю. Поручкой в этом служит нахождение в рядах Добровольческой армии представителей всех сословных групп и отсутствие преобладания или господства в ней какого-либо класса над другим. Как в настоящее время Добровольческая армия по праву может назвать себя всенародной, так и в будущем она намерена опираться на народ, населяющий необозримые пространства России, в его целом. Объединяющим лозунгом для Добровольческой армии являются слова ее вождя генерала Деникина: «Будьте Вы правыми, будьте Вы левыми, но любите Россию».⁹

Еще ранее, в выступлении на заседании Большого Войскового круга Дона (3 февраля 1919 г.) Главком ВСЮР говорил о необходимости похода для «освобождения Москвы», похода, в котором различные социальные, национальные группы объединятся под общим руководством, твердой, единоличной властью, окрепшей в этом походе: «...Настанет день, когда устроив родной край, обеспечив его в полной мере вооруженной силой и всем необходимым, казаки и горцы вместе с добровольцами пойдут на север спасать Россию, спасать от распада и гибели, ибо не может быть ни счастья, ни мира, ни сколько-нибудь сносного человеческого существования на Дону и на Кавказе, если рядом с ними будут гибнуть прочие русские земли. Пойдем мы туда не для того, чтобы вернуться к старым порядкам, не для защиты сословных и классовых интересов, а чтобы создать новую, светлую жизнь всем: и правым, и левым, и казаку, и крестьянину и рабочему...».¹⁰

В то же время со стороны «демократических кругов» неоднократно выдвигались требования об отказе от принципа диктаторского управления, привлечении к управлению «авторитета общественности», через посредство создания государственного органа, основанного на партийном, прежде всего, представительстве, в отсутствии которого видели причину всех неудач на фронте и «развала тыла».¹¹

Характерен факт эволюции принципа диктатуры в период «Похода на Москву». Так, если весной–летом 1919 г. в него вкладывалось понятие объединения различных сословий, социальных групп, политических и общественных структур в борьбе с советской властью, то по мере продвижения к

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 446. Оп. 2. Д. 2. Л. 29 об.–30.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 2. Л. 10 об.

¹¹ ГА РФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 110. Л. 230–235.

«первопрестольной» и, особенно, после неудач на фронте к концу осени, все отчетливее выдвигалось положение о диктатуре как о надпартийной, надклассовой силе призванной осуществлять «единство возрождающейся России» без непосредственного участия в этом каких-либо партийных, политических группировок (именно эту тенденцию отмечал Шульгин). Вместо национальной диктатуры говорилось уже о военной диктатуре. Данный принцип был официально провозглашен Деникиным в «Предписании Особому Совещанию» (незадолго до его роспуска) 14 декабря 1919 г.: «Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить. Всякое противодействие власти – справа и слева – карать».

Следует отметить, что в правительственных кругах по сути провозглашалась тождественность понятий «военная» и «национальная» диктатура. Так, например, в интервью харьковской газете «Родина» (1 октября 1919 г.) глава ведомства Государственного контроля деникинского правительства В. А. Степанов отмечал: «...Военную диктатуру мы мыслим как национальную диктатуру, рожденную в процессе национального, русского возрождения. Задача национальной диктатуры состоит не только в свержении большевиков и в занятии Москвы, а в возрождении всей России. Из разрушенного государства нужно создать государство, в котором возможно будет осуществить нашу программу возрождения России...».¹²

Но, несмотря на официальное заявление диктаторского принципа руководства, на протяжении лета–осени 1919 г. не прекращались прямые и косвенные обвинения высшего руководства белого юга в «засилье левых», «засилье правых», давлении «кадетских деятелей» на работу Особого совещания и самого главкома. Не углубляясь в анализ влияния на правительственную политику вышеназванных «сфер» (политические группировки белого юга концентрировались вокруг трех наиболее крупных и авторитетных организаций – левоцентристского социал-демократического Союза возрождения России, либерального Всероссийского Национального центра и правоцентристского Совета государственного объединения России) заметим лишь, что утверждение постановлений и даже журналов заседаний Особого совещания могло производиться только самим главкомом или же главой Совещания, на посту которых находились последовательно назначенные Деникиным генерал от кавалерии А. М. Драгомиров, а затем генерал-лейтенант А. С. Луком-

¹² Родина (Харьков). 1919. № 80. 1 октября.

ский.¹³

Но нельзя и отрицать, что наследие 1917 г., выразившееся, в частности, в «политическом эгоизме» многих «общественных деятелей», оказывало определенное влияние на политический курс деникинского правительства. Особенно это проявилось в периоды реальных и ожидаемых успехов армии на фронте. В это время яснее обозначились перспективы грядущего «раздела власти», «борьбы за портфели». Когда же на фронте происходили неудачи, усиливалась критика правительства, предлагались варианты выхода из кризиса. Правда, как правило, все подобные варианты сводились к замене «обанкротившейся бюрократии» «новыми, передовыми людьми».¹⁴ В таких условиях соблюдение принципа независимости власти, ее авторитарности представлялось в значительной степени оправданным и необходимым.

Несмотря на кажущуюся незыблемость диктаторской власти в белом лагере, большую роль продолжали играть и внутривластная борьба, и закулисные интриги. Показателен в этом плане пример противоборства между Национальным центром, представители которого имели большинство в деникинском правительстве, и правоцентристским Советом государственного объединения России, выдвигавшем в противовес Деникину кандидатуру генерала Врангеля на пост главкома ВСЮР. Вообще, даже подпольные группы Национального центра в Петрограде и Москве, планировали организовать свои правительственные структуры в случае занятия столиц белыми.

Формально Особое совещание при главкоме ВСЮР строило свою работу на основании «Положения» утвержденного Деникиным 2 февраля 1919 г. в Екатеринодаре. В нем определялся статус Особого Совещания, перечислялись полномочия начальников управлений и управляющих отделами.¹⁵ Специально оговаривалось, что Особое совещание учреждается лишь для «содействия Главнокомандующему... в делах законодательных и административных».¹⁶ Принцип диктатуры оставался незыблемым.

В общей структуре аппарата власти Особое совещание соответствовало

¹³ГА РФ. Ф. 439. Оп.1. Д. 110. Л. 230-235.

¹⁴В Москву (Ростов-на-Дону). 1919. № 5. 21 октября.

¹⁵Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое Особым Совещанием при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России. Особый выпуск. Отдел первый. 26 августа 1919 г. Ст. 2–3, 4.

¹⁶Организация власти на юге России в период Гражданской войны // Архив русской революции. Т. IV. Берлин, 1922. С. 244–246.

по статусу бывшему Совету министров Российской империи: «в области управления... Начальники Управлений и Управляющие... пользуются правами министров, применительно к учреждениям министерств. Как и Совет министров России начала XX века Особое совещание имело в своей структуре отдел законов, канцелярию, издавало «Собрание узаконений и распоряжений правительства». Но, несмотря на сходные функции и внешние черты Особое совещание не могло быть названо полноценным органом исполнительной власти. Порядок обсуждения и утверждения законов, принятый в 1919 г., подтверждал это. Представление законопроектов осуществлялось только с санкции главкома, будучи неутвержденными, они могли оставаться и без последующего рассмотрения. В то же время распоряжения и постановления узко местного или отраслевого значения, т. н. «законодательная вермишель» утверждались в совокупности, журналом заседаний, и, скрепленные подписью главкома, публиковались в «Собрании узаконений».

Таким образом, если с принципом единоличной, диктаторской власти на белом юге и в будущей «возрождаемой России» все было ясно (определенный, длительный период времени после «освобождения Москвы» верховная власть оставалась бы в руках представителя военных кругов), то органы будущего государственного аппарата еще только проектировались. Однако летом–осенью 1919 г. подобные проекты разрабатывались весьма активно, что опровергает точку зрения, в соответствии с которой денкинское правительство полностью оставалось на позициях «непредрешения» основных вопросов государственной жизни и политического устройства до «окончательной победы над большевизмом» и «установления гражданского мира», а в случае занятия Москвы лидеры Белого движения на юге России оказались бы совершенно неподготовленными к построению государственного аппарата.¹⁷ Анализ источников показывает, что в период «похода на Москву» в среде военного и гражданского руководства юга была составлена в общих чертах система нового политического устройства будущего Российского государства. После «освобождения Первопрестольной» созданное «Национальное Собрание» (аналог Учредительного Собрания 1917–1918 гг.) окончательно устанавливало формы государственной власти.

¹⁷Врангель П.Н. Записки. Часть 1. // Белое дело, Летопись Белой борьбы. Кн. V. Берлин, 1926. С. 211-213; Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 2: Антибольшевистское движение. Париж, 1927. С. 1-5.

Введение новых форм государственности диктовалось необходимостью учета территориальных, национальных особенностей отдельных регионов России. Прежде всего, это относилось к существовавшей в 1918–1919 гг. автономии Казачьих войск юга России. Еще с осени 1917 г. в политических кругах Дона, Кубани и Терека выдвигались идеи создания Юго-Восточного Союза, носившего характер исключительно казачьего объединения. В 1919 г. подобные замыслы снова стали обсуждаться на казачьих верхах, а с 11 июня в Ростове-на-Дону начала работу Южно-русская конференция, целью которой стала выработка проекта будущего союза южнорусского казачества и белой государственности.

20 июня конференция приняла постановление: «Признать безотлагательную необходимость организации временной общегосударственной власти на Юге России на основе представительства от государственных образований Юга России и Главного Командования ВСЮР». Главкомом, при встрече с делегатами Дона и Терека «установлено было полное единомыслие относительно идеи построения общерусской власти: Верховный Правитель (адмирал А. В. Колчак) и его полномочный представитель на Юге – Главнокомандующий, Палата областных и губернских представителей, общее правительство, автономия казачьих войск». Не ограничиваясь заявлениями о будущем государственном устройстве, Южно-русская конференция начала с сентября работу по «окончательному конструированию государственной власти, совместно с представителями главного командования».

Однако поражение «похода на Москву» и отступление ВСЮР за Дон и в Крым, сделало бессмысленными все предшествующие соглашения. Замена Особого совещания «сокращенным», «деловым правительством» во главе с генералом Лукомским представляло собой по сути не реорганизацию управления в общем процессе создания южнорусской власти, а было вызвано необходимостью создания более упрощенного аппарата в условиях эвакуации «белых столиц» – Таганрога, Ростова-на-Дону и Новочеркасска (Ставка главкома ВСЮР в период «похода на Москву» находилась в Таганроге, тогда как многие управленческие структуры, в том числе Особое совещание, размещалось в Ростове-на-Дону, хотя неоднократно предполагалось перенести Ставку и правительство в Харьков или Киев – «мать городов русских»).

Созданное же в середине февраля 1920 г. Южнорусское правительство под руководством донского политика Н. М. Мельникова представляло собой

компромисс с казачьими кругами и должно было выполнять «демократическую программу» весьма далекую от принципа диктатуры. Власть главнокомандующего полностью контролировалась образованным Верховным кругом Дона, Кубани и Терека и ограничивалась исключительно сферой военного руководства. Тем самым вопрос о формировании будущей государственной власти на основе принципа национальной диктатуры оказался закрытым ввиду изменившегося положения дел на фронте.

Интересным представляется и краткий анализ аграрно-крестьянской политики белого Юга. Как известно, на решение таких задач, как реформирование экономики и социальные преобразования даже в мирное время требуются годы. Время же гражданской войны исключало для белых возможность основательной проработки и реализации экономических планов и программ. Тем не менее, следует признать, что политика белых неизбежно обращалась к поиску действенных путей стимулирования экономики. И особое значение имела политика в отношении «земельного вопроса». От правильности выбранного курса, его реализации зависела поддержка крестьянством Белого движения, прежде всего со стороны среднего и зажиточного крестьянства, способного снабжать продовольствием фронт и тыл, поддерживать мобилизации и повинности белой армии.

Руководство белого Юга долгое время не делало заявлений по аграрному вопросу, ограничиваясь ссылкой на Учредительное собрание, до созыва которого «все анархо-захватнические действия» признавались незаконными. С выходом армии за пределы казачьих областей (где действовало собственное земельное законодательство) Особым совещанием принимались постановления сугубо «местного» значения: об акцизе на вино, о торговой монополии на шерсть, о выдаче ссуд на обсеменение полей Ставропольской губернии и др. Первым «общероссийским» распоряжением стала отмена ограничений на земельные сделки, введенных Временным правительством (декабрь 1918 г.). Для землевладельцев занятой белыми к концу 1918 г. многоземельной Ставропольской губернии, где земельный рынок интенсивно развивался в начале века, это было выгодно. Однако реализация распоряжения в Малороссии и Центрально-Черноземном районе грозила ростом земельной спекуляции.

С весны 1919 г. после выхода Добрармии в обширные земледельческие районы юга России от ее руководства потребовалось четкое определение своей позиции по отношению к аграрным переменам, происшедшим с 1917 г.

В марте Деникин выступил с «Декларацией по земельному вопросу», в которой говорилось об «обеспечении интересов крестьян» за счет «казенных и частновладельческих земель» и, одновременно, о «сохранении за собственниками их прав на земли». Сочетание этих двух, казалось бы, взаимоисключающих принципов, предполагалось в «Декларации» в форме добровольных сделок купли-продажи между крестьянином и помещиков и принудительного отчуждения части частновладельческих земель, но обязательно за выкуп. При этом особо оговаривалось (это положение было главным во всех последующих законопроектах и пропаганде Особого совещания) что дополнительное наделение земель не разрешит земельной нужды и не увеличит производительность сельского хозяйства. Полное признание «черного передела» означало бы отказ от принципов «восстановления нарушенного правопорядка», на которые опиралась добровольческая идеология. Главной задачей становилось развитие интенсивных форм хозяйства, обеспечение крестьян доступным кредитом, сельскохозяйственной техникой, семенами и удобрениями.

А до «окончательной победы над большевизмом» аграрная политика должна была строиться на трех основаниях: «обеспечении сельскохозяйственного производства, сохранении принципа собственности и, по возможности, меньшего нарушения сложившихся в деревне взаимоотношений».¹⁸

Исходя из этого, деникинское правительство ограничивалось изданием распоряжений, имевших временный, сезонный характер, не касавшихся основ сельской жизни. Таковыми стали распоряжения о распределении урожая трав и зерновых, засеянных крестьянами на частновладельческих полях в 1919 и 1920 гг., об арендных ценах, о пятипудовом «военном сборе» с десятины (аналог советской «продразверстки» с точки зрения обязательного взимания определенного количества зерна с крестьянского хозяйства по заранее установленным ценам).

В этих законах четко прослеживалась тенденция больших уступок крестьянству по сравнению с бывшими владельцами. Так, если в «Правилах» об урожае зерновых, принятых в июне 1919 г., предусматривалась передача крестьянам-«захватчикам» 2/3 урожая (1/3 «третий сноп» передавался бывшему владельцу), то в октябре (по новому распоряжению) крестьянская доля увеличивалась до 4/5. «Правила» об аренде (сентябрь 1919 г.) в ст. 7 предусмат-

¹⁸ГА РФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 51. Л. 23–23 об.

ривали перевод «захваченных» частновладельческих земель в разряд арендованных. Приказом № 167 (от 26 сентября 1919 г.) Главкома ВСЮР арендная плата устанавливалась на уровне 200 руб. за десятину, что по ценам южно-русского рынка осени 1919 г. было чисто символической суммой. Местным властям предписывалось предотвращать возможные эксцессы между крестьянами и возвращавшимися помещиками, допуская последних к возврату лишь своего движимого имущества.¹⁹

Параллельно с «текущим законодательством» Особое совещание работало над проектами земельной реформы. Первый из них (составленный правительственной комиссией под руководством главы Управления земледелия и землеустройства В. Г. Колокольцева) был небольшим по объему, но достаточно содержательным. Предусматривалось, что его реализация начнется только после 3-х лет с момента «окончания междоусобной войны». Затем наступал 2-х годичный срок «добровольных сделок» между помещиками и крестьянами и только по истечении этого срока допускалось «принудительное отчуждение частновладельческих земель», причем норма неотчуждаемых земель определялась в 300 десятин (в несколько раз превосходящая, например, «средний» размер помещичьих имений в Центральной России). Высокопродуктивные, высокодоходные хозяйства вообще не подлежали разделу. Основной причиной подобной отсрочки земельной реформы считалась «социальная анархия», непрочность «гражданского мира» в деревне.

Несмотря на отсутствие в проекте прямых указаний на приоритет помещичьего хозяйства перед крестьянским, обвинения в «реакционности» и «защите помещичьих интересов» стали основанием для отставки Колокольцева с должности главы Управления земледелия в июле 1919 г. Его преемником в руководстве делом земледелия и землеустройства стал бывший профессор Киевского университета, активный сторонник аграрной реформы П. А. Столыпина и противник «революционных перемен в деревне» — А. Д. Билимович. Под его руководством земельной комиссией к ноябрю 1919 г. был подготовлен новый земельный законопроект.²⁰

Он отличался от предшествующего более продуманной и детальной разработкой основных положений, хотя принципиальной разницы между ними не было. Сокращался срок начала земельной реформы (с 3-х лет до года) и

¹⁹В Москву (Ростов-на-Дону). 1919. № 5. 21 октября.

²⁰Свободная Речь (Екатеринодар). 1919. 31 октября, 8 ноября.

срок перехода частновладельческих земель к крестьянам (5 лет после начала реформы). Оценка и распределение земель между крестьянами производилось специально создаваемыми земельными органами, подведомственными Управлению земледелия. Пути перехода оставались прежними – добровольный, через прямые сделки между крестьянами и владельцами или через посредство государственного земельного фонда (образованного из отчужденных частновладельческих земель), и принудительный.

При этом предусматривалось два варианта сохранения за владельцами неотчуждаемых минимумов: вариант прогрессивных отрезков (по которому в зависимости от общей площади имения владельцам оставлялось тем меньше земли, чем больше они имели, а земельные площади свыше 1 тыс. десятин отчуждались безусловно) и вариант твердых норм максимумов неотчуждаемых участков (по этому варианту за владельцами оставался определенный размер земельной площади, выше которого отчуждалось все). Все губернии и уезды разделялись на несколько категорий (в зависимости от плотности населения и обеспеченности землей), что делало процесс перераспределения земельной собственности более дифференцированным. Билимович отстаивал необходимость сохранения высокотоварных частновладельческих хозяйств, поэтому сахарные латифундии не только не подлежали разделу, но и увеличивали свою площадь в 4 раза (нетрудно представить, что означала бы реализация этого положения в малоземельной Правобережной Малороссии).

Все же данный проект давал большие уступки крестьянам и в случае его реализации мог стать «грандиозной социальной реформой» (по определению Деникина), продолжавшей аграрные преобразования Столыпина.

Однако законопроект так и не был утвержден. Немало на отсрочку принятия проекта повлияла позиция Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. В телеграмме от 23 октября 1919 г. (практически накануне окончательного утверждения проекта Деникиным) указывалось на сложность земельного вопроса, невозможность его разрешения до окончания гражданской войны и необходимость «охранить фактически создавшийся переход земли в руки крестьян». А еще раньше, телеграммой от 20 августа Омский Совет министров оговорил за собой «общее руководство земельной политикой» ограничив тем самым самостоятельность Особого совещания в этом,

столь важном для юга России вопросе внутренней политики.²¹

С ноября–декабря 1919 г. началось активное обсуждение законопроекта в печати. По времени это совпало с началом отступления Добровольческой армии от Орла, Киева, Воронежа. К концу года в политических кругах белого юга стали высказываться мнения о необходимости идти на «радикальные уступки крестьянству» в плане закрепления за ним всех захваченных земель на правах собственности. «Непредрешение» денкинской аграрной политики стало рассматриваться как одна из причин отхода Добармии осенью 1919 г., пассивности и враждебности крестьянства по отношению к белым.

Примечательно, что подобная критика исходила из рядов Совета государственного объединения России, правоцентристской организации, лидеры которой (А. В. Кривошеин, П. Б. Струве, Н. В. Савич) всего несколько месяцев назад высказывались против каких-либо аграрных преобразований в условиях гражданской войны. Теперь тезис о «радикальной земельной реформе» стал выгодным в борьбе за власть. А министр земледелия Южнорусского правительства, пришедшего на смену Особому совещанию, донской социал-демократ П. М. Агеев заявлял об аграрной политике, которую в интересах крестьянства будут проводить «истинные демократы», а не «вчерашние помещики».²²

Радикальная земельная реформа начала осуществляться в Крыму и Северной Таврии летом–осенью 1920 г. Аграрная политика Правительства Юга России, возглавлявшегося А. В. Кривошеиным (ближайшим помощником П. А. Столыпина) принципиально отличалась от предшествующей. Прежде всего, все земельные угодья оставались «в распоряжении обрабатывающих их хозяев» независимо от того, на каком праве это распоряжение основано (т.е. фактически признавался законным «захват» частновладельческих земель после 1917 г.).

«Захваченные земли» закреплялись в собственность крестьян после уплаты государству за них (ежегодно в течение 25 лет) пятикратного среднего за последние 10 лет урожая зерновых данного района (приказом нового главкома ВСЮР генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля № 3367 от 26 июня 1920 г. размер платы определялся как «пятикратное среднее от урожая текущего года»). Расчет с бывшими владельцами государство брало на себя. Отчуждению не подлежали только хуторские и отрубные земли (то есть земли тех же крестьян-

²¹Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Пекин, 1921. С. 314, 315.

²²ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 129. Л. 5–10.

ян), имеющие «культурное общественно-полезное значение» и др. Частно-владельческие земли могли оставаться за прежними хозяевами лишь по нормам, установленным уездными и волостными земельными советами. Создание этих органов, избираемых местными крестьянами специально для реализации врангелевской реформы, также было заметным шагом вперед по сравнению со всеми предшествующими аграрными реформами (в том числе и Столыпина), так как теперь сами сельские хозяева, крестьяне-собственники могли самостоятельно решать основные вопросы сельской жизни. Задачи аграрно-крестьянской политики были признаны приоритетными во внутренней политике врангелевского правительства. Большие средства выделялись на пропаганду земельной реформы, ее необходимость для крестьян.

Правительство оказывало поддержку работе созданного летом 1920 г. Крестьянского союза России, а его печатный орган – газета «Крестьянский путь» была одной из самых читаемых в белой Таврии. Специальными приказами командирам воинских частей предписывалось оказывать помощь крестьянам в проведении уборочных и посевных работ, не допускать незаконных реквизиций и повинностей, а виновных строго наказывать.²³

Отметим, что земельная реформа могла относительно успешно проходить лишь в многоземельной Новороссии. С продвижением Русской армии генерала Врангеля в обширные районы юга России неизбежно возникали бы трудности, связанные с распределением между крестьянами владельческих земель, выборами земельных советов, сопротивлением бывших владельцев, а там, где «черный передел» завершился, 25-летняя рассрочка в закреплении земли в собственность могла быть негативно воспринята крестьянами. Поэтому очевидно, что проведение земельной реформы в общероссийском масштабе могло происходить только после окончания гражданской войны.

История последнего периода Белого движения на юге России в 1920 г. отражает изменения в проектах государственного устройства, обусловленные изменившимися условиями борьбы. Правитель Юга России генерал Врангель, стремившийся на «последней пяди русской земли», в Крыму, создать своего рода «опытное поле», заявлял: «Не триумфальным шествием из

²³Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России о Земле. От 25 мая 1920 года (со всеми дополнениями). // Врангель П.Н. Записки. Часть 2 // Белое дело. Летопись белой борьбы. Кн. VI. Берлин, 1928. С. 243–245; Крестьянский путь (Симферополь). 1920. № 34. 10 октября.

Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа».²⁴

Очевидно, что эволюция внутренней политики Белого движения 1920–1922 гг. диктовалась необходимостью обновления социального состава белого лагеря, получения поддержки со стороны крестьянства, вовлечения в движение окраинных народностей. Считалось, что если удастся закрепляться на «крайних рубежах русской земли», то и без «похода на Москву» можно будет дожидаться скорого падения советской власти из-за ее «разложения» изнутри, крестьянских восстаний, экономической разлухи и т.д.

В белом Крыму в 1920 г. Врангелем предпринимались попытки возрождения Всероссийского Крестьянского союза. «Опору на крестьянство» должна была обеспечить и новая, разработанная в белом Крыму, система выборов в волостное земство. Приказом Врангеля от 28 июля 1920 г. началось создание структур волостных земских учреждений, в состав которых предполагалось ввести преимущественно крестьян-собственников, участвующих в реализации аграрно-крестьянских преобразований. По воспоминаниям председателя Таврической губернской земской управы князя В. А. Оболенского, земская реформа состояла в следующем: «...губернское земство совершенно упразднилось, как обязательное звено цепи земских учреждений. Уездным земствам лишь предоставлялось право в случае признанной ими необходимости объединяться в деловые союзы по отдельным отраслям хозяйства, или учредить губернские земства. Волостное земство восстанавливалось, но покоящееся не на всеобщем избирательном праве, а на минимальном цензе владения недвижимым имуществом, причем ценз являлся обязательным условием, как активного, так и пассивного избирательного права. Таким образом, бесцензовая земская интеллигенция устранялась от решающего влияния в земских делах...».²⁵

Белый режим Врангеля, пытаясь избежать ошибок и просчетов предшествующих лет, корректировал свои программные установки, а поскольку пространства ему подвластные сужались до размеров небольшого региона, то и его программа по национальному вопросу также приобретала заметную ре-

²⁴Врангель П.Н. Записки. Часть 2 // Белое дело. Летопись белой борьбы. Кн. VI. Берлин, 1928. С. 44. 90.

²⁵Оболенский В. А. Земства в Крыму во время гражданской войны. // Местное самоуправление. Вып. 1. Прага, 1925. С. 286–287.

гиональную специфику. Так, принцип «Единой, неделимой России» стал уступать место принципу «федерации». Врангель в беседе с председателем «Национального Украинского Комитета» И. Маркотуном заявлял о своей готовности «содействовать развитию национальных демократических сил»²⁶. В сентябре–октябре 1920 г. Правительство Юга России предпринимало попытки заключения союза с представителями бывшего Горского правительства, в частности, с внуком имама Шамиля – офицером французской службы Саид-беком, на основании признания федерации горских народов.

Собственно и создание Правительства Юга России базировалось на принципе соглашения Врангеля с руководителями южнорусского казачества, в соответствии с которым предполагалось соблюдение неприкосновенности казачьих политических структур самоуправления (атаманская власть, региональные парламенты), а атаманы вводились в состав врангелевского правительства.

Политическая жизнь последнего белого режима на юге России характеризуется стремлением к укреплению принципа военной диктатуры. Сокращение занимаемой территории, отход от борьбы многих политических групп и партий, считавших Белое движение уже безнадежно проигранным, сужение в сравнении с 1919 г. масштабов борьбы за власть – все это приводило к усилению единоличной роли белых вождей. При этом провозглашалась совершенно необходимой практика проведения назревших политических и экономических преобразований, что наиболее отчетливо проявилось в начале осуществления аграрно-крестьянской реформы.

Но проведение демократических преобразований в условиях неограниченной единоличной власти, исключавшей политическую борьбу («левая политика правыми руками»), становилось невозможным, так как для реализации «новой» политики у белых режимов уже не было тех возможностей (достаточно обширная территория, наличие больших вооруженных сил, поддержка со стороны влиятельных мировых держав), которые были в 1919 г. Поэтому устойчивость врангелевского правительства оказалась слабой и военные поражения в Крыму и Северной Таврии осенью 1920 г. предопределили и скорое падение белой власти в регионе.

²⁶Врангелевщина // Красный архив. Т. 3 (40). М.; Л., 1930. С. 18–19.

В. И. Шишкин

Революция и Гражданская война в Сибири: общее и особенное

В истории Сибири период революции и особенно Гражданской войны по-прежнему вызывает большой научный интерес. Главная причина, по которой сохраняется актуальность революционной тематики, заключается в отсутствии в отечественной историографии объективного показа тех изменений, какие произошли в Сибири в марте–октябре 1917 г., а также убедительного объяснения того, как и почему в ноябре 1917 – мае 1918 гг. большевикам удалось установить власть Советов в преимущественно крестьянском крае, где доля горожан не превышала 12,0 % населения, а удельный вес рабочих составлял всего около 5,5 %. Устойчивый интерес к Гражданской войне во многом обусловлен размерами и значением происшедших в то время в Сибири событий, оказавших существенное влияние на возникновение, ход и результаты широкомасштабного вооруженного конфликта в России, а затем десятилетиями влиявших на судьбы миллионов людей.

Советские историки видели специфику Февральской революции в Сибири прежде всего в том, что происходившие в ней социально-политические процессы совершались позднее и медленнее, чем не только в Петрограде, но и в центральных районах России. На самом деле такая трактовка сибирских событий не отражает их главные особенности. Гораздо важнее было то, что здесь, несмотря на отсутствие каких-либо указаний из столицы и бедность интеллигентными силами, в течение недели во всех губернских, областных и уездных городах были созданы органы новой, революционной власти – комитеты общественной безопасности (КОБы) и аналогичные им структуры.

Инициатива по созданию КОБов в Сибири принадлежала местной общественности, а сценарии, по которым они формировались, значительно различались и определялись локальной спецификой. Однако, несмотря на такое разнообразие, все КОБы учреждались через процедуру выборов, проходивших зачастую стихийно и несовершенных в юридическом отношении. В состав большинства комитетов прошли представители всех социальных слоев и групп горожан, кроме местной верхушки бывших деятелей царского режима, служащих жандармерии и полиции. Фактически КОБы Сибири стали воплощением широкой коалиции либерально-демократических и социалистических сил, в которой в большинстве случаев задавали тон умеренные социалисты.

Возникновение такой разнородной коалиции и ведущая роль в ней умеренных социалистов не являлись отражением социальной структуры Сибири, а были следствием наличия здесь политической ссылки, насчитывавшей вместе с политзаключенными и каторжанами около 10 тыс. человек. Активностью многочисленного и авторитетного контингента политических ссыльных в значительной мере объясняется как быстрое создание КОБов, так и тот факт, что в исключительно опасной ситуации смены органов государственной власти в крае удалось не допустить разгула анархии, криминала и революционного экстремизма.

Как правило, советские историки, освещая поведение в ходе революционных событий местной царской администрации, акцентировали внимание на осуществлении ею превентивных мер, направленных на недопущение открытых публичных выступлений горожан, и на информационной блокаде населения. При этом умалчивалось о том, что после получения сведений об образовании Временного правительства почти все служащие старой администрации и воинские начальники заявили о своей готовности служить новой власти. Однако проявленная ими лояльность не стала гарантией их оставления не только на службе, но и даже на свободе. По распоряжениям КОБов почти сразу же были произведены аресты генерал-губернаторов, губернаторов, начальников жандармских управлений, полицмейстеров и некоторых уездных исправников. Затем лишению свободы подверглись офицеры и нижние чины жандармских управлений и пунктов, часть сотрудников полиции и армейских офицеров, подозревавшихся в монархических настроениях, некоторые члены Союза русского народа.

В результате за первую декаду весны 1917 г. политический ландшафт сибирской провинции радикально изменился. С отставанием всего на несколько суток по сравнению с Петроградом сибиряки самостоятельно, без насилия, эксцессов и крови утвердили новые институты и порядки, аналогичные столичным, ликвидировали губернские и уездные органы старой государственной власти, поддержав тем самым революционный переворот в Петрограде. Никогда за триста с лишним лет своего пребывания в составе России Сибирь не знала столь радикального обновления административной элиты и всей политической сферы. Всего за десять дней сибирская провинция смогла достигнуть в политической отношении уровня европейской России, а прошед-

ший 10 марта «Праздник свободы» наглядно продемонстрировал единство столицы и сибирской провинции, новой власти, народа и армии.

В Сибири КОБы изначально создавались для обеспечения порядка на подведомственной им территории и безопасности населения, а также для недопущения вакуума, который мог возникнуть во время упразднения старой администрации и перехода власти из одних рук в другие. Буквально сразу же КОБы стали видеть свои задачи гораздо шире – в содействии Временному правительству, а некоторые даже позиционировали себя как высшие органы государственной власти на местах, подчиненные Временному правительству. Отсутствие правовой базы, которая регламентировала бы деятельность КОБов, вынудило их самостоятельно определять свои права, функции, структуру и направления работы, действовать по собственному усмотрению с учетом местных условий, но с оглядкой на столицу.

КОБам Сибири принадлежит заслуга в ликвидации двух главных опор, на которых держался царский режим на местах: жандармерии и полиции. Вместо ликвидированной полиции КОБы срочно создали временную народную милицию. Довольно серьезную кадровую чистку КОБы осуществили в судебных органах. Но основную часть губернского, областного и уездного исполнительного аппарата, не выполнявшую репрессивных функций, они сохранили в неизменном виде. В условиях Сибири, испытывавшей недостаток квалифицированных специалистов и даже просто грамотных людей, такая политика была вполне разумной, поскольку разрушение всего старого государственного аппарата могло обернуться элементарной потерей управления.

Фактически весной 1917 г. большинство КОБов Сибири занимались на местах решением всех текущих вопросов. Их авторитет в глазах населения был довольно высок. Не случайно все другие общественные организации, в том числе Советы, стремились иметь в КОБах своих представителей и безоговорочно им подчинялись. Временное правительство, не признавая КОБы в качестве института государственной власти и не поддерживая их финансово, тем не менее, было вынуждено считаться с ними при назначении правительственных комиссаров и даже утвердило в этой должности нескольких рекомендованных КОБами кандидатов. Состав и деятельность КОБов опровергают существовавшую в советской историографии оценку их как органов диктатуры буржуазии. Гораздо больше оснований характеризовать КОБы как органы революционной демократии.

Временное правительство предприняло попытку создать централизованную вертикаль власти, важнейшим звеном которой должны были стать назначенные им губернские и областные комиссары. На эти должности в Сибири министерство внутренних дел назначило хорошо известных местной обществу по своей предыдущей деятельности членов Государственного совета и депутатов Государственной думы. Однако на такую практику резко отрицательно отреагировала социалистическая общественность Иркутска и Томска. Она исходила из того, что в демократическом государстве назначение комиссаров является прерогативой местных революционных властей, и посчитала акцию правительственных верхов нарушением принципов демократии.

Попытки назначения «сверху» губернских и областных комиссаров Временного правительства показали, что Временное правительство не всегда действовало достаточно грамотно и верно прогнозировало последствия своих шагов. В результате в отдельных губерниях и областях Сибири произошли локальные «схватки» в борьбе за власть между правительственными назначенцами и местными выдвиженцами. В принципе такая борьба являлась ожидаемой и вполне естественной пробой сил центральной, столичной и провинциальной элиты. В этой борьбе сибирская элита смогла не только довольно быстро сформулировать и артикулировать свое понимание центр-периферийных отношений, но и попыталась закрепить его на практике. Центральную власть она признавала, но решение всех локальных вопросов считала своей прерогативой. Примерно до июля–августа 1917 г. местная административная элита относительно успешно справлялась со стоявшими перед ней задачами и в основном контролировала политическую ситуацию в Сибири.

Свержение самодержавия вызвало невиданную активность сибиряков, нашедшую свое выражение в создании ими всевозможных общественных и политических организаций: Советов, комитетов и отделов политических партий, профсоюзов и фабзавкомов, крестьянских союзов, солдатских комитетов, разного рода кооперативов, национальных комитетов и др. Их возникновение явилось показателем самоорганизации разных категорий населения и реального воплощения демократии в жизнь, стало свидетельством формирования структурных элементов новой, более сложной организации локального общества. В то же время учреждение таких институтов привело к фрагментации местного социума, обернулось вскоре возникновением и проявлением

группового эгоизма и повлекло за собой раскол общества, вызвало в нем противостояние и борьбу.

Первыми в Сибири о своих особых интересах открыто заявили рабочие. Они решительно потребовали сокращения трудового дня, увеличения расценок и заработной платы. При этом дисциплина на производстве ухудшалась, усилились прогулы под предлогом участия в митингах и на демонстрациях, на собраниях и заседаниях. Почти все события рабочие оценивали сквозь призму классовой борьбы. По всем политическим вопросам они поддерживали большевиков, выступали сначала против Временного правительства, а затем – против меньшевиков и эсеров. Несмотря на небольшую численность рабочих, их конфликты с властями и предпринимателями приобрели в Сибири довольно значительные размеры, явились одним из основных дестабилизирующих политических факторов.

Наиболее же стремительно и опасно деструктивные процессы протекали в среде военнослужащих, которые имелись примерно в шести десятках гарнизонов Сибири и насчитывали несколько сотен тысяч человек. Демократизация армейской жизни, проходившая по инициативе и при активном участии социалистов, сначала вылилась в выборы высшего начальствующего состава, создание солдатских комитетов и Советов, во введении коллективного управления войсками. Вскоре она обернулась неподчинением бывших нижних чинов офицерам и командному составу. Ликвидация ограничений в гражданских правах солдат привела к массовому пьянству, насилиям над гражданским населением, дезертирству и падению воинской дисциплины, которые прикрывались антивоенной демагогией и революционной риторикой. В августе 1917 г. особенно опасная обстановка сложилась в Красноярском, в середине сентября – в Иркутском гарнизоне, нормализовать которую удалось только с применением оружия.

В советской историографии одной из приоритетных проблем истории революции считалось изучение организации и деятельности Советов. Большинство историков утверждало, что после Февральской революции в Сибири немедленно возникло двоевластие, обусловленное почти одновременным созданием КОБов и Советов. В действительности в разных городах ситуация существенно различалась. Например, Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов, Совет солдатских депутатов Томского гарнизона и военный отдел Омского Совета рабочих и военных депутатов, находившиеся под

сильным влиянием большевиков, изначально в ряде вопросов действовали как власть. Однако поскольку в большинстве случаев КОБы и Советы состояли из умеренных социалистов, то они не противостояли друг другу, а в основном взаимодействовали. Наконец, нужно учитывать то обстоятельство, что к середине 1917 г. Советы имелись только в 34 городах и 37 рабочих поселках Сибири, т. е. примерно в двух третях населенных пунктах этого типа. Следовательно, о наличии в них двоевластия в принципе не приходится говорить.

Политическая ситуация в Сибири дестабилизировалась после июльских событий в Петрограде и резко обострилась после так называемого «корниловского мятежа». Несмотря на отсутствие в Сибири каких-либо антиправительственных выступлений со стороны «правых» элементов, в конце августа – начале сентября 1917 г. по инициативе представителей социалистических партий в Омске, Барнауле, Томске, Новониколаевске, Кургане были явочным порядком учреждены так называемые «комитеты защиты революции». По сути дела они отстранили от управления комиссаров Временного правительства и сосредоточили в своих руках всю полноту гражданской и военной власти. Одновременно резко активизировали свою деятельность Советы, в которых усилилось влияние большевиков и левых эсеров. Обострились отношения между солдатской массой и офицерами, часть из которых попала под подозрение как сторонники Л. Г. Корнилова и были смещены с должности по требованию революционных организаций.

Осенью ухудшилось продовольственное положение в городах Сибири. В начале октября на почве повышения цен на продовольствие беспорядки, сопровождавшиеся избиением государственных служащих, погромами, пожарами и грабежами, произошли в Петропавловске. Аналогичные события назревали в Омске. Для наведения порядка из Омска в Петропавловск был срочно командирован вооруженный отряд, а в самом Омске введено осадное положение, которое просуществовало пять дней. У обывателей складывалось ощущение, что комиссары Временного правительства теряют власть в Сибири, ситуация выходит из-под их контроля, усиливается беспорядок и надвигается хаос.

Вполне закономерно, что большое внимание историки всегда уделяли изучению численности, состава и деятельности большевиков в Сибири. Их количество там после Февральской революции не превышало 600–700 человек. Вместе с меньшевиками-оборонцами и интернационалистами они входили в единые организации РСДРП. К концу октября 1917 г. численность

большевиков достигла примерно девяти тысяч человек. Их социальной опорой в городах являлись рабочие промышленных предприятий, железнодорожники и солдаты гарнизонов, в поселках – горняки, в селах – бывшие фронтовики.

Главную задачу большевики Сибири, занимавшие леворадикальные позиции, видели в углублении революции и в доведении ее до социалистической фазы. Стремясь разогнать «локомотив революции», они непрерывно наращивали организационные и агитационно-пропагандистскую деятельность в массах. Свою малочисленность большевики компенсировали хорошей организацией и высокой активностью, выбором правильных направлений работы и объектов воздействия, широкой пропагандой понятных социальным низам лозунгов, агрессивностью по отношению к оппонентам и противникам. Работу среди населения большевики всегда вели под лозунгом «Вся власть Советам», а главную задачу видели в том, чтобы Советы приняли этот лозунг в качестве первоочередного.

Переломным моментом в достижении этой цели стал первый общесибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который проходил в Иркутске 16–23 октября 1917 г. На съезде присутствовало 184 делегата от 70 Советов, которые составляли пятую часть имевшихся в Сибири Советов и представляли не более 10 % взрослого населения края. Они выражали мнение главным образом промышленных рабочих и солдат тыловых гарнизонов. На съезде отсутствовали представители Советов крестьянских депутатов, т. е. большинства местного населения, которые оказались в положении политически дискриминированных, а легитимность съезда из-за этого – исключительно низкой.

64 делегата съезда были большевиками, 35 – левыми эсерами, 10 – социал-демократами интернационалистами, двое – анархистами; из остальных депутатов 50 человек являлись правыми эсерами, 11 – меньшевиками, один – бундовцем, 11 – беспартийными. Незначительным большинством голосов большевиков и поддержавших их левых эсеров съезд принял резолюцию о необходимости установления власти Советов. 23 октября 1917 г. для руководства местными Советами он избрал Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сибири (ЦИК Советов Сибири, Центросибирь) во главе с большевиком Б. З. Шумяцким. Первый общесибирский съезд Советов стал для местных большевиков и их союзников важнейшим мероприятием по подготовке и мобилизации своих

сил на новом этапе борьбы, целью которой было взятие государственной власти на местах Советами.

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде главной задачей левых радикалов в Сибири стала его поддержка установлением власти Советов на местах. В советизации Сибири прослеживаются несколько характерных черт. Как правило, большевики и их сторонники сначала только провозглашали установление власти Совета, но реально управление в свои руки брали намного позднее. Препятствовали этому как саботаж служащих государственных и общественных учреждений, не признававших новую власть, так и отсутствие собственных специалистов, способных занять руководящие должности.

Почти повсеместно власть Советов в Сибири устанавливалась отнюдь не мирным путем, а через создание чрезвычайных органов (военно-революционных комитетов) и с применением вооруженной силы, в качестве которой использовались революционно настроенные солдаты местных гарнизонов или красногвардейские отряды. Для свержения старой власти и установления новой, советской в такие города, как Акмолинск, Бийск, Верхнеудинск, Ишим, Тобольск и Якутск, из Петрограда, Омска и Иркутска были направлены даже специальные воинские отряды, состоявшие из интернационалистов, красногвардейцев и матросов.

В Омске и Иркутске попытки установления власти Советов натолкнулись на вооруженное сопротивление. В Иркутске с 21 по 30 декабря 1917 г. шли ожесточенные бои между сторонниками Советов и юнкерами с применением артиллерии большевиками. На помощь большевикам прибыли отряды шахтеров-красногвардейцев из Черемхово, отряды революционно настроенных солдат из Ачинска, Канска и Красноярска во главе с большевиками и левыми эсерами. В результате боев с обеих сторон погибло примерно 290, и было ранено около 300 человек. Еще больше мирных граждан погибло от артиллерийского обстрела. Сгорели десятки частных деревянных домов, были частично разрушены артиллерией и пострадали от пожара многие каменные здания.

Процесс установления власти Советов шел не снизу вверх, а сверху вниз и в значительной мере под давлением Центросибири. В провозглашении власти Советов в сельской местности главную роль сыграли уездные съезды Советов рабочих и крестьянских депутатов, которые под давлением большевиков и левых эсеров принимали такие решения. Но на самом деле даже чисто

формально к концу весны 1918 г. власть Советов имелась в лучшем случае в половине волостей. Зачастую она создавалась путем переименования в Советы только что избранных волостных земских управ или учреждалась на базе ранее образованных эсерами крестьянских союзов. Они были общекрестьянскими по своему составу и не являлись твердой опорой большевиков.

Первоначально многие Советы Сибири, взявшие власть в свои руки, считали себя абсолютно полновластными и не подчиненными центральным советским органам. До весны 1918 г. примерно на такой же позиции стояла даже Центросибирь. Ряд губернских и областных советских органов приняли решения, в соответствии с которыми директивы центральных органов управления не должны были проводиться в жизнь без их утверждения местными Советами. Центр интерпретировал такое поведение как сепаратизм и решительно требовал его недопущения. Б. З. Шумяцкого, не поддержавшего позицию В. И. Ленина в вопросе о Брестском мире, на посту председателя Центросибири сменил сторонник организационного централизма большевик Н. Н. Яковлев.

Примерно в середине весны 1918 г. Центросибирь приступила к централизации государственного управления на подведомственной ей территории. Сказались беспрецедентный нажим «сверху», изживание иллюзий и демагогии о полновластии местных Советов, постепенное осознание того, что удержать власть в своих руках большевики смогут только при условии подчинения нижестоящих Советов вышестоящим, местных интересов – общегосударственным, превращения слабой власти разрозненных Советов в сильную, жестко централизованную Советскую власть. Видимо, в Сибири такой процесс начался позже, чем в других районах России, шел несколько медленнее и был прерван в результате победы контрреволюции.

Придя к власти, большевики и их союзники повели преобразования широким фронтом, решительно вторгаясь в военную, политическую, экономическую, финансовую, культурную сферы. Их мероприятия мало что могли дать большинству населения Сибири, тогда как от некоторых категорий граждан и организаций они сразу же потребовали ощутимых жертвы. Не имея денежных средств для своего существования и не получая финансовой поддержки из Центра, Советы Сибири по рекомендации руководства Народного комиссариата внутренних дел уже в конце 1917 г. начали широко практиковать реквизиции, конфискации и чрезвычайные налоги, которые назна-

чались на предпринимателей, богатых горожан и крестьян. По этому показателю Советы Сибири явно выделялись на общероссийском фоне.

По мере упрочения своих сил большевики и их союзники безжалостно расправлялись с политическими противниками, оппонентами и конкурентами. Почти сразу же они запретили издание кадетских газет; потом наступила очередь прессы умеренных социалистов. Параллельно осуществлялась ликвидация органов земского и городского самоуправления, так и не успевших укорениться на сибирской почве. В конце января 1918 г. большевики расправились с областниками, которые в октябре и декабре 1917 г. провели в Томске два общесибирских съезда. На последнем из них альтернативной единовластием большевиков областники провозгласили организацию временной автономной власти в Сибири. С этой целью они приняли решение учредить в качестве законодательного органа Сибирскую областную думу (СОД), а в качестве исполнительного органа – ответственный перед думой Сибирский областной совет. Для созыва думы декабрьский съезд сформировал Временный Сибирский областной совет (ВСОС).

В соответствии с принятым съездом «Положением о временных органах управления Сибири» право делегировать своих представителей в Сибирскую областную думу получили все демократические и социалистические организации кроме созданных цензовыми элементами. Причем предполагалось, что 167 из 305 депутатов направят в думу различного рода Совдепы. Исполнительная власть должна была иметь исключительно социалистический характер, но при этом сформировать ее намечалось на широкой коалиционной основе в диапазоне от народных социалистов до большевиков включительно. Предполагалось, что делегированные в Думу депутаты прибудут в Томск к 7 января 1918 г., а открытие ее заседаний планировалось на 12 января.

Однако начать работу Сибирской областной думе в указанное время не удалось из-за отсутствия кворума. Лишь к началу 20-х чисел января зарегистрировалось 90 ее членов, необходимых для кворума, что позволило назначить открытие Думы на 2 февраля. Но Томский губернский совдеп решил не допустить этого, не останавливаясь перед крайними мерами. Вечером 25 января по его распоряжению солдаты и красногвардейцы начали обыски и аресты членов Временного Сибирского областного совета, депутатов и сотрудников Думы. На следующий день президиум исполкома Томского губернского совдепа издал постановление о роспуске Думы, об аресте и преда-

нии суду ревтрибунала членов Временного Сибирского областного совета по обвинению их «в организации власти, враждебной рабочим и крестьянским Советам». Члены Думы, не подчинившиеся постановлению о ее роспуске, объявлялись врагами народа, подлежащими суду ревтрибунала. За сутки в Томске были арестованы два члена Временного Сибирского областного совета и 13 депутатов Думы.

Репрессии советских властей серьезно осложнили ситуацию, но не парализовали волю части оставшихся на свободе областников. Они решили нелегально провести первую сессию Сибирской областной думы, которая состоялась в ночь на 29 января. Сессия утвердила декларацию к сибирскому населению и законопроект «Положения о выборах в Сибирское учредительное собрание», избрала президиум Думы и Временное Сибирское правительство в составе двух десятков министров, в основном социалистов с областническим уклоном или областников с социалистическими симпатиями. Председателем Думы участники заседания избрали правого эсера И. А. Якушева, а министром-председателем Временного Сибирского правительства – правого эсера П. Я. Дербера.

Опасаясь преследований со стороны Томского Совдепа, П. Я. Дербер с частью министров принял решение перебраться сначала в Читу, а потом в Харбин. В конце весны – начале лета эта группа министров переехала во Владивосток, где 1 июля 1918 г. постановила именоваться Временным правительством автономной Сибири. Но перед отъездом из Томска П. Я. Дербер образовал Западно-Сибирский комиссариат, которому поручил руководить организацией и деятельностью антибольшевистского подполья. Проезжая через Иркутск, П. Я. Дербер учредил в нем Восточно-Сибирский комиссариат с аналогичными функциями. Члены комиссариатов получили статус уполномоченных правительства. Таким образом, областники и эсеры Сибири готовились к продолжению борьбы с большевиками, в том числе вооруженной.

Из воспоминаний участников революционных событий известно, что еще накануне Октябрьского переворота В. И. Ленин и ЦК РСДРП(б) давали большевикам Западной Сибири задание после взятия власти ускоренным темпом снабжать продовольствием обе столицы и другие революционные центры. В Сибири большие запасы заготовленного продовольствия имелись в распоряжении Краевого совета продовольственно-экономического комитета Западной Сибири и Урала (Краесовета), во главе которого стояли эсеры и

меньшевики. Выполняя директиву ЦК, в декабре 1917 г. омские большевики и поддерживавшие их левые эсеры отстранили меньшевиков и эсеров от руководства Краесоветом и возглавили его. Они решительно и быстро сломали саботаж служащих Краесовета, обеспечили железную дорогу углем и подвижным составом, очистили ее от мешочников, организовали погрузку и отправку эшелонов с продовольствием под надежной охраной в Москву и Петроград. За январь – март 1918 г. отгрузка составила 5,8 млн. пудов хлебофуража, причем наряды Народного комиссариата продовольствия для Петрограда Краесовет выполнил на 221 % и для Москвы – на 126 %.

Намного сложнее было получить излишки продовольствия, имевшегося непосредственно у производителей. Крестьяне не хотели сдавать хлеб за деньги, тем более по твердым ценам, поскольку не могли их реализовать из-за отсутствия в продаже промышленных товаров. В большевистской среде обсуждались и на практике были применены разные варианты того, как добыть крестьянский хлеб: коллективный товарообмен с сельскими обществами, учет и реквизиции у крупных производителей и держателей, принудительное изъятие с оплатой по половинной цене и др. Поиск вариантов закончился после того, как 9 мая 1918 г. ВЦИК Советов предоставил Наркомпроду чрезвычайные полномочия в борьбе с деревенской буржуазией, а В. И. Ленин и нарком А. Д. Цюрупа отправили в Омск телеграмму с требованием немедленно оказать помощь голодающему Петрограду. 14 мая Краесовет постановил объявить все хлебные излишки государственной собственностью и потребовать в течение месяца сдать их Советской власти.

Систематические угрозы органов Советской власти применить насилие, чрезвычайные налоги, конфискации, реквизиции и элементарное бесчинство, которые широко практиковали местные советские работники, красногвардейцы и красноармейцы, вызывали недовольство пострадавших от репрессий и оказавшихся в зоне риска, приводили к ответным действиям со стороны населения. За январь–май 1918 г. в Сибири произошло около 50 антисоветских вооруженных выступлений, не считая таких форм сопротивления, как демонстрации и митинги. Чаще всего эти восстания являлись реакцией на конкретные ситуации, были стихийными, неорганизованными, носили разрозненный характер. Все они были довольно быстро подавлены благодаря оперативно принятым военно-политическим мерам и превосходству Советов в вооруженной силе.

Более серьезную опасность для Советов представляли партизанские действия вооруженных отрядов и групп, состоявших в основном из казаков и возглавлявшихся популярными казачьими офицерами Б. В. Анненковым, И. Н. Красильниковым, Г. М. Семеновым и А. А. Сотниковым. Особенно много проблем Советской власти доставил есаул Г. М. Семенов. К концу января 1918 г. он создал хорошо вооруженный отряд в шестьсот человек, во главе которого открыл военные действия в Восточном Забайкалье. В результате здесь возник один из первых фронтов Гражданской войны в России – Даурский.

Важным результатом реакции на установление и политику Советской власти в Сибири стала организация антибольшевистского подполья. Его первые ячейки возникли в декабре 1917 – январе 1918 гг. в Омске и Петропавловске из офицеров и казаков. К лету 1918 г. подпольные организации были созданы в 38 населенных пунктах, в основном в городах, от Кургана и Тюмени на западе до Читы на востоке. Всего в подполье насчитывалось не менее шести тысяч человек. Как правило, подпольные организации создавались «снизу», по инициативе наиболее активных и авторитетных офицеров или «сверху», по заданию военного штаба Временного Сибирского правительства. Численность подпольщиков примерно в три раза уступала численности советских вооруженных формирований, но в Новониколаевске, Томске, Канске, Нижнеудинске соотношение сил было примерно равным. Состав подполья был неоднородный, хотя преобладали офицеры и учащаяся молодежь, которые сделали осознанный политический выбор и имели хорошую военную подготовку.

Ключевую роль в организации антибольшевистского подполья и руководстве им сыграл Западно-Сибирский комиссариат и главный штаб вооруженных подпольных организаций Западной и Средней Сибири, номинально подчинявшийся находившемуся в Харбине военному министру Временного Сибирского правительства подполковнику А. А. Краковецкому, а реально – работавшему в Сибири подполковнику А. Н. Гришину-Алмазову. Организация вооруженного подполья была далека от своего завершения, когда Чехословацкий корпус поднял антисоветский мятеж. Днем 25 мая 1918 г. legionеры разоружили советский партизанский отряд на станции Мариинск, а в ночь на 26 мая свергли Совет в Новониколаевске. Прибывший 28 мая в Новониколаевск А. Н. Гришин-Алмазов издал приказ о вступлении в

командование Западно-Сибирским военным округом и о формировании Сибирской добровольческой армии.

Естественным ядром Сибирской армии послужили вышедшие из подполья офицерские и эсеровско-областнические организации, а также добровольцы. Благодаря этому ее численность быстро росла, составив к 15 июня примерно 4,0 тыс., к 30 июня – 11,9 тыс., к 20 июля – 31,0 тыс., к 10 августа – 40,7 тыс. и на 1 сентября – 60,3 тыс. человек. К началу сентября 1918 г. Сибирская армия вместе с чешскими легионерами свергла большевистскую власть на территории от Екатеринбурга и Челябинска на западе до Читы на востоке.

Первоначально на освобожденной от большевиков территории верховной государственной властью от имени Временного Сибирского правительства провозгласил себя Западно-Сибирский комиссариат. Он состоял из четырех эсеров, трое из которых были максималистами, и с 14 июня располагался в Омске. Комиссариат восстановил ликвидированные большевиками органы земского и городского самоуправления, учредил губернские и уездные комиссариаты, сформировал собственный исполнительный аппарат и назначил заведующих его отделами.

Политический курс Западно-Сибирского комиссариата не оставался неизменным. Сначала комиссариат посчитал необходимым «произвести пересмотр распоряжений и законов Советской власти в известной последовательности» и сохранить в силе только те из них, которые «оказались жизненными». Затем он упразднил коллегиальные формы управления в государственных учреждениях, издал постановления о денационализации предприятий и об увольнении рабочих и служащих ликвидируемых советских учреждений и денационализированных предприятий, восстановил действие закона Временного правительства «О печати» и др. При нем в социалистической печати около месяца обсуждался вопрос о том, нужно ли сохранять Советы, и если «да», то с какими функциями. Наиболее серьезным политическим решением Западно-Сибирского комиссариата стало постановление от 27 июня 1918 г. о недопустимости пребывания в составе органов местного самоуправления представителей тех партий и организаций, которые вели вооруженную борьбу против Временного Сибирского правительства.

Особо необходимо отметить, что уже 4 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат опубликовал в печати обращение к членам Сибирской областной думы с просьбой «безотлагательно прибыть в Томск и приступить к под-

готовительным работам по разработке законодательных предположений». На следующий день состоялась встреча 12 имевшихся налицо депутатов Думы с одним из членов комиссариата. На нем было принято решение сделать такие собрания регулярными, придать им статус «частных совещаний» членов Думы и оказывать всемерную поддержку Западно-Сибирскому комиссариату.

Поскольку Сибирская областная дума не была политически однородной, представители ее различных фракций по-разному относились к Временному Сибирскому правительству и Западно-Сибирскому комиссариату. Из-за партийной неоднородности Думы само частное совещание почти сразу же превратилось в арену довольно напряженной политической борьбы между эсерами и меньшевиками, представлявшими «левый» фланг сибирской контрреволюции, с одной стороны, народными социалистами и частью беспартийных областников, стоявших на позициях центризма, – с другой. «Правые» и цензовики, не допущенные до выборов в Сибирскую областную думу, не считали ни Западно-Сибирский комиссариат, ни Временное Сибирское правительство авторитетной властью и практически сразу начали против них открытый поход на страницах местной печати. Высказывались даже предложения упразднить Западно-Сибирский комиссариат и вместо него создать новое, коалиционное правительство с включением в него представителей разных социально-политических групп. На данном этапе борьба между ними велась преимущественно по вопросу о способах формирования и составе правительства сибирской контрреволюции. Но в ближайшей перспективе уже довольно легко просматривались контуры иных проблем, включая вопрос о составе и судьбе самой Сибирской областной думы.

30 июня 1918 г. комиссариат передал власть находившимся в Сибири пяти членам Временного Сибирского правительства, которые образовали Совет министров Временного Сибирского правительства в составе П. В. Вологодского (председатель и министр внешних сношений), В. М. Крутовского (министр внутренних дел), И. А. Михайлова (министр финансов), Г. Б. Патушинского (министр юстиции) и М. Б. Шатилова (министр туземных дел). 27 июля 1918 г. в состав правительства вошел И. И. Серебренников, возглавивший министерство снабжения. Последний, наряду с П. В. Вологодским и И. А. Михайловым в недавнем прошлом состояли в партии эсеров, М. Б. Шатилов был эсером, а В. М. Крутовский им сочувствовал, Г. Б. Патушинский являлся энесом.

Причины, по которым летом 1918 г. в Сибири эсеры оказались в авангарде вооруженной борьбы против большевиков, советские историки видели в политических маневрах русской и иностранной буржуазии, сознательно выдвинувшей социалистов на передний план, чтобы обмануть трудящихся и, в конечном счете, облегчить реставрацию капитализма. Советские исследователи утверждали, что Западно-Сибирский комиссариат сотрудничал с самыми реакционными кругами буржуазии и интеллигенции и сыграл главную роль в восстановлении старых порядков. Его замену Советом министров они объясняли, то интригами реакции, то необходимостью контрреволюции иметь правительство, пользовавшееся большим доверием буржуазии, и расценивали как первое серьезное поражение «демократической контрреволюции» в борьбе за власть, нанесенное ей «правыми» кругами.

В действительности члены Западно-Сибирского комиссариата являлись представителями так называемой «третьей силы» (по терминологии И. М. Майского, «демократической контрреволюции»), которые стремились претворить в жизнь «третий путь» в русской революции. Передачу власти пятерке министров комиссариат осуществил по предложению председателя Сибирской областной думы И. А. Якушева прежде всего потому, что считал возложенные на него Временным Сибирским правительством задачи по свержению большевиков и восстановлению органов местного самоуправления в Западной Сибири выполненными. В рассуждениях членов комиссариата играл роль также вопрос о статусе и легитимности комиссариата и Совета министров. Члены комиссариата, считали, что статус министра выше, чем звание уполномоченного правительства, а Совет министров более легитимен, чем Западно-Сибирский комиссариат.

Переход власти от Западно-Сибирского комиссариата к Совету министров Временного Сибирского правительства не расценивался социалистическими кругами как поражение народовластия и победа «правых». Об этом свидетельствуют спокойная реакция на произошедшее событие как самих членов Западно-Сибирского комиссариата, так и эсеро-меньшевистской партийной печати. Наоборот, передача власти Совету министров интерпретировалась ими как необходимый шаг в направлении установления полновластия Временного Сибирского правительства и Сибирской областной думы. В то же время приход к власти Совета министров был восторженно встречен «центристами» и положительно воспринят даже некоторыми «правыми», по-

скольку воспринимался ими как частичная реализация предлагаемого ими курса на создание коалиционного правительства.

Омский Совет министров изначально рассматривал себя как «орган верховного управления Сибирью», располагавший всей полнотой власти и выражающий волю Временного Сибирского правительства. По сути дела это была узурпация прерогатив, принадлежавших всему правительству, в результате чего произошло ущемление прав группы министров, находившихся во Владивостоке. Однако 24 июля Временное правительство автономной Сибири приняло постановление передать омскому Совету министров, впредь до прибытия туда из Владивостока остальных министров, всю полноту правительственной власти в Сибири, кроме права входить в сношения с иностранными державами.

Первого июля 1918 г. Совет министров принял постановление «О высших государственных учреждениях Сибири», в соответствии с которым учрежденные при Западно-Сибирском комиссариате отделы и управление делами были преобразованы в министерства аналогичного наименования и канцелярию Совета министров. Для содействия Совету министров в деле управления вводились должности управляющих военным министерством, министерствами земледелия и колонизации, продовольствия, просвещения, путей сообщения, торговли и промышленности, труда, должности помощников управляющих министерствами и товарищей министров внутренних дел, иностранных дел, туземных дел, финансов и юстиции, а также управляющего делами Совета министров и его помощников. Управляющим министерствами присваивались в делах их ведомств права министров. Тем самым, в Омске был образован центральный исполнительный аппарат, по мере освобождения территории Сибири от Советской власти подчинявший ее своему управлению. 24 августа 1918 г. для содействия Совету министров в делах управления от имени Временного Сибирского правительства был учрежден Административный совет (Деловой кабинет), состоявший из управляющих министерствами, товарищей министров и управляющего делами Совета министров.

По сравнению с Западно-Сибирским комиссариатом Совет министров изначально занял более ясную и жесткую позицию в важнейших политических вопросах. Он аннулировал все декреты Советской власти, отверг заключенный большевиками Брестский мирный договор, признал партию большевиков антигосударственной и запретил ее деятельность, также как и существование различного рода Советов. Рабочим, крестьянам и представителям других

групп населения разрешалось создавать только организации профессионального типа при условии их обязательной регистрации в установленном законом порядке. Все национализированные предприятия и имущества подлежали денационализации, что не исключало в дальнейшем возможности рассмотрения вопроса о необходимости национализации некоторых особо важных для государства предприятий и имуществ. Для укомплектования Сибирской армии было признано принципиально необходимым осуществить призыв в войска. Совет министров признал недопустимым представительство во временной Сибирской областной думе от Советов, но посчитал необходимым иметь представителей от цензовых элементов, а также от профессиональных рабочих и крестьянских организаций.

Приоритетной задачей внутренней политики Временного Сибирского правительства являлось укрепление законности и порядка. Практическими результатами его деятельности в этом отношении стали восстановление законодательства и органов государственного управления Временного правительства, регламентация функционирования местных гражданских и военных властей, регулирование земельных отношений и запрет на самовольную порубку лесов, сбор государственных налогов и долгов по ним, борьба с самогонованием и самосудами, переход от добровольческого принципа формирования вооруженных сил к набору по обязательному призыву.

Внутренняя политика Временного Сибирского правительства эволюционировала от первоначально декларированного народопрямства с его ставкой на Всероссийское Учредительное собрание, Сибирскую областную думу, органы земского и городского самоуправления к авторитаризму, что отразилось в целом ряде постановлений правительства: от 15 июля 1918 г. «Временные правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», от 2 августа 1918 г. о временной передаче милиции из ведения земств и городов в распоряжение министерства внутренних дел, от 24 августа 1918 г. «Об учреждении особых прифронтовых военно-полевых судов», в наделении Административного совета функциями, равными правам Совета министров. Усиление авторитарных тенденций в ущерб демократическим обещаниям послужило причиной затяжного внутреннего кризиса, поразившего Совет министров в сентябре 1918 г. В ходе его разрешения 5 сентября 1918 г. был отправлен в отставку управляющий военным министерством, командующий Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов, наиболее явно де-

монстрировавший авторитарные устремления «правой» фракции Делового кабинета Совета министров. Затем 21 сентября 1918 г. министерских постов лишились составлявшие «левый» фланг Совета министров В. М. Крутовский, Г. Б. Патушинский и М. Б. Шатилов, а также была прервана работа Сибирской областной думы.

Сначала Совет министров Временного Сибирского правительства имел довольно широкую социально-политическую опору. Его активно поддерживали офицеры и казачество, значительная часть городской интеллигенции и учащейся молодежи, цензовая общественность и зажиточное крестьянство, организации демократической (кооперация, земские и городские самоуправления, областники, националы) и социалистической (эсеры «центра» и «правые», народные социалисты, плехановская группа «Единство») ориентации. Нейтральную позицию занимало большинство профессионально организованных рабочих. Изначально отрицательно относились к Временному Сибирскому правительству рабочие и крестьяне, настроенные просоветски и поддерживавшие большевиков, «левых» эсеров и анархистов. Но довольно скоро поддержка со стороны социалистов и части националов приобрела условный характер. Напротив, количество противников правительства, недовольных его внутренней политикой, выросло. С середины августа 1918 г. это недовольство стало принимать крайние формы и в семи уездах вылилось в антиправительственные вооруженные выступления. В общей сложности в них приняло участие около 3,5 тыс. человек. Восстания были быстро и решительно подавлены правительственными войсками.

Временное Сибирское правительство сыграло важную роль в консолидации антибольшевистских сил на востоке России. В июле и августе 1918 г. его представители участвовали в двух челябинских совещаниях, а затем в сентябре – на Государственном совещании в Уфе. На всех этих совещаниях делегации Временного Сибирского правительства активно оппонировали представителям Самарского комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, претендовавшего на роль центра собирания антибольшевистских сил, отстаивая значительно более «правые» политические позиции.

Во второй половине сентября – начале октября 1918 г. в ходе поездки специальной делегации Совета министров во главе с П. В. Вологодским на Дальний Восток ей удалось добиться самоликвидации Временного правительства автономной Сибири и Делового кабинета (правительства) Времен-

ного правителя генерала Д. Л. Хорвата. В результате под властью Совета министров Временного Сибирского правительства оказалась территория от Урала до Тихого океана.

Признанием авторитета Временного Сибирского правительства в антибольшевистском лагере стало избрание П. В. Вологодского на Государственном совещании в Уфе одним из пяти членов Временного Всероссийского правительства (Директории). В то же время на Совет министров и Административный совет Временного Сибирского правительства и персонально на П. В. Вологодского, которые нарушили достигнутые на Уфимском государственном совещании соглашения и всеми способами необоснованно добивались преференций при формировании всероссийского Совета министров, ложится ответственность за недопустимое затягивание в решении этого вопроса.

Временное Всероссийское правительство (Директория) возникло на Уфимском государственном совещании в ходе трудных переговоров, многочисленных согласований и благодаря достижению хрупкого компромисса разнородных социально-политических сил и организаций. Тяжелые «роды» Директории, за которыми наблюдали друзья и враги, а также коалиционный состав послужили для политических противников как «справа», так и «слева» основанием дискредитировать ее как правительство искусственно созданное, малоавторитетное, слабосильное и недееспособное. Примерно в таком же ключе отзывались о Директории в последующем многие мемуаристы. По инерции эти и другие негативные оценки некритически были заимствованы историками, которые плохо знают источники, реальные дела, достижения и просчеты Директории.

Первоочередная проблема, которую следовало оперативно решить Директории, заключалась в формировании ее исполнительного аппарата – Совета министров. Анализ имеющихся источников позволяет сделать выводы о том, что за первые три недели существования Директории взгляды ее членов на принципы и источники формирования всероссийского Совета министров претерпели кардинальную трансформацию. Под влиянием объективных условий и жесткого прессинга со стороны Временного Сибирского правительства Директория не смогла реализовать предоставленные ей Уфимским государственным совещанием права коллективного диктатора и вступила в договорные отношения с Временным Сибирским правительством. Итогом такого развития событий стала частичная утрата Директорией властных

функций и их перераспределение в пользу Временного Сибирского правительства еще до того, как началось обсуждение состава всероссийского Совета министров на персональном уровне.

На формирование Совета министров Временного Всероссийского правительства, начавшегося в конце сентября и завершившегося в начале ноября 1918 г., ушло около полутора месяцев. В условиях ожесточенной Гражданской войны такая медлительность была совершенно непозволительной и не могла пройти бесследно. Вина за этот государственный «долгострой» в первую очередь лежит на Директорию, которая не использовала предоставленные ей Уфимским государственным совещанием диктаторские полномочия, сначала недопустимо долго колебалась в выборе места своего пребывания, а затем не смогла мобилизовать под свои знамена квалифицированных и опытных управленцев, преданных идеям народовластия.

В ходе формирования Совета министров Временного Всероссийского правительства Временному Сибирскому правительству удалось добиться того, что почти все его министры, товарищи министров и управляющие ведомствами получили аналогичные посты во всероссийском правительстве, а деловой аппарат последнего стал основой для создания соответствующих министерств и ведомств. Как следствие, Совет министров не блистал общероссийскими именами. Широтой кругозора, профессиональными знаниями и опытом руководящей работы на всероссийском уровне в нем обладали всего несколько человек: В. А. Виноградов, Г. К. Гинс, Г. А. Краснов, И. А. Михайлов, Л. А. Устругов и Н. П. Огановский. Все остальные, включая премьер-министра П. В. Вологодского, были в основном провинциальными общественными деятелями, пришедшими во власть летом 1918 г., и не способными мыслить быстро, глубоко и масштабно. К тому же, сентябрьский кризис Совета министров Временного Сибирского правительства показал, что большинство «сибирских» министров не отличаются ни политическим кругозором, ни элементарной принципиальностью, ни гражданской смелостью.

В партийно-политическом отношении персональный состав сформированного всероссийского Совета министров не отличался однородностью и консолидированностью. В какой-то мере такое состояние было обусловлено неоднородностью антибольшевистского лагеря. Однако Директория допустила непростительную ошибку, когда по ее прямой протекции в одном случае и при недостаточной твердости – в другом на ключевых министерских

постах оказались люди, не скрывавшие своего недовольства существующей властью и сразу же приступившие к подготовке заговора для ее свержения. Речь идет о военном и морском министре вице-адмирале А. В. Колчаке и министре финансов И. А. Михайлове.

Справедливости ради нужно признать, что за короткий срок своего существования Директория сделала немного. В заслугу ей можно поставить упразднение областных правительств и подчинение себе всей освобожденной от большевиков территории на востоке России, установление контактов с русскими дипломатическими миссиями за границей. Важно было то, что являвшийся членом Директории и Верховным главнокомандующим генерал В. Г. Болдырев нормализовал отношения с командованием чехословацких войск, попытался наладить контакты с генералом А. И. Деникиным, приступил к реорганизации русских вооруженных сил, наведению порядка и дисциплины в войсках. Но решение этой задачи натолкнулось на глубокое моральное разложение значительной части офицерского корпуса, погрязшего в политических играх, пьянстве, разврате, потерявшего представление о долге, совести и чести.

Уступая требованиям «правых» кругов, Директория сделала то, чего, возможно, ей делать не следовало: она запретила формирование русско-чешских полков и добилась самороспуска Сибирской областной думы, которая оставалась для умеренных социалистов главной легально существовавшей площадкой и трибуной. Союзники благожелательно воспринимали результаты деятельности Временного Всероссийского правительства и, судя по опубликованной информации, готовы были ее поддержать дипломатическим признанием. Во всяком случае, такие сведения накануне переворота были получены в Омске. Не исключено, что эта информация стала решающим фактором, ускорившим свержение Директории.

Омский государственный переворот в ночь на 18 ноября 1918 г., в ходе которого была свергнута Директория и установлена власть А. В. Колчака, в течение часа избранного Верховным правителем, назначенного Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России и получившего звание адмирала, безусловно является одним из важнейших событий Гражданской войны в России. В советской историографии этот переворот, получивший название «колчаковского», считался рубежом между «демократической» и монархической контрреволюцией. В постсовет-

ской историографии этот рубеж молчаливо не признается, но интерес к самому событию остается большим.

Можно считать доказанным, что колчаковский государственный переворот был обусловлен совокупностью объективных и субъективных факторов: социальной и партийно-политической неоднородностью контрреволюционного лагеря; осознанием частью «правых» политических деятелей и офицерского корпуса необходимости жесткой централизации и милитаризации государственной власти применительно к новой фазе Гражданской войны, принявшей широкомасштабный характер; неадекватностью этим военно-политическим реалиям состава и политики Временного Всероссийского правительства; амбициями одних и безответственностью других военных и политических деятелей.

К настоящему времени на основе документов установлено, что решающую роль в подготовке антиправительственного заговора сыграли член ЦК партии кадетов В. Н. Пепеляев, министр финансов Временного Всероссийского правительства И. А. Михайлов и первый генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего подполковник А. Д. Сыромятников, подготовившие в первой половине ноября 1918 г. общественное мнение и сформировавшие «переворотную команду». Возглавить военную стадию переворота, в ходе которой надлежало произвести аресты эсеровской части Директории, согласился командующий Сибирской казачьей дивизии В. И. Волков, потребовавший за свою «услугу» произвести его в генералы.

Введение в научный оборот такого уникального архивного источника, как журнал заседания Совета министров Временного Всероссийского правительства от 18 ноября 1918 г., позволило узнать, как вели себя во время этого чрезвычайного события члены Совета министров, в том числе А. В. Колчак. По сути дела это заседание Совета министров Временного Всероссийского правительства явилось тем мостиком, с помощью которого был осуществлен переход от гражданского управления к военной диктатуре. Одновременно с его помощью омскому государственному перевороту была придана некоторая легитимность, оправдывавшая его осуществление в глазах части общественности и дипломатических представителей союзных держав.

В советской историографии период Гражданской войны в Сибири, датируемый правлением А. В. Колчака и именованный «колчаковщиной», не относился к числу привлекавших внимание исследователей. Он не считался

официально табуированным. Но ограничение доступа к архивным документам делопроизводственного и даже мемуарного характера снижало интерес к нему профессиональных историков, негативно сказывалось на изучаемой проблематике, приводило к тому, что внимание акцентировалось на карательной политике и репрессивных мероприятиях режима. В итоге историческая картина оказывалась неполной и крайне односторонней, можно сказать – искаженной.

Во многом иная ситуация сложилась и в настоящее время существует в постсоветской историографии. Открытый доступ к архивным источникам, помноженный на неудовлетворенный интерес общества к событиям того времени, обусловил появление большого массива публикаций о периоде правления А. В. Колчака и особенно о самом Верховном правителе. Однако в этом потоке преобладают сочинения комплиментарного и апологетического характера, не раскрывающие подлинную трагедию событий того времени. Если же говорить об этой трагедии лапидарно, то она заключалась в том, что противники большевиков и Советской власти победу над ними связывали с двумя факторами: во-первых, с установлением военной диктатуры, во-вторых, с личностью человека, ставшего диктатором.

Согласно «Положению о временном устройстве государственной власти в России», которое было срочно написано и принято Советом министров на заседании 18 ноября 1918 г. и поэтому получило неофициальное название «Конституция 18 ноября», верховная государственная власть на всей контролируемой антибольшевистскими правительствами территории временно передавалась Верховному правителю. Ему подчинялись все вооруженные силы, предоставлялось право принятия чрезвычайных мер для их обеспечения, комплектования и снабжения, а также для водворения гражданского порядка и законности. Власть управления во всем ее объеме также относилась к компетенции Верховного правителя. Можно сказать, что тем самым по степени централизации и концентрации верховной власти противники большевиков формально наконец-то достигли уровня советской России, где уже год как существовала «диктатура пролетариата», и даже опередили ее.

«Положение о временном устройстве государственной власти в России» не являлось документом, безукоризненным в юридическом отношении. Не случайно, знавшие его юристы и политические деятели по-разному интерпретировали его. Так, один из разработчиков этого «Положения...» и видный

юрист Г. К. Гинс считал, что по «Положению...» Верховный правитель являлся «конституционным диктатором». Между тем крупный деятель партии кадетов Л. Ф. Кроль считал, что благодаря «Положению...» полнота власти досталась Совету министров, состоявшему из бывших сибиряков.

В действительности по «Положению...» на Совет министров возлагалась обязанность рассматривать все проекты законов и указов Российского правительства и после их одобрения передавать на утверждение Верховного правителя. В то же время все акты Верховного правителя должен был скреплять председатель Совета министров или главный начальник подлежащего ведомства. Кроме того, предусматривался переход верховной государственной власти к Совету министров в случае тяжелой болезни или смерти Верховного правителя, его долговременного отсутствия или добровольного отказа от звания.

Безусловно, атмосфера в Совете министров, характер, содержание и результаты его деятельности во многом задавались и определялись премьер-министром. П. В. Вологодский, сохранивший эту должность после переворота, был довольно известным и популярным в Сибири человеком. В 1918 г. П. В. Вологодский являлся одним из руководителей антибольшевистской борьбы на востоке России, символом демократии и сибирского областничества. За активную общественно-политическую деятельность 3 ноября 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства присвоил ему звание Почетного гражданина Сибири. Однако П. В. Вологодский, не отличавшийся крепким здоровьем, к концу 1918 г. утратил работоспособность, был слабовольным и нерешительным человеком. Сам он прекрасно понимал и неоднократно признавался самому себе в том, что должность премьер-министра его тяготит, что он не справляется с обязанностями, находится не на своем месте. В то же время П. В. Вологодский в отставку не подавал, поскольку считал, что в ближайшем окружении нет человека, способного заменить его на посту председателя Совета министров.

Что же касается собственно личности А. В. Колчака, то он был хорошо известен российскому обществу как храбрый морской офицер, выдающийся полярный исследователь, один из инициаторов восстановления и сотрудник Морского Генерального штаба, крупнейший специалист по минному делу. 28 июня 1916 г. он был произведен в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом. Сделано это было по протекции и с нарушением прав старшинства. На этой должности А. В. Колчак не выиграл ни одного

сражения, но потерял лучший корабль российских военно-морских сил — линкор «Императрицу Марию». Те, кто тесно общался с А. В. Колчаком, знали, что адмирал является патриотом России, непримиримым врагом большевиков, мужественным и решительным человеком. Но знали и о том, что он обладает очень неровным, неустойчивым характером, не имеет опыта командования сухопутными силами и государственной деятельности, плохо разбирается в людях. На этом основании при рассмотрении его кандидатуры на пост военного и морского министра Временного Всероссийского правительства были даже возражавшие против такого назначения.

Достоинства и особенно недостатки, присущие А. В. Колчаку, в полной мере сказались в делах, когда он стал Верховным правителем и Верховным главнокомандующим. Поскольку военный вопрос являлся в деятельности А. В. Колчака главным, как минимум, половину своего рабочего времени он проводил в штабе Верховного главнокомандующего (Ставке). Здесь же, в Ставке, в кругу военных адмирал решал и многие вопросы управления без их предварительного обсуждения в Совете министров.

В заседаниях Совета министров А. В. Колчак не участвовал, точнее — был всего один раз, 19 ноября 1918 г. Отчеты П. В. Вологодского и министров адмирал предпочитал выслушивать во время еженедельных приемов. Приоритет по количеству встреч и их продолжительности (раз в неделю по полчаса) сначала принадлежал военному министру, внутренних дел, иностранных дел и путей сообщения, с начала апреля 1919 г. — военному и внутренних дел (дважды в неделю). Кроме того, П. В. Вологодский, министры внутренних дел, иностранных дел и финансов были включены А. В. Колчаком в так называемый «малый кабинет», который назывался Советом Верховного правителя. Совет Верховного правителя собирался по вечерам в резиденции адмирала.

Всю работу по руководству Советом министров А. В. Колчак доверил П. В. Вологодскому, полагаясь на его знания, опыт и добросовестность. Весьма показательно, что первые несколько месяцев адмирал даже не интересовался кадровыми изменениями, которые происходили в Совете министров. Но когда в мае 1919 г. он обратил внимание на эту проблему, в Совете министров начались резкие перестановки. Достаточно сказать, что за 1919 г. сменилось четыре (можно сказать, даже пять) военных министров, которые назначались по указанию самого А. В. Колчака. Верховный правитель редко беспокоил Совет министров своими пожеланиями, просьбами или поручени-

ями, которые возникали из текущей ситуации и в основном носили мелкий характер. Что касается каких-то крупных инициатив или проектов, которые потребовали бы от Совета министров интеллектуального «штурма» или хотя бы творческого напряжения, то таких адмирал не делал.

В поведении А. В. Колчака мощные волевые импульсы чередовались со спадами активности и даже апатии, неоправданном доверии к одним людям и столь же необоснованном недоверии – к другим. Отсюда – кадровая чехарда в окружении адмирала, импровизации и непоследовательность в политике, уклонение от решения государственных дел под предлогом поездок на фронт и многое другое. Можно утверждать, что большую часть времени своего пребывания на посту Верховного правителя адмирал Колчак прожил в режиме, плохо отвечавшем условиям Гражданской войны и взятым на себя обязательствам.

В борьбе двух диктатур – пролетарской и военной – во время Гражданской войны в России победа оказалась на стороне первой. Причины такого результата много, прежде всего объективных. В том числе нельзя, конечно, игнорировать тот факт, что Сибирь как военный плацдарм проигрывала Центральной России. Но в данном случае хотелось бы обратить внимание на субъективную сторону проблемы и отметить тот факт, что В. И. Ленин использовал такой опасный инструмент, как диктатура, несомненно грамотнее и эффективнее, чем А. В. Колчак.

Опираясь на централизованную, дисциплинированную и преданную ему партию, В. И. Ленин смог создать мощный государственный аппарат, многомиллионную Красную армию, мобилизовать людские и материальные ресурсы подведомственной Советам территории для решения главного, военного вопроса, для разгрома контрреволюции.

А. В. Колчак, имея в своем распоряжении огромный офицерский корпус, не смог навести элементарный порядок даже в армии и тем более – превратить ее в хребет национальной государственности. Напротив, возглавляемые А. В. Колчаком вооруженные силы оказались неустойчивыми в критических ситуациях, стали источником беззакония, произвола и разложения.

* * *

В советской историографии было принято окончание Гражданской войны в Сибири связывать с разгромом Колчака и датировать ноябрем 1919 – январем 1920 г. Такое понимание содержания и хронологических рамок широко-масштабного вооруженного противостояния на востоке России существенно

искажало его реальную картину, поскольку за пределами Гражданской войны оказывалась вооруженная борьба, которая в начале 1920-х гг. шла между значительной частью местного населения, с одной стороны, и коммунистическими властями – с другой.

Причины, по которым вооруженные восстания сибиряков против коммунистического режима замалчивались, вполне понятны. Все они закончились тяжелыми поражениями мятежников с большими людскими потерями и сопровождались репрессиями против их участников, из-за чего не вписывались в официальную героико-романтическую концепцию Гражданской войны в России. К тому же историки предпочитали завершать тему Гражданской войны в Сибири на мажорной ноте – победой над белогвардейцами и интервентами, – чем искать ответы на трудные вопросы, вызванные новым раундом вооруженной борьбы в условиях восстановления диктатуры пролетариата.

Подготовку к освобождению Сибири от колчаковцев и восстановлению в ней Советской власти руководство РСФСР начало заблаговременно. Проанализировав характер и объем первоочередных задач, которые предстояло решить большевикам в Сибири, а также условия их реализации оно приняло решение положить в основу государственного строительства здесь не конституционные органы власти – Советы, а назначаемые по приказу сверху революционные комитеты, в том числе учредить руководящий центр, которому должны подчиняться все органы гражданского управления Сибири. 27 августа 1919 г. президиум ВЦИК постановил образовать Сибирский ревком во главе с кандидатом в члены ЦК РКП(б), членом Реввоенсовета 5-й армии И. Н. Смирновым. В начале сентября 1919 г. Сибревком с небольшим штатом сотрудников выехал из Москвы в Челябинск, получив директиву ЦК партии восстановить в Сибири Советскую власть и снабдить Европейскую Россию хлебом.

По мере освобождения Сибири от колчаковцев и интервентов во всех губернских и уездных городах создавались ревкомы. Их председателями и членами назначались сотрудники Сибревкома, политработники Красной армии, руководители партизанского движения, большевики и бывшие советские работники, вышедшие из подполья и тюремного заключения. Большая часть волостных и почти все сельские ревкомы Сибири избирались самим населением, однако затем они утверждались вышестоящими ревкомками. Сибирь являлась единственной областью РСФСР, где ревкомы существовали на всех уровнях

властной пирамиды. Благодаря ее построению был создан каркас советской политической системы, состоявший преимущественно из коммунистов и их сторонников и максимально соответствовавший условиям Гражданской войны.

Важной особенностью советской политической системы в Сибири являлось наличие в ней большого сегмента военных и карательно-репрессивных органов. В конце 1919 – начале 1920 г. в Сибири были организованы Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа, такие же округа войск внутренней охраны, создана плотная сеть местных органов ВЧК и трибуналов. Руководство ВЧК направило в Сибирь свое Полномочное представительство, которое возглавило местные губернские и уездные чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией.

В апреле 1920 г. ЦК РКП(б) принял решение расширить компетенцию Сибревкома, превратив его в орган не только гражданского, но и военного управления. В структуре Сибревкома был образован военный отдел – штаб помощника Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики по Сибири. Необходимость создания такой архитектоники органов Советской власти мотивировалась сохранением в крае обломков колчаковского государственного аппарата, десятков тысяч бывших военнослужащих белых армий, зажиточностью и свободолюбием местного крестьянства, высоким удельным весом в его составе кулачества, наличием на сопредельной территории остатков белогвардейских формирований, а также Дальневосточной республики, нуждавшейся в военной помощи со стороны РСФСР.

Штабу Помглавкома по Сибири были подчинены военные округа, 5-я армия, войска обороны железных дорог, караульные части, военно-учебные заведения, коммунистические части особого назначения. К лету 1920 г. под управлением Помглавкома находились пять стрелковых и одна кавалерийская дивизия, две стрелковые дивизии обороны железных дорог, семь стрелковых бригад. Это была мощная военная группировка, численность, состав и боевой состояние которой гарантировали безопасность Советской власти, как от выступлений внутренней контрреволюции, так и от вмешательства со стороны находившихся на сопредельной территории белогвардейских формирований.

С восстановлением Советской власти в Сибири начались преобразования, которые должны были ликвидировать ее отставание от Европейской России. Здесь создавались ячейки и организации РКП(б), профсоюзы рабочих, другие общественные организации трудящихся, подверглись национализации желез-

нодорожный и водный транспорт, крупные предприятия горнодобывающей, деревообрабатывающей, кожевенной, металлургической, топливной и химической промышленности, осуществлялись учет и трудовые мобилизации специалистов и рабочих.

Одновременно Сибревком предпринимал меры, направленные на использование людских и материальных ресурсов Сибири для оказания помощи Советской власти в борьбе с белогвардейцами и с голодом. 9 июня 1920 г. в Сибири была объявлена мобилизация военнообязанных 1901 г. рождения, 21 сентября – 1899 и 1900 гг. рождения и затем – бывших подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров. В целом военные мобилизации прошли успешно. Было принято в войска около 142,0 тыс. человек, примерно две трети которых направили на пополнение 5-й армии, 20,5 тыс. – во внутренние военные округа, 21,8 тыс. – использованы на доукомплектование войск вспомогательного назначения и тылов.

Выполняя приказы Реввоенсовета республики и Главкома, военный отдел Сибревкома доукомплектовал мобилизованными новобранцами и добровольцами 27, 30 и 51-ю стрелковую дивизии, сформировал две отдельные стрелковые и одну кавалерийскую бригады, несколько специальных частей и отправил их на Западный и Южный фронты. В августе–октябре 1920 г., наиболее напряженные месяцы борьбы с поляками и врангелевцами, Сибирь выделила фронтам 117 тыс. человек пополнения.

Еще более важную роль имели поставки в центральную Россию сибирского хлеба. Зимой 1919–1920 гг. продовольственные заготовки в Сибири велись так называемым «самотеком», когда крестьяне добровольно, без давления со стороны советской администрации сдавали имевшиеся у них излишки. До февраля 1920 г. продовольственные органы заготовили в Сибири около 3,4 млн пудов хлебофуража. Из-за недостатка у продорганов советских денежных знаков часть этого хлебофуража они получили от крестьян в кредит и даже бесплатно, в качестве добровольного пожертвования в пользу Красной армии, голодающих рабочих Москвы и Петрограда.

Но по мере спада революционного энтузиазма, вызванного разгромом Колчака, и насыщения деревни советскими денежными знаками крестьяне уменьшили поставку сельскохозяйственных продуктов за деньги и стали требовать в обмен промышленные товары. В ответ в феврале–марте 1920 г. Советская власть в большинстве губерний Сибири ввела предварительную раз-

верстку на хлебофураж, которая сначала предусматривала изъятие в государственный фонд от 50 до 75 % излишков урожая 1919 г. Главным средством выполнения разверстки оставалось разъяснение крестьянам необходимости помочь Советской власти и Красной армии. Но в конце весны – начале лета 1920 г. размер разверстки был увеличен, назначены жесткие сроки сдачи и было разрешено применять для ее выполнения принудительные меры, в том числе вооруженную силу. К концу продовольственной кампании 1919/1920 гг. в Сибири удалось заготовить 31,3 млн пуд. хлебофуража, что составило 47,6 % от назначенной разверстки.

Двадцатого июля 1920 г. Совет народных комиссаров принял декрет «Об изъятии хлебных излишков в Сибири», который лег в основу продовольственной кампании 1920/21 гг. Сибирь стала единственной областью РСФСР, которая была обязана сдать абсолютно все излишки хлебофуража. Их количество Наркомпрод определил в 110 млн пудов, что составляло четверть плана государственных заготовок. Несмотря на широко развернутую агитацию за добровольную сдачу излишков, новая продовольственная кампания прошла под знаком неуклонного наращивания принудительных мер в качестве метода заготовок. В ход были пущены продотряды Военно-продовольственного бюро ВЦСПС и рабоче-крестьянские уборочные дружины, присланные из голодающих губерний центральной России, части продовольственной армии и войска регулярной Красной армии, коммунистические отряды особого назначения и милиция. В ряде районов злоупотребления со стороны продработников приобрели большие размеры и крайние формы. В результате к концу весны 1921 г. в Сибири было заготовлено 67,4 млн пуд., что составило 61,2 % от запланированного в счет разверстки. Фактически в 1920 – начале 1921 г. Сибирь являлась одной из двух областей, продовольствием которых питались рабочие и красноармейцы Советской республики.

Население Сибири по-разному относилось к мероприятиям Советской власти. Довольно спокойно на протяжении всего 1920 г. воспринимали сибиряки трудовые мобилизации. Неявка без уважительных причин почти 22 тыс. призывников показала, что в Сибири количество недовольных советскими мероприятиями увеличилось. Переход летом 1920 г. к принудительному изъятию продовольствия и объявление разверстки 1920/1921 гг. вызвали серию вооруженных восстаний, общая численность участников которых составляла приблизительно 30–35 тыс. человек.

По своим масштабам антикоммунистическое вооруженное сопротивление 1920 г. значительно превзошло повстанческое движение лета–осени 1918 г., направленное против Временного Сибирского правительства. Тем не менее, оно было довольно быстро подавлено. Главными причинами, объясняющими быстрое поражение антикоммунистического движения в Сибири в 1920 г., нужно считать наличие у Советской власти довольно широкой социальной опоры, в том числе внутри самого сибирского крестьянства, превосходство советских войск в организации, управлении и вооружении, а также решительность и жестокость, с которой большевики расправились со своими противниками. 4 декабря 1920 г. Сибревком принял постановление, в котором снял военное положение на всей территории Сибири за исключением Иркутской губернии.

Более серьезные масштабы и последствия имели восстания, начавшиеся в конце января 1921 г. в Ишимском уезде и получившие название Западно-Сибирского мятежа. В феврале–марте 1921 г. этот мятеж охватил почти всю Тюменскую губернию, западную часть Омской, восточные районы Екатеринбургской и Челябинской губерний, а также отдельные районы Пермской и Семипалатинской губерний. К концу февраля 1921 г., когда мятеж достиг своего апогея, численность его участников достигала приблизительно 50 тыс. человек. По количеству участников и по размерам охваченной территории Западно-Сибирский мятеж стал самым крупным восстанием за все годы коммунистического правления в России.

В район мятежа были срочно направлены дополнительные силы Красной армии численностью примерно в четыре дивизии, усиленные артиллерией и бронепоездами. 25 февраля советские войска очистили от мятежников железнодорожную линию Омск–Тюмень и 4 марта – Омск–Курган. К концу марта – началу апреля в результате упорных боев основные очаги повстанцев были разгромлены, города и крупные населенные пункты освобождены, хотя в Ишимском, Курганском, Тюменском и Ялуторовском уездах повстанцы, иногда объединявшиеся в отряды по несколько сотен человек, продолжали оказывать активное сопротивление вплоть до осени 1921 г. Ликвидация остатков мятежников затянулась почти до конца 1921 г.

Несмотря на удаленность от пролетарских центров, являвшихся опорой Советской власти, Западно-Сибирское восстание представляло для коммунистического режима серьезнейшую опасность. Мятежники, перерезав обе ли-

нии Транссибирской железнодорожной магистрали, лишили центральные районы возможности получать продовольствие из Сибири. Из-за обострения продовольственного кризиса усилилось недовольство красноармейцев и рабочих Петрограда, восстали матросы Кронштадта. В результате сложилась уникальная в истории нашей страны ситуация, когда вопрос о власти в России решался не в столицах, а на просторах Сибири.

Краткий обзор ситуации в Сибири во время революции и Гражданской войны показал, что ее роль была очень противоречива. Во время Февральской революции она «шла в ногу» с остальными губерниями России и солидаризировалась с революционным Петроградом. В конце 1917 – первой половине 1918 г. и вторично в конце 1919 г. – начале 1921 г. Сибирь стала одним из главных источников продовольствия для населения Европейской России и Советской республики. Летом 1918 г. именно в Сибири произошли главные события, приведшие к возникновению широкомасштабной Гражданской войны: здесь не только была свергнута Советская власть, но и на ее территории возник главный очаг и плацдарм контрреволюции в лице колчаковщины. Однако городские восстания рабочих и солдат, а потом массовое партизанское движение привели к тому, что колчаковский тыл был дестабилизирован, по оценке Г. Х. Эйхе, стал «опрокинутым». Наконец, в 1921 г. Западно-Сибирский мятеж поставил коммунистический режим на край пропасти.

Такую противоречивую роль Сибири нужно объяснять совокупностью факторов. Но хотелось бы обратить внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, на разных этапах революции и Гражданской войны на передний план политической жизни Сибири выступали то одни, то другие категории ее население. Именно они определяли разные, причем прямо противоположные векторы развития Сибири. Во-вторых, безусловно сказалась особая ментальность, в силу которой сибиряки вели себя во время революции и Гражданской войны столь активно: самостоятельность, смелость, независимость, привычка рассчитывать на себя, а не на государство.

III. MISCELLANEA

Ё. Икеда

Воспоминания Н. И. Астрова о смерти братьев в Гражданской войне

Николай Иванович Астров (1863-1934) занимал видное место в истории Российской революции и Гражданской войны. Он был крупным общественником и активным деятелем Конституционно-демократической партии в Москве. В революционном 1917 году он был избран городским головой Москвы и председателем Всероссийского Союза Городов, а в годы Гражданской войны состоял членом Особого совещания при генерале А. И. Деникине на Юге¹. Потом, оказавшись в эмиграции, Астров стал во главе центрального течения кадетской партии, испытавшей раскол. Причиной раскола явилось появление в декабре 1920 г. «Новой тактики» П. Н. Милюкова, настаивавшего на пересмотре сотрудничества партии с белыми генералами. Отвергнув промонархическую позицию правого течения партии, и имея много общего в оценке сложившейся ситуации с левым течением, Астров считал невозможным принять обращение Милюкова к отрицанию значения их прошлого опыта сотрудниче-

¹ О истории партии кадетов см.: Rosenberg W. G. *Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party, 1917–1921*. Princeton, 1974; Думова Н. Г. *Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1918–1920 гг.)*. М., 1982; Она же. *Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции*. М., 1988; Шелохаев В.В. *Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции*. М., 2015; Stockdale M. K. *Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918*, Ithaca, 1996; Канищева Н. И. *Организационная структура заграничных групп конституционно-демократической партии // Проблемы политической и экономической истории России. Сборник статей к 60-летию профессора Валерия Васильевича Журавлева*. М., 1998. С. 177–215; Она же. *Центральное течение кадетской партии в эмиграции // Призвание историка: проблемы духовной и политической истории России: сборник статей к 60-летию профессора В. В. Шелохаева*. М., 2001. С. 251–284. О деятельности Астрова по Всероссийскому Союзу Городов см.: Шевырин В.М. Н. И. Астров как лидер и историограф Всероссийского Союза Городов // *Россия и современный мир*. №2 (39). 2003. С. 203–224. О его деятельности в Лиге Наций см.: Бочарова З. С. Н. И. Астров и Верховный комиссариат по делам русских беженцев Лиги Наций // *Московский университет и судьбы русской интеллигенции: Материалы международной конференции*. М., 2004. С. 180–186.

ства с военными в Гражданской войне.² В письме А.И. Деникину от 25 июля 1922 г., направленном от Женевы, Астров рассказал о внутрипартийных тренингах: «Теперь, когда оглядываешься назад, с трудом вспоминаешь, что в сущности было причиной всей этой кутерьмы, которую называли психологией. Но переработка этой психологии была так трудна и потребовала так много напряжения, что по окончании всех наших сидений, я вернулся в Женеву совершенно разбитым, злым, раздраженным и никуда не годным».³ Примечательно, что Астров объяснил разлад в партии преимущественно как вопрос о психологии.

Астров раскрыл суть этой «психологии» в записках под названием «Из письма. Женева 1923 г.». Он рассказал: «Для меня было ясно, что период борьбы, организованной вооруженной силой, кончен. Генеральский период изжит. Для этого мне не нужно было никаких деклараций. Но яростное нападение на то самое дело, которому мы сочувствовали, в котором сами принимали участие, на которое посылали наших друзей, за которое умирали наши близкие, я считал бесчестным и лишенным той внутренней правды, которую я, казалось, нашел за это мучительное время всяких испытаний и всеобщего отрицания правды. В сущности, отсюда наш раскол в партии и отказ от тактики Милюкова. В основе раскола лежит элемент даже не психологический, а моральный. В политике – нет морали, говорят современные захватчики – политические вожди. Я нахожу, что политика лишенная морали и привела людей к тому провалу, в котором безнадежно болтается европейская культура».⁴

Из этих строк ясно, что личные испытания, в особенности страдание близких в Гражданской войне, оставили глубокую печать на политическом и общественном действиях Астрова в эмиграции. В действительности, он потерял не только партийных товарищей, но и родственников, прежде всего всех трех братьев в Гражданской войне, и считал себя виноватым в их трагедии. Этот личный фактор необходимо учитывать, чтобы глубже понимать мотивации Астрова в его противостоянии с Милюковым.

² Канищева Н. И. Центральное течение кадетской партии в эмиграции. С. 251–284; Rosenberg W. G. Liberals in the Russian Revolution. P. 450; Шелухаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. С. 720.

³ Письмо Н. И. Астрова А.И. Деникину от 25 июля 1922 г. С. 1 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European Literature and History. Rare Book and Manuscript Library (BAR). Sofiia Vladimirovna Panina Papers, 1900–1956. В. 1.

⁴ Астров Н. И. Из письма. Женева 1923 г. С. 6-7. // BAR. Sofiia Vladimirovna Panina Papers, 1900–1956. В. 9.

Исследователь кадетской партии Н. И. Канищева утверждает, что Астров и его товарищи по центральному течению партии – графиня С. В. Панина, П. П. Юренев, князь В. А. Оболенский и другие – представляли собой узкий кружок близко знакомых друг с другом и «единочувствующих» людей. Отстраняясь от поиска привычных политических форм для будущей России, они все больше углублялись в поиске морально-духовного усовершенствования нового поколения эмигрантов.⁵ В указанных выше записках «Из письма. Женева 1923 г.» сам Астров признал: «Главные надежды возлагаю на религиозно-нравственное возрождение и на работу в этом направлении».⁶

Данные записки дают нам возможность предположить, что его личное страдание из-за потерь близких и родственников содействовало усилению склонности Астрова к морально-духовному поиску. При этом он и без того был воспитан в атмосфере религиозной семьи и, по словам князя В. А. Оболенского, был человеком «с мятущейся душой, раздвоенной противоречием между трезвостью ума и мистическими влечениями чувства».⁷ Покинув Россию в марте 1920 г. и пробыв коротко в Константинополе, Астров переехал в Париж. О своем духовном положении этих дней он писал: «Меня звали в Париж – принять участие в совещании и съезде русских, оказавшихся за границей <...> Я ехал туда без увлечения и с горестным сознанием, что все страдания, принесенные жертвы, смерти, смерти без конца и счета... все понапрасну. Непостижимое по своей величайшей нелепости захватывало душу, сердце, подавляло разум».⁸ В завершении записок Астров открыл свои мысли: «Почему люди разделены на людей, которых можно и должно убивать, и которых нельзя убивать? Вы понимаете меня? Вот когда люди признают, что никого нельзя убивать, тогда можно будет говорить о правде»⁹. Так, гибель родственников в Гражданской войне оказала определяющее влияние на его политическую и общественную ориентацию в эмиграции. Вообще можно утверждать, что Гражданская война была для многих не только военно-социально-политическим явлением, она являлась прежде всего личным событием, сильно затронувшим каждого.

⁵ Канищева Н. И. Центральное течение кадетской партии в эмиграции. С. 255.

⁶ Астров Н. И. Из письма. Женева 1923 г. С. 7–8.

⁷ Астров Н. И. Воспоминания. Т. 1. Париж. 1941. С. 42, 65–66, 110–113; Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники: Воспоминания. 1869–1920. Т. 2. М., 2017. С. 411.

⁸ Астров Н. И. Из письма. С. 4–5.

⁹ Там же. С. 8.

В Бахметевском архиве Колумбийского университета (США) сохраняется ряд рукописей Астрова. Среди них и есть та часть его воспоминаний, которая осталась неопубликованной. Особенно нас интересует глава, посвященная кончине его братьев, под названием «Московская катастрофа и смерть моих братьев». Ее черновик был напечатан на машинке на 26 страницах и написан в последние годы жизни Астрова – не раньше 1932 г.¹⁰ Основываясь на этом материале и используя другие его записки, нам хочется рассмотреть судьбы родственников Астрова и его отношение к их трагедии. Этим мы намерены показать, что его личное испытание в Гражданской войне было тесно переплетено с политическими событиями и оказало решительное влияние на взгляды Астрова. Кроме того, нам хочется бросить новый свет на ситуацию вокруг смерти родственников Астрова, в особенности его старшего брата Павла, подробности кончины которого оставались до сих пор неясными.¹¹

Судьба семьи Астрова была тесно связана с Москвой. Его отец Иван Николаевич был доктором в Москве и преподавателем Военно-фельдшерской школы на Гороховом поле. Мать Елизавета Павловна умерла в детстве Астрова, оставив после себя четырех сыновей. После смерти Елизаветы Павловны, новой матерью детей стала Юлия Михайловна.¹² Она относилась к ним с нежной заботой, и в Гражданской войне разделила их трудную участь. Старший брат Астрова, Павел родился в 1866 г. Он учился в юридическом факультете Московского университета и ярославском Демидовском юридическом лицее, стал членом Московского окружного суда по гражданскому отделению. Человек с глубоким религиозным чувством, он в 1917 г. принимал участие в организации Поместного собора Русской Православной Церкви.¹³ Младший брат Александр (1870–1919) стал авторитетным гидравликом, автором книг «Гидравлика» и «Атлас водяных турбин». В Московском техническом училище, которое он окончил, Александр занимал должность помощника директора и был первым деканом механического отделения. Кроме то-

¹⁰ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев // ВАР. Sofiia Vladimirovna Panina Papers, 1900-1956. В. 9. О периоде написания черновика можно сделать вывод из того, что в нем Астров изложил период 1932 года как прошлое (С. 12).

¹¹ В содержательной биографии Павла Астрова В. А. Томсинов оставил вопрос о дате его смерти открытым. Как ниже показано, неопубликованные воспоминания Астрова дают новое сведение по этому поводу (Томсинов В. А. Павел Иванович Астров // Он же. Российские правоведы XVIII-XX веков: очерки жизни и творчества. Т. 2. М., 2007. С. 286).

¹² Астров Н. И. Воспоминания. Т. 1. С. 22–24, 28, 50.

¹³ Томсинов В. А. Павел Иванович Астров. С. 279, 281–282, 284.

го, он был избран профессором инженерно-строительного отделения Московского сельскохозяйственного института по кафедре гидравлики и прикладной механики. Подобно Николаю Астрову, Александр проявил себя и в общественной работе. Он состоял товарищем председателя Всероссийского союза инженеров. В годы Первой мировой войны Александр был одним из организаторов санитарно-технического отделения Союза городов, занял пост председателя Петроградского отдела Земгора, в 1916 г. находился в командировке в США для приема русских военных заказов, и являлся представителем общественных организаций в Особом совещании по обороне. После Февральской революции в мае 1917 г. он стал управляющим учебным отделом Министерства торговли и промышленности.¹⁴ Другой младший брат Владимир (1872–1919), так же, как Павел и Николай, учился в Московском университете по юридическому факультету. Он поступил в канцелярию Московской городской думы и стал одним из помощников городского секретаря. Потом Владимир был избран мировым судьей Москвы и гласным Московской городской думы.¹⁵

После Октябрьской революции Астров фигурировал в ряде антибольшевистских организаций в Москве. Следом за переворотом он стал одним из основателей «Девятки», которая, расширяясь численно и привлекая правых деятелей, развилась в «Правый Центр». Параллельно с этим Астров стремился к объединению с представителями левых партий, создавая вместе с ними «Союз Возрождения». К лету 1918 г. в «Правом Центре», который все более пополнялся крайне правыми лицами, усилилась ориентация на сотрудничество с Германией против возможной интервенции союзников. Оставаясь верным союзником, Астров с единомышленниками решил выйти из «Правого Центра» и создал новый «Национальный Центр».¹⁶ Правда, в немецкой колонии надежда на бывшего городского голову Москвы была довольно сильна. По словам Астрова, там заговорили, что «скоро наступит конец бессмысленному положению, созданному большевиками, что восстановлена будет Го-

¹⁴ Юренев П. П. Александр Иванович Астров // Память погибших. Париж, 1929. С. 122–123, 125–126. О партийности Александра Юренев писал: «Кадетом он был в свое время, и с увлечением работал в этой партии культурных людей» (Там же. С. 126).

¹⁵ Челищев В.Н. Владимир Иванович Астров // Память погибших. С. 117–118; Астров Н. И. Воспоминания. Т. 1. С. 232.

¹⁶ Астров Н. И. Московские организации 1917–18. С. 6–8, 13–18 // ВАР. Sofiia Vladimirovna Panina Papers, 1900–1956. В. 10; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. С. 38, 101–103, 118.

родская Дума не эс-эровская, а последних выборов по положению 1892 г., и что во главе города с особыми полномочиями буду поставлен я».¹⁷

Организация кадетской партии просуществовала в Москве, не уходя в подполье, до конца мая 1918 г. 30 или 31 мая в помещении в Брюсовском переулке, в котором находились учреждения кадетской партии, был произведен обыск, и арестованы все находившиеся там члены партии. В этот день Астров отбыл свои приемные часы в правлении Городского кредитного общества и потом явился в муниципальное бюро Главного комитета Всероссийского Союза городов, которым он заведовал, и которое продолжало еще работать. Благодаря своевременному предупреждению он избежал ареста. «С этого времени началось мое скитание по чужим людям». Друзья Астрова окружили его заботой и вниманием. В частности, Д. Н. Шипов предоставил ему комнату своего сына в квартире в Староконюшенном переулке, а С. В. Панина взяла на себя посредничество между Астровым и внешним миром. Об этих днях Астров рассказывал: «А моя конспирация была не сложна. Я сбрил свою небольшую бородку и надел вместо мягкой шляпы, которую обыкновенно носил, серый картуз, доставленный мне от Вондрага моим братом Володей. Проводя ночи то у Д. Н. Шипова, то в других местах, я днем продолжал бывать на заседаниях и совещаниях оставшихся не арестованными членов Центр[ального] Комитета к[онституционно]-д[емократической] партии и на заседаниях Национального Центра и Союза Возрождения». Между тем по городу циркулировал слух, что Астров расстрелян.¹⁸

Советская власть укреплялась все более, «через швейцаров и дворников, через прислугу, через созданные ею органы – уже проникла во все поры жизни большого города и завладела этой жизнью».¹⁹ Остаться в Москве стало все опаснее для Астрова. Он вспоминал: «Мои братья и мои друзья по об-

¹⁷ Астров Н. И. 1918 год. С. 8 // ВАР. Sofia Vladimirovna Panina Papers, 1900–1956. В. 11. Последние выборы гласных Московской городской думы по положению 1892 г. состоялись в 1916 г. и привели к полной победе кадетов, хотя администрация не утвердила этих выборов. После Февральской революции Астров был избран городским головой Москвы в марте 1917 г., но июньская избирательная кампания в Московскую городскую думу по законам Временного правительства принесла победу партии социалистов-революционеров. В результате этого в июле эсер В. В. Руднев заменил Астрова в качестве городского головы Москвы (Писарькова Л. Ф. Московская городская дума 1863–1917. М., 1998. С. 141–142, 146–148).

¹⁸ Астров Н.И. 1918 год. С. 2–7; Его же. Московские организации 1917–18. С. 5.

¹⁹ Астров Н.И. 1918 год. С. 12–13.

щественной работе настаивали на моем отъезде из Москвы. Уж очень ясно было, что мне несдобровать, что большевики должны были меня взять и уничтожить. Мне даны были поручения на Юг, к генералам, начавшим добровольческое движение. А дальше я должен был принять участие в образовании власти (директории) за Волгой».²⁰

8 сентября Астров с С. В. Паниной уехал из Москвы на Юг. Переехав несколько «границ», они оказались оторванными от Москвы, потеряли регулярную связь с людьми в ней. Астров писал: «Мы уехали. А они, наши друзья, мои братья – остались»²¹. В октябре он прибыл в Екатеринодар, позже правление «Национального Центра» также переехало туда.²² Деятели Особого совещания при Главнокомандующем Добровольческой Армии предлагали Астрову стать управляющим Отделом Внутренних Дел, но он отказался, «не чувствуя “вкуса к власти”» и вошел в состав Особого совещания без портфеля. Избранный членом Уфимской Директории, Астров остался на Юге, негативно оценивая признание Директорией власти старого Учредительного Собрания.²³

Он рассказывал: «Только в конце декабря 1918 г.²⁴ получил я от моих братьев письма. Это было все, что я имел от них». Кроме писем, старший брат Павел послал ему «иконку и, кажется, частицу одежды Серафима Саровского». Но ничего до него не дошло, потому что лицо, которое должно было передать Астрову эти вещи, «перед обыском, на границе <...> должен был уничтожить все, что было при нем».²⁵

В четырех письмах брата Владимира, написанных «в течение октября и начала декабря 1918 г.», сообщалось о жизненных условиях родственников Астрова в Москве. «Голод, холод, разбойничьи налоги, аресты, которые получили всеми признанное название “заболеваний”, безобразные “преобразования”, национализация всего, за исключением [к тому времени] похоронных бюро – это новые условия, в которых приходится жить». Вера в бога и в возрождение великодержавности России поддерживала его. Владимир писал,

²⁰ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 1.

²¹ Там же.

²² Астров Н. И. Из письма. С. 1; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. С. 151, 155–156.

²³ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина (из воспоминаний). София. 1921. С. 44, 70, 72.

²⁴ Здесь и ниже во всех цитатах из Астрова даты приводятся по старому стилю, исключая один случай (см. примечание 46).

²⁵ Астров Н. И. Из письма. С. 1; Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 1.

что «вера в душах наших сильна, уповаем на милость Божию, верим в возрождение единой, неделимой, сильной и оздоровленной России и надеемся дожить до лучших дней». После уничтожения института мировых судей, Владимир служил в Московском Народном банке, а потом перешел в Центросоюз.²⁶

Брат Александр в письме от 18 декабря 1918 г. писал: «Так подчас больно сидеть тут и делать то, чего не надо делать». Астров предполагает, что тут идет речь о работе в научной комиссии при Научном техническом отделе ВСНХ. По словам Астрова, Александр «ушел в ученую и педагогическую работу, читая лекции в Петровской с[ельско]-х[озьяйственной] академии, в Инженерном училище и Высшем техническом училище». В письме Александр сетовал на то, что «не оказалось никакой возможности выбраться отсюда». По объяснению Астрова, эта фраза значила, что «в то время ставилось вопрос о командировке его за границу от Центрo-Союза. Но командировка не состоялась. Предлагали ему нелегально уехать в Копенгаген, где можно было достать деньги, принадлежавшие Союзу Городов. Саша отказался от этого плана, не желая оставить семью на произвол судьбы».²⁷

Старший брат Павел в это время преподавал законоведение и читал лекции в разных учебных заведениях. Астров писал, что Павел «был человек светлого духа, высокого духовного устремления, горячо (подчеркнуто Астровым – Ё. И.) верующий православный христианин, жизнь которого была неразрывна с церковью и религией». Вместе с маленькой книжкой «Заветы предков потомству», Павел послал Астрову письмо, в котором с тревогой писал: «Недалеко уже, быть может, – хотя не годом, а годами и десятилетиями надо его измерять – время, когда русский народ может оказаться в положении современного француза или магометанина из Египта, Малой Азии и Палестины, для которых свет Христов <...> перестает быть светом».²⁸

С начала 1919 г. Астрову уже не пришлось писать братьям непосредственно отдельных писем. «То, что нужно было им передать, я писал в виде приписок в наших сообщениях, которые отправлялись зашифрованными в Нац[иональном] Центре, путями и средствами, которые имел Штаб Добр[овольческой] Армии для сношения с Москвой, а также через Шульгинскую “Азбуку” и ее курье-

²⁶ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 2.

²⁷ Там же. С. 3.

²⁸ Там же. С. 4–5.

ров».²⁹ Оглядываясь назад, Астров «пришел в немалое смущение <...> Большая ошибка была <...> в том, что в этих “секретных” сообщениях, строго делового характера, вплетались мотивы чисто семейного, иногда интимного характера»³⁰. В особенности 29 апреля 1919 г. он писал: «Скажите моим, что Володя молодец, доблестно исполняет свой долг. Сейчас он в Грозном». Астров разъяснил: «Эти слова относились к сыну моего брата Александра Ивановича, судьба которого, как увидим дальше, сыграла роковую роль в судьбе моих братьев».³¹

«После долгих и мучительных колебаний» Астров решил уведомить брата Александра о судьбе Володи в письме, написанном 7-12 мая 1919 г., что он «умер от сыпного тифа в станице Ищерской, Терской области, где была его батарея». Это стало последним сообщением, написанным Астровым в Москву, «с отступлениями “семейного” характера».³²

В июне 1919 г. Астров был командирован в Париж в депутации, которую возглавлял генерал А. М. Драгомиров, с целью иметь контакт с представителями А. В. Колчака. Астров вернулся в Ростов-на-Дону «в конце августа. А в первых числах сентября полковник Реснянский, начальник контрразведки штаба Вооруженных сил на Юге России, сказал мне, что из Москвы приехал курьер с сообщением, что организация Нац[ионального] Центра в Москве выслежена, и что в Москве произведено много арестов». Астров повидал курьера 21 сентября. Это был молодой человек, назвавший себя доктором Лищенко. Его рассказ был передан в чрезвычайно сбивчивых выражениях, «сам он производил странное впечатление», «был нервен, забит, робок, неуверенно говорил», но одно дело было ясно – провал Национального Центра в Москве.³³

Через неделю к Астрову начали поступить более точные сведения по радио и через газеты. И наконец, были получены «Известия ВЦИК» от 23 сентября, с полным списком расстрелянных. Астров писал: «Сомнения больше не оставалось, наши друзья и мои два брата погибли. Вместе с братом Вла-

²⁹ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 5. «Азбука» является агентурно-осведомительной организацией, возглавляемой В.В. Шульгиным. См.: Красная книга ВЧК. Т. 2. Издание второе, уточненное. М., 1990. С. 256 (п. 3).

³⁰ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 7.

³¹ Там же. С. 6. Данное письмо Астрова воспроизвелось в «Красной книге ВЧК» (Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 254–256). Датировка письма была дана по «Красной книге ВЧК».

³² Там же. С. 7.

³³ Там же. С. 7–9. О его командировке в Париж см.: Всероссийский Национальный Центр. М., 2001. С. 262–266.

димиром погиб и его сын Борис, юноша только что вступающий в жизнь». 9 октября члены ЦК кадетской партии в Ростове-на-Дону отслужили панихиду «по убиенным в Москве за родину».³⁴ 18 октября на заседании общего собрания Национального Центра выступил кн[язь] П. Д. Долгоруков от имени правления Центра, выражая чувство глубокой скорби по поводу последних сведений о расстрелах в Москве.³⁵ В тот же день в заседании ЦК кадетской партии также была почтена память погибших товарищей. В протоколе было записано: «Выражено особое сочувствие Н. И. Астрову».³⁶

В течение октября–начала ноября 1919 г. Астрову удалось встретить лиц, которые более или менее подробно познакомили его с положением в Москве – сына брата Александра, Дмитрия, пробравшегося через фронт к нему, прапорщика П. Д. Шварева, А. И. Стебута, и сына Н. И. Гучкова, Петра. Через их рассказы Астров узнал, что организация Национального Центра «была раскрыта большевиками случайно». Он рассказывал: «По-видимому, в конце июля или начале августа 1919 г. в поезде железной дороги обратил на себя внимание чекистов молодой человек. По одной версии он был задержан при облаве на дезертиров, по другой, этот молодой человек проболтался в пути. Как бы то ни было, он был высажен из поезда и подвергнут на одной из станций обыску и допросу». Он «был арестован и отправлен в Москву, в Ч. К.», оказался Крашенинниковым. «Он открыл, что послан из Сибири, из штаба Колчака, в Москву. У него явка к Н. Н. Щепкину и Алферову».³⁷

Арестовали Н. Н. Щепкина и А. Д. Алферова.³⁸ «После этих двух арестов начались аресты всех кадетов по спискам 1905 г. Говорят, разыскивали и Ф. Ф. Кокошкина», который был убит матросами еще в январе 1918 г. Об аресте брата Александра Астров узнал через сына арестованного, Дмитрия. В ночь с 1 на 2 сентября 1919 г. чекисты явились на квартиру Александра, на Немецкой улице, в дом Карякина.³⁹ Дальше о его аресте и расстреле подробно рассказал П. П. Юренев в сборнике «Памяти погибших», основываясь на мате-

³⁴ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 10–12. Также см.: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 512.

³⁵ Всероссийский Национальный Центр. С. 300.

³⁶ Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 513.

³⁷ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 18–19.

³⁸ Об их аресте и расстреле см.: Смирнов С. Как были арестованы и расстреляны Н. Н. Щепкин, А. Д. и А. С. Алферовы // Памяти погибших. С. 108–112.

³⁹ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 20.

риалах, собранных Астровым за долгие годы.⁴⁰ Подробности ареста брата Владимира не была изложена в указанном сборнике.⁴¹ По словам Астрова, 2-го сентября «явились с обыском к брату Владимиру Ивановичу, в Малый Казенный переулок. Володя был предупрежден о возможном обыске и отправился на свою дачу в Подольском уезде. Часть чекистов осталась производить обыск, а часть уехала на автомобиле на дачу за Володей, где его и взяли. Его старший сын Сергей, при появлении чекистов, поехал на дачу предупредить отца, но приехал поздно. Володю уже увезли».⁴²

Подвергнута аресту была и мать братьев Астровых. 3-го сентября «был произведен обыск у моей матери, Юлии Михайловны, в ее доме в Большом Казенном переулке. Тогда же была арестована она и второй сын Владимира Ивановича, Борис».⁴³ Последний был студентом, служащим для поручений при московском окружном артиллерийском управлении.⁴⁴

Вслед за строками о Юлии Михайловне и Борисе Астров писал и о старшем брате Павле: «Тогда же явились с обыском к моему старшему брату Павлу Ивановичу, но не застали его дома и оставили засаду. Таким образом, избежать ареста удалось только Павлу Ивановичу с его сыновьями и Сергеем Владимировичу, сыну Владимира Ивановича. В семьях же двух братьев остались только их жены, малолетние детишки и две девочки подростки».⁴⁵

Астров изложил и попытку сослуживцев Александра выволить арестованных, обращаясь к большевистским лидерам. «Как погибли мои братья Александр и Владимир и сын его Борис? Сведений об этом не много. Когда стало известно об аресте брата Александра, его сослуживцы обратились к Красину и Каменеву. Эти господа дали справку, что на ближайших днях он будет освобожден, т. к. у него ничего не было найдено, и он не связан ни с чем. Просили за братьев М.Н. Покровского, моего товарища по младшим классам гимназии; тот отказался хлопотать, сказав, что “за Астровыми грешки водятся”. Вновь обратились к Красину и Каменеву. От них получен был ответ, что брат Александр будет освобожден 27 сентября. А на следующий

⁴⁰ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 12; Юренев П. П. Александр Иванович Астров. С. 121.

⁴¹ См.: Челищев В. Н. Владимир Иванович Астров. С. 120.

⁴² Астров Н.И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 20–21.

⁴³ Там же. С. 21.

⁴⁴ Известия ВЦИК. 1919. 23 сентября.

⁴⁵ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 21.

день в газетах было сообщено, что он, брат Владимир и Боря вместе с другими – расстреляны... Впоследствии было узнано, что они погибли в ночь с 12 на 13 сентября».⁴⁶ Далее об расстреле Владимира с сыном Астров записал: «М. Н. Муромцева (вероятно, жена С.А. Муромцева, Марья Николаевна – Ё. И.) говорила, что ей было сказано, что Володя заявил приговорившим его, что “уже стар и готов умереть[”], но просил сохранить жизнь сыну. Боря бросился к нему на шею и сказал, что умрет вместе с ним».⁴⁷

В номере «Известий ВЦИК» от 23 сентября 1919 г., в котором был опубликован список расстрелянных лиц по постановлению ВЧК, Александр, Владимир и Борис Астровы были объявлены шпионами Деникина. Кроме того, сообщалось: «У Астровых при обыске найдены проекты реорганизации по свержении Советской власти, судов, транспорта, продовольствия и записка в добровольческую армию».⁴⁸ По этому поводу Астров объяснил: «Смысл этих строк, стоивших жизни моих братьев, был разъяснен мне значительно позднее, в эмиграции». Его сослуживица по Муниципальному бюро Союза Городов, Е.И. Гринвальд, писала ему из Берлина в 1922 г., что «доклады о транспорте и о реорганизации судов, найденные у брата Владимира, были работой вовсе не Щепкинской организации, а “объединения земских и городских деятелей”».⁴⁹

Что касается «записки в добровольческую армию», Астров узнал суть дела в Праге в 1932 г. от некоего Яна Швейды, «который, в качестве представителя домового комитета, присутствовал при обыске у брата Саши. Швейда – чех слышал от мадьяра, производившего обыск, что у Саши найдены были письма его брата, который “служит министром в добр[овольческой] армии”. Рассказ Швейды, в общем малодостоверный, в этой части, мне кажется, правдоподобным. Говорили, что Саша не мог расстаться с переданной ему Щепкиным выпиской из моего письма, в котором сообщалось о смерти его сына Володи».⁵⁰ Итак, Астров считал, что его письмо с сообщением о смерти Володи повлекло за собой гибель Александра.

⁴⁶ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 22. Как исключение, в этой цитате даты приводятся по новому стилю. Друзья Щепкина и Алферова тоже обратились к Л. Б. Каменеву с просьбой помощи (Смирнов С. Как были арестованы и расстреляны Н. Н. Щепкин, А. Д. и А. С. Алферовы. С. 109–110).

⁴⁷ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 24.

⁴⁸ Известия ВЦИК. 1919. 23 сентября.

⁴⁹ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 22.

⁵⁰ Там же. С. 23.

Личная трагедия Астрова переплелась с поворотом в Гражданской войне. Сентябрь–октябрь 1919 г., когда были расстреляны братья Астрова и доставлены сведения об этом, совпали с походом войск Деникина на Москву. В предвидении оккупации Москвы Астрову поручили заведовать материальным обеспечением города.⁵¹ Но он давно был в пессимистическом настроении, оказываясь «в оппозиции» и принадлежа к «левой» стороне в Особом совещании.⁵² В особенности его беспокоило расстройство тыла. Астров писал: «Буржуазия была равнодушна или считала, что Армия взялась ее спасать, т. е. исполняла то, что должна была исполнить, и не помогала ей <...> Среди моих друзей росло преклонение перед отвлеченной идеей сильной власти. Всякая работа по какому-либо организующему проекту (Город[овое] Полож[ение], земство, аграрн[ый] вопр[ос]) встречала яростное противодействие даже среди своих». После начала наступления ситуация не изменилась и оказала разлагающее влияние на армию. «Гнилой тыл был плохой опорой движущейся Армии. Армия давно утратила дух идейного подвижничества и все более приобретала значение частью карающего аппарата и орудия мести, частью – организованного грабительства».⁵³

Астров «в конце сентября уже внес в Особое Совещание тревожное заявление о расстройстве тыла, необходимости пересмотра всей тактики и корен-

⁵¹ Всероссийский Национальный Центр. С. 313.

⁵² Астров Н. И. Из письма. С. 2-3; Соколов К. Н. Правление генерала Деникина (из воспоминаний). С. 52. Кадет К. Н. Соколов, стоявший гораздо правее Астрова, с едкойостью вспоминал действие левых коллег в Особом совещании: «Обо всех этих внутренних неладах, конечно, тотчас же становилось известно в обществе, и это не укрепляло нашего авторитета. Особенно разлагающе действовало то, что в тину партийно-политических счетов втягивалось имя самого Главнокомандующего, которому приписывались определенные политические симпатии. Из уст в уста передавалась фраза, будто бы сказанная генералом Деникиным Н. И. Астрову: “Уполномочиваю вас быть лидером оппозиции в моем правительстве” <...> В “левых” кругах к этим толкам прислушивались не без удовольствия, видимо, не вполне отдавая себе отчет, что естественная и полезная в законодательном или даже законосовещательном учреждении “оппозиция” есть странная и гибельная нелепость в правительстве» (Там же. С. 126–127). В свою очередь Астров характеризовал Соколова в письме Деникину: «Соколов никогда не был одним из “столпов” Н[ационального] Ц[ентра]” Вы хорошо знаете, что он в Н[ациональном] Ц[ентре] почти не бывал. Ему ставилось на вид, что он игнорирует организацию, к которой принадлежит. Соколов – это типичный представитель “личной политики”. Ваш эпитет фактически неверен» (Письмо Н. И. Астрова А. И. Деникину от 15 февраля 1926 г. С. 4 // BAR. Sofia Vladimirovna Panina Papers, 1900–1956. В. 1).

⁵³ Астров Н. И. Из письма. С. 2–3. Также см.: Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. С. 310.

ном изменении политического курса. К тому времени Колчак уже был в полном отступлении. Бросить Д[обровольческую] Армию казалось невозможным. Тогда же до меня дошла весть о гибели моих братьев и друзей». ⁵⁴

Вслед за этим началось отступление войск Деникина. «Никто не знал, что нужно было делать, когда Армия неудержимо покатила назад, таща за собой награбленное по пути добро <...> Казаки уходили с фронта на сытых конях, с хорошо увязанными повозками полными награбленного добра. Начались перебои и судорожные движения». ⁵⁵ Астров содействовал тому, чтобы провести ряд реформ в управлении на Юге, но уже было поздно. ⁵⁶ «26 декабря 1919 г. мы ушли с последним поездом из Ростова в Новороссийск на берег моря. А к 13 марта 1920 г. Армия перевезена была в Крым, а мы, более не участвующие в комедии власти, были отвезены в Константинополь». ⁵⁷ Астров покинул Россию в страданиях и от политического провала, и от личной потери.

Мучение Астрова было тем тяжелее, что он считал себя виновным в трагическом конце родственников. Он писал: «Муромцева передавала мне, что чекисты говорили, что убили моих братьев, как заложников из-за меня». То же сказал Астрову и доктор А. И. Бакунин в Женеве в 1923 г.: «“Ваши братья были убиты исключительно как месть Вам”. — За мое участие в Добровольческой Армии...» — горевал Астров. ⁵⁸

Как уже было сказано, мать Астрова Юлия Михайловна была арестована 3 сентября 1919 г. О том, что случилось дальше с ней, изложил Астров. «Видели, как после расстрела Щепкина и моих братьев, вели пешком из Центральной Лубянской тюрьмы в Бутырскую тюрьму арестованных по делу Нац[ионального] Центра. Среди арестованных еле шла Ю. М. Астрова, с чемоданом в руке». В Лубянской тюрьме с ней встретила Е. И. Гринвальд. Они были водворены в одну и ту же камеру. Астров цитировал ту часть письма Гринвальд, сообщающую о Юлии Михайловне: «Ее арестовали после

⁵⁴ Астров Н.И. Из письма. С. 3–4.

⁵⁵ Там же. С. 4.

⁵⁶ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. С. 317–318; Rosenberg W. G. Liberals in the Russian Revolution. P. 427–432. Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. С. 693–694.

⁵⁷ Астров Н. И. Из письма. С. 4.

⁵⁸ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 24. Доктор А. И. Бакунин, бывший депутат Второй Государственной Думы, был одним из тех, кто имел связь с Астровым, когда последний перешел на нелегальное положение в 1918 г. в Москве (Астров Н. И. 1918 год. С. 8).

сыновей. Свыше пяти недель сидела она в М.Ч.К. Неоднократно ее хотели перевести в Бутырки, но в М.Ч.К. оказался друг. Думаю, что она знала кто, намекала, что бывший ваш служащий. Он каждый раз, когда ее хотели перевести или, когда ставился вопрос о ее судьбе – умел защитить ее <...> Был и другой “друг”, какой-то с[оциалист-]р[еволюционер] <...> Как-то [он] передал газету с официальным сообщением... Она прочла, отложила газету, и с тех пор не читает их больше. Прочла, голова закружилась. Но выдержала, даже не заплакала. Так держится: “Ведь еще есть силы. Если выйдете – скажите, что я сильная, бодрая, что я и на смерть пойду спокойно. Но вот говорят, будто их расстреляли девятнадцать, а всего восемнадцать привезли в морг, быть может один не погиб, быть может – мой...” И в глазах надежда горит.... Через три недели ее освободили». Дальше Гринвальд писала: «Она все время была такая, спокойная, всем служающая, всех утешающая, обо всех заботящаяся <...> она была сильна, она держалась так, как женщины французской революции, как римлянка».⁵⁹

Астров прокомментировал, что эти строки верно отражают черты Юлии Михайловны, «которая, после смерти нашей матери Елизаветы Павловны, была моральным центром нашей семьи». И добавил: «1 ноября 1919 г. из Москвы, проездом в Польшу, явился ко мне в Ростове инвалид-увечный по поручению мамы Юлии Михайловны, которая просила его разыскать меня и сказать, что от большой семьи скоро ничего не останется: трое убиты, квартиры погибших братьев разорены, семья Владимира Ивановича выгнана из дома, все босы, неодеты, лишены всего».⁶⁰

О дальнейшей судьбе Юлии Михайловны мы знаем, что 16 ноября 1921 г. Астров из Женевы писал А. В. Тырковой в Лондон: «Теперь самое для меня главное: позвольте просить Вашего разрешения выслать Вам некоторое количество денег и просить Вас отправить через Гуверовскую организацию посылку моей матери. Я только что узнал, что она жива и получил несколько отрывочных сведений от своих. Куплю доллары и перешлю Вам их с адресом. Можно?».⁶¹ А через два дня Астров писал Тырковой: «Несказанное спасибо Вам за указание возможности оплатить выдачу провизии в Москве и за разрешение просить Вас произвести эту операцию. Посылаю Вам двадцать

⁵⁹ Астров Н.И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 24–25.

⁶⁰ Там же. С. 25–26.

⁶¹ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012. С. 838–839.

долларов на два заказа – один для Москвы для моей матери, другой для Петербурга от Софии Владимировны (Паниной – Ё. И.). Оба адреса прилагаются на отдельных записках. Из осторожности не называю имен моей матери, не даю ее адреса, а пользуюсь посредством третьего лица, которое уже уведомлено, кого нужно понимать под именем “Юленька”. Конечно, не могу назвать и себя. Пускай расписку доставят на имя лица, которое Вы укажете. Расписку же г[оспо]жи Ренфельд Вы потом перешлете мне, если этой радости дождусь». ⁶²

Завершающую часть записок Астров посвятил описанию судьбы старшего брата Павла. Автор биографии Павла В.А. Томсинов цитирует письмо Дмитрия (сына Александра), в котором он сообщил одной из родственниц: «Павла Ивановича нет больше». В то же время Томсинов оставил открытым вопрос о судьбе Павла после арестов его братьев, не установив год его смерти. ⁶³ В действительности Павел умер через несколько месяцев после расстрелов его братьев. Астров рассказал о последних месяцах Павла: «Ему удалось избежать ареста. Остаться в Москве было невозможно. В его квартире была оставлена засада. Нужно было уходить. И вот он решил подняться всей семьей и пробраться ко мне на юг, как пишет мне его жена Александра Михайловна, “последовать по стопам Мити”, пришедшего ко мне в Ростов» (речь идет о Дмитрие). Однако, им «пришлось застрять в скверном городишке». На основании других писем Астров предполагает, что это были Сухиничи, Калужской губернии. Потом он продолжал цитировать письмо жены Павла: «Жизнь была ужасная в смысле материальном и моральном, но покойная. Здесь мы прожили 4 месяца и схоронили Пашу, умершего от сыпного тифа. Он заразился во время поездки в Москву из этого городишка. Сердце не выдержало, и в конце 11-х суток его не стало. Уже в бреду он постоянно читал панихиду, вероятно предчувствуя свой конец. Похоронили его там же». ⁶⁴ Имея в виду необходимый промежуток времени для передвижения от Москвы до Калужской губернии при расстройстве транспорта и слова жены Павла о том, что они «прожили 4 месяца», можно сделать вывод, что Павел умер в начале 1920 года. Астров потерял всех трех братьев в жестокой Гражданской войне.

⁶² Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 840.

⁶³ Томсинов В. А. Павел Иванович Астров. С. 286.

⁶⁴ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 26.

«И так, могила брата Павла в Сухиничах. А братья Александр и Владимир и милый Боря – в общей могиле у Калитниковского кладбища в Москве. Говорили, что на этой общей могиле появились небольшие крестики с обозначением инициалов некоторых из покоящихся там мучеников. На могилу стали приносить украдкой цветы. Ее пока помнят... Таков конец нашей семьи».⁶⁵

Этими строками завершил записки Астров.

⁶⁵ Астров Н. И. Московская катастрофа и смерть моих братьев. С. 26.

Г. З. Иоффе

Кто посмеет пережитое отместить...

Мне нелегко о них писать. Их нет. Они ушли. Навсегда. А я вижу их живыми, говорящими, выступающими, смеющимися. Они почти все ушли в зрелом возрасте, могли бы еще многое сделать, сказать, написать. Можно учесть, подсчитать экономические, геополитические, демографические и многие иные последствия «перестройки» и то, что она принесла, но как подсчитать вызванные ею психологические потрясения, которые выдерживали далеко не все. Как однажды сказал мне А. Я. Аврех (о нем впереди), большой поклонник спорта, и особенно бокса, надо «уметь держать удар», а на это способны немногие.

Я пришел в институт из издательства «Наука» в мае 1968 г. Он тогда был единым: Институт всеобщей истории и Институт истории СССР. Под одной крышей на улице Дмитрия Ульянова. Но вскоре его разделили, хотя и оставили в том же помещении. Спустя несколько лет Институт всеобщей истории переехал во вновь построенное здание на нынешней Гагаринской площади.

В институте Истории СССР меня принимал и. о. директора Лука Степанович Гапоненко, эдакий гарный, седовласый мужчина. Сначала он делал вид, что раздумывает, но я понимал, что это игра: меня брал к себе И. И. Минц, а против академиков в то время поперек не вставали, тем паче Лука спал и видел себя членом-корреспондентом АН СССР.

– Ладно, – сказал он после «колебаний», – иди в кадры, оформляйся.

Потом прикрыл дверь, чтобы не слышала секретарша и спросил:

– А мне мою рукопись подредактируешь?

Когда разделили институты, в нашем «История СССР» стал директорствовать академик Б. А. Рыбаков (он еще был и директором Института археологии). Грузный, тяжелый, казалось: идет, и половицы под ним прогибаются. Голова большая, дынеобразная. Но нашему институту он, кажется, уделял не очень много внимания. Главным для него, по-моему, была археология. С ее помощью он доказывал культуру древней и древнейшей Руси, за что и получил, вроде бы, Ленинскую премию.

Его замом по директорству нашего Института был еще молодой для академии (45 лет) Павел Васильевич Волобуев. Он был фронтовиком, потом за-

кончил МГУ и работал инструктором в ЦК, как раз во время последних сталинских бой-идеологических компаний. Но вскоре он оттуда ушел. Возглавил наш институт, это было в 1969 г. Я знал, что некоторые «либеральствующие» (а их уже было немало) считали его работу в ЦК компрометирующей, но, перейдя в институт, он почти сразу же оказался под тяжкими ударами отдела науки того же ЦК.

Сейчас, наверное, мало кто знает, что такое «новое направление». А тогда, в начале 1970-х при произнесении этого словосочетания стены дрожали. Волобуев как глава этого направления и группировавшиеся вокруг него историки (К. Н. Тарновский, А. Я. Аврех, А. М. Анфимов, И. Ф. Гиндин, Н. И. Павленко и др.) призывали к новому прочтению трудов В. И. Ленина. Они утверждали, что в России не было вполне зрелого капитализма, на основе которого и могла произойти Октябрьская революция. Такая решающая предпосылка Октября отсутствовала. Экономика, считали они, была многоукладной, а потому Октябрь был общедемократической революцией и главное нес в себе альтернативность. В отделе науки ЦК снести такого не могли: там зашаталась бы кресла. Волобуеву приходилось выслушивать весьма суровые обвинения в отрицании социалистического характера Октября и даже в ревизионизме. Кончилось тем, что, кажется, в 1973 или 1974 г. Волобуева сняли с директорства и отправили научным сотрудником в Институт истории науки и техники. Его заменил весьма «барственный» на вид А. Л. Нарочницкий (в институте его называли «сэр», была и еще одна кличка, но неудобоваримая). А в 1979 г. в институт директором пришел из ЦК тот самый мужиковатый Хромов, бывший одним из гонителей «нового направления». В институте ему по имени Семен Спиридонович дали кличку «хромосема».

Вернулся Павел Васильевич в Институт истории уже с перестройкой. А времена подходили трудные, особенно для истории Октябрьской революции. Конечно, и раньше в ней допускалось много искажений. Но вместо вдумчивого их исправления, как выразился академик Ю. А. Поляков, пошел стремительный «бег по истории в кроссовках». Большинство профессиональных историков в растерянности и смущении отмалчивались. Зато публицисты развернулись во всю ширь. Белое перекрашивалось в черное, черное — в белое. Середины опять не было.

Ушел (по возрасту) из Научного совета по истории Октября И. И. Минц и вместо него председателем Научного совета стал П.В. Волобуев

А на историю Октября неуклонно рос общественный спрос. Проводилось множество дискуссий, обсуждений, «круглых столов». Помню заседание в Доме агитации и пропаганды горкома на Трубной площади. Витийствовал любимец «демократической публики», вошедший у нее в моду А. Собчак. Самоуверенный, самонадеянный, в импортном клетчатом пиджаке. Он клеймил всю советскую историю, Октябрь, превозносил конституционную монархию. Странно: ему бурно аплодировали. После него выступал Волобуев, Было видно, что выступать ему нелегко: давало себя чувствовать уже больное сердце. Он говорил о социальных завоеваниях революции, о преобразованиях, которым она открыла путь. Публика, в основном молодежь, слушала плохо. В зале находились, главным образом, представители радикальных партий, групп и группочек, рассматривающих себя как открывателей новых «сияющих вершин» России...

Как-то в Научном совете Павел Васильевич сказал:

– Ну хорошо, еще можно понять людей, которым революция нанесла ущерб. Но ведь ее всячески чернят те, кто получил от нее все! Я знаю немало таких людей, я с ними работал, некоторые занимали высокие партийные посты, славили Октябрь, а теперь вдруг такой кульбит. Говорят, что революция убивает своих детей, а у нас дети убивают революцию отцов.

– Се человек, – сказал кто-то из присутствующих.

– Да нет,- сказал Волобуев. – Мне больше по душе слова Петра Великого: «Под каким знаменем присягу принимал, под таким и помирать должен».

У него так и вышло.

С Ефимом Наумовичем Городецким я познакомился благодаря отцу.

У него, часового мастера по профессии, был земляк из городка Горы – Горки (Белоруссия): И. М. Разгон. В 1930-х – 1940-х гг. он был известный историк, один из соавторов многотомной истории гражданской войны, выходящей под редакцией М. Горького и некоторых членов Политбюро, в том числе и самого Сталина. Авторам, если не ошибаюсь, дали за эту книгу Ленинские премии и шикарные по тем временам квартиры в доме на углу улицы Горького и площади Пушкина.

Не получив образования, мой отец буквально преклонялся перед образованными людьми, а уж профессор был для него просто небожителем. Разгону он чинил часы бесплатно, забирал и доставлял ему домой отремонтирован-

ными. Разгон и сказал ему о профессоре Городецком, и мы однажды зашли к нему на квартиру, чтобы забрать часы для ремонта. Тогда-то я впервые и увидел его. Было это в 1946 г. От Городецкого исходили уверенность и сила, хотя, казалось бы, этого не должно было быть. Небольшого роста, уже седовласый крепыш. Лицо его «украшал» большой еврейский нос. А в глазах светился такой всепроникающий и чуть-чуть насмешливый ум, который, видимо, и заставлял держаться при нем почтительно.

Я тогда не мог предположить, что придет время, и я буду работать с ним в одном институте. Но до этого прошло целых четверть века. Городецкий в то время работал в секторе историографии, которым руководила академик М.В. Нечкина, похожая на куколку, широко известная своими трудами о декабристах. Ефим Наумович был ее заместителем, а фактически руководил сектором. По своему составу сектор был почти сплошь женским и среди этих ученых дам обреталось немало крепко «партийно-идеологически» подкованных, готовых бежать впереди паровоза. Помню, одна из сотрудниц по имени Галина отличалась таким зло-идеологическим рвением, что остановить ее мог только доктор наук М. А. Алпатов. Большой, мощный он осторожно покашливал и басил: «Халина, очеловечься!».

Авторитет Городецкого был признаваем стопроцентно. Как я уже писал, в начале 1970-х гг. в институте шла острая полемика по «новому направлению». В списках выступающих всегда числился Городецкий. Он старался умиротворить яростно споривших.

Когда в конце 1980-х он ушел из института в статусе консультанта, то переехал на другую квартиру у станции метро «Беляево». По стране гуляла горбачевская перестройка и ельцинская «реформация». Мы, конечно, говорили об этом. Однажды он сказал, когда мы брели по глубокому беляевскому снегу: «Конечно, в том, что теперь рушится бессознательно и сознательно - целая жизнь, наша жизнь. А сколько жертв!»

Э. Н. Бурджалов и Городецкий были старые друзья. В мою бытность в Научном совете Бурджалов в институте не работал. Он пришел после того, как в 1957 г. отдел науки ЦК (инструктор П. В. Волобуев) в пух и прах разнес редколлегию журнала «Вопросы истории», где главредом была академик А. М. Панкратова, но фактическим «мотором» являлся ее заместитель Бурджалов. После XX съезда партии Бурджалов под прикрытием Панкратовой (она

была не только академиком, но и членом ЦК) попытался вывести журнал из догматических обручей «Краткого курса истории ВКП(б)». Они писали, что большевики в Феврале не руководили массами и к тому же готовы были поддержать Временное правительство. Какая крамола! Бурджалова «спустили» в институт, в сектор Октября. Но и там он был в тягость зав. сектором Петру Никифоровичу Соболеву. Соболев был колоритной фигурой. Тяжеловатый и мешковатый на вид, с полуопущенными веками, он был из тех историков, которые ранее работали в партаппарате, но за какое-то «не то» были выведены оттуда и «переброшены на исторический фронт». Историю-то ведь знали и понимали все. Как футбол. «Историки» этого пошиба сами почти ничего не писали, но строго идеологически контролировали написанное другими. Мне рассказывал один сотрудник сектора, как прочитав рукопись его монографии, Соболев сказал:

– Ты написал, вредную книгу!

– Но почему?!, – спросил тот.

Ответ был такой:

– То, что ты написал плохую книжку – это еще полбеды. Беда в том, что ты не понимаешь, почему она плохая.

Впервые имя Бурджалова мне, как и другим студентам пединститута им. Ленина, стало известно еще в конце 1940-х гг. Тогда нас в качестве дополнительной литературы снабжали тоненькими брошюрками в блеклых бумажных переплетах. Они содержали лекции по истории СССР, прочитанные Бурджаловым в Высшей партшколе или Академии общественных наук при ЦК КПСС. Ничего в них не указывало на то, что их автор – будущий «потрясатель» основ «идеологического фронта». И, наверное, неслучайно Бурджалов был назначен зам. редактора газеты «Культура и жизнь», можно сказать, ультра-партийной газеты.

Тот духовный перелом, который произошел у Бурджалова (как, впрочем, и у других после XX съезда) не всегда можно объяснить. Как-то я решился спросить:

– Эдуард Николаевич, вот говорят, что Вы были сталинистом, а теперь как бы «перекрасились» Как это произошло?

Он сказал:

– Мне трудно объяснить. Тут у разных людей могут быть разные мотивы.

Он замолчал, задумался. Думается, не находил ответа. Я познакомился с Бурджаловым примерно в 1965 г. В Институт истории СССР его так и не взяли. Направили в пединститут им. Ленина и дали читать курс... феодализма. Это ему-то специалисту по истории революций и Советскому периоду. Он тогда начал писать свою главную работу – «Вторая русская революция» (Февральская революция). Я чуть было не попал к нему в аспиранты (чего очень хотел), но меня «отдали» зав. кафедрой И. И. Минцу.

Тем не менее, я ходил к Бурджалову в пединститут, а много позднее и домой: он жил в одном из крыльев гостиницы «Украина». Он уже болел, на улицу не выходил, и мы часами сидели в его комнате, и он рассказывал много интересного из того, что происходило на «историческом фронте» в 1930-е – 1940-е гг. Одну историю, рассказанную им, я запомнил. Мне кажется, она передает дух времени. В середине 1930-х гг. при участии самого Сталина, других членов политбюро и М. Горького готовилась «История гражданской войны». Технически работой руководил Минц, тогда еще молодой, а Бурджалов, тоже совсем молодой, возглавлял парторганизацию. И вот Минц напринимал в редакцию жен и вообще родственников репрессированных.

– И тогда я начал против него персональное дело. Стыдно теперь вспоминать, но что было, то было. Знаете как у Пушкина: «И с отвращением читаю жизнь мою..., но строк печальных не смываю». Минц в ответ послал доверенного человека в Тульский обком, где я раньше работал, собирать на меня компромат.

– Собрал?

– Давно это было, я уж не помню. Кажется, что-то было. А кстати пушкинские стихи могут быть ответом и на ваш вопрос о моем переходе от догматизма к истине.

На четвертом этаже института при входе в конференц-зал висел большой стенд с фотографиями сотрудников – участников Отечественной войны. Одна из фотографий запечатлела худощавого и сутуловатого человека. Густые волосы падают на лоб, одет в армейскую рубаху и ватные штаны, заправленные в кирзовые сапоги. В одной руке он держит сигарету, в другой – автомат ППШ дулом вниз. Ни дать, ни взять партизан, а то и солдат штрафного батальона. Всмотрись и видишь: да ведь это будущий сотрудник, доктор исторических наук А. Я. Аврех.

Конечно, спустя годы, он уже не был похож на солдата-автоматчика. Но спустя четверть века в Аврехе не было ничего такого, что обычно связывается с представлением об «ученых мужах». Таких можно было встретить в толпе, на трибуне стадиона и даже за стойкой многих «дырешек», куда забредали работяги.

Пользовался ли он широкой симпатией в своем «секторе империализма» — не знаю. Снисхождение, уступчивость, соглашение все это не было чертами его характера. Он был «крутым» критиком и резким полемистом. Известный русский историк — эмигрант М. Карпович — писал, что лучшей похвалой для русских политиков и общественных деятелей является выражение: «он на компромиссы не пойдет». Аврех во многих отношениях соответствовал этой «похвале». Уверенность его в правоте своей точки зрения казалось, по-видимому, абсолютной. Попытка противопоставить ей возражение или даже сомнение обычно воспринималась им равнодушно, а то и насмешливо.

«В те дальние, глухие» личность историка в немалой степени можно было определить по избранной им теме. Аврех, если употребить термин А. Солженицына, выбрал «узел», развязка которого могла определить судьбу России XX в.: историю «думской монархии» Здесь Аврех искал истоки 1917 года, не столько в экономике или политике, сколько в общественных настроениях. Он считал, что бывают времена, когда настроение людей определяется украинской поговоркой: «хоть гирше, да иныше». Он написал несколько книг, вплоть до крушения монархии. Минусом нашей историографии мне казалась ее эклектика. В авреховских трудах эклектической мозаики не было. Он неуклонно держался марксизма, тогда как многие другие сошли, или сбились с этого пути. Свою точку зрения Аврех отстаивал в переписке с Шульгиным, которого уже выпустили из Владимирской тюрьмы и он жил в Гороховце. Как-то перелистывая в архиве бумаги Шульгина, я наткнулся на короткое письмо Шульгина Авреху. Он соглашался с тем, что Октябрьская революция была крупнейшим явлением, но не была, ни доброй, ни благородной, т.к. не достигла результатов, к которым стремилась. Но позднее я прочитал, кажется, последнюю работу Шульгина «Опыт Ленина». В ней он писал, что столько сил и жертв было принесено, что правильнее было бы довести ленинский опыт до конца. С этим Аврех, я думаю, согласился бы.

Коридоры в нашем здании на ул. Дмитрия Ульянова темноваты. На порядочном расстоянии знакомого лица и не всегда различишь. Однажды подходил я к дверям сектора Октябрьской революции, вдруг померещилось мне, что возле двери стоит... Хемингуэй! Стоит, опершись на крепкую суковатую палку. Это был сотрудник сектора Октябрьской революции Александр Янович Грунт. Он работал над темой «Революция 1917 года в Москве». Писал так, как считал нужным, и даже Соболев, по-моему, немного опасался делать ему критические (в духе отдела науки ЦК) замечания. В моих воспоминаниях Грунт (мы его звали Яныч) – воплощение мужества и стойкости. В 17 лет с ним случилась страшная беда. Он как-то рассказал мне о ней, и я после долгого раздумья решил включить в эти воспоминания небольшой рассказ о случившемся. Я думаю, он не нарушит общий жанр, потому что героизм Яныча связан с его работой историка.

Сашка Грунт жил на ять. Еще бы! Парню – 17 лет, силенка в каждом мускуле играла. Особенно классно «стучал» в футбол. С обеих ног – что с правой, что с левой – точно в верхние углы ворот бил, в «девятку». Тренер самого «Спартака» Борис Матвейч на него «глаз положил», «на драфт поставил».

Вот только стадион от сашкиного дома был далековат. На трамвае ехать – не меньше полчаса. И до остановки идти – минут десять. Сашка всегда выходил «с запасом», а в тот черный день чуть припозднился. Когда повернул за угол, увидел, что трамвай уже отходит и набирает скорость. Ерунда! Не первый раз. Сашка легко нагнал последний вагон и прыгнул в открытую дверь. Позднее он вспоминал: каким-то удивлением вдруг ощутил: трамвайных ручек в ладонях нет, ступни не ощутили твердь железной подножки. Потом он услышал противный, резкий, ржавый скрип трамвайных тормозов и женский крик, переходящий в визг. И все сразу исчезло, пропало.

Сашка очнулся через три дня и сначала не понял где он. Посмотрел на руки: они были в бинтах. Пощупал голову: то же. Он сунул руки под одеяло и стал ощупывать свое тело. Плечи, бедра, колени. А дальше руки как будто сорвались и легли на простыню. Сашка отшвырнул одеяло и в ужасе увидел две плотно перебинтованные культи. Ног не было.

Дверь в палате была открыта, и Сашкин вой, похожий на волчий в лесной тьме, потряс всех, кто находился в длинном больничном коридоре. Вой этот вырывался из стиснутых сашкиных зубов, и прибежавшим сестрам приходи-

лось с силой разжимать их, чтобы влить Сашке лекарство. Минут через 15–20 он затих, но весь как бы остолбенел. Глаза его остекленели и смотрели вверх, на потолок, в какую-то одну точку. Так продолжалось несколько дней.

Сашку разрешили навестить Женьке Ныркову – капитану команды, в которой Сашка раньше «исполнял» правого инсайда. Не таясь, Женька вытер слезы, положил на столик конфеты, пакеты с фруктами, сказал:

– Я сразу про главное. Начальник клуба велел передать: как поправишься, возьмет тебя помощником тренера в команде. Ты как?

Сашка молчал. Остекленевшие глаза его по-прежнему неотрывно глядели наверх, в одну точку.

Приход Женьки был, наверное, ошибкой. Вечером у Сашки случился припадок. Он скатился с кровати, рвал бинты. Коридорная медсестра бросилась в кабинет главного – старика Николаева. В палате он сел на край кровати, на которую уложили Сашку, положил ему руку на лоб, тихо произнес:

– У меня, брат, один сын погиб на гражданке, другой – полным инвалидом. Видишь как оно в жизни... Не озорничай!

Он поднялся, и чуть сгорбившись, медленно побрел к себе.

После того, что случилось с Сашкой, Николаев распорядился, чтобы некоторое время в сашкиной палате вечером и ночью дежурила сестра. Ее приход Сашка не заметил: как обычно, лежал на спине, глядя в потолок. Она вошла тихо, присела на стул, приставленный к кровати и, улыбнувшись, сказала:

– А меня с вами побыть прислали. Вас как зовут?

Сашка повернулся в ее сторону и вяло ответил:

– Александр

– А по отчеству?

– Яковлевич.

– Значит, Александр Яковлевич. Красивое имя. А я – Зинаида или просто Зина.

Двигая локтями, Сашка, сел, опираясь на подушки и взглянул на Зину. Полы ее белого больничного халата разошлись и синяя юбка слегка приоткрыла затянутое в золотистый чулок колено. Сашка машинально схватил это колено рукой, сжимая его сильнее и сильнее. Зина не отбросила сашкиной руки. Так они молча сидели несколько минут. Потом она встала, сказала:

– Ну, Александр Янович, вам пора принимать лекарства.

Зина дежурила еще несколько раз, а потом перестала приходить. Сказали, что ее перевели в другое отделение, но с ее появлением началось сашкино возрождение. Его «бессмысленно-потолочный» взгляд исчез. Теперь он все чаще и чаще смотрел в окно, за которым бушевала весна. Женька Нырков и другие ребята из команды притащили в палату спортивные гири, и Сашка, сидя на краю кровати, по много раз в день «выжимал» их, тренируя руки, плечи, спину. Мускулы его заметно наливались силой. И пришел день, когда ему принесли готовые протезы

– Ну, Александр Македонский, – сказал лечащий врач, – пора тебе в поход. Надо тебе мир завоевывать.

Сашка поднялся с кровати, взял в руки подаренные ему красиво инкрустированные палки.

– Поддержать тебя для первого раза? – спросил кто-то.

– Не надо, я сам, – твердо сказал Сашка.

Он сделал шаг, второй и... грохнулся на мягкий ковер, вскрикнув от боли. Его подняли, посадили на стул

– Видно, рановато начали, – пробормотал напуганный врач

Сашка молчал. Желваки играли у него под скулами.

– Нет, – сказал он, – начнем снова.

Он встал, взял за руки двух стоявших рядом врачей и, глубоко выдохнув, резко произнес:

– Пошли!

Эту историю рассказал сам Грунт.

– А впоследствии Вам случалось встречать Зину – спросил я.

– Нет, – ответил он, – никогда. А фотографию ее я раздобыл и свято храню.

И он показал старую фотокарточку. На меня из далекого 1935 года, улыбаясь, смотрела круглолицая, курносая девушка с чуть раскосыми глазами.

Он любил собирать у себя на Сивцевом Вражке людей. Бывало, зайдет к нам в Научный совет, укажет палкой на кого-нибудь, спросит: «Ну, едешь ко мне?». И вот собираемся у него: Василий Дмитриевич Поликарпов, Толя Иванов, Толя Разгон, еще кто-нибудь. О чем только было обговорено, что только не обсуждено! Он прожил тяжелую жизнь, а смерть за это была легкой, как у солдата пулей сраженным.

Революция и гражданская война не были темами Юхта. По специальности он был «феодал», диссертацию защищал о Василии Никитовиче Татищеве, человеке «гнезда Петрова», считавшего, что просвещенный народ может жить «без острого смотрения и жестокого страха».

В «Записках» он сменил Авреха и, как и Аврех, был фронтовиком. Его фото тоже висело на стенде при входе в наш конференц-зал. Губастый паренек в солдатской рубашке, а на ней два Ордена Славы.

Он не любил говорить о войне, о фронтовой жизни. И не тянулся читать о ней книги, если читал:

Ну, что с того, что я там был.

Я был давно. Я все забыл...

Впервые я встретился с ним осенью 1951 года в Ярославле. Приехал туда поступать в аспирантуру местного пединститута. Директор педучилища, в котором я работал, выдал мне бумагу за своей подписью и печатью в министерство с просьбой направить меня сдавать аспирантские экзамены. В Москве на Чистых прудах возле министерского здания – толпы людей: безработные учителя в поисках работы. Записался в очередь, приняла меня на другой день дама-инспектор.

Увидела на бумаге «Кологрив» спрашивает:

– А это что?

– Райцентр, – отвечаю

– Это и видно.

В общем, посоветовала мне ехать в Ярославль: там объявлен набор в аспирантуру.

Поехал. Всех абитуриентов поселили в спортзале, поставив железные койки. Со мной рядом парень немного постарше меня.

Спрашивает, как зовут. Я задаю тот же вопрос ему

– Юхт, Александр. Да зови просто Сашка. Приехал из Тарахани. Тарахань – это Астрахань. Я там в пединституте преподаю. Вот приехал сюда счастья попытать кандидатского.

Зря мы приехали. Время было плохое: не остыл космополитизм, назревало дело «врачей–убийц в белых халатах». Но вступительные экзамены мы сдали неплохо, во всяком случае проходной бал получили. Но как-то вечером профессор Лев Борисович Генкин попросил нас двоих задержаться.

– Это строго доверительно, – сказал он. Хочу вам сказать, что вас вряд ли зачислят. Почему – не спрашивайте.

– Его примут, – сказал я. Он – фронтовик.

Прав оказался Генкин. В списке зачисленных, ни меня, ни Юхта не оказалось.

– Пойдем в обком жаловаться, предложил я.

Он усмехнулся:

– Не будь дитем. Оттуда все и идет.

Но мы все-таки пошли. К заведующему школ и вузов. На двери его кабинета была дощечка: Яковлев Александр Николаевич.

Мы не попали к нему. Секретарша сказала, что его нет, вызвали в Москву. Мы, конечно, не знали тогда, что имели шанс поговорить с самим будущим «архитектором перестройки»...

Мы разъехались. Он в свою Тарахань, я – в Кологрив. Несколько лет я не встречал его. Потом как-то раз спустился в курилку Ленинки. Сквозь густую дымищу смотрю: Юхт! Он перебрался в Москву и стал зав. редакцией истории СССР в издательстве «Наука». Пригласил меня в свою редакцию.

– Пойдешь?

– Еще бы! Мне бы портянки перемотать!

Перестройку и реформы Юхт встретил «стоически». Вспоминал Юрия Крижанича: «Не умеем мы ни в чем меры держать, средним путем ходить, а все норовим по окраинам да пропастям блуждать, то в людодерство нас кидает, то в слободины без границ».

Болел Юхт недолго. Молчал, не жаловался. Веселым особенно не был, но и пессимизмом не страдал. Как-то рассказал:

– На войне как бывало? Человек вдруг посмурнел, затосковал. Солдаты меж собой говорили: «Этот отвоевался. Убьют его». И так и бывало.

Я просмотрел его короткую болезнь. Проморгал. Пришел прощаться уже навсегда. Но как-то раз прочитал ему стихи фронтового поэта Сергея Орлова:

Мы за все заплатили сами,
Нас не может задеть хула.
Кто посмеет в нас бросить камень
В наши помыслы и дела?
Кто посмеет нам глядя в лица,
Пережитое отместит...

Эти стихи о Юхте. И обо всех здесь рассказанных.

Теперь уже точно и не помню, когда впервые встретил Василия Дмитриевича Поликарпова. Но было это где-то в середине 1960-х гг. Он тогда перешел из «Военно-исторического журнала» в наш институт – Институт истории СССР. Был еще в военной форме и, кажется, с полковничьими погонами. Но вскоре уже надел штатский костюм и стал научным сотрудником сектора Октябрьской революции и гражданской войны. Это было естественно, поскольку и в «Военно-историческом журнале» он занимался историей гражданской войны. Руководил сектором бывший партработник Ленинградского обкома Петр Никифорович Соболев. Тяжелые веки прикрывали его глаза, но из-под оставленных открытыми щелочек он, по-моему, углядывал все, что ему было нужно. Те, кто полагает, что партдогматики были ограничены и глуповаты, ошибаются. Соболев, например, был умен, хитер, осторожен, но и коварен. Но если он думал, что Поликарпов как человек военный против начальства пойти не может, то допустил ошибку. Историческая истина для него была дороже.

В институт он пришел, если не ошибаюсь, с почти готовой рукописью монографии, которая называлась «Пролог гражданской войны» (она и сейчас в научном и учебном обороте). Как и другие рукописи, она должна была пройти обсуждение в секторе, затем – на Ученом совете Института, и только потом входила в издательский план. Пришло время обсуждаться и Поликарпову. Рукопись содержала много нового материала, глубоко проанализированного. Но Соболев решил, что тут-то надо показать «кто в доме хозяин». На помощь ему пришли его «поплечники», среди которых наибольшей агрессивностью почему-то отличались секторские дамы.

Раз за разом выступавшие указывали на какие-то «методологические ошибки» в поликарповской монографии. Он не соглашался. Борьба разгорелась не на шутку. Обсуждение перенесли на другой день. Василий Дмитриевич не отступал. Мне показалось, что многие замечания мелкие, что их можно было бы принять для скорейшего прохождения рукописи. В перерыве вышли покурить, и я сказал Василию Дмитриевичу:

– Ну, что Вы упрямитесь? Уступите им в чем-то. Ведь много частных, а они Вам и книгу зарубить могут!

Поликарпов посмотрел на меня с веселым недоумением:

– Э-э-э, старик (он звал меня стариком, хотя я был много моложе), а я не знал, что ты соглашатель. Почему мне уступать? Я знаю, как было в действи-

тельности, а им нужно так, как надо. Не пойдет. Они и держатся на нашем соглашательстве.

Была создана комиссия, и Поликарпов, помнится, отстоял свою позицию.

В соборевском секторе Василию Дмитриевичу было несподручно, и он часто заходил к нам в Научный совет. Его глава, академик И. Минц тоже держался установленных догм, но ему был свойствен юмор, и это создавало в Совете более свободную атмосферу. Поликарпов любил приходить в Совет и рассказывать о командире конного корпуса Б. Думенко и командующем Второй конной армией Ф. Миронове, арестованных по ложным доносам и расстрелянных в конце гражданской войны. Василий Дмитриевич смешно рассказывал, как противился публикациям о Думенко и Миронове С. М. Буденный. Разозленный, он кричал в телефонную трубку главному редактору Н. И. Павленко:

– Знаю, знаю кто там у тебя мудит! Это Поликарпов мудит!

Павленко делал вид, что не слышит и отвечал:

– Никак нет, товарищ маршал! Он дисциплинированный офицер, мутить не станет!

От Поликарпова мы узнали, как «Военно-исторический журнал» впервые напечатал отрывок из воспоминаний Г.К. Жукова. Поддержать тогда опального маршала Павленко предложил Василий Дмитриевич. Запрет высоких инстанций их не остановил. Приехав в редакцию, уже после выхода номера, Жуков победно воскликнул: «Так значит прорыв!».

Советские историки в большинстве приветствовали «перестройку», позволившую снять многие идеологические табу, открыть для исследователей новые темы и документы. Василий Дмитриевич был тут в первых рядах. Хорошо помню, какое огромное впечатление произвела его статья о Ф. Раскольникове и «Открытое письмо Сталину» самого Раскольникова. Номер журнала «Огонек», в котором это было напечатано, шел нарасхват.

К переменам, искоренению догматизма, как я уже сказал, большинство из нас были готовы. Но то, что происходило дальше, мы принять не могли. Да, в советской историографии было немало несправедного. Мы это знали. И постепенно, еще до перестройки, наша историческая наука продвигалась вперед. Хорошим примером могут быть так называемые Калининские (Тверские) симпозиумы, на которых на базе Калининского университета (ректор В. В. Комин) рассматривался весь комплекс революционного движения.

Мы любили свою страну и ее историю. Василий Шукшин написал простые, но полные большого смысла слова:

– «Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наши страдания. Не отдай всего этого за понюх табаку. Помни это. Будь человеком».

Как Василий Дмитриевич Поликарпов.

Я хотел бы закончить эти воспоминания коротким словом о моем друге и ровеснике – Анатолии Венедиктовиче Игнатъеве. Коротким, потому что будучи интеллигентом высшей пробы, он смущался, даже немного по-детски стеснялся, когда кто-то говорил о нем долго и хорошо.

Первым, кого я встретил, придя на работу в Научный совет академика И. И. Минца в 1968 году, был он. И с той поры мы были неразлучны. Рядом сидели на ученых советах, различных собраниях, как правило, вместе уходили домой. Дело дошло до забавного. Ответственным секретарем отделения истории был в те времена молодой человек Александр Оганович Чубарьян. Сейчас он академик, директор Института, а тогда – на 2-3 года моложе нас. Но особое положение в отделении истории, постоянное пребывание среди академиков и член-корроров может в шутку, а может и всерьез приводило его к тому, что, здороваясь с нами, он называл нас, «молодыми людьми». Мы были не в претензии.

Игнатъев, как я считаю, был историк-исследователь высокого класса. Это понимали все. И если теперь ученые, аспиранты и студенты имеют возможность анализировать российскую внешнюю политику с конца XIX в. до Октября, то это заслуга Анатолия Венедиктовича. Говоря словами Пушкина, «он вечный был работник». И когда ушел из Научного совета, чтобы возглавить сектор внешней политики, и когда был заместителем директора Института. И когда уже тяжело болел...

Недавно перечитывал последние статьи Ленина. Как не хватало ему людей, «за которых можно было ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, не побоятся признаться ни в какой трудности и не в какой борьбе для достижения серьезно поставленной себе цели». Не скажут ни слова против совести... Драгоценные люди... Я помню Анатолия Игнатъева таким.

Б. А. Арканников

**В штабе Кронштадтской крепости в дни восстания
(Вступительная статья, публикация, примечания А. В. Ганина)**

История Кронштадтского антибольшевистского восстания 1–18 марта 1921 г., казалось бы, известная уже практически по часам, продолжает привлекать внимание исследователей и вызывать широкий общественный интерес. Эта тема требует дальнейшего изучения, поскольку не все, даже ключевые источники о восстании, до сих пор введены в научный оборот. Именно к таким документам относятся написанные по горячим следам событий воспоминания одного из руководителей восстания подполковника Б. А. Арканникова.¹

Эти воспоминания были написаны уже в первой половине мая 1921 г. и сохранились в архиве редакции газеты «Воля России», куда они были направлены автором из лагеря интернированных кронштадтцев в Финляндии.

Автор воспоминаний, Борис Андреевич Арканников (1886–1965), родился в Санкт-Петербурге, окончил Александровский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Императорскую Николаевскую военную академию (1913/1914). Участвовал в Первой мировой войне, причем в 1916 г. был награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами. Помимо прочих должностей Арканников занимал пост помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 12-й армии. В августе 1917 г. Арканников был произведен в подполковники. С января 1916 г. служба Арканникова проходила в Кронштадтской крепости, что, в конечном счете, и предопределило его судьбу. 26 января 1916 г. Арканников стал помощником старшего адъютанта штаба крепости, с 29 июля 1917 г. он стал старшим адъютантом штаба крепости. С декабря 1917 по февраль 1918 г. командовал Кронштадтской крепостной пехотной бригадой.

¹ Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009; Он же. Арканников Борис Андреевич // Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы. Под ред. А. В. Посадского. М., 2017. С. 15; Кронштадт в 1921 году: новые документы / публ. А. В. Смолина // Русское прошлое (Санкт-Петербург). 1991. № 2. С. 348–360; Кронштадтская трагедия 1921 года. М., 1999. Т. 1–2.

Несмотря на революционные перемены, Арканников остался в крепости, выполняя привычные обязанности. С июля 1918 г. он – начальник оперативного отделения штаба крепости, с 15–16 января 1919 г. – начальник оперативного отдела штаба крепости. 25 ноября 1919 г. Арканников возглавил повторительные курсы для младшего комсостава штаба 7-й армии, оборонявшей Петроград. Затем, с 15 января 1920 г., вновь начальник оперативного отдела штаба Кронштадтской крепости. На этой должности его и застало начало восстания.

Уклоняться от несения обязанностей генштабиста в восставшей крепости Арканников не стал, оказавшись одним из руководителей Кронштадтского восстания. С 11 по 18 марта 1921 г. он временно исполнял должность начальника штаба обороны морской крепости Кронштадт и крепостного района. После поражения Кронштадтского восстания ушел по льду Финского залива в Финляндию, где был интернирован.

В Финляндии проживал в Выборге (на 1922). Умер в 1965 г. и похоронен на православном кладбище в Хельсинки вместе с супругой Ольгой Николаевной (1900–1958).

Воспоминания Арканникова представляются достаточно точными. Приведенные им данные можно сопоставить с новейшим детальным исследованием восстания, подготовленным В. Я. Крестьяниновым.² Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала.

Вступительная статья, публикация и примечания А. В. Ганина

Стихийное антибольшевистское движение, охватившее Кронштадт, застало главный его военный центр во время повседневной работы. Какой-либо политической антибольшевистской работы в нем вестись не могло, т.к. в штабе власть большевиков чувствовалась особенно сильно: сплоченный коллектив коммунистов давил некомандный состав, а комиссары, коих при штабе было трое, естественно держали под сильным гнетом немногочисленный командный состав штаба, состоящий в большинстве из офицеров старой армии.

За 2–3 дня до митинга 1-го марта, на коем была вынесена всем гарнизонном и населением крепости резолюция, порывавшая с коммунизмом, среди комиссарского состава штаба, состоявшего из главного комиссара крепости, его секретаря и комиссара штаба, стала чувствоваться нервность и явное бес-

² Крестьянинов В. Я. Кронштадтский мятеж. Хроника событий. СПб., 2016.

покойство; особенно это проявлялось у комиссара крепости Новикова,³ видного сотрудника губ[ернской] Чрез[вычайной] ком[иссии]. Комиссары сидели в штабе почти безвыходно, часто говорили по прямому проводу с Петроградом, вызывая Зиновьева,⁴ ком[андую]щего Петроградским военным округом Аврова⁵ и других видных представителей партии. В штабе были установлены караулы из верных партии лиц, усилился надзор над ответственными работниками штаба, введено особое дежурство комиссаров. По мере того, как положение в городе, частях и кораблях усложнялось, все перечисленные меры усиливались. После митинга 1-го марта, происходившего на Якорной площади, к комиссару крепости Новикову стали поминутно приходиться важнейшие коммунистические деятели крепости, среди коих было много сотрудников Чрезвычайной комиссии, происходили какие-то секретные совещания, причем, по видимому, обсуждались меры воздействия на мятежную крепость извне, т.е. двинуть против нее войска со стороны Ораниенбаума;⁶ сильным тормозом этого решения признавалась неуверенность в верности правительству расположенных там войск, которые также принадлежали к гарнизону крепости.

2-го марта в 12 ч[асов] д[ня] состоялось собрание делегатов от всех частей, кораблей, мастерских и учреждений крепости, которое должно было разработать вопрос о новом выборе в совет, согласно вынесенной накануне на митинге резолюции; от штаба крепости было также делегировано два беспартийных представителя, причем общее собрание служащих штаба очень отличалось от таковых же, имевших место ранее: не взирая на присутствие комиссаров, было высказано много резких, но справедливых слов по поводу коммунистической политики. Когда около 2 ч[асов] д[ня] выяснилось, что на делегатском собрании, благодаря провокационному слуху, что на Кронштадт двигаются войска, арестованы коммунисты, выбран наспех Временный революционный комитет и возможны аресты комиссаров, — растерянность комиссара крепости Новикова и других пришедших в штаб коммунистов достигла высших пределов. В обширное помещение штаба стали стекаться все ответственные коммунистические работники, в том числе и сотрудники Чрезвы-

³ Новиков Иван Гаврилович – комиссар морской крепости Кронштадт до восстания.

⁴ Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) – один из руководящих работников РКП(б), председатель Петроградского совета.

⁵ Авров Дмитрий Николаевич (1890–1922) – бывший штабс-капитан, командующий войсками Петроградского военного округа.

⁶ В документе – Оранненбаум.

чайной комиссии. Коммунисты были хорошо вооружены, и ими было вытребовано 250 ручных гранат.

Стало ясно, что вначале ими было принято решение обороняться в штабе. Между тем, обыденная работа штаба в его отделениях шла обычным порядком до 4 ч[асов] д[ня], т.е. до конца занятий. Комендант крепости Козеолег,⁷ как выяснилось позже, бежал в 12 ч[асов] у[тра] в Ораниенбаум; есть основание думать, что в ночь с 1-го на 2-е марта он также пытался бежать на сестрорецкий берег, но эта попытка не удалась; было ли это бегство с ведома и согласия комиссаров – неизвестно.

Около 5 ч[асов] д[ня], когда в штабе оставался только начальник штаба и начальник оперативного отдела, комиссар Новиков потребовал себе карту и, сопровождаемый всеми прибывшими коммунистами, исчез из штаба; видимо, какие-то полученные новые данные заставили комиссаров отказаться от мысли обороняться в штабе.

Начальник штаба, бывший подполковник Соловьянов,⁸ видя исчезновение всех представителей власти и догадываясь о бегстве коменданта крепости, тотчас же решил снестись с начальником артиллерии крепости, бывшим генерал-майором Козловским,⁹ дабы его уведомить о происшедшем и предложить ему, как назначенному ранее приказом по крепости заместителю коменданта, вступить немедленно в исправление означенной должности. Вначале была попытка сделать это по телефону, но выяснилось, что на телефонных станциях по приказанию Временного революционного комитета никаких соединений не дают. Тогда начальник штаба написал Козловскому официальную записку и отправил ее с нарочным, прося начальника артиллерии тотчас же прибыть в штаб. В штабе наступила полная неопределенность: телефоны не действуют, кроме начальника штаба и его помощника никого нет, что делается в городе и частях – неизвестно.

От начальника артиллерии ответа нет. Через 2 часа после бегства комиссаров, которые, как выяснилось позже, бежали к северному берегу залива, и были при этом задержаны и арестованы, в штаб крепости прибыл отряд мо-

⁷ Козеолег (Козиолег) Иван Иванович – комендант морской крепости Кронштадт до восстания, участник штурма Кронштадта.

⁸ Соловьянов Евгений Николаевич (1880–?) – бывший капитан, начальник штаба морской крепости Кронштадт, начальник обороны морской крепости Кронштадт (11–18.03.1921).

⁹ Козловский Александр Николаевич (1864–1940) – бывший генерал-майор, начальник артиллерии крепости Кронштадт.

ряков, который занял по распоряжению Временного революционного комитета штаб. Узнав от начальника штаба о бегстве комиссаров, старший в отряде сообщил, что во главе крепости стал Временный революционный комитет, распоряжения коего только и являются действительными; кроме того, выяснилось, что уже все гражданские и военные учреждения крепости заняты подобным образом, все сухопутные и морские части гарнизона крепости на стороне Ревокома;¹⁰ все эти события произошли при полном порядке и без одного выстрела. В штабе, как и во всех частях и учреждениях крепости, как политический орган была образована революционная тройка из беспартийных. Коммунисты сначала были арестованы, затем по выяснении роли того или иного из них до переворота, большая часть их были оставлены на свободе и даже на своих местах. От Козловского получена была записка, что приказ, назначавший его заместителем коменданта, был, по его мнению, действителен лишь при нормальной обстановке; при создавшемся же положении он вступить тотчас временно исправляющим должность коменданта крепости не считает возможным. В 11 час[ов] вечера начальник штаба ввиду бегства коменданта был вызван на «Петропавловск»¹¹ в[о] Временный революционный комитет, где ему было сказано, что работа штаба должна идти по-прежнему и что все указания будут теперь исходить от Революционного комитета.

В ночь с[о] 2-го на 3-е марта по действовавшему еще прямому проводу с фортом «Красная горка» было выяснено, что этот главнейший форт крепости не примкнул к движению. Причиной это[го] несомненно было то, что бежавшая туда еще утром Чрезвычайка уже наложила на форт свою руку, причем там был пущен слух, что в Кронштадте никакого народного движения нет, так же, как нет и Революционного комитета, состоящего из матросов и рабочих, а инициатором движения является группа офицеров во главе с начальником артиллерии генералом Козловским. Характерна гибкая идеология коммуниста: этот слух был распространен бывшим комиссаром крепости Громовым,¹² который именно отлично знал истинную правду того, что происходило в Кронштадте, т.к. присутствовал на всех митингах и собраниях и как коренной кронштадтец знал, что суть движения в народном неудоволь-

¹⁰ Так в документе.

¹¹ «Петропавловск» – линейный корабль Балтийского флота, экипаж которого активно участвовал в Кронштадтском восстании.

¹² Громов Василий Прохорович (1891–1932) – комиссар крепости Кронштадт (с 21.02.1921).

ствии коммунистической партией,¹³ а не в какой-то единоличной авантюре. Для человека развитого и относительно порядочного, каким был Громов, такая подлая клевета с его стороны объясняется именно тем, что раз благополучию коммунистической партии и их незаконному владычеству грозит опасность, у коммуниста понятие о правде и честности сводится на нет и нет той подлости, на которую бы он не пошел для выручки партии и, в частности, самого себя.

3-го марта около 12 ч[асов] д[ня] на «Петропавловск» в Рев[олюционный] ком[итет] были вызваны начальник штаба с начальником оперативного отдела и главные военные специалисты крепости.

Председателем Рев[олюционного] ком[итета] Петриченко¹⁴ была обрисована обстановка, из коей выяснилось, что гидроавиационный отряд в Ораниенбауме на нашей стороне, население Ораниенбаума с окрестностями, а также гарнизоном, и население Петрограда также, по-видимому, на стороне Кронштадта; выяснилось, что комитетом приняты меры, чтобы Петроград знал правду о Кронштадте, но точно неизвестны результаты этих мероприятий; в общем, получалось впечатление, что Кронштадт не будет один и, подняв антибольшевистское восстание, будет поддержан всеми народными массами, в глубине коих политика большевиков уже потерпела поражение. Характерно, что при этом присутствовал один из видных коммунистов Кронштадта Ильин,¹⁵ который, видя, что во главе движения стоят матросы и рабочие, а не какие-либо отдельные авантюристы, выразил готовность к совместной работе и весьма порицал коммунистов, кои малодушно бежали и вели свои козни против народа.

Свое мнение по этому вопросу кронштадтская фракция коммунистической партии и изложила 4-го марта в воззвании, которое и было отпечатано в газете.

Между тем, нужно было обсудить и военные мероприятия. Конечно, рационально было бы, в особенности с политической точки зрения, кронштадтцам наступать самим на Ораниенбаум и далее двигаться, имея поддержку среди населения и красноармейцев, к Петрограду, дабы соединиться с рабо-

¹³ В документе – партии.

¹⁴ Петриченко Степан Максимович (1892–1947) – старший писарь линейного корабля «Петропавловск», председатель Кронштадтского ВРК.

¹⁵ Ильин-Алексеев Яков Ильич (1887–1921) – комиссар продовольствия и городской коммуны Кронштадта. Во время Кронштадтского восстания вошел в состав «Временного бюро Кронштадтской организации РКП». Приговорен к расстрелу (24.03.1921).

чими такового, где за несколько дней до описанных событий царило то же антибольшевистское настроение. Но указанные меры совершенно не соответствовали военной силе Кронштадта: обученного, одетого (главное, обутого) и вооруженного гарнизона в самом Кронштадте было мало; мало-мальски опытного командного состава почти не было. Это несоответствие сил стало особенно ярко, когда около 3 ч[асов] д[ня] было получено достоверное сведение из Ораниенбаума от 2-го марта, что коммунисты уже с 1-го марта, т.е. после митинга, приняли свои меры: подвозятся курсанты, террор и политический гнет доводится до максимума, уже началась расправа с неугодными, расстрелы. Одновременно с сим поступило донесение, что на северный форт Тотлебен наступают цепи противника.

Эти цепи, состоящие из курсантов, подойдя к форту, выслали делегатов, получили газеты Кронштадта и, обсуждая их, отошли к Сестрорецку. Все происходящее показывало, что, по-видимому, правительство хочет покончить с Кронштадтом силою, и потому насущнейшим вопросом явилась оборона крепости и ее фортов.

В 6 ч[асов] в[ечера] в штабе состоялось срочное заседание главных военных специалистов. Подсчитаны наличные силы, составлен боевой приказ с распределением войск по участкам и фортам, даны распоряжения по разведке и на случай наступления противника. Подсчет сил показал, что в сущности, если не считать артиллеристов, обслуживающих крепостную артиллерию, в крепости только и имеется одна подготовленная и военно-организованная воинская часть, — 560^й стрелковый¹⁶ полк, коему и дан был наиболее ответственный участок (юго-восточная часть Кронштадта). Прочие же части, состоящие из моряков, были почти не обучены стрелковому делу, плохо снабжены необходимым военным имуществом, а главное организованы¹⁷ наспех и почти без командного состава.

К ночи войска заняли свои места, и, надо отдать им должное, эта трудная задача ими была выполнена отлично: движение ночью,¹⁸ по льду к фортам и батареям, точное месторасположение коих для некоторых начальников было даже и плохо известно, — было произведено весьма быстро и без каких-либо

¹⁶ Слово вписано карандашом вместо вычеркнутого: строевой. Речь идет о 560-м отдельном Кронштадтском стрелковом полку.

¹⁷ Слово вписано карандашом вместо вычеркнутого: импровизованы.

¹⁸ Далее вычеркнуто: наспех.

недоразумений, причем некоторым частям пришлось даже столкнуться с разведкой противника. Таким образом, боевая работа крепости и, в частности, штаба началась.

Начальником всей обороны крепости Временным революционным комитетом был назначен Соловьянов, бывший доселе начальником штаба, подполковник старой армии, человек с боевым опытом, хладнокровный, выдержанный и в полном смысле слова неутомимый. Начальником штаба назначен был начальник оперативного отдела Арканников, бывший подполковник Генерального штаба. Был образован совет обороны из главных военных и морских начальников и начальников отделов крепости. Личный состав штаба с полным напряжением сил приступил к работе, как чисто боевой, так и административно-хозяйственной.

В настоящей статье не имеется в виду подробное описание боевых действий на участках и фортах, т.к. этот вопрос уже достаточно освещен в бывших уже статьях, посвященных кронштадтскому движению, а имеется в виду обрисовать работу главного военного центра крепости, от коего исходили все оперативные распоряжения.

С утра 4-го марта перед командованием крепости встали следующие важные задачи: усиление обороны и урегулирование продовольственного вопроса, а также принятие и выполнение дальнейшего плана действий.

Для усиления обороны начали производиться некоторые инженерные работы, приводятся в боевое состояние устарелого типа батареи (орудия образца [18]67 и [18]77 гг. крупных калибров), кои доселе по своей малой дальности и непригодности для морского боя не состояли на вооружении, но которые теперь, безусловно, годились для обстрела ораниенбаумского берега. Кроме того, началось вооружение рабочих и гражданского населения города, выразившего желание¹⁹ участвовать в общей борьбе. Продовольственный вопрос после тщательного подсчета наличных средств, кстати сказать, весьма скудных (кроме мясных консервов, коих было значительное количество), в особенности в отношении муки, удалось наладить удовлетворительно, но все же крепость своими запасами могла самостоятельно просуществовать не более 3-х недель.

Наиболее сложным делом являлся план дальнейших действий. Ясным в сущности было одно: Кронштадт не может один держаться долго, и если его

¹⁹ Слово вписано карандашом вместо вычеркнутого: стремление.

не поддержит своим восстанием Петроград, то концентрирующиеся против него большевистские войска, естественно, доведут крепость до падения.

Для парирования этого нужна была пропаганда из Кронштадта, которая бы открыла глаза как рабочим Петрограда с крестьянами, так и войскам, осаждающим²⁰ крепость, наконец, нужно было получить сведения как о силе войск противника и их расположении, так и о царящем в них настроении. Вопрос пропаганды взял, естественно, на себя Революционный комитет, но надо сказать правду, что невероятно трудные условия, при коих она велась, ввиду полной отрезанности крепости и принятые против нее меры большевиков, результата она почти не дала.²¹ Тоже получилось и с войсковой разведкой. Последняя велась²² непрерывно как до начала боевых действий, так и во время их.

Трудность движения по льду, бдительность большевиков, неизбежность расстрела ее²³ исполнителей в случае их плена, а также полная неподготовленность самих разведчиков, кои в большинстве брались из желающих, — все эти условия делали разведку совершенно непродуктивной, и штаб крепости имел сведения о противнике весьма схематичные и недостаточные.

Бросаемые с аэропланов прокламации и большевистские газеты, проникавшие в Кронштадт, кстати сказать, полные небывалой еще доселе лжи, — ясно показывали, что правительство не желает вести каких-либо переговоров с Кронштадтом и, придав восстанию характер белогвардейской авантюры, решило, не считаясь с жертвами и не разбираясь в средствах, покончить с восставшими оружием. Правда, 5-го марта петроградский совет прислал радио, что он хотел бы прислать делегатов в крепость, но, видимо, это не имело серьезной подкладки, т. к. на положительный ответ Революционного комитета вместо посылки делегатов 7-го марта началась бомбардировка крепости.

5-го марта военный совет на своем заседании, которые происходили ежедневно, выдвинул вопрос о наступлении, хотя бы половиной гарнизона, т. к., предвидя неизбежность боевых действий, выгодным являлось взять инициативу в свои руки. Против желательности этого последнего решения никто не возражал, но практическое выполнение вызвало много дебатов. Являлись во-

²⁰ Слово вписано карандашом вместо вычеркнутого: облагающим.

²¹ Слово вписано карандашом вместо вычеркнутого: не давала, т.к. почти никуда не проникала.

²² Слово вписано карандашом вместо вычеркнутого: высылалась.

²³ Разведки.

просы – какая конечная цель наступления, куда идти, на Сестрорецк или Ораниенбаум, какими силами наступать.

Никто не скрывал трудности и рискованности наступления: отсутствие достаточных сведений о противнике и обстановке, движение по льду, без укрытия, не сопровождаемое при выходе на сушу легкой полевой артиллерией, т.к. если таковую и можно было взять из крепости, то весьма мало и перевозить кустарным способом на санях, необходимость сочетать высылку достаточно сильной ударной группы с оставлением в крепости соответствующей обстановке оборонительной части, – вот какие вопросы встали перед командованием крепости. После всестороннего обсуждения было принято решение наступать лучшей половиной пехотного гарнизона в сторону Сестрорецка, обороняя другой половиной Кронштадт. Конечная цель должна была выясниться в зависимости от развития этого наступления; наступать решено в ночь с 7-го на 8-е марта.

Но проведение этого решения в жизнь не удалось: 7-го марта в 6 ч[асов] вечера противник открыл огонь по крепости и ее²⁴ фортам со своих батарей, расположенных на сестрорецком и ораниенбаумском берегах, бронепоездов и форта Красная горка; артиллерия крепости в ответ на это вступила в бой с противником. Бомбардировка и атаки крепости 8-го марта, ею отбитые,²⁵ несколько выяснили обстановку. Поведение войск противника и опрос многочисленных пленных и перебежчиков дали штабу кой-какие сведения о войсках противника; видно было, что войска идут под угрозой расстрелов, кои весьма практикуются, выяснено, какие части противника имелись к началу атаки. Стало более или менее известным, что население, гарнизон и рабочие Петрограда сочувствуют всецело Кронштадту, но там царит такой коммунистический гнет, сыск и террор, что всякое открытое выступление становится маловероятным.

Первый бой, удачный для крепости, также указал на некоторые дефекты чисто военного свойства, кои по возможности были устранены. Последующие после атаки 8-го числа дни были посвящены к усилению обороны, а также к тому, чтобы сгруппировать так войска, чтобы они могли нести свою тяжелую службу посменно, т.к. утомление в связи с крайне недостаточным питанием стало чувствоваться, несмотря на большой подъем духа у оборо-

²⁴ В документе – его.

²⁵ В документе – отбитая.

няющихся. В период времени между штурмами 8-го и 17-го марта противник ежедневно вел артиллерийский огонь и посылал свои аэропланы с бомбами.

В отношении оперативно-штабной работы неблагоприятным обстоятельством было то, что полный недостаток командного состава и соответствующих начальников не давал возможности объединить группы фортов, как бы в виде секторов обороны, т.к. форты в артиллерийском отношении были подчинены начальнику артиллерии; по другим же всем вопросам форты и батареи постоянно, в особенности во время боев, обращались самостоятельно в штаб. То же самое происходило и с боевыми участками в числе 4-х. Если бы в распоряжении командования крепостью было бы хотя [бы] 4 человека, свободных от прочих обязанностей, которые по своим личным данным могли бы быть назначены начальниками групп, несомненно, начальник обороны и начальник штаба были бы разгружены от многих, подчас и мелких, но срочных вопросов, имея дело с 5–6 соединениями, а не почти [с] 20-ю, как²⁶ то было на практике.

Но, как сказано выше, недостаток в командном, в настоящем смысле этого слова, составе, был громадный.

Плохо обстояло дело и с резервами, коими мог располагать начальник обороны для парирования прорыва противника и других случайностей боя; свободных частей не было и к ночи с 16-го на 17-е марта, когда ясно обозначилось, что противник будет атаковать крепость, едва удалось собрать не более 250 человек, сборный отряд из различных команд, как от сухопутных, так и от морских частей.

Между тем обстановка не прояснялась к лучшему: продовольствие подходило к концу, начали сдавать кой-какие орудия, войска переутомлены тяжелой службой в постоянном напряжении. Несмотря на то, что Революционный комитет посылал ежедневно людей с литературой в Петроград, оттуда помощи не замечалось; как выяснилось впоследствии, почти никто из посланных не мог выполнить своей задачи, благодаря отлично поставленного сыска и охраны: посланные схватывались и расстреливались. Войсковая разведка по изложенным выше причинам никаких сколько-нибудь ценных сведений не давала; случайно полученные сведения показывали, что противник готовится к бою и группирует значительные силы; особенно усилилась его артиллерия как у Сестрорецка, так и у Ораниенбаума.

²⁶ Вычеркнуто: сказано выше.

16-го марта, около 6 ч[асов] в[ечера], противник открыл сильнейший огонь из всей своей артиллерии, как по крепости, так и по городу. Продолжался он до 10 ч[асов] в[ечера], причем часть 12-ти дюймовых снарядов с форта «Красная горка» ложилась и вблизи штаба. Вскоре в штаб стали поступать донесения с фортов и батарей, из коих было видно, что бомбардировка приносит существенный вред, разрушая закрытия и, несомненно, действуя угнетающе на защитников островных фортов и батарей, находящихся среди моря, весьма близко к противнику и с малочисленным гарнизоном.

Учитывая, что эта бомбардировка является лишь прологом и следствием ее будет атака, штабом крепости было сделано все, что было в его силах, чтобы наступление противника не застало крепость врасплох. На фортах, батареях и участках было приказано быть особенно бдительными и высылать непрерывно разведку, проверяя связь, собраны, откуда возможно, команды для образования резервов; для быстрой переброски их у штаба постоянно стояли на ходу грузовики.

Часа за 2 до рассвета 17-го марта обнаружилось наступление противника. Недостаточная стойкость и бдительность одного из участков позволила противнику ворваться в город с его восточной стороны у петроградских ворот, захватив там батареи и пулеметы. Почти одновременно с этим противник прорвался и в южной части города у Цитадельских ворот. По получении донесений об этих прорывах штабом тотчас были посланы к занятым пунктам резервы на грузовиках; эту задачу выполнить было нелегко, т.к. все телефонные линии к резервам были кем-то перерезаны. Усилием гарнизона и даже граждан противник был вскоре выбит из Цитадельских ворот, причем нами было взято в плен до 2000 ч[еловек]. Но у Петроградских ворот противник выказал большую стойкость, освободил из тюрьмы арестованных коммунистов и, засев в каменных домах, завязал связь с Ораниенбаумом, откуда на санях ему стали подвозиться пулеметы и боевые припасы.

Одновременно со всем этим противник, ведя сильный артиллерийский огонь, наступал значительными силами на форты с севера, постепенно занимая их.

К 4-м ч[асам] д[ня] обрисовалось почти безнадежное положение обороны: силы противника велики и много отборных коммунистических частей, что выяснилось из опроса пленных, крепостная артиллерия приходит в негодность, не хватает некоторых снарядов, потери большие, дух защитников падает, а, главное, не удастся выбить коммунистов из восточной части города,

откуда они уже легко ночью могли распространиться далее; – наступление ударных групп противника продолжается, резервов для их парирования нет. Видя, что дальнейшая организованная борьба невозможна, падение крепости при новой атаке неизбежно, и, желая сохранить защитников крепости, Революционным комитетом совместно с начальником обороны в 6 ч[асов] в[ечера] решено, чтобы войска с наступлением темноты в порядке отходили на форт Обручев, к северу от Котлина и затем к финляндской границе. Приказание об отходе на форт Обручев было передано начальником штаба на все форты, батареи и участки. После того, как все распоряжения были сделаны, и войска приступили к отходу, штаб также присоединился к колонне, которая в полном порядке, освещаемая луной, тянулась к финляндскому берегу, покидая свою Родину, идя навстречу неизвестному будущему, но твердо веря, что час возмездия насильникам Родины неизбежен, и им придется дать ответ в своих злодеяниях.

Б. Арканников

Финляндия²⁷

Адрес Ино, лагерь интернированных кронштадтцев, дача Соколовского.
Борису Арканникову.

ГА РФ. Ф. Р-5959. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-7об. Подлинник. Автограф.

²⁷ Вычеркнуто и вымарано: Ино, 12-го мая 1921.

А. Б. Николаев

Решающие дни Февральской революции 1917 года на страницах научно-популярных журналов в юбилейный год

В 2017 году исполнилось 100-лет Великой российской революции. Исследователи в ряде работ обратили свое внимание на то, как отмечалась эта дата. Наибольший интерес в связи с этим представляет коллективная монография на 1088 страницах(!) «Революция-100: реконструкция юбилея».¹ Н. Ажгихина и Г. Бордюгов пишут в предисловии, что данный «проект является комплексным исследованием бытования образа Революции 1917 года, ее восприятия в политических, научных, художественных, профессиональных, общественных и определяемых по иным признакам сообществах России и их интеллектуальной продукции, странах ближнего и дальнего зарубежья, причем в динамике и временной развертке, охватывающей период более года – с начала осени 2016 г. до 7 ноября 2017 г.».² Но ни в ней, ни в специальных статьях, посвященных осмыслению столетия Революции 1917 года³ не предприняты попытки показать освещение юбилея на страницах научно-популярных исторических журналов.

Вместе с тем такие журналы в России выходят и оказывают влияние на создание общественных представлений о тех или иных событиях, играют важную роль в формировании исторической памяти. Среди них, в частности, «Родина», «Живая история» и «Историк». Именно эти журналы были изучены для того, чтобы выяснить были ли опубликованы в 2017 году в них статьи, посвященные истории решающих дней Февральской революции (27 февраля – 3 марта 1917 года), на какие стороны ее истории обратили их авторы свое внимание.

Конечно, здесь будут рассмотрены не все статьи по истории Февральской революции 1917 года, опубликованные в изучаемых журналах. Выбор текстов

¹ Революция -100: реконструкция юбилея / Под ред. Г. Бордюгова. М., 2017.

² Ажгихина Н., Бордюгов Г. Предисловие // Там же. С. 13.

³ Колоницкий Б. И. Юбилейный год и историки революции // Российская история. 2018. № 1. С. 181–187; Булдаков В. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история. 2018. № 6. С. 3–26; Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. 100-летие российской революции: юбилейные вехи отечественной историографии // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 292–311.

определяется новизной/необычностью содержащихся в них суждений или, наоборот, желанием автора(ов) придерживаться тех или иных установок.

«Родина». Начнем с журнала «Родина», т.к. он, хотя и характеризуется в подзаголовке как «Исторический научно-популярный журнал», но вместе с тем включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». Событиям решающих дней Февраля 1917 года посвящен № 2 журнала «Родина». В качестве редакционной статьи выступает интервью Владимира Нордвика, взятое им у Наталии Дмитриевны Солженицыной, в котором она рассказала о том, как А. И. Солженицын писал о Февральской революции.⁴ Наталья Солженицына говорит: «Подобно многим родившимся и выросшим в СССР на определенном этапе он (А. И. Солженицын – А. Н.) тоже был жертвой большевистской мифологии. Людям вдалбливали в головы, что Великую революцию совершил Великий Октябрь, а Февральская буржуазная – проходное малозначительное событие. Те, кто стряхивали с себя это представление (Солженицын – в том числе), усваивали, возвращались к представлению “освобожденческому”, по которому в Феврале Россия “достигла свободы, желанной поколениями, и вся справедливо ликовала, и нежно колыхала эту свободу<...>”». ⁵ И далее она замечает: «<...> Александр Исаевич сначала с изумлением, а потом с омерзением открывал, “какой низостью, подлостью, лицемерием, рабским всеединством, подавлением инодумающих были отмечены первые же дни этой будто бы светоносной революции... Неотвратимая потерянности России – засияла уже в первые дни марта”». ⁶

Отчасти (только отчасти!) с этими утверждениями можно согласиться. Наталия Солженицына, идя, естественно, за Александром Исаевичем, упрощает и ошибается, говоря, что «убийства городских, грабежи и разбой, полное беззаконие, буйство и жестокость на петроградских улицах никем не пресека-

⁴ Нордвик В. Наталия Солженицына: Весь текст пронизан болью. Вдова писателя рассказала «Родине» о том, как создавалась знаменитая статья «Размышления над Февральской революцией» // Родина. 2017. № 2. Февраль. С. 5–14. Заметим, что в феврале 2017 г. был издан специальный выпуск журнала: Александр Солженицын. Размышления над Февральской революцией // Родина. Специальный выпуск. Февраль 2017.

⁵ Нордвик В. Наталия Солженицына: Весь текст пронизан болью. С. 10.

⁶ Там же.

лись, никем не наказывались и даже не осуждались».⁷ Подчеркнем, что нельзя списывать жертвы революции исключительно на стихию народного гнева (коллективный психоз), т.к. уже со второй половины дня 27 февраля Государственная Дума в лице ряда ее руководителей, например, А. Ф. Керенского, а затем и специально созданных органов (ВКГД и его Военная комиссия), взяла на себя дело руководства революцией и восстанием и тем самым приняла на себя ответственность за жертвы революции. Напомним и то, что думский Комитет, его Военная комиссия и Петроградская городская милиция боролись с уголовной преступностью! И, все-таки, какое отношение А. И. Солженицына к Февральской революции транслирует его вдова – восторг «освобожденчества» или чувство омерзения от насилия в революции? Судя по всему, чувство омерзения поглотило освобожденческий восторг! Наталия Солженицына, говоря о статье Александра Исаевича «Размышления над Февральской революцией», заявляет: «<...> весь текст пронизан болью! Александра Исаевича не покидало горькое сознание разразившейся над Родиной беды».⁸

Перекликается с таким отношением к Февральской революции статья Л. Аннинского об убийстве 28 февраля 1917 года командира крейсера «Аврора» капитана I ранга М. И. Никольского.⁹ Заметим, что название статьи вводит читателя в заблуждение: он был убит не за то, что отказался нести красный флаг, а за то, что накануне стрелял в матросов (двое ранено, один убит).

Разочарованием в Феврале 1917 года пронизан текст А. Ганина о главнокомандующем Западным фронтом генерале от инфантерии А. Е. Эверте.¹⁰ Ганин пишет, что на следующий день после отречения Николая II генерал Эверт заявил своей супруге: «Знаешь, что мне пришлось сделать, – нарушить присягу, обратиться к государю с просьбой отречься от престола <...>». Автор подчеркивает: «До конца своих дней Эверт испытывал угрызения совести за свои действия».¹¹ Думается, что они были вызваны не тем, что он нарушил присягу, а тем, что не были реализованы его мечты о будущем устройстве России, во имя которых он и пошел на «измену». Ганин приводит

⁷ Там же.

⁸ Нордвик В. Наталия Солженицына: Весь текст пронизан болью. С. 11.

⁹ Аннинский Л. Выбор капранга Никольского. Командир «Авроры» был убит машинистом крейсера за отказ нести красный флаг // Родина. 2017. № 2. Февраль. С. 39–41.

¹⁰ Ганин А. Главком Западного фронта Алексей Эверт: мы предатели своего государя! // Там же. С. 49–53.

¹¹ Там же. С. 50.

слова Эверта: «Республиканский строй <...> неприменим к России. Конституция по образцу английской скорее соответствовала бы ей и, в таком случае, более подходящего конституционного монарха, чем вел[икий] кн[язь] Мих[аил] Алекс[андрович] трудно желать...».¹² Но воцарения Михаила не произошло, а Эверт был отправлен в отставку.

Подход, насаждающий в исторической памяти о Февральской революции чувство «омерзения», поглощающий «освобожденческий восторг», прослеживается и в № 3 журнала. В нем был дан краткий отчет о первом заседании Исторического клуба «Родины», в ходе которого обсуждали статью А. И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией».¹³ В статье Н. Черкашина речь шла об убийстве в Гельсингфорсе адмирала А. Непенина, которое, по утверждению автора, произошло 3 марта.¹⁴ Заметим, что вице-адмирал А. И. Непенин был убит 4 марта 1917 года,¹⁵ т. е. уже после окончания Февральской революции.

Определенный интерес представляет материалы рубрики «Печать эпохи», которую во втором номере заполняет текст доктора философских наук Семена Экштута ««Черти, правящие шабаш в болоте спекуляции...» О чем писали столичные газеты в феврале 1917 года».¹⁶ Любопытно, что Экштут пишет о «роковых днях» и утверждает, что первым из них было 24 февраля 1917 г.¹⁷ Иначе говоря, Февральская революция начинается по Экштуту не 23, а 24 февраля. Почему именно эта дата избрана автором для отсчета «роковых дней», неизвестно. Автор, говоря о 27 февраля, приводит факты о роспуске Государственной думы и о том, что «на стороне революционного движения оказалось около 25.000 воинских чинов».¹⁸ Кто руководил этим движением?

¹² Ганин А. Главком Западного фронта Алексей Эверт: мы предатели своего государя! С. 51.

¹³ Место для дискуссий на улице Правды. На первом заседании Исторического клуба «Родины» обсуждалась статья Александра Солженицына «Размышления над Февральской революцией» // Родина. 2017. № 3. Март. С. 14–15.

¹⁴ Черкашин Н. Последний парад адмирала Непенина. Размышления у заброшенных могил командующего Балтфлотом и его офицеров, ставших жертвами «бескровной» Февральской революции // Там же. С. 16–20.

¹⁵ Бажанов Д. А. Убийство командующего Балтийским флотом вице-адмирала А. И. Непенина 4 марта 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2010. С. 30–40.

¹⁶ Экштут С. «Черти, правящие шабаш в болоте спекуляции...» О чем писали столичные газеты в феврале 1917 года // Родина. 2017. № 2. Февраль. С. 19–24.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 24.

Экштут пишет: «25 февраля рабочие избрали Совет рабочих депутатов, который стал руководить дальнейшим движением».¹⁹ Подчеркнем, что автор ошибся здесь дважды! Во-первых, Петроградский Совет рабочих депутатов был создан 27 февраля 1917 г. и поэтому революционным движением с 25 февраля руководить не мог за своим отсутствием! Во-вторых, начиная с дня-вечера 27 февраля 1917 г. роль штаба восстания и центра революции играла Государственная Дума. Укажем и то, что победа Февраля 1917 года была обеспечена союзом либералов и социалистов, который проявился в думско-советском сотрудничестве в военном, продовольственном и других вопросах, в формировании и функционировании думско-советской власти. И еще: автор лично с номерами газет 1917 года не работал, а ограничился использованием книги «1917. М., 2017».²⁰ Это, несомненно, с одной стороны, придает его публикации вторичный характер, что вряд ли соответствует издательской политике журнала «Родина», который входит в ВАКовский список, а с другой стороны, делает его «заложником» составителей сборника «1917», на который он ссылается. Экштут мог бы изучить и использовать первую свободную газету революционной России – «Известия Комитета петроградских журналистов» – относительно событий 27 февраля – 3 марта 1917 г., которая, кстати, недостаточно широко используется историками. И тогда картина революции была бы представлена объективнее.

Любопытна статья кандидата исторических наук Андрея Смирнова о восстании солдат-волынцев,²¹ в которой он пытается объяснить, почему старший унтер-офицер Тимофей Иванович Кирпичников, имевший «репутацию строгого начальника» и прозвище среди солдат «мордобой», стал «зачинщиком бунта». Автор статьи предполагает, что «волынцам совершенно не хотелось стрелять в демонстрантов». Далее он замечает, что «волынской муштры в полном объеме солдаты и бóльшая часть “унтеров” запасного батальона не испытали». Главную роль в организации восстания волынцев сыграли, по словам А. Смирнова, солдаты-фронтвики, которые почувствовали «к вечеру 26-го февраля» «бездействие власти». Здесь речь идет о поведении офицеров-волынцев: «Штабс-капитан А. В. Цуриков жестом пропускает демонстрантов

¹⁹ Там же. С. 23.

²⁰ Экштут С. «Черты, правящие шабаш в болоте спекуляции...» О чем писали столичные газеты в феврале 1917 года. С. 24.

²¹ Смирнов А. Час «мордобоя». Почему образцовый лейб-гвардии Волынский полк поднял восстание, ставшее для Империи роковым // Родина. 2017. № 2. Февраль. С. 28–33.

на Знаменскую (площадь – А. Н.», а «капитан П. Н. Гейман молча проглотил отказ 2-й подготовительной учебной команды стрелять в толпу, устремившуюся через Литейный мост на Литейный проспект». И далее А. Смирнов заявляет: «Собственно, десятка два пассионариев вроде Кирпичникова и Маркова и обеспечили успех восстания. Ведь бунтовать многие волынцы не хотели».²² Говоря о пассионариях, обеспечивших успех восстания, Смирнов ссылается на работу Р. Ш. Ганелина и З. Б. Соловьевой, где сообщается о 19 солдатских командирах²³ из числа волынцев, вставших во главе восстания. По нашим сведениям, таких командиров было 49 человек (старшие и младшие унтер-офицеры, ефрейторы),²⁴ т.е. количество солдат-волынцев, которые по предположению Смирнова не хотели бунтовать, сократилось как минимум на 30 человек. Всего же рядовых в учебной команде запасного батальона л.-гв. Волынского полка на момент восстания было 233 человека. Когда же Марков²⁵ и Орлов²⁶ убили выстрелами из винтовок начальника учебной команды штабс-капитана И. С. Лашкевича, солдаты-волынцы, не желавшие бунтовать, были повязаны кровью: «Теперь или идти до конца – или под расстрел за участие в бунте, отягощенном убийством офицера».²⁷ Иначе говоря, пассионарии из числа солдатских командиров принудили других солдат-волынцев принять участие в восстании. Учитывая, что Смирнов приводит кличку Т. И. Кирпичникова – «мордобой» – можно предположить, что, по мнению автора, солдаты-волынцы подвергались насилию со стороны Кирпичникова и других солдатских командиров, т.е. в учебной команде господствовала своего рода «дедовщина», сопротивляться которой рядовые волынцы не могли, а когда «деды» убили начальника команды, деваться им было уже некуда и они пошли за ними. Получается, что волынцы восстали по принужде-

²² Смирнов А. Час «мордобоя». Почему образцовый лейб-гвардии Волынский полк поднял восстание, ставшее для Империи роковым. С. 32.

²³ Ганелин Р. Ш., Соловьева З. П. Воспоминания Т. Кирпичникова как источник по истории Февральских революционных дней 1917 г. в Петрограде // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году / Ред. кол.: О.Н. Знаменский (отв. ред.) и др. Л., 1989. С. 189.

²⁴ См.: Николаев А. Б. Тимофей Иванович Кирпичников: краткая биография «первого солдата революции» // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 16 марта 2012 г. Сб. науч. ст. СПб., 2013. С. 120.

²⁵ Марков Михаил Григорьевич, младший унтер-офицер командир 1-го взвода 1-й роты учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка.

²⁶ Орлов Яков Касьянович, ефрейтор запасного батальона л.-гв. Волынского полка.

²⁷ Смирнов А. Указ. соч. С. 32.

нию, которое было организовано солдатскими командирами. Правда, Смирнов не объяснил мотивы такого поведения пассионариев-волынцев.

Любопытно также замечание автора, относящееся к событиям, которые произошли уже после восстания волынцев и присоединения к революции других воинских частей: «Эмиссары членов Государственной Думы – решивших добиваться отречения царя – уже вели группы солдат к Таврическому дворцу, где собрались думцы...».²⁸ Иначе говоря, автор является сторонником той концепции, согласно которой днем 27 февраля 1917 года руководство восстанием и революцией взяла на себя Государственная дума! Можно только приветствовать это стремление Смирнова показать руководящую роль Государственной Думы в революции, начиная с 27 февраля 1917 года. А вот версия автора о причинах восстания волынцев скорее говорит о необходимости дальнейшей разработки этого сюжета в плане поиска мотивов, которыми руководствовались солдатские командиры, поднимая солдат на восстание.

Концепция о руководящей роли Государственной Думы в Феврале 1917 г. разделяется и А. Бориним.²⁹ В его статье рассказывается об охоте за царским поездом, которую вели комиссар ВКГД депутат IV Государственной Думы А. А. Бубликов и инженер-путеец Ю. В. Ломоносов. Вместе с тем А. Борин вводит читателей в заблуждение, когда пишет: «Задержать царский поезд в Бологом удалось».³⁰ Ломоносов вспоминал о попытках задержать царский поезд, чтобы обеспечить встречу Николая II и М. В. Родзянко. Он дважды назначал поезд для председателя IV Государственной Думы.³¹ Первый поезд был назначен им на ст. Бологое. Этому предшествовало получение информации о том, что царский поезд прибыл в Бологое. Ломоносов связался с Государственной Думой и получил оттуда приказ: «Задержать поезд в Бологом, передать императору телеграмму председателя Думы и назначить для этого последнего экстренный поезд до ст. Бологое». Все это Ломоносов сделал. Но в Бологое Родзянко не выехал, т.к. царский поезд отправился в Псков.³²

²⁸ Смирнов А. Указ. соч. С. 33.

²⁹ Борин А. Остановился поезд. Как император Николай II, железнодорожник Ломоносов и член IV Государственной думы Бубликов пустили империю под откос // Родина. 2017. № 2. Февраль. С. 54–56.

³⁰ Там же. С. 56.

³¹ Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 30, 31, 33, 34, 35, 36, 38.

³² Там же. С. 33–34.

Кандидат исторических наук Вадим Эрлихман в статье «Александр Керенский: герой с картонным мечом»³³ пишет, что 27 февраля Керенский «одним из первых вошел в состав новой власти – Временного комитета Думы. Метался по столице, выступал перед солдатами, помешал им устроить самосуд над арестованными царскими министрами».³⁴ Заметим, что Керенский вошел в состав ВКГД одновременно с другими его членами. Но ценно замечание автора о том, что думский Комитет являлся органом новой власти, революционной, конечно. Добавим, что А. Ф. Керенский в решающие дни Февраля 1917 года не «метался по столице», а находился в Таврическом дворце. Дискуссионным является и утверждение Эрлихмана о том, что «Керенский <...> сразу обошел претендовавшего на власть председателя Думы Родзянко», «сумев примирить враждующих лидеров Временного комитета и Петроградского Совета депутатов, создал Временное правительство, в котором занял пост министра юстиции».³⁵ Укажем, что Керенский и Родзянко между собой за власть не боролись, т.к. Родзянко претендовал на пост премьер-министра, и его единственным конкурентом был князь Г. Е. Львов, а Керенский тогда мог рассчитывать только на портфель министра юстиции. И еще: предложил его кандидатуру на должность министра юстиции депутат IV Думы В. В. Шульгин. И, конечно, ошибочным является утверждение Эрлихмана о том, что именно Керенский создал Временное правительство! Процесс создания был относительно длительным для коротких дней революции, включал в себя ряд согласований между членами ВКГД и Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Несколько преувеличенным является и заявление автора о том, что именно Керенский сумел примирить «враждующих» лидеров ВКГД и Петросовета. В чем преувеличение? На наш взгляд, в этих словах Эрлихмана, как и в словах о создании Керенским Временного правительства, Керенский предстает как самостоятельная фигура. Он не только, якобы, принял решение, во-первых, примирить членов думского Комитета и Петросовета, и, во-вторых, создать Временное правительство, но и реализовал самостоятельно эти решения! Напомним, что Керенский, выступая в качестве посредника в конфликтах, возникающих между ВКГД и Петросо-

³³ Эрлихман В. Александр Керенский: герой с картонным мечом. В школьных спектаклях он играл Хлестакова, а на пике политической карьеры его сравнивали с грустным клоуном Пьеро // Родина. 2017. № 2. Февраль. С. 64–69.

³⁴ Там же. С. 66.

³⁵ Там же.

ветом, действовал по уполномочию председателя Государственной Думы М. В. Родзянко.

«Живая история». С 2015 года Государственный центральный музей современной истории России двенадцатитысячным тиражом выпускает научно-популярный исторический журнал «Живая история» с приложением к каждому номеру. Наибольший интерес представляет приложение к № 1 (19), в котором опубликована статья о Февральской революции,³⁶ написанная Ф. А. Гайдой, известным специалистом по истории либеральной оппозиции.³⁷ В ней он, по нашему мнению, недооценивает роль Государственной Думы в событиях Февраля 1917 года.³⁸ Гайда полагает, что Таврический дворец был занят восставшим народом, и под его давлением думцы были вынуждены «прервать» заседание частного совещания членов Государственной Думы, приняв наспех решение о создании ВКГД³⁹. О том, что совещание утвердило состав думского Комитета, Гайда не пишет. Получается, что состав ВКГД определил только Совет старейшин Государственной Думы, а депутаты были исключены из этой процедуры.

Стремясь оттеснить Государственную Думу на второстепенные позиции, Гайда заявляет, что первое заседание Петроградского Совета рабочих депутатов началось в 7 часов вечера 27 февраля 1917 г. По словам Гайды, Петроградский Совет активно действовал: принял решение бороться за свержение самодержавия и созыв Учредительного собрания, назначил своих комиссаров в районы Петрограда и начал создавать рабочую милицию.⁴⁰ В действительности же, постоянные органы Петросовета были созданы на первом его заседании, которое началось в 9 часов вечера того же дня. И все решения Петросовета были приняты к утру 28 февраля. А что же Дума и ее Комитет? Гайда пишет, что «положение Комитета было незавидным» и доказывает это, ссыла-

³⁶ Гайда Ф. А. Февральская революция: политический механизм // Живая история. Приложение к журналу. 2017. № 1 (19). Январь-февраль. С. 2–23.

³⁷ Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г. М., 2003.

³⁸ Эта недооценка содержится и в других работах Гайды: «Государственная дума и в самом деле к вечеру 27 февраля стала центром революции, но не как орган власти <...>, а как место, “помещение”, то есть как Таврический дворец, в который стекались восставшие солдаты и рабочие, где тогда же начал заседать самозванный Совет рабочих и солдатских депутатов. Именно он теперь реально ассоциировался с революцией» (Гайда Ф. А. Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 34).

³⁹ Гайда Ф. А. Февральская революция: политический механизм. С. 6–7.

⁴⁰ Там же. С. 7–8.

ясь на дневниковую запись Дмитрия Философова: «Его (ВКГД – А. Н.) повесят или три дивизии, или Совет рабочих депутатов».⁴¹ Любопытен следующий пассаж Гайды: «Перед Временным комитетом встала дилемма: продолжать формально дистанцироваться от происходившего на улице либо принять активное участие в перевороте. Однако «трех дивизий» депутаты опасались гораздо больше, чем Петросовета. Именно поэтому Временный комитет должен был немедленно возглавить мятеж – пусть даже номинально».

На наш взгляд, это неточное объяснение мотивов, которыми руководствовались думцы. Если бы они более всего опасались «трех дивизий», то тогда должны были продолжать дистанцироваться от «мятежа», а не возглавлять его. Неверным будет и утверждение о том, что думский Комитет возглавил движение поэтому, что очень опасался Петросовета. Все колебания думцев были связаны с тем, что была неясной позиция гарнизона. И по мере того как она определялась, Дума втягивалась в революцию. Днем–вечером 27 февраля Государственная Дума стала фактическим центром революции и штабом восстания. Гайда не разделяет этой позиции и полагает, что лишь «в 2 часа ночи 28 февраля Комитет Госдумы объявил о принятии власти в столице».⁴² Таким образом он принимает известный тезис советского историка Э. Н. Бурджалова: «постановление Временного комитета Думы о взятии власти было принято в 2 часа в ночь на 28 февраля». Тут же Бурджалов заметил, что «руководители Думы датировали этот факт прошедшим числом, т.е. 27 февраля». Бурджалов объяснил такую «подтасовку» стремлением ВКГД представить дело так, что «вопрос о взятии власти был решен Временным комитетом Думы до образования Совета рабочих депутатов или, по крайней мере, одновременно с этим».⁴³ Приводя датировку – «в 2 часа в ночь на 28 февраля» – Бурджалов сослался на «“Протокол событий” Февральской революции 27 февраля – 4 марта 1917 г.», (документ, составленный думцами сразу после событий) который тогда еще не был опубликован. В этом документе говорилось: «В 2 часа ночи Временный комитет объявил, что вся государственная власть переходит к Временному комитету Государственной думы».⁴⁴ Иными словами документ фиксировал время *объявления* о создании власти, а не время ее *создания*.

⁴¹ Гайда Ф. А. Февральская революция: политический механизм. С. 8.

⁴² Там же. С. 9.

⁴³ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 237.

⁴⁴ Февральская революция 1917 года: Сб. док. и мат. / Сост. О. А. Шашкова. Отв. ред. А. Д. Степанский, В. И. Миллер. М., 1996. С. 117.

Нам удалось доказать, что решение о взятии власти ВКГД принял после 11 часов вечера и до 11 часов 30 мин. вечера 27 февраля 1917 г.⁴⁵

Характеризуя власть думского Комитета, Гайда называет ее «призраком».⁴⁶ С этим нельзя согласиться, поскольку все источники свидетельствуют о том, что уже во второй половине дня 27 февраля в столице и сторонники, и противники ВКГД относились к нему как к единственной реальной власти. В 2 часа ночи 28 февраля об этом было объявлено по той причине, что царское правительство фактически сошло со сцены (перестало существовать).

«Историк». Серия статей и интервью о Февральской революции была опубликована в 2017 году в двух номерах (2 и 3) журнала «Историк». Позднее редакция подготовила и издала специальный выпуск журнала, посвященный 1917 году.⁴⁷

В начале 2-го номера журнала опубликована хроника Февральской революции, составленная О. Назаровым.⁴⁸ В ней он, в частности, пишет о создании в Таврическом дворце двух органов власти – думском и советском, «отношения между которыми еще предстояло упорядочить».⁴⁹ Хотелось бы сделать принципиальное уточнение: Петроградский Совет рабочих депутатов ни 27, ни 28 февраля не претендовал на то, чтобы быть органом государственной власти, и сразу признал это качество за ВКГД. Тем не менее, Петросовет, действительно, по факту обладал некоторыми властными полномочиями, реализуя их, и благодаря сотрудничеству с ВКГД, пользовался поддержкой рабочих и солдат столицы. Поэтому наряду с ВКГД он стал источником власти, переданной Временному правительству. Именно на совместном заседании ВКГД и делегации Исполкома Петросовета в ночь на 2 марта, как справедливо пишет Назаров, «согласовывались состав и программа Временного правительства».⁵⁰ Оценивая характер взаимоотношений и взаимодействия ВКГД и Петросовета в решающие февральско-мартовские дни, мы выдвинули тезис о формировании в результате Февральской революции «думско-советской вла-

⁴⁵ Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 314.

⁴⁶ Гайда Ф. А. Февральская революция: политический механизм. С. 10.

⁴⁷ Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2017. Специальный выпуск: Русская революция: уроки истории.

⁴⁸ Назаров О. Февральская революция: день за днем // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2017. № 2 (26). Февраль. С. 8–15.

⁴⁹ Там же. С. 11–12.

⁵⁰ Назаров О. Февральская революция: день за днем. С. 13.

сти», которая и обеспечила быструю победу революции в столице и в стране в целом.⁵¹

Интерес представляют беседы сотрудников журнала с историками А. Лубковым и В. Шелохаевым. А. Лубков, автор работ по истории революции 1917 года⁵², полагает, что «Февраль 1917-го – это все-таки рукотворное деяние» и указывает на наличие «сразу нескольких заговоров – и внутри Думы, и внутри военной верхушки». По его словам: «То, что произошло в начале 1917 года, главным образом на совести нашей тогдашней элиты – как оппозиционной, либеральной, так и той, которая находилась у власти».⁵³ Эта точка зрения в чем-то перекликается с позицией Солженицына (хотя Лубков и выступает против однозначно негативной оценки Февраля) и является достаточно распространенной в постсоветской историографии и особенно в публицистике. Однако она противоречит основному тренду, который традиционно доминирует в работах российских и зарубежных историков Февральской революции: не ставя под сомнение важную роль «кризиса верхов» и субъективного фактора (личность и позиция последнего царя) как одной из причин революции, они подчеркивают наличие острых социальных конфликтов в предреволюционной России, а многие говорят об обострении этих противоречий уже в предвоенные годы. В таком контексте революция – это не просто дело рук «верхов», а взрыв глубокого народного недовольства. Большинство специалистов по Февралю не принимают тезисов о заговоре масонов, либералов, генералов и т.п. и напоминают о том, что выступления рабочих и солдатское восстание было стихийными актами, к которым в эти дни не призывала ни одна из политических сил.

В. Шелохаев, крупнейший специалист по истории российского либерализма,⁵⁴ утверждает, что главную роль в Февральской революции сыграли кадеты. В частности, он заявляет, что лидеры партии кадетов «сыграли опре-

⁵¹ Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

⁵² См., напр.: Лубков А.В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997.

⁵³ Рудаков В. Великий разлом [беседа с А. Лубковым] // Там же. С. 17–18.

⁵⁴ См., напр.: Шелохаев В. В. Кадеты в горниле революции 1917 г. // Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Второй год выпуска. Памяти В. И. Старцева. СПб., 2002. С. 316–336; его же. Либерализм в России в начале XX века. М., 2019.

деляющую роль при формировании первого состава Временного правительства и выработке его деятельности».⁵⁵

Это справедливые утверждения в вышеупомянутом контексте. Кадеты не организовали февральские события. Они не хотели и боялись революции, которая могла подорвать военные усилия России. Однако, когда стихийный взрыв произошел, они достаточно быстро пришли к решению возглавить события. Не отрицая важной роли кадетов, нельзя забывать и о еще более важной в те дни роли председателя Государственной думы М. В. Родзянко (земец-октябрист), который согласился возглавить Временный комитет Государственной Думы и фактически придать ему авторитет думского органа. Без его согласия ВКГД не смог бы играть роль органа власти, который в короткое время был признан всей страной и армией. Позиция генералитета во многом определялась именно поведением М. В. Родзянко, а не, скажем, лидера кадетов П. Н. Милюкова.

В. В. Калашников, известный специалист по историографии Русской революции 1917 года,⁵⁶ в своей статье «Левый орган власти» обращает внимание на сотрудничество Государственной Думы и Петроградского Совета рабочих депутатов в решающие дни Февраля 1917 года и тем самым разделяет наш тезис о формировании в эти дни «думско-советской власти». Так, он пишет, что Исполком Петросовета утром 28 февраля, «формально делегировал [Н. С.] Чхеидзе и [А. Ф.] Керенского в состав Временного комитета Государственной Думы»; «образовал Военную комиссию и послал ее представителей <...> в Военную комиссию, созданную при ВКГД». Калашников замечает, что эти комиссии «тут же и объединились». Прав Калашников, говоря о том, что в думско-советской Военной комиссии «думцы-либералы получили перевес», а «Продовольственная комиссия Петросовета тоже слилась с соответствующей комиссией ВКГД». На данной основе автор и делает важный вывод: «Эти слияния показали готовность лидеров Петросовета сотрудничать с

⁵⁵ Назаров О. Либеральный эксперимент [беседа с В. Шелохаев] // Там же. С. 29.

⁵⁶ См., напр.: Калашников В. В. Проблема двоевластия в революционном 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: И. Л. Афанасьев, А. Ю. Давыдов, В. И. Старцев. СПб., 1993. Вып. 1. С. 18–22; его же. О роли Государственной думы в истории Февральской революции // Межвузовская научная конференция «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии». [27 ноября 2015]. Сб. док. СПб., 2016. С. 163–179.

Временным комитетом».⁵⁷ Принципиально важным моментом сотрудничества стало согласование состава и программы Временного правительства. В. В. Калашников говорит о тех условиях, которые Исполком Петросовета выдвинул думским лидерам, и обращает внимание на одно из главных в тот момент: «Согласившись на создание буржуазного правительства, лидеры Исполкома требовали отстранения от престола Николая II. Глава ВКГД Михаил Родзянко выполнил это условие <...>».⁵⁸

В № 3 журнала «Историк» была продолжена публикация работ, посвященных истории Февральской революции. Историк В. Воронин пишет в своей статье об отречении императора Николая II. В ней есть весьма любопытное утверждение о том, что «временные власти» 3 марта 1917 года постарались полностью порвать с царской властью: «<...> указ Николая о назначении князя Львова председателем Совета министров был признан недействительным. Временное правительство отрицало свою “преемственность” по отношению к царскому правительству и позиционировало себя возникшим по собственному почину – “независимо от царского указа”».⁵⁹ Увы, автор статьи не указал источники, откуда он почерпнул эти сведения. В декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. нет слов о том, что оно возникло по собственному почину, а указано, что создано Временным комитетом Государственной Думы, который приступил «к более прочному устройству исполнительной власти» и «назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц...». Подчеркнем, что первым в списке идет «председатель Совета министров и министр внутренних дел князь Г. Е. Львов», назначенный 2 марта на пост председателя Совета министров указом Николая II.⁶⁰ Такая аккуратная позиция отражала стремление Временного правительства всеми средствами подчеркнуть свою легитимность и получить поддержку всех слоев населения. Других основополагающих документов, вышедших из недр Временного правительства 3 марта, нет. Можно, конечно, обратиться к незаконченному журналу первого самостоятельного заседания Временного правительства, проходившего 2 и 3 марта 1917 г. Но и в нем ни слова нет о «собственном по-

⁵⁷ Калашников В. Левый орган власти // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2017. № 2 (26) Февраль. С. 38.

⁵⁸ Там же. С. 39.

⁵⁹ Володин В. Крушение монархии // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2017. № 3 (27). Март. С. 15.

⁶⁰ От Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта.

чине» и непризнании царского указа о назначении кн. Г. Е. Львова председателем Совета министров. Указано же в журнале следующее: «<...> высказывались мнения, что вся полнота власти, принадлежавшая монарху, должна считаться переданной не Государственной Думе, а Временному правительству<...>». ⁶¹ Эта фраза отражает уже новый этап борьбы: стремление кадетов несколько оттеснить Родзянко и октябристов от власти с тем, чтобы придать Временному правительству более «революционный облик».

Далее Володин пишет о той борьбе, которая развернулась между сторонниками и противниками отказа великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти. ⁶² Спрашивается, зачем ВКГД и созданному им Временному правительству было вообще заниматься этим вопросом, если преемственность власти они отвергали? Кстати, и манифест об отречении Николая II от престола, и отказ великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти были опубликованы 5 марта 1917 г. в «Вестнике Временного правительства», т. е. признаны новым правительством как важные и действующие акты старой власти. Заметим, что некоторое время сторонником низложения императора Николая II был Исполком Петросовета. Но 1 марта 1917 г. под давлением А. Ф. Керенского он отказался от этой идеи в пользу отречения императора от престола. Эта уступка также способствовало упрочению «думско-советского сотрудничества», важного для быстрой и относительно безболезненной смены власти.

В. Рудаков, Н. Брусиловский и Е. Вильшанская опубликовали в этом же номере статью, посвященную манифесту об отречении императора Николая II и акту об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти. ⁶³ В ней они попытались ответить на следующие вопросы: «Что представляют собой документы об отречении Николая II и великого князя Михаила Александровича, есть ли основания ставить под сомнения их подлинность и насколько легитимны были составленные тогда акты?» На все эти вопросы авторы дают утвердительные ответы, т. е. подлинны и легитимны. ⁶⁴

Таким образом, в столетие Великой российской революции научно-популярные журналы «Родина», «Живая история» и «Историк» в своих фев-

⁶¹ Февральская революция 1917 года: Сб. док. и мат. С. 161.

⁶² Володин В. Указ. соч. С. 15–16.

⁶³ Рудаков В., Брусиловский Н., Вильшанская Е. Акты отречения // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2017. № 3 (27). Март. С. 18–24.

⁶⁴ Там же. С. 18–23.

ральско-мартовских номерах 2017 года уделили внимание истории Февральской революции 1917 года. На их страницах были высказаны разные оценки февральско-мартовских событий. В основном на антифевралистские позиции встал журнал «Родина», разделив по сути взгляды Солженицына, у которого «чувство омерзения» от Февральской революции полностью вытеснило и поглотило «освободенческий восторг». Журнал «Живая история» предоставил свои страницы историку, который, на наш взгляд, необоснованно принижает роль Государственной Думы в Февральской революции. Редакция журнала «Историк» четко не обозначила своего отношения к Февральской революции, публикуя статьи и беседы с исследователями, которые придерживались различных взглядов – от антифеврализма и до признания «освободенческого» характера Февраля 1917 года. Однако именно на страницах журнала «Историк» была представлена концепция, согласно которой в дни Февральской революции Госдума и Петросовет сотрудничали по важнейшим вопросам, что, несомненно, обеспечило быструю победу либералов и социалистов над самодержавием. По нашему мнению, эта концепция наиболее достоверно объясняет историю февральских дней – первого этапа Великой российской революции.

А. В. Ганин

Новые документы о подпольной работе в Красной армии генерала А. Л. Носовича

Деятельность белого подполья в Красной армии относится к малоизученным сюжетам истории Гражданской войны в России. С одной стороны, подпольная работа не предполагает какой-либо открытости, а, с другой стороны, подпольщиками в ряде случаев являлись высокопоставленные военные специалисты, работавшие в одиночку.

Одним из крупных белых агентов в РККА являлся бывший офицер гвардейской кавалерии, служивший в Лейб-гвардии уланском Его Величества полку, генерал-майор Анатолий Леонидович Носович (1878–1968). Обнаружение автором этих строк личного архива генерала во Франции позволило реконструировать его жизнь и деятельность.¹

Важнейшим источником, сохранившимся в архиве Носовича, являются воспоминания генерала. Вместе с тем, воспоминания представляют собой крайне субъективный документ, требующий проверки и нередко содержащий

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А. Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121). С. 165–175; Он же. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И. В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7. С. 118–121; Он же. Бывший генерал А. Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34; Он же. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10). С. 32–51; Он же. И. В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А. Л. Носовича // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XV. «Гороховая, 2». СПб., 2017. С. 190–199; Он же. Воспоминания генерала А. Л. Носовича о работе белого подполья в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017. С. 89–98; Он же. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А. Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 67–77; Он же. Революционные события 1917 г. в освещении генерала А. Л. Носовича // Столетие революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 176–184; Он же. Военный руководитель Северо-Кавказского военного округа А. Е. Снесарев и военные специалисты Красной армии в 1918 г.: по материалам личного архива белого агента А. Л. Носовича // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С. 253–276.

сомнительные данные. Поэтому крайне важно выявлять альтернативные документальные свидетельства. К настоящему времени обнаружено несколько таких свидетельств, служащих доказательством подпольной работы генерала Носовича.

Одно из свидетельств выявлено в архиве французского внешнеполитического ведомства в парижском пригороде Ла-Курнев специалистом по истории французского военного представительства в России к.и.н. Ю. М. Галкиной (Екатеринбург) и любезно предоставлено автору. Документ представляет собой составленное в Екатеринодаре 29 ноября 1918 г. капитаном Генерального штаба Фуке донесение французской военной миссии при Добровольческой армии об офицерах миссии, направленных в Россию.

В документе отмечено, что «по свидетельству генерал-майора русской армии Носовича, который был направлен французской военной миссией в Царицын в минувшем мае для реорганизации Красной армии и обороны фронта под Ростовом-на-Дону, большевики в первой половине августа 1918 года расстреляли временного консула Франции в Царицыне господина Шарбо. По его же словам, другие члены французской военной миссии, а именно группа капитана Борд, входящая в состав миссии, значившейся гражданской, были, за исключением одного человека, заключены в тюрьму.

Полковник Шардиньи, как и два его офицера для поручений из миссии в Тифлисе, выехавшие из Тихорецкой в Москву 23 июня, были вынуждены остановиться в Царицыне и некоторое время скрывались в консульстве. Генерал Носович отправил их выполнять большевистское поручение на Юге, что должно было им позволить достичь Астрахани и Энзели. Они должны были передать пакет полковнику Шкура,² действующему на юго-восточном Кавказе совместно с Добровольческой армией. Полковник этот пакет так и не получил».³

Таким образом, это донесение является независимым подтверждением сотрудничества Носовича с французской миссией, о чем писал в своих мемуарах и сам белый агент. При этом любопытно, что, согласно документу, генерал

² Речь идет об А. Г. Шкуро (Шкуре), действовавшем летом 1918 г. во главе партизанского отряда на Северном Кавказе.

³ Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve. Mission militaire française. Renseignements recueillis sur les officiers des missions envoyées en Russie, Ekaterinodar, 29 Novembre 1918. Перевод мой. Выражаю глубокую благодарность к.и.н. Ю. М. Галкиной за предоставленные сведения.

Носович был направлен в Красную армию французами первоначально для со-зидательной работы – создания антигерманского фронта под Ростовом-на-Дону.

Другие свидетельства о подпольной работе Носовича относятся к периоду его жизни в эмиграции во Франции. Эти материалы удалось выявить в архиве Гуверовского института в США в коллекции нашего современника, московского коллекционера М. Ю. Блинова, собиравшего в 1990-е – начале 2000-х гг. архивы русских эмигрантов. Среди документов коллекции сохранились материалы разбирательства 1955–1958 гг. в связи с конфликтом Носовича с Союзом русских военных инвалидов во Франции и выдвинутыми против генерала обвинениями в соотрудничестве с большевиками и в самозванстве. Коллекция микрофильмирована, часть материалов представлена в виде копий низкого качества, поэтому не все тексты хорошо читаются. Кроме того, Носович и другие военные эмигранты были уже в возрасте и допускали в текстах разного рода ошибки, которые, как правило, исправлены нами при цитировании без оговорок.

Предыстория этого разбирательства связана с ситуацией в отделе Союза русских военных инвалидов в Ницце. 27 октября 1955 г. эмигрантская газета «Новое русское слово» в США (Нью-Йорк) опубликовала письмо Носовича редактору под названием «Несправедливое и неблагородное преследование». Носович отметил, что «несколько настоящих русских военных инвалидов» в Ницце «или исключены или не приняты или лишены занимаемых мест», однако «ниццкий отдел не представляет из себя “вотчины” его выборного правления» и должен «“призрывать” инвалидов, а не “вышвыривать” их на улицу». ⁴ Генерал отмечал, что «такая массовая расправа, напоминающая большевицкую чистку, должна быть непременно гласно расследована с моим участием». ⁵ Обвинение было вызвано жалобами офицеров, искавших защиты у Носовича. По всей видимости, 10 ноября 1955 г. письмо перепечатала и газета «Новая заря» (Сан-Франциско).

Председатель Союза русских военных инвалидов во Франции генерал-майор Н. Н. Шипов (с октября 1956 г. он стал также председателем Гвардейского объединения) в частной переписке просил Носовича прекратить нападки на организацию, но последний к этой просьбе не прислушался. Руководство Союза сочло заявление Носовича клеветническим.

⁴ Архив Гуверовского института (HIA). M. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

⁵ Там же.

Вскоре появился ответ. Он увидел свет в газете «Новая заря» 3 декабря 1955 г. за подписями председателя центрального правления Союза русских военных инвалидов во Франции генерал-майора Н. Н. Шипова и генерального секретаря Союза корнета Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка С. Ф. фон Вальца. Заявители писали 22 ноября редактору газеты: «Не откажите в любезности поместить на страницах Вашей уважаемой газеты нижеследующее сообщение – не в целях полемики с А. Л. Носовичем, но для правильной информации лично Вас и Ваших читателей.

В номере издаваемой Вами газеты от 10 ноября 1955 года было напечатано письмо, подписанное “бывший командир бригады 11-й пех[отной] дивизии генерал-майор А. Носович”.

Тенденциозность заметки выявляет ее автора: в прошлом – русский офицер, а в период русской Смуты – сотрудник и доверенное лицо “Предреввоенсовета тов. Троцкого” (см. книгу Р. Гуля “Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский”⁶ стр. 25, 31 и 32. Книга находится в свободной продаже)⁷.

Далее в письме описывалась большая работа, которую вел Союз русских военных инвалидов во Франции. В отношении исключенных из организации

⁶ Речь идет об изданной Р. Б. Гулем в эмиграции в 1933 г. книге очерков о советских военачальниках. О службе Носовича в РККА упоминалось в очерке о К. Е. Ворошилове. Там отмечалось, что Л. Д. Троцкий прислал в Царицын бывшего генерала Носовича, которого арестовали и якобы держали на барже на Волге. Содержался там и вымышленный диалог Ворошилова и Троцкого с упоминанием Носовича: «– Что! – вскрикнул Ворошилов и, встав, отбросил упавший стул. – Я, товарищ Троцкий, не умею дипломатничать! Я по-своему, напрямки! Оставаясь командующим царицынской армии, буду исполнять все приказы, которые по обстановке будут правильными! Я думаю, что мне тут виднее, чем вам там с горки иль главкому Вацетису! Вы прислали генерала, белогвардейца, а где этот Носович теперь, я вас спрашиваю? Он сбежал к белым через фронт, после того, как по вашему приказу мы его не расстреляли, а освободили с баржи! А что касается трибунала – сделайте милость! Не мне, рабочему-ленинцу, да ленинцу-то постарше вас! бояться трибунала! Сам работал в чеке, пусть судят!

Ворошилов взбешен.

Но взбешен и Троцкий.

– Я сказал свое, как знаете. Время партизанщины отжило, если мы будем дальше становиться на эту рельсу, то с нее сойдет поезд революции. А что касается побега Носовича, то уверены ль вы, что он не оттого бежал к белым, что вы вместо работы посадили его в чеку? У Сытина он не бегал. Вы знаете, сколько у нас в армии военспецов? 30 000! Что ж, вы хотите всех их заменить партизанами?» (Гуль Р. Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. Венков А. В. Буденный. Ростов-на-Дону, 1998. С. 184–185).

⁷ НИА. М. Vlinov collection. Box 12. Folder 10.

лиц отмечалось, что «Союз, оберегая свое достоинство, не может принимать или оставлять в своем составе лиц, не удовлетворяющих моральным требованиям или вредящих Союзу своей деятельностью.

Именно “защиту” таких лиц взял на себя А. Л. Носович, сам не состоящий в Союзе инвалидов».⁸

Сообщение было напечатано в газете, а 1 января 1956 г. перепечатано в Бюллетене Союза русских военных инвалидов во Франции № 13–14. В том же бюллетене были опубликованы данные о подзащитных Носовича, из чего следовало, что их исключение из Союза могло считаться обоснованным.

7 марта 1956 г. Носович написал Шипову письмо: «Мои друзья-инвалиды довели до моего сведения, что секретарь ниццкого отд[ела] распространяет в городе Ницце и Ментоне, давая даже не членам Инвал[идного] союза бюллетень №13–14-й центр[ального] правления Союза русских воен[ных] инвалидов Парижа.

В этом бюллетене затрагивается мое доброе имя и имя в связи с моей защитой некоторых инвалидов г. Ниццы. Я живу в Ницце 36 лет безвыездно и заслужил в эмиграции безупречное имя, и во время войны [19]39 года, в смутное время оккупации Ниццы. Бюллетень состоит из 13 страниц; на 10-ти страницах затрагивается мое доброе имя. Совершенно недопустимо распространение бюллетеня без присылки такового мне. Бюллетень распространяется во Франции и в Америке. Имея теперь таковой в руках, я из него узнаю, что Ваш ответ на мое письмо 27 октября [19]55 года, посланное мною только в “Новое русское слово”, Вы поместили свой ответ в газету “Новая заря”.⁹

Мою просьбу о гласном расследовании в письме 27 окт[ября], вместо доброжелательного отношения, которое могло бы легко прекратить все недоумения между инвалидами и правл[ением] ниццкого отдела, Вы отклонили обвинением меня в “большевизме”, ни на чем не основанном. И, чтобы дискредитировать меня в глазах русского зарубежного общества, Вы рекомендуете меня следующими словами: “В прошлом русский офицер, а в период русской Смуты – сотрудник и доверенное лицо Предреввоенсовета тов. Троцкого”. В подтверждение этому обвинению Вы указываете см. стр. 25, 31 и 32 писателя Р. Гуля “Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский”. Книга находится в свободной печати.

⁸ НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

⁹ Так в документе.

В вашем бюллетене на странице 11-й и 12-й в доказательство Ваших слов Вы добавляете: для характеристики означенного лица Вы добавляете см. книгу Гуля, стр.¹⁰ 25, 31 и 32 и даете эти выписки целиком в подтверждение Вашего определения, что я был сотрудником и доверенным лицом тов. Троцкого, хотя там об этом нет ни одного слова. Но там определенно говорится: “А из Москвы вместо снарядов Троцкий прислал царского генерала Носовича. Генерала Носовича отдали чекисту, а тот отправил его на Волгу на баржу”. Стр. 25-я. Стр. 31 и 32 – “Вы, тов. Троцкий, прислали генерала-белогвардейца, а где этот Носович теперь, он бежал к белым через фронт”.

Эти выписки Вы коротко подчеркиваете: “Комментарии излишни”.

Такое обвинение мне с Вашей стороны не должно опираться только на писателя Р. Гуля, известного в Америке своими нападками на русскую армию, но должно подтверждаться вескими документами.

Я со своей стороны, представляя против Вашего обвинения официальные французские документы: генералов, начальников военных французских миссий в России и французского вице-консула. Эти документы именно того периода, о котором говорите Вы и писатель Р. Гуль. Прилагаю: генерал Лавернь и колонель¹¹ Корбель, два документа генерала Манжен, генерал[а] Шардиньи и консула господина Шарбо.

Смею заверить Ваше превосходительство, я 38 лет хранил эти документы от смешанного русского общества как важные и секретные, которые ясно и определенно свидетельствуют о высокопатриотическом характере моей деятельности и о моем самоотверженном выполнении задач, данных генералом Алексеевым. И только исключительно Ваши нападки и Ваши обвинения меня в большевизме, порочащие мое доброе имя, заставили меня в моей защите прибегнуть к этим документам.

Довожу до Вашего сведения, что копии этих документов представлены мною в Америку: ген[ералу] князю Елецкому, председ[ателю] Объединения Ник[олаевского] кав[алерийского] училища; предс[едателю] Объединения Ник[олаевского] кав[алерийского] училища в Сан-Франциско и предс[едателю] Объединения Ник[олаевского] кав[а]л[ерийского] училища в Париже генералу Губину.

¹⁰ В документе ошибочно – см.

¹¹ Полковник (фр.).

После Вашего ознакомления с документами я прошу Вас отослать мне документы не позже 19-го марта.

Прошу, взяв за данные содержание означенных документов, написать срочно: 1) лично мне, 2) во все отделы военных и других союзов, куда был послан бюллетень № 13–14-й, 3) в редакцию следующих газет: а) Нью-Йорк в газету “Новое русское слово”, [б)] в Сан-Франциско – “Новая заря” и [в)] в Париж – [в] газету “Русская мысль” следующее опровержение: “Центральное правление Союза рус[ских] воен[ных] инвалидов сообщает всем военным союзам и всему русскому зарубежному обществу, что: 1) обвинение в большевизме и в пристрастном отношении к Союзу русских воен[ных] инвал[идов] генерала Носовича были порождены неправильными сообщениями из ниццкого отдела и, к сожалению, некоторыми членами центрального правления.

Председатель центр[ального] правл[ения] сделает все возможное и необходимое совместно с генералом А. Л. Носовичем и другими избранными в Ницце лицами для выяснения всех недоразумений последних лет, происшедших в ниццком отделе”.

Если Вы, Ваше превосходительство, на опровержение не согласны, я буду принужден искать таковое опровержение на основании моих французских документов во французском суде.

Прошу принять уверение в моем уважении». ¹²

Видимо, требования Носовича удовлетворены не были, поэтому 29 марта 1956 г. он подал иск в суд в связи с диффамацией (клеветой). Дело рассматривалось под названием «Носович против Шипова и Вальца».

Опуская характерные для русской эмиграции внутренние дразги, отметим главное – в ответ на нападки Носович смог предоставить подтверждения своей причастности к антибольшевистскому подполью, подписанные участниками тех событий с французской стороны. Эти документы являются независимым доказательством его подпольной работы в рядах Красной армии в 1918 г.

Носович представил четыре документа трех начальников французских военных миссий в России – генералов Ж. Ф. А. М. Г. Лаверня (глава французской военной миссии в России с мая по октябрь 1918 г.), Ш. М. Э. Манжена (начальник миссии на Юге России с осени 1919 г.), П.-О. Шардиньи (начальник миссии на Кавказе) и полковника Э. Корбея, а также вице-консула в Царицыне С. Шарбо (который, очевидно, не был расстрелян в 1918 г.). Доку-

¹² НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

менты свидетельствовали, «что ген. Носович от 1-го мая до 11 октября стоял во главе контрреволюционной организации генерала Алексеева».¹³

В деле имеются только копии свидетельств, заверенные самим Носовичем. 26-м октября 1957 г. датировано письмо Носовичу от бывшего вице-консула Шарбо: «Я, бывший вице-консул г. Царицына во время войны 1914–1918 г. и директор металлургических и оружейных заводов французского общества Кнютанж, узнал от генерала Носовича о действиях, предпринятых Центральным правлением Союза рус[ских] воен[ных] инвалидов во Франции против его прямого и открытого заступничества за некоторых инвалидов г. Ниццы, начатого в 1954 году.

Не входя в детали этого дела, я более чем удивлен, что вместо немедленного расследования жалоб, принесенных ген[ералу] Носовичу этими инвалидами, председ[атель] и ген[еральный] секретарь центр[ального] правления защитили действия правления ницкого отд[ела] союза инв[алидов], прибегнув к ни на чем не обоснованной клевете на деятельность ген[ерала] Носовича, именно в этот период в г. Царицыне с мая по октябрь 1918 г., назвав ген[ерала] Носовича ими вымышленным определением: “Сотрудник и доверенное лицо товарища Троцкого”.

Генерал Носович прибыл в Царицын на исключительно опасную службу “среди большевиков, но для борьбы против большевиков”.

Это было немедленно сообщено из Москвы мне как вице-консулу через французскую военную миссию, которая совместно с московской добровольческой организацией генерала Алексеева провела это назначение на исключительно важный пост начальника штаба Северо-Кавказского военного округа для помощи Добровольческой армии и Белому движению вообще. Меня очень удивляет такое необоснованное отношение некоторой части бывших русских белых офицеров к представленным им французским бумагам военных миссий и к самоотверженной деятельности генерала Носовича, как в Царицыне, так и на Южном фронте до октября 1918 года.

И эта деятельность ярко оценена в бумагах, данных генералу Носовичу: генералом Е. Манженом¹⁴, генералом Шардиньи, генералом Лавернь, полковником Корбель, и высоко ставится мною, пострадавшим за нашу общую

¹³ НИА. М. Vlinov collection. Box 12. Folder 10.

¹⁴ Правильно – Шарль Мария Эммануэль Манжен.

деятельность в городе Царицыне в 1918 году, девятимесячным сидением в большевистских тюрьмах.

Очень рад, что судьба снова свела меня с генералом Носовичем, и я, благодаря этому случаю, могу вновь подтвердить самоотверженное служение генерала Носовича Национальной России и Франции».¹⁵

В переводе на русский язык прочие справки, представленные Носовичем, выглядели следующим образом. Подполковник Э. Корбель 13 марта 1919 г. подписал в Екатеринодаре следующую справку: «Я, нижеподписавшийся, лейтенант-полковник¹⁶ Корбель, начальник военной миссии Франции при генерале Деникине, удостоверяю, что весной 1918, как только он приехал из Киева в Москву, генерал Носович немедленно пришел отдать себя в распоряжение французской военной миссии, и что с полного согласия с генералом Лавернь и со мной, тогда начальником нашей службы разведки, он принял на себя обязанности начальника штаба Красной армии в Царицыне.

Его задачей было облегчение действий нашего консула в этом городе, производить нужную нам разведку и работать в пользу успеха задач генерала Алексеева.

В виду обращения генерала Носовича ко мне, дабы свидетельствовать об этом, я считаю себя обязанным заявить, что я всегда находил в нем горячего и преданного работника в наших общих задачах»¹⁷.

Начальник французской военной миссии на Юге России генерал Ш. М. Э. Манжен писал: «Я, генерал Манжен Е., начальник французской военной миссии в Южной России, рекомендую генерала Носовича Добровольческой армии, доброжелательству властей гражданских и военных, и прошу их ему оказывать помощь в случае необходимости.

Преданный друг Франции, генерал Носович, имел случаи оказать в различных обстоятельствах большие услуги французским военным миссиям в России.

В виду этого он особенно подвержен преследованию большевиков».¹⁸ Документ также скрепил подполковник Э. Корбель.

¹⁵ НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

¹⁶ Т.е. подполковник (фр.).

¹⁷ НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

¹⁸ Там же.

Представил Носович и письмо начальника дивизии генерала П.-О. Шардиньи префекту департамента Приморские Альпы (на территории этого департамента Франции в Ницце и проживал Носович) от 3 января 1935 г.: «Господин префект, генерал Носович старой русской армии, живущий уже в Ницце четырнадцать лет, на Променад де Англь, просит благосклонного внимания к его натурализации, его жены и его двух сыновей.

Я позволяю себе рекомендовать его просьбу совершенно особым образом.

Будучи начальником французской военной миссии на Кавказе во время войны, я знал генерала Носовича в 1918, в то время, когда он был начальником штаба революционного фронта Северного Кавказа.¹⁹ Я могу удостоверить, что в его работе, которую он согласился взять только по настоянию военной миссии Франции в России, генерал Носович продолжал оказывать самые большие услуги делу союзников. Предупрежденный, что правительство Советов отдаст приказ об аресте всех офицеров моей миссии, он меня вовремя об этом предупредил, позволил сделать посадку в Царицыне и достичь Баку, благодаря пропуску, который он мне выдал за свой страх и ответственность.

Я не привожу здесь более, чем одно из его действий, наиболее характерное при его исключительно деликатном положении, в котором он находился в то время, не указывая на его службу во время предшествующей войны. Это его действие достаточно, чтобы оправдать благосклонность, которую надо проявить при рассмотрении его просьбы о натурализации, которую он сейчас представляет.

Я со своей стороны оцениваю, что прошлое отвечает его будущему, и что оно служит наилучшей гарантией чувствам, в которых он должен воспитывать своих двух сыновей».²⁰ Как видим, это свидетельство почти повторяет данные о действиях Носовича из архива французского внешнеполитического ведомства.

Писал об этом случае в своих воспоминаниях и сам Носович: «О полковнике Шардиньи и его двух офицерах я тоже расскажу здесь... Мое содействие ему, начальнику французской военной миссии при Кавказском фронте, было одним из главных обвинительных пунктов в моей контрреволюционной деятельности, это же обвинение привело и к аресту французского консула господина Шарбо.

¹⁹ Начальником штаба Северо-Кавказского военного округа.

²⁰ НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

Около двадцатых чисел июля в Царицын, чуть ли не пешком, прибыл полковник Шардиньи вместе с остальными членами миссии. Им пришлось отказаться от поездки нормальным путем, чтобы присоединиться к главному составу миссии, и они были вынуждены пробираться на Ставрополь – Царицын на своем автомобиле по степным дорогам. Недалеко от Царицына революционная вольница, его защищающая, решила, что для успеха их операции необходимо использовать французский автомобиль. Они отобрали машину, первоначально на сутки, а потом объявили, что он им необходим, и тут же автомобиль был испорчен...

Между тем союзные военные миссии уже покинули Москву. Большевики окончательно распоясались. В центре России шли разрозненные восстания. У нас в Царицыне моя власть агони[зи]ровала. Между мной и наркомом по продовольствию Сталиным шла открытая борьба без всякой надежды на мой успех, и лишь грозные телеграммы Бронштейна-Троцкого позволяли нашему штабу балансировать.

Сталин отдал распоряжение задержать полковника Шардиньи и всю его миссию в Царицыне. Полковник Шардиньи пришел ко мне, объяснил обстановку и просил содействия. Разговор с полковником дал мне идею: первое – выполнить мой долг перед союзниками, задержанными²¹ совершенно незаконно и людьми абсолютно на это не имеющими законной власти. Второе – я хотел воспользоваться представившейся возможностью, согласно соображениям полковника Шардиньи, который хотел бежать из Царицына на Энзели к англичанам, и связаться через Петровск при посредстве партизан полковника Шкуро с Добровольческой армией. Через этих партизан полковник Шардиньи случайно проехал. Ко всем затруднениям миссии присоединились и финансовые. Я воспользовался тем, что вольница отобрала и испортила автомобиль союзной миссии, и выдал полковнику Шардиньи под расписку 45-ть тысяч рублей стоимости автомобиля по тогдашнему курсу рубль за франк. И проходное свидетельство, что было особо важно, так как штаб был еще в силе. При помощи консула полковник Шардиньи нанял какую-то мореходную шаланду и на ней пробрался до Энзели. На наше счастье он не мог никому

²¹ В документе – задержанных.

сообщить о²² нашей деятельности, так как секретов хранить никто не умел, да и об этом и не заботились».²³

Еще один документ также относился к 1935 г. и датирован 18 января: «Я, нижеподписавшийся С. Шарбо, главный директор металлургического общества Кнатанж, бывший вице-консул Франции в Царицыне, свидетельствую этим, что генерал Носович, старый офицер императорской русской армии, взялся самым лояльным образом в 1918 году в распоряжении союзников и, в частности, французской военной миссии генерал Манжен, генерал Шардиньи и полковник Корбель, и принял пост начальника штаба красной Кавказской армии, исключительно, чтобы оказать услуги по работе для задач союзников, которых он осведомлял со дня на день с опасностью для своей жизни – французские военные миссии о действиях большевиков; он также стал в распоряжение групп французских эвакуируемых; что он помог самым действительным образом вывозу фабрик Юга России, угрожаемых нашествием немецких войск; ко всему он оказал многочисленные услуги совершенно бескорыстно на пользу союзников с большим риском, – что к тому же случилось, – его стали подозревать, будучи сильно скомпрометированным, что привело его к аресту и заключению в тюрьму. Означенная аттестация дана генералу Носовичу для того, чтобы служить поддержкой его просьбы о натурализации, которую я признаю совершенно правильной.

С момента его приезда во Францию он храбро принялся за работу, несмотря на очень трудное денежное положение, и устроил в Ницце электро-механическую мастерскую, которая ему позволила жить, несмотря на все теперешние затруднения».²⁴

В конфликт постепенно втягивались все новые представители военной эмиграции, отстаивавшие корпоративную честь. 26 мая 1956 г. на заседании Гвардейского объединения в Париже было высказано порицание «аморальной деятельности» генерала Носовича, объединение исключило его из своих рядов.

Однако Носовича поддержал председатель Объединения Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка генерал-майор барон Л. К. Притвиц, который 25 июня 1956 г. вступился за честь Носовича как улана Его Величества:

²² В документе – об.

²³ Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция; Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (7) (2). Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 1. С. 56.

²⁴ НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

«Не имея возможности экстренно собрать парижскую группу улан Его Величества в госпитале “Garches” я обменялся мнениями с моими однополчанами по поводу постановления Гвардейского объединения от 26 мая, что при разбросанности заняло порядочно времени.

Довожу до сведения Объединения улан Е[го] В[еличества] об единогласном мнении, высказанном по вышеозначенному делу.

С глубокой скорбью члены объединения ознакомились с постановлением экстренного собрания Гвард[ейского] объедин[ения], резким²⁵ по форме и суровым²⁶ по существу, вынесенным²⁷ на основании изложения дела: “лишь одной стороны”.

Повестка, разосланная секретарем Гвард[ейского] объедин[ения], говорила только о собрании по “текущим делам”. Почему я уведомил своевременно гр[афа] Татищева, что, будучи болен, присутствовать не могу, тем более, что по характеру повестки мое присутствие не являлось необходимым. Заместить меня в этот день никто не мог: полковник Скрябин по болезни, полковник Новиков и поруч[ик] Головин отсутствовали из Парижа.

Если бы я предполагал, что под словами: “текущие дела” кроется намерение судить на собрании Гвард[ейского] объедин[ения] члена нашего полкового Объединения генерала Носовича, я немедленно разъяснил бы, что такой суд не может иметь места по той причине, что Объединение улан Его Величества входит целиком в Гвард[ейское] объедин[ение], а не отдельные члены его – персонально.

Не снесясь по этому поводу предварительно с полковым объединением, судить полноправного члена его являлось невозможным.

Главным заинтересованным лицом в данном случае был не генерал Носович, а все Объединение улан Его Величества.

Уланы резко разграничивают два эпизода в деле генерала Носовича.

1) Первый, касающийся Инвалидного дома в Ницце, – абсолютно не имеет отношения к уланскому объединению.

2) Второй, клевета на генерала Носовича как о “сотруднике Троцкого большевика”, непосредственно касается нашего объединения.

²⁵ В документе – резкой.

²⁶ В документе – суровой.

²⁷ В документе – вынесенное.

Для сведения своих личных счетов с генералом Носовичем Союз инвалидов объявляет его “сотрудником Троцкого и большевиком”, распространяя эту клевету в своем бюллетене № 13–14, приводя крайне неудачно, как документ, книгу писателя Гуля, известного в своем прошлом своими левыми взглядами и враждебным отношением к офицерству императорской России. Игнорируя, будучи осведомлено о том, что в действительности произошло почти полвека тому назад.

39 лет тому назад 6 улан²⁸ Е[го] В[еличества] прибыли в ноябре 1917 года на Дон и формировали 1-й кавалерийский дивизион Добровольческой армии, названный дивизионом полковника Гершельмана, принимавший²⁹ участие в первом Кубанском походе.

19 офицеров улан Его Величества убиты в Гражданскую войну.

Когда генерал Носович в обстановке исключительно драматичной перешел на фронт донских казаков, вскоре после второго Кубанского похода, еще в тот период борьбы Белого движения, когда кровавая взаимная ненависть особенно ярко проявлялась во всех своих крайностях, уланы Его Величества первые были обрадованы, узнав от штаба главнокомандующего, что генерал Носович выполнял миссию центра Белого движения в Москве.

Генерал Носович получает от главнокомандующего назначение в Новороссийск начальником³⁰ всего Черноморского побережья, и ему поручается борьба с “зелеными”.

38 лет спустя Союз инвалидов помещает вышеуказанную клевету в русских газетах Америки.

Генерал Носович посылает по этому поводу Союзу инвалидов заказное письмо (копию при сем прилагаю), написанное в крайне корректной форме, с предложением миролюбиво ликвидировать все возникшее недоразумение. Это заказное письмо было принято Союзом инвалидов, но союз не счел нужным ответить на него, иначе говоря, оставив в силе свою клевету.

Прождав положенный срок, представленный по французским законам о подаче жалоб о “диффамации”, не получив никакого ответа, генерал Носович подает в суд.

²⁸ Цифра неразборчива из-за угасающего текста.

²⁹ В документе – принимавшем.

³⁰ В документе – начальника.

Экстренное собрание Гвардейского объединения осложнило 26 мая все дело, тем более, что адвокаты противных сторон в это время вели переговоры о миролюбивой ликвидации всего дела».³¹

Носович суд выиграл, Вальца обвинили в диффамации (клевете), но от денежного штрафа освободили. Конфликт разбирали на соединенном собрании правления и суда чести общества взаимопомощи бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища 31 августа 1957 г. в Париже в помещении 1-го отдела Русского общевойскового союза (Носович являлся вахмистром эскадрона училища выпуска 1899 г., а корнет Вальц – выпускником 1917 г.). Общество взаимопомощи пыталось дистанцироваться от действий Носовича в его борьбе с Союзом русских военных инвалидов во Франции. Отмечалась и некорректность письма Носовича, содержавшего требования к суду чести. Также на заседании было обращено внимание на необоснованное представление адвокатом Носовича своего подзащитного на суде как представителя великого князя Владимира Кирилловича (ранее Носович трижды извещался канцелярией великого князя о том, что все представительства ликвидированы в 1941 г.) и «председателя конницы на юге Франции». В итоге Носовича исключили из общества (лишь один из голосовавших был против). В то же время на собрании корнету Вальцу поставили на вид его выступление против старших товарищей по училищу. Была отмечена и его клевета на Носовича.

Отсутствовавший Носович обжаловал это решение, поскольку заочного суда чести не существовало, как и соединенного собрания правления и суда чести, а также по ряду других процедурных нюансов. В общей сложности он выявил нарушение 12 пунктов правил суда чести. В итоге председатель правления генерал-майор А. А. Губин постановление аннулировал.

В письме Губину от 31 октября 1957 г. Носович просил того «прочитать прилагаемое письмо от 26 окт[ября] 1957 г. консула г. Царицына господина С. Шарбо, ныне живущего в г. Париже и с интересом следящего за делом “клеветы” корн[ета] Вальца по книге Гуля (советского писателя), читающего эту книгу на всех военных собраниях с собственными комментариями в “моем отсутствии” – и делающего доклады о событиях в 1918 г., где участниками этих событий были я и французский консул С. Шарбо.

Уведомляю всех присутствующих, что я очень был бы рад видеть всех желающих узнать правду о событиях 1918 года от меня и от консула Шарбо,

³¹ НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

который мне не откажет присутствовать на моем докладе, до моего отъезда из Парижа, предполагаю таковой доклад сделать [в] воскресенье 17-го ноября. О точном дне уведомя желаящим меня о чем-либо запросить: мой адрес...»³². Письмо содержало постскриптом: «Прошу ознакомить собрание и с бумагами франц[узских] военных миссий».³³

Не углубляясь в детали конфликта вокруг Союза русских военных инвалидов во Франции, отметим, что это разбирательство сохранило для нас важные документы французской стороны о подпольной антибольшевистской работе генерала А. Л. Носовича в рядах РККА в 1918 г. И хотя эти документы представлены в копиях и исходили от самого Носовича, думается, они заслуживают доверия. В сочетании с подлинным документом французской военной миссии 1918 г. они являются независимым доказательством ведения генералом А. Л. Носовичем антибольшевистской подпольной работы в 1918 г. в рядах Красной армии.

³² НИА. М. Blinov collection. Box 12. Folder 10.

³³ Там же.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Гагкуев Р. Г. *д.и.н., главный редактор корпорации «Российский учебник», ведущий научный сотрудник ИРИ РАН*
- Галлямова Л. И. *д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН*
- Ганин А. В. *д.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН*
- Голдин В. И. *д.и.н., профессор кафедры регионоведения и международных отношений САФУ им. М.В. Ломоносова*
- Давыдов А. Ю. *д.и.н., профессор кафедры русской истории РГПУ им. А. И. Герцена*
- Икэда Ёсиро. *экстраординарный профессор Токийского университета, Япония*
- Иоффе Г. З. *д.и.н., профессор, Монреаль, Канада*
- Калашников В. В. *д.и.н., профессор кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Колоницкий Б. И. *д.и.н., ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН, профессор Европейского университета*
- Назаренко К. Б. *д.и.н., профессор кафедры источниковедения истории России Института истории СПбГУ*
- Николаев А. Б. *д.и.н., заведующий кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена*
- Поршнева О. С. *д.и.н., заведующая кафедрой истории и социальных дисциплин УрГИ УрФУ*
- Посадский А. В. *д.и.н., профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления им. П.А. Столыпина*
- Пученков А. С. *д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ*
- Рабинович А. Е. *почетный профессор Индианского университета, США; ассоциированный научный сотрудник СПб ИИ РАН*
- Розенберг У. Г. *профессор Мичиганского университета, США*

- Смолин А. В. *д.и.н., профессор кафедры Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ*
- Солдатенко В. Ф. *д.и.н., член-корреспондент НАН Украины, главный научный сотрудник ИПиЭИ им. И. Ф. Кураса НАН Украины*
- Соловьев К. А. *д.и.н., профессор факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник ИРИ РАН.*
- Стейнберг М. Д. *профессор Университета Иллинойса в Урбана-Шампэйн*
- Стогов Д. И. *к.и.н., доцент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Узлова И. В. *к.и.н., заведующая кафедрой истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Фельдман М. А. *д.и.н., профессор кафедры теории и истории государства и права, Уральского института управления РАНХиГС*
- Цветков В. Ж. *д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ*
- Чураков Д. О. *д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ*
- Шелохаев В. В. *д.и.н., главный научный сотрудник Институт истории РАН, Москва*
- Шишкин В. И. *д.и.н., профессор, зав. сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН, Новосибирск*

ЭПОХА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Проблемы истории и историографии

Подписано в печать 29.10.2019. Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печ. л. 27.00
Тираж 200 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Профессора Попова, 5

197376 Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, д.5
СПбГЭТУ «ЛЭТИ», кафедра истории, культуры, государства и права